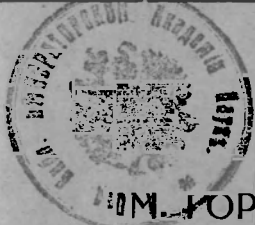

444. Числ 7-8.

ІЮЛЬ 1916 ПТРС.

АБОПИСЬ

35

СОДЕРЖАНІЕ:

М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ. ♦ ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга. ♦ А. ВЫСОЦКІЙ. Его родина. ♦ ИВ. БУНИНЪ. Стихотворенія. ♦ ПЬЕРЪ МИЛЛЬ. Монархъ. ♦ Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. ♦ ИВ. ФИЛИПЧЕНКО. Стихотвореніе. ♦ Письма Н. И. ПИРОГОВА. ♦ Н. КАБЛУКОВЪ. Вліяніе профессиональныхъ союзовъ рабочихъ на развитіе производительныхъ силъ страны. ♦ П. ЮШКЕВИЧЪ. Принципъ относительности и новое ученіе о времени. ♦ А. БОГДАНОВЪ. Міровые кризисы, мирные и военные. ♦ ВИЛЬЯМЪ СИМПЛЬТОНЪ. Письма знатнаго иностранца. ♦ А. ЕРМАНСКІЙ. Политическіе отклики. ♦ Г. ЗЕЗЕМАНЪ. Наша валюта. ♦ В. КЕРЖЕНЦЕВЪ. Ирландская трагедія. ♦ Р. ГРИГОРЬЕВЪ. Письмо изъ Рима. ♦ БИБЛІОГРАФІЯ.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА, имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣлъ

„TABACS et CIGARETTES de LUXE“:

Sphinx, Khedive, Classic, — Англійскіе табаки.

CIGARES de la HAVANE — Importation directe.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„САФО“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„DARLING“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„АДА“ $\frac{10 \text{ шт.}}{10 \text{ к.}}$

„ДЯДЯ КОСТЯ“ $\frac{10 \text{ шт.}}{10 \text{ к.}}$

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
ПЕТРОГРАДЪ: Невскій пр., 24. МОСКВА, Кузнецкій м., д. 1-го Рос. Страх. О-ва.

Т-во А. Н. Богдановъ и Ко.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за «ЛѢТОПИСЬ» сего 1916 г., къ 1 июля слѣдовало внести всю годовую плату полностью. Гг. подписчики, не внесшіе всей платы, благоволятъ поэтому озаботиться немедленно присылкою послѣдняго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала. Гг. иногородніе подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ и непременно указать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прислать 30 коп. и печатный адресъ.

Контора журнала „ЛѢТОПИСЬ“.

Петроградъ, Б. Монетная, 18.

12779

АБОПИСЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ

№ 7

12772

ЮЛЬ

1916

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ	5
II. ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга	23
III. А. ВЫСОЦКІЙ. Его родина	50
IV. ИВ. БУНИНЪ. Стих. Мулы. Эллада	73
V. ПЬЕРЪ МИЛЛЬ. Монархъ. Авт. пер. Н. Тасина	75
VI. Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. Авт. пер. М. Ликтардопуло	103
VII. ИВАНЪ ФИЛИПЧЕНКО. Стих. Праздникъ солнца	161
VIII. С. ШТРАЙХЪ. Письма Н. И. Пирогова	163
IX. Н. КАБЛУКОВЪ. Вліяніе профессиональныхъ сою- зовъ рабочихъ на развитіе производительныхъ силъ страны	184
X. П. ЮШКЕВИЧЪ. Принципъ относительности и но- вое ученіе о времени	204
XI. А. БОГДАНОВЪ. Мировые кризисы, мирные и военные	214
XII. ПО РОССИИ. — В. СИМПЛЬТОНЪ. Письма знат- наго иностранца	239
XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — А. ЕРМАН- СКІЙ. Политическіе отклики. Г. ЗЕЗЕМАНЪ. Наша валюта	256
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. В. КЕРЖЕН- ЦЕВЪ. Ирландская трагедія. РАФ. ГРИГОРЬЕВЪ. Бытовые штрихи. (Письмо изъ Рима).	277
XV. БИБЛІОГРАФІЯ.	
Д. ВЫГОДСКІЙ. Е. Кузьмина-Караваева. «Рубль». ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. 25 Альманахъ «Шинь- ника». Д. В. НАДЕЖДА САНЖАРЬ. «Записки Анны», Ея же «Заколдованная». Ея же. «По своему». Д. ВЫ- ГОДСКІЙ. «Пушкинисты». Р. АРСЕНЬ. М. Павло-	

внчъ. «Смерть Жореса». А. К.—Въ. А. Н. Пыпинъ. «Русское масонство XVIII и I четв. XIX вѣка» А. НИКИТСКІЙ. Я. М. Букшпанъ. «Проблема чайной монополии и мировой чайный рынокъ»	307
XVI. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ	317
XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	318

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи переписанными на пишущей машинкѣ, или совершенно четко перомъ.

Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи—по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря—по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

Статья М. Лурье: «Попытки международного общенія», не могла появиться по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

ТИПОГРАФІЯ
Акционернаго О-ва Издательск. Дѣла
«КОПЪИКА».
Петроградъ, Сайкинъ пер., 6, собств. домъ

*Перепечатка воспрещается. Право
на переводъ принадлежитъ автору.*

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

(Продолженіе). *

ХІ.

Я снова посудникомъ на пароходѣ «Пермь», бѣломъ, какъ лебедь, просторномъ и быстромъ. Теперь я «черный» посудникъ, или «кухонный мужикъ», я получаю семь рублей въ мѣсяцъ, моя обязанность — помогать поварамъ.

Буфетчикъ, круглый и надутый спѣсью, лысъ, какъ мячъ; заложивъ руки за спину, онъ цѣлые дни тяжело ходить по палубѣ, точно боровъ въ знойный день ищетъ тѣнистый уголь. Въ буфетѣ красуется его жена, дама лѣтъ за сорокъ, красивая, но измятая, напудренная до того, что со щекъ ея осыпается на яркое платье бѣлая липкая пыль.

Въ кухнѣ воеводитъ дорогой поваръ Иванъ Ивановичъ, по прозвищу Медвѣженокъ, маленькій, полненькій, съ ястребинымъ носомъ и насмѣшливыми глазами. Онъ — щеголь, носитъ крахмальные воротнички, ежедневно брѣтся, щечки у него синія, темные усы подкручены вверхъ; въ свободныя минуты онъ непрерывно беспокоитъ усы, поправляя печеными красными пальцами, и все смотритъ на нихъ въ круглое ручное зеркальце.

Самый интересный человекъ на пароходѣ — кочегаръ Яковъ Шумовъ, широкогрудый, квадратный мужикъ. Курносое лицо его плоско, точно лопата, медвѣжьи глазки спрятаны подъ густыми бровями, щеки—въ мелкихъ колечкахъ волосъ, похожихъ на болотный мохъ, на головѣ эти волосы сваялись плотной шапкой, онъ съ трудомъ просовываетъ въ нихъ кривые пальцы.

Онъ ловко игралъ въ карты на деньги и удивлялъ своимъ обжорствомъ; какъ голодная собака, онъ постоянно терся около кухни, выпрашивая куски мяса, кости, а по ве-

* См. «Лѣтопись» №№ I—VI за 1916 г.

черамъ пилъ чай съ Медвѣженкомъ и разсказывалъ про себя удивительныя истории.

Съ молоду онъ былъ подпаскомъ у городского пастуха въ Рязани, потомъ прохожій монахъ сманилъ его въ монастырь; тамъ онъ четыре года послушничалъ.

— И быть бы мнѣ монахомъ, черной Божьей звѣздой,— скороговоркой балагурилъ онъ, — только пришла къ намъ въ обитель богомолочка изъ Пензы — забавная такая, да и сомутила меня: экой ты ладной, экой крѣпкой, а я, баеть, честная вдова, одинокая, и шелъ бы ты ко мнѣ въ дворники, у меня, баеть, домикъ свой, а торгую я птичьимъ пухомъ и перомъ...

— Ладно-о, она меня — въ дворники, я къ ней — въ любовники, и жилъ около ея теплаго хлѣба года съ три время...

— Смѣло врешь, — прерываетъ его Медвѣженокъ, озабоченно разглядывая прыщички на своемъ носу. — Кабы за ложь деньги платили — быть бы тебѣ въ тысячахъ!

Яковъ жуеть, по слѣпому его лицу двигаются сивыя колечки волосъ, — шевелятся мохнатые уши; выслушавъ замѣчаніе повара, онъ продолжаетъ такъ же мѣрно и быстро.

— Была она меня старше, стало мнѣ съ ней скушно, стало мнѣ нудно и связался я съ племянницей ейной, а она про то узнала, да по шеѣ меня со двора-то...

— Это тебѣ награда, — лучше не надо, — говорить поваръ такъ же легко и складно, какъ Яковъ.

Кочегаръ продолжаетъ, сунувъ за щеку кусокъ сахара.

— Проболтался я по вѣтру нѣкоторое время и приснастился къ старичку-володимерцу, офенѣ, и пошли мы съ нимъ сквозь всю землю: на Балканъ-горы ходили, къ самымъ — къ туркамъ, къ румынамъ тоже, ко грекамъ, австріякамъ разнымъ — всѣ народы обошли, у того — купишь, этому — продашь...

— А воровали? — серьезно спрашиваетъ поваръ.

— Старичокъ — ни-ни! И мнѣ сказалъ: въ чужой землѣ ходи честно, тутъ, дескать, такой порядокъ, что за пустяки башку оторвутъ. Воровать я — вѣрно — пробовалъ, только — неутѣшно вышло: затѣялъ я у купца коня свести со двора, ну — не сумѣлъ, поймали, начали, конешное дѣло, бить, били-били — въ полицію оттащили. А было насъ — двое, одинъ-то настоящій, законный конокрадъ, а я такъ себѣ, изъ любопытства больше. А у купца этого я работалъ,

печь въ новой банѣ клалъ, и началъ купецъ хворать, тутъ я ему во снѣ приснился нехорошо, испугался онъ и давай просить начальство: отпустите его — это меня, значить, — отпустите его, а то-де онъ во снѣ снится: не простишь ему, баеть, не выздоровѣешь, колдунъ онъ, видно, это — я, стало быть, колдунъ! Н-ну, купецъ, онъ знатный, отпустили меня...

— Тебя-бы не отпустить, а въ воду опустить дня на три, чтобъ изъ тебя дурь вымокла, — вставилъ поваръ. Яковъ тотчасъ подхватилъ его слова:

— Правильно, дури во мнѣ много, прямо сказать — на цѣлую деревню дури во мнѣ...

Запустивъ палецъ за тугой воротничекъ, поваръ сердито оттягиваетъ его, мотая головой и жалуясь съ досадой:

— Какова чушь! Живетъ на землѣ вотъ такой арестантъ, жретъ, пьетъ, шляется, а — къ чему? Ну, скажи, зачѣмъ ты живешь?

Чавкая, кочегаръ отвѣчаетъ:

— Это мнѣ неизвѣстно. Живу и живу. Одинъ — лежитъ, другой — ходитъ; чиновникъ сиднемъ сидитъ, а ѣсть — всякій долженъ.

Поваръ еще болѣе сердится.

— То есть какая ты свинья, что даже — невыразимо! Прямо — свиной кормъ...

— Чего ты ругаешься? — удивляется Яковъ. — Мужики — всѣ одного дуба жолуди. Ты — не ругайся, я вѣдь съ этого лучше никакъ не стану...

Этотъ человѣкъ сразу и крѣпко привязалъ меня къ себѣ, я смотрѣлъ на него съ неизбывнымъ удивленіемъ, слушалъ, разинувъ ротъ. Въ немъ было, какъ я думалъ, какое-то свое, крѣпкое знаніе жизни. Онъ всѣмъ говорилъ — ты, смотрѣлъ на всѣхъ изъ-подъ мохнатыхъ бровей одинаково прямо, независимо, и всѣхъ — капитана, буфетчика, важныхъ пассажировъ перваго класса, какъ-бы выравнивалъ въ одинъ рядъ съ самимъ собою, съ матросами, прислугой буфета и палубными пассажирами.

Бывало — стоитъ онъ передъ капитаномъ или машинистомъ, заложивъ за спину свои длинныя обезьяньи руки, и молча слушаетъ, какъ его ругаютъ за лѣнь, или за то, что онъ безпечно обыгралъ человѣка въ карты, стоитъ, — и, видно, что ругань на него не дѣйствуетъ, угрозы ссадить съ парохода на первой пристани не пугаютъ его.

Въ немъ есть что-то всѣмъ чужое — какъ это было въ

«Хорошемъ дѣлѣ», онъ, видимо, и самъ увѣренъ въ своей особенностях, въ томъ, что люди не могутъ понять его.

Я никогда не видалъ этого человѣка обиженнымъ, задумавшимся, не помню, чтобы онъ долго молчалъ — изъ его мохнатого рта всегда и даже какъ будто помимо его желанія непрерывнымъ ручьемъ текли слова. Когда его ругаютъ или онъ слушаетъ чей-либо интересный разговоръ, губы его шевелятся, точно онъ повторяетъ про себя то, что слышитъ, или тихонько продолжаетъ говорить свое. Каждый день, кончивъ вахту, онъ вылѣзаетъ изъ люка кочегарни, босой, потный, вымазанный нефтью, въ мокрой рубахѣ безъ пояса, съ раскрытой грудью въ густой кудрявой шерсти и тотчасъ по палубѣ растекался его ровный, однозвучный, сиповатый голосъ, сѣялись слова, точно капли дождя.

— Здорово, мать! Куда ѣдешь? Въ Чистополь? Знаю, бывалъ тамъ, у богатаго татарина батракомъ жилъ. А звали татарина Усанъ Губайдулинъ, о трехъ женахъ былъ старикъ, ядреный такой, морда красная. А одна молодуха, за-абавная была татарочка, я съ ней грѣхъ имѣлъ...

Онъ вездѣ — былъ, со всѣми женщинами на своемъ пути имѣлъ грѣхъ; онъ рассказывалъ обо всемъ беззлобно, спокойно, какъ будто никогда въ жизни своей не испыталъ ни обиды, ни поруганія. Черезъ минуту, его рѣчь звучала гдѣ-то на кормѣ.

— Честной народъ, которые — въ карты играютъ? Въ стуколку, въ три листика, въ ремешокъ, эй! Утѣшное дѣло — карта, сидя можно деньги взять, купеческое занятіе...

Я замѣтилъ, что онъ рѣдко говоритъ — хорошо, плохо, скверно, но почти всегда забавно, утѣшно, любопытно. Красивая женщина для него — забавная бабочка, хороший солнечный день — утѣшный денекъ. А чаще всего онъ говорилъ:

— Наплевать!

Всѣ считали его лѣнтяемъ, а мнѣ казалось, что онъ дѣлаетъ свою трудную работу передъ топкой, въ адской, душной и вонючей жарѣ такъ-же добросовѣстно, какъ всѣ, но я не помню, чтобы онъ жаловался на усталость, какъ жаловались другіе кочегары.

Однажды у старухи пассажирки кто-то вытаскилъ кошелекъ съ деньгами; было это яснымъ, тихимъ вечеромъ, всѣ люди жили добродушно и мирно. Капитанъ далъ старухѣ пять рублей, пассажиры тоже собрали между собою сколько-то;

когда деньги отдали старухѣ, она, крестясь и кланясь въ поясъ людямъ, сказала:

— Родимые — тутъ на три цѣлковыхъ съ гривенникомъ лишку вышло противу моихъ-то!

Кто-то весело крикнулъ:

— Бери все, бабка, чего зря звонить? Трешница никогда не лишняя...

Кто-то складно сказалъ:

— Деньги — не люди, лишними не будутъ...

А Яковъ подошелъ къ старухѣ и предложилъ серьезно:

— Давай мнѣ лишнее-то, я въ карты сыграю!

Публика засмѣялась, думая, что кочегаръ шутить, но онъ сталъ настойчиво уговаривать смущенную старуху:

— Давай, бабка! На кой тебѣ деньги? Тебѣ завтра — на погостъ...

Его протнали, изругавъ; онъ, покачивая головою, говорилъ мнѣ съ удивленіемъ:

— Чудакъ народъ! Чего бы путаться въ чужое дѣло? Вѣдь она сама объявила — деньги ей лишнія! А меня-бы трешка утѣшила...

Деньги, должно быть, очень забавляли его своей внѣшностью — разговаривая, онъ любилъ чистить серебро и мѣдь о штаны, а высвѣтливъ монету до блеска и пошевеливая бровями, разглядывалъ ее, держа въ кривыхъ пальцахъ передъ курносимъ лицомъ. Но онъ былъ не жаденъ на деньги.

Однажды онъ предложилъ мнѣ играть съ нимъ въ стуколку, я не умѣлъ.

— Не умѣешь? — удивился онъ. — Какъ же ты? А еще грамотень! Надо тебя обучить. Давай играть въ нарощку, на сахаръ...

Онъ выигралъ у меня полфунта пиленого сахара и все пряталъ куски за мохнатую щеку, потомъ, найдя, что я умѣю уже играть, предложилъ:

— Теперь давай въ серьезъ играть, на деньги! Есть деньги?

— Есть пять рублей.

— А у меня два съ гакомъ.

Разумѣется, онъ живо обыгралъ меня. Желая отыграться, я поставилъ на конъ поддевку въ пять рублей и — проигралъ, поставилъ новые сапоги въ трешницу — тоже проигралъ. Тогда Яковъ сказалъ мнѣ недовольно, почти сердито:

— Нѣтъ, ты играть не можешь, больно горячъ — сейчасъ поддевку долой, сапоги! Это мнѣ не надо. На-ко, возьми обратно одежду и деньги возьми, четыре цѣлковыхъ, а рубль — мнѣ за науку... Ладночи?

Я былъ очень благодаренъ ему.

— Наплевать! — сказала онъ, въ отвѣтъ на мои благодарности. — Игра, это — игра, забава, значить, а ты словно въ драку лѣзешь. Горячиться и въ дракѣ не надо — бей съ расчетомъ! Чего тамъ горячиться? Ты — молодой, долженъ держать себя крѣпко. Разъ — не удалось, пять — не удалось, семь — плюнь! Отойди. Простынешь — опять валяй! Это — игра!

Мнѣ онъ все болѣе нравился и не нравился. Иногда его рассказы напоминали бабушку. Было въ немъ много чего-то, что привлекало меня, но — рѣзко отталкивало его густое, видимо на всю жизнь устоявшееся, равнодушье къ людямъ.

Какъ-то разъ, на закатѣ солнца, пьяный пассажиръ второго класса, дородный купецъ-пермякъ упалъ за бортъ и барахтаясь, поплылъ по красно-золотой водной дорогѣ. Машину быстро застопорили, пароходъ остановился, пустивъ изъ-подъ колесъ облако пѣны, красные лучи заката окровавили ее; въ этой кипящей крови, уже далеко за кормой, бултыхалось темное тѣло, раздавался по рѣкѣ дикій крикъ, потрясавшій душу. Пассажиры тоже юрали, толкаясь, наваливаясь на борта, сгрудившись на кормѣ. Товарищъ утопавшаго — тоже пьяный, рыжій и лысый — билъ всѣхъ кулаками, порываясь къ борту, и рычалъ:

— Прочь! Я его сейчасъ достигну...

Уже двое матросовъ бросились въ воду и саженками плыли къ утопавшему, съ кормы спускали шлюпку, а среди криковъ команды, визга женщинъ, спокойной и ровной струйкой растекался сиповатый голосъ Якова:

— Уто-онеть, все едино утоңетъ, потому — поддевка на немъ! Въ длинной одежѣ — обязательно утонешь. Напримѣрно — бабы, отчего онѣ скорѣе мужика тонуть? Отъ юбокъ. Баба, какъ попала въ воду, такъ сейчасъ и на дно, гирей-пудовкой... Смотрите — вотъ и потонулъ, я зря не скажу...

Купецъ, дѣйствительно, потонулъ, его искали часа два и не нашли. Товарищъ его, отрезвѣвъ, сидѣлъ на кормѣ и, стдуваясь, жалобно бормоталъ:

— Ну, вотъ, доѣхали-и! Какъ теперь быть, а? Что роднымъ-то скажу, а? Родные у него...

Яковъ всталъ передъ нимъ, спрятавъ руки за спину, и началъ утѣшать:

— Ничего, купецъ! Никто вѣдь не знаетъ, гдѣ ему заказано помереть. Иной человѣкъ поѣстъ грибовъ, да хватъ — и померъ! Тыщи людей приѣдять на здоровье, а одинъ — на смерть! А — что грибы?

Широкій, крѣпкій, онъ жерновомъ стоялъ передъ купцомъ и сыпалъ на него слова, какъ отруби. Сначала купецъ молча плакалъ, отирая слезы съ бороды широкими ладонями, но прислушавшись, взвылъ:

— Лѣший! Что ты изъ меня душеньку тянешь? Православные, уберите его, а то-прѣхъ будетъ!

Яковъ, спокойно отходя, сказалъ:

— Чудакъ народъ! Къ нему — съ добромъ, а онъ — коломъ...

Иногда кочегаръ казался мнѣ дурачкомъ, но чаще я думалъ, что онъ нарочно притворяется глупымъ. Мнѣ упрямо хотѣлось выспросить его о томъ, какъ онъ ходилъ по землѣ, что видѣлъ, но это плохо удавалось; закидывая голову вверхъ, чуть приоткрывъ медвѣжьи темные глаза, онъ глядиль рукою мшистое свое лицо и тянулъ, вспоминая:

— Народишку вездѣ, братокъ, вездѣ — просто, какъ муравья! И тамъ народъ, и тутъ, — суета, я те скажу! Болѣ всего, конечно, крестьянъ, — прямо засыпана земля мужикомъ, какъ осеннимъ листомъ, скажемъ. Болгары? Видаль болгаровъ, и грековъ тоже, а то — сербей, румынцевъ тоже и всякихъ цыганъ — много ихъ, разныхъ! Какой народъ? Да вѣдь какой-же? Въ городахъ — городской, въ деревняхъ — деревенской, совсѣмъ какъ у насъ. Схожести много. Которые даже говорятъ по нашему, только плохо, какъ, напримерно, татаре, али мордва. Греки не могутъ по нашему, они лопочутъ какъ попало, говорятъ будто слова, а что — къ чему — нельзя понять. Съ ними надо на пальцахъ говорить. А старичекъ мой — онъ прикидывался, что быдто и грековъ понимаетъ, бормочетъ — карамара, да калимера. Хитрый былъ старичекъ, здорово калилъ ихъ!.. Опять ты спрашиваешь — какіе? Чудакъ, какіе же люди могутъ быть? Ну, конечно, черные они, и румыне тоже черные, это одна вѣра. Болгаре — тоже черные, ну, эти вѣрують по нашему. А греки — это вродѣ турковъ...

Мнѣ казалось, что онъ говорить не все, что знаетъ; есть у него еще что-то, о чемъ онъ не хочетъ сказать.

По картинамъ журналовъ я зналъ, что столица Греции Афины — древнѣйшій и очень красивый городъ, но Яковъ, сомнительно покачивая головой, отвергалъ Афины.

— Это тебѣ наврали, братокъ, Афиновъ — нѣту, а есть — Афонъ, только что не городъ, а гора и на ней — монастырь. Болѣ ничего. Называется: Святая гора Афонъ, такія картинки есть, старикъ торговалъ ими. Есть городъ Бѣлгородъ, стоитъ на Дунай-рѣкѣ, вродѣ Ярославля, али-бо Нижняго. Города у нихъ не казисты, а вотъ деревни — другое дѣло! Бабы тоже, ну, бабы просто до смерти утѣшны. Изъ-за одной я чуть не остался тамъ, — какъ, бишь, ее звали?

Онъ крѣпко третъ ладонями слѣпое лицо, жесткіе волосы тихонько хрустятъ, въ горлѣ у него, глубоко гдѣ-то, звучитъ смѣхъ, напоминая бряканье разбитаго бубенчика.

— Забывчивъ человекъ! А вѣдь какъ мы съ ней, бывало... Прощалась она — плакала, и я плакалъ даже, ей Бо-о...

Онъ со спокойнымъ безстыдствомъ начиналъ поучать меня, какъ нужно обращаться съ женщинами.

Мы сидимъ на кормѣ, теплая лунная ночь плыветъ навстрѣчу намъ, луговой берегъ едва виденъ за серебряной водою, съ горнаго — мигаютъ желтые огни, какія-то звѣзды, плѣненные землею. Все вокругъ движется, бессонно трепещетъ, живетъ тихою, но настойчивой жизнью. Въ милую, грустную тишину падаютъ сиповатыя слова:

— Бывало, раскинетъ руки, распнется...

Разсказъ Якова безстыденъ, но не противенъ, въ немъ нѣтъ хвастовства, въ немъ нѣтъ жестокости, а звучитъ что-то простодушное и немножко печали. Луна въ небѣ тоже безстыдно гола и такъ же волнуется, заставляя грустить о чемъ-то. Вспоминается только хорошее, самое лучшее — Королева Марго и незабвенные свою правдой стихи:

— Только пѣснѣ нужна красота,
Красотѣ-же — и пѣсни не надо...

Страхивая съ себя это мечтательное настроеніе, какъ легкую дремоту, я снова выпрашиваю кочегара о его жизни, о томъ, что онъ видѣлъ.

— Чудакъ ты, — говоритъ онъ, — чего-же тебѣ ска-

зять? Я все видѣлъ. Спроси: монастыри видѣлъ? Видѣлъ. А трактиры? Тоже видѣлъ. Видѣлъ господскую жизнь и мужицкую. Жиль сыто, жиль и голодно...

Медленно, точно переходя глубокой ручей по зыбкому, спасному мосту, онъ вспоминаетъ:

— Ну, вотъ, на примѣрно, сижу я въ части, за конокрадство — будетъ мнѣ Сибирь, думаю! А квартальный — ругается, печи у него дымать въ новомъ домѣ. Я говорю: это дѣло я, ваше благородіе, могу поправить. Онъ — на меня — молчать! Тутъ, баесть, самолучшій мастеръ ничего не могъ... А я ему: случается, что и пастухъ умнѣе генерала — я тогда осмѣлъ очень ко всему, все едино — впереди Сибирь! Онъ говорить: валяй, ну, говорить, если еще хуже буде — я-те кости въ дробь истолку! Въ двое сутокъ я ему дѣло наладилъ — удивляется квартальный, кричить: ахъ, ты, дуракъ, болванъ! Вѣдь ты — мастеръ, а ты — коней крадешь, какъ это? Я ему баю: это, молъ, ваше благородіе, просто глупость. Вѣрно, говорить, глупость, жалко, говорить, мнѣ тебя! Да. Жалко, дескать. Видалъ? Полицейскій человекъ, по должности своей безжалостный, а вотъ, пожалѣлъ...

— Ну, и что-же? — спрашиваю я.

— Ничего. Пожалѣлъ. А чего еще?

— Чего-жъ тебя жалѣть, ты вонъ какой камень!

Яковъ добродушно смѣется:

— Ч-чудака! Камень, говорить, а? А ты и камень сумѣи пожалѣть, камень тоже своему мѣсту служить, камнемъ улицы мостятъ. Всякой матеріалъ жалѣть надо, зря ничего не лежитъ. Что есть песокъ? А и на немъ растутъ былинки...

Когда кочегаръ говорить такъ, мнѣ особенно ясно, что онъ знаетъ что-то непостижимое для меня.

— Что ты думаешь о поварѣ? — спрашиваю я.

— Про Медвѣженка-то? — равнодушно говорить Яковъ. — Что про него думать? Тутъ думать вовсе нечего.

Это вѣрно. Иванъ Ивановичъ такой строго правильный, гладкій, что мысль не можетъ зацѣпиться за него. Въ немъ интересно только одно: онъ любитъ кочегара, всегда ругаетъ его и всегда приглашаетъ его пить чай.

Однажды онъ сказалъ ему:

— Кабы стояло крѣпостное право, да былъ-бы я твой баринъ — я-бы те, дармоѣда, каждую недѣлю по семи разъ поролъ!

Яковъ серьезно замѣтилъ:

— Семь разовъ — многолько!

Ругая кочегара, поваръ зачѣмъ-то кормить его всякой всячиной; грубо сунеть ему кусокъ и скажетъ:

— Жри!

Яковъ не торопясь жуеть и говоритъ:

— Множество силы накоплю я черезъ тебя, Иванъ Ивановичъ!

— А куда тебѣ, лѣнтяю, сила?

— Какъ куда? Жить буду долго...

— Да зачѣмъ тебѣ жить, лѣшій!

— И лѣшій живетъ. Али, скажешь, не забавно жить-то? Жить, Иванъ Ивановичъ, утѣшно очень...

— Экой едіотъ!

— Чего это?

— Е-ді-отъ.

— Вона какое слово, — удивляется Яковъ, а Медвѣжникъ говоритъ мнѣ:

— Вотъ, сообрази: мы кровь сочимъ, кости сушимъ въ адовой жарѣ у плиты, а онъ — на вотъ, жуеть себѣ, какъ боровъ!

— Всякому своя судьба, — говоритъ кочегаръ, пережевывая пищу.

Я знаю, что передъ толпой тяжелѣе и жарче работать, чѣмъ у плиты, я нѣсколько разъ по ночамъ пытался «шуровать» вмѣстѣ съ Яковомъ, и мнѣ странно, что онъ почему-то не хочетъ указать повару на тяжесть своего труда. Нѣтъ, этотъ человѣкъ знаетъ что-то особенное...

Его всѣ ругали, капитанъ, машинистъ, боцманъ, всѣ — кому не лѣнь, и было странно: почему его не рассчитаютъ? Кочегары относились къ нему замѣтно лучше другихъ людей, хотя и высмѣивали за болтовню, за игру въ карты. Я спрашивалъ ихъ:

— Яковъ — хорошій человѣкъ?

— Яковъ-то? Ничего. Онъ — безобидный, съ нимъ что лошъ дѣлай, хоть каменные угли за пазуху ему клади...

При тяжеломъ трудѣ у котловъ и при его лошадиномъ аппетитѣ, кочегаръ спалъ очень мало — смѣняется съ вахты и, часто не переодѣваясь, потный, грязный, торчитъ всю ночь на кормѣ, бесѣдуя съ пассажирами или играя въ карты.

Онъ стоялъ предо мною, какъ запертый сундукъ, въ которомъ, я чувствовалъ, спрятано нѣчто необходимое мнѣ, и я упрямо искалъ ключа, который отперъ бы его.

— Чего ты, братокъ, добиваешься, не могу я понять? — справлялся онъ, разглядывая меня невидимыми изъ-подъ бровей глазами. — Ну, земля, ну, дѣйствительно, что обошелъ я ее много, а еще что? Ч-чудакъ! Я те, вотъ лучше послушай, расскажу, что одна со мной было. — И рассказываетъ: жилъ-былъ гдѣ-то въ уѣздномъ городѣ молодой судья, чачоточный, а жена у него — нѣмка, здоровая, бездѣтная. И влюбилась нѣмка въ краснорядца-купца; купецъ — женатый, жена — красивая, трое дѣтей. Вотъ купецъ замѣтилъ, что нѣмка влюбилась въ него и затѣялъ посмѣяться надъ нею: позвалъ ее къ себѣ въ садъ ночью, а самъ пригласилъ двоихъ прятелей и спряталъ ихъ въ саду, въ кустахъ.

— Чудесно! Ну, пришла нѣмка, то да се, я — вотъ она, дескать, вся тутъ! А онъ ей говорить: я тебѣ, барыня, не могу отвѣчать, я — женатый, а вотъ шрипасъ я для тебя двухъ прятелей, такъ они — одинъ вдовъ, другой холостой. Нѣмка — ахъ! — да какъ хлописнетъ его по харѣ, онъ — опрокинулся черезъ скамью, а она его, въ морду-то, башмакомъ, да каблукомъ! А я ее провожалъ, — я дворникомъ былъ у судьи; гляжу въ щель, сквозь заборъ — вижу кипить похлебка. Тутъ выскочили прятатели на нее, да — за косы, а я перемахнулъ черезъ заборъ, растолкалъ ихъ, — эдакъ, баю, нельзя, господу купцы! Барыня къ нему со всей душой, а онъ придумалъ срамно. Увелъ ее, а они мнѣ кирличемъ голову пришибли... Затосковала она, ходитъ по двору сама не своя и говорить мнѣ: уѣду я къ своимъ, къ нѣмцамъ, Яковъ, какъ только мужъ помретъ — уѣду! Я говорю: конечно, надо уѣзжать! Померъ судья, и уѣхала она. Ласковая была, разумная такая. И судья тоже ласковый былъ, упокой Господи...

Недоумѣвая, не понимая смысла этой исторіи, я молчу. Чувствую въ этомъ что-то знакомое, уже бывшее, безжалостное, нелѣпое, но — что сказать?

— Хороша исторія? — спрашиваетъ Яковъ.

Я что-то говорю, возмущенно ругаюсь, но онъ спокойно объясняетъ:

— Люди сытые, всѣмъ довольны; ну, иной разъ хочется пошутить, а не выходить у нихъ шутка, не умѣютъ, будто. Люди серьезные, торговые, конечно. Торговля требуетъ немалого ума; умомъ жить, поди-ка, скушно, вотъ и захочется побаловать.

За кормою, вся въ пѣнѣ, быстро мчится рѣка, слышно

кипящие бѣгущей воды, черный берегъ медленно провожаетъ ее. На палубѣ храпятъ пассажиры, между скамей, — между сонныхъ тѣлъ, — тихо двигается, приближаясь къ намъ, высокая, сухая женщина въ черномъ платьѣ, съ открытой, сѣдой головою, — кочегаръ, толкнувъ меня плечомъ, говорить тихонько:

— Гляди — тоскуеть...

И мнѣ кажется, что чужая тоска забавляетъ его.

Разсказывалъ онъ много, я слушалъ его жадно, хорошо помню всѣ его разсказы, но — не помню ни одного веселаго. Онъ говорилъ болѣе спокойно, чѣмъ книги — въ книгахъ я часто слышалъ чувство писателя, его гнѣвъ, радость, его печаль, насмѣшку. Кочегаръ — не смѣялся, не осуждалъ, ничто не обижало его и не радовало замѣтно; онъ говорилъ, какъ равнодушный свидѣтель передъ судьей, какъ человѣкъ, которому одинаково чужды обвиняемые, обвинители, судьи... Это равнодушие вызывало у меня все болѣе злую тоску, будило чувство сердитой неприязни къ Якову.

Жизнь горѣла передъ нимъ, какъ огонь въ топкѣ подъ котлами, онъ стоялъ передъ топкой съ деревяннымъ молоткомъ въ корявой медвѣжьей лапѣ и тихонько стучалъ по крану форсунки, убавляя или прибавляя топлива.

— Обижали тебя?

— Кто-жъ меня обидитъ? Я вѣдь сильный, какъ дамъ разал..

— Я не про побои, а душу — обижали?

— Душу нельзя обидѣть, душа обиды не принимаетъ, — говоритъ онъ. — Души человѣческой никакъ не коснешься, ничѣмъ...

Палубные пассажиры, матросы, всѣ люди говорили о душѣ такъ же много и часто, какъ о землѣ, работѣ, о хлѣбѣ и женщинахъ. Душа — десятое слово въ рѣчахъ простыхъ людей, слово ходовое, какъ пятакъ. Мнѣ не нравится, что слово это такъ прижилось на скользкихъ языкахъ людей, а когда мужики матерщинничаютъ, злобно и ласково, поганя душу — это бьетъ меня по сердцу.

Я очень помню, какъ осторожно говорила бабушка о душѣ, таинственномъ вмѣстелищѣ любви, красоты, радости, я вѣрилъ, что послѣ смерти хорошаго человѣка, бѣлые ангелы относятъ душу его въ голубое небо, къ доброму Богу моей бабушки, а Онъ ласково встрѣчаетъ ее:

— Что, моя милая, что, моя чистая — настрадалась, намаялась?

И даетъ душѣ серафимовы крылья, — шесть бѣлыхъ крылій.

Яковъ Шумовъ говоритъ о душѣ такъ же осторожно, мало и неохотно, какъ говорила о ней бабушка. Ругаясь, онъ не задѣвалъ душу, а когда о ней разсуждали другіе, молчалъ, согнувъ красную бычью шею. Когда я спрашиваю его — что такое душа? — онъ отвѣчаетъ:

— Духъ, дыхание Божіе...

Мнѣ мало этого, я спрашиваю еще о чемъ-то, тогда кочегарь, наклонивъ голову, говоритъ:

— О душѣ, братокъ, и попы мало понимаютъ, это дѣло закрытое...

Онъ держитъ меня въ постоянныхъ думахъ о немъ, въ упорномъ напряженіи понять его, но это напряженіе безуспѣшно. Кромѣ того, я ничего не вижу, онъ все заслоняетъ отъ меня своей широкой фигурой.

Ко мнѣ подозрительно ласково относится буфетчица, — утромъ я долженъ подавать ей умываться, хотя это обязанность второклассной горничной Луши, чистенькой и веселой дѣвушки. Когда я стою въ тѣсной каютѣ, около буфетчицы, по поясъ голой, и вижу ея желтое тѣло, дряблѣе, какъ перекишеное тѣсто, вспоминается литое, смуглое тѣло Королевы Марго и — мнѣ противно. А буфетчица все говоритъ о чемъ-то, то жалобно и ворчливо, то сердито и насмѣшливо.

Смыслъ ея рѣчей не доходитъ до меня, хотя я какъ-бы издали догадываюсь о немъ — это жалкій, нищенскій, стыдливый смыслъ. Но я не возмущаюсь, — я живу далеко отъ буфетчицы и ото всего, что дѣлается на пароходѣ, я — за большимъ мохнатымъ камнемъ, онъ скрываетъ отъ меня весь этотъ міръ, день и ночь плывущій куда-то.

— Совсѣмъ влюбилась въ тебя наша Гавриловна, — какъ сквозь сонъ слышу я насмѣшливыя слова Луши. — Разѣвай ротъ, лови счастье...

Не только она высмѣиваетъ меня, вся буфетная прислуга знаетъ о слабости хозяйки, а поваръ говоритъ, морщась:

— Всего баба покушала — пирожнаго захотѣла, безе! М-народъ... Гляди, Пѣшковъ, въ оба, а зри — въ три...

И Яковъ тоже внушаетъ мнѣ отечески дѣловито:

— Конечно, ежели бы ты былъ лѣта на два старше, ну, я бы те сказалъ иначе какъ, а теперь, при твоихъ годахъ — лучше, пожалуй, не сдавайся! А то — какъ хошь...

— Брось, — говорю я, — пакость это...

— Конечно...

Но тотчасъ-же — пытаюсь растрепать пальцами свалившіеся волосы на головѣ — съѣтъ свои кругленькія слова:

— Ну, тоже и ея дѣло надо понять, это дѣло — скудное, дѣло зимнее... И собака любить, когда ее гладятъ, того болѣ — человѣкъ! Баба живетъ лаской, какъ грибъ сыростью. Ей, поди, самой стыдно, а — что дѣлать? Тѣло проситъ холи и — ничего болѣ...

Я спрашиваю, съ напряженіемъ глядя въ его неуловимые глаза:

— Тебѣ — жалко ее?

— Мнѣ-то? Мать она мнѣ, что-ли? Матерей не жалѣютъ, а ты... чудакъ!

Онъ смѣется негромко, разбитымъ бубенчикомъ.

Иногда я, глядя на него, какъ-бы проваливаюсь въ нѣкую пустоту, въ бездонную яму и сумракъ.

— Вотъ всѣ женятся, а ты, Яковъ, почему не женишься?

— А на што? Бабу я и такъ завсегда добуду, это, слава Богу, просто... Женатому надо на мѣстѣ жить, крестьянствовать, а у меня — земля плохая, да и мало ея, да и ту дядя отобралъ. Воротился брательникъ изъ солдатъ, давай съ дядей спорить, судиться, да — коломъ его по головѣ. Кровь пролилъ. Его за это — въ острогъ на полтора года, а изъ острога — одна дорога, — опять въ острогъ. А жена его, утѣшная молодуха была... да что говорить! Женился — значить сиди около своей конуры ховяиномъ, а солдатъ — не хозяинъ своей жизни.

— Ты Богу молишься?

— Ч-чудакъ! Конечно, молюсь...

— А — какъ?

— Всяко.

— Ты какія молитвы читаешь?

— Молитвовъ я не знаю. Я, братецъ, просто: Господи Иусе, живого — помилуй, мертваго — упокой, спаси, Господи, отъ болѣзни... Ну, еще что-нибудь скажу...

— Что?

— А — такъ! Ему — что ни скажи, все дойдетъ!

Онъ относится ко мнѣ ласково, съ любопытствомъ, какъ

къ неглупому кутенку, который умѣетъ дѣлать забавныя штуки. Бывало, сидишь съ нимъ ночью, отъ него пахнетъ нефтью, гарью, лукомъ, — онъ любилъ лукъ и грызъ сырыя луковицы, точно яблоки; вдругъ — онъ спроситъ:

— Ну-ко-ся, Олеха, ероха-воха, скажи стишекъ!

Я знаю много стиховъ на память, кромѣ того, у меня есть толстая тетрадь, гдѣ записано любимое. Читаю ему «Руслана», онъ слушаетъ неподвижно, слѣпой и нѣмой, сдерживая хрипящее дыханіе, потомъ говоритъ негромко:

— Утѣшная, складная сказочка! Самъ, что-ли, придумаль? Пушкинъ? Есть такой баринъ Мухинъ-Пушкинъ, видалъ я его...

— Не тотъ, того давно убили!

— За што?

Я разсказываю тѣми краткими словами, какъ разсказывала мнѣ Королева Марго, Яковъ — слушаетъ, потомъ спокойно говоритъ:

— Изъ-за бабъ очень достаточно пропадаетъ народа...

Часто я передаю ему разныя исторіи, вычитанныя изъ книгъ; всѣ онѣ спутались, скипѣлись у меня въ одну длиннѣйшую исторію безпокойной, красивой жизни, насыщенной огненными страстями, полной безумныхъ подвиговъ, пурпуроваго благородства, сказочныхъ удачъ, дуэлей и смертей, благородныхъ словъ и подлыхъ дѣяній. Рокамболь принималъ у меня рыцарскія черты Ля-Моля, Аннибала Коконна; Людовикъ XI — черты отца Гранде, корнетъ Отлетаевъ сливается съ Генрихомъ IV. Эта исторія, въ которой я, по вдохновенію, измѣнялъ характеры людей, перемѣщаль событія, была для меня міромъ, гдѣ я былъ свободенъ, подобно дѣдову Богу — онъ тоже играетъ всѣмъ, какъ хочетъ. Не мѣшая мнѣ видѣть дѣйствительность такую, какова она была, не охлаждая моего желанія понимать живыхъ людей, этотъ книжный хаосъ прикрывалъ меня прозрачнымъ, но непроницаемымъ облакомъ отъ множества заразной гряди, отъ ядовитыхъ отравъ жизни.

Книги сдѣлали меня неузвимымъ для многого: зная, какъ любятъ и страдаютъ, нельзя идти въ публичный домъ, копѣчный развратишко возбуждалъ отвращеніе къ нему и жалость къ людямъ, которымъ онъ былъ сладокъ. Рокамболь училъ меня быть стойкимъ, не поддаваться силѣ обстоятельствъ, герои Дюма внушали желаніе отдать себя какому-то важному, великому дѣлу. Любимымъ героемъ моимъ

былъ веселый король Генрихъ IV, мнѣ казалось, что именно о немъ говорить славная пѣсня Беранже:

— Онъ мужику далъ много льготъ
И выпить самъ любилъ;
Да — если счастливъ весь народъ,
Съ чего-бы царь не пилъ?

Романы рисовали Генриха IV-го добрымъ человекомъ, близкимъ своему народу; ясный, какъ солнце, онъ внушалъ мнѣ убѣждение, что Франція — прекраснѣйшая страна всей земли, страна рыцарей, одинаково благородныхъ въ мантии короля и одеждѣ крестьянина: Анжъ Питу такой-же рыцарь, какъ и Д'Артаньянъ. Когда Генриха убили, я угрюмо заплакалъ и заскрипѣлъ зубами отъ ненависти къ Равальяку. Этотъ король почти всегда являлся главнымъ героемъ моихъ рассказовъ кочегару, и мнѣ казалось, что Яковъ тоже полюбилъ Францію и «Хенрика».

— Хорошій человекъ былъ Хенрикъ король — съ нимъ хоть ершей ловить, хоть что хошь, — говорилъ онъ.

Онъ не восхищался, не перебивалъ моихъ рассказовъ вопросами, онъ слушалъ молча, опустивъ брови, съ лицомъ неподвижнымъ, — старый камень, прикрытый плѣсенью. Но если я, почему-либо, прерывалъ рѣчь, онъ тотчасъ осведомлялся:

— Конецъ?

— Нѣтъ еще.

— А ты не останавливайся!

О французахъ онъ говорилъ, вздыхая:

— Прохладно живутъ...

— Какъ это?

— А вотъ мы съ тобой въ жарѣ живемъ, въ работѣ, а они — въ прохладѣ. И дѣловъ у нихъ никакихъ нѣтъ, только ньютъ, да гуляютъ — утѣшная жизнь!

— Они и работаютъ.

— Не видать этого по исторіямъ-то, по твоимъ, — справедливо замѣтилъ кочегаръ, и мнѣ вдругъ стало ясно, что огромное большинство книгъ, прочитанныхъ мною, почти совсѣмъ не говорятъ, какъ работаютъ, какимъ трудомъ живутъ благородные герои.

— Ну-ко-сь, посплю я немножко, — говорилъ Яковъ, опрокидываясь на спину тамъ, гдѣ сидѣлъ, и черезъ минуту мѣрно свисталъ носомъ.

Осенью, когда берега Камы порыжѣли, деревья озолотились, а косые лучи солнца стали бѣлѣть, — Яковъ неожиданно ушелъ съ парохода. Еще наканунѣ этого онъ говорилъ мнѣ:

— Послѣ завтра прибудемъ мы съ тобой, ероха-воха, въ Пермь, сходимъ въ баню, попаримся за милую душу, а оттелева — зарядимъ въ трактирѣ съ музыкой — утѣшно! Люблю я глядѣть, какъ машина играетъ.

Но въ Сарapulѣ сѣлъ на пароходъ толстый мужчина, съ дряблымъ, бабымъ лицомъ безъ бороды и усовъ. Теплая длинная чуйка и картузъ съ наушниками изъ лисьяго мѣха еще болѣе усиливали его сходство съ женщиной. Онъ тотчасъ-же занялъ столикъ около кухни, гдѣ было теплѣе, спросилъ чайный приборъ и началъ пить желтый кипятокъ, не разстегнувъ чуйки, не снявъ картуза, обильно потѣя.

Осеннія тучи неугомонно сѣяли мелкій дождь и, казалось, что когда этотъ человекъ вытретъ клѣтчатымъ платкомъ потъ съ лица, дождь идетъ — тише, а по мѣрѣ того, какъ человекъ снова потѣетъ — и дождь становится сильнѣе.

Скоро около него очутился Яковъ и они стали разсматривать карту въ календарѣ, пассажиръ водилъ по ней пальцемъ, а кочегаръ спокойно говорилъ:

— Что-жь? Ничего. Это мнѣ — наплевать...

— И хорошо, — тоненькимъ голосомъ сказалъ пассажиръ, сунувъ календаръ въ пріоткрытый кожаный мѣшокъ у своихъ ногъ. Тихонько разговаривая, они начали пить чай.

Передъ тѣмъ, какъ Яковъ пошелъ на вахту, я спросилъ его — что это за человекъ? Онъ отвѣтилъ, усмѣхаясь:

— Видать, будто голубь, скопецъ, значить. Изъ Сибири, дале-еко! Забавный, по планту живетъ...

Онъ пошелъ прочь отъ меня, ступая по палубѣ черными пятками, твердыми, точно копыта, но снова остановился, почесывая бокъ.

— Я къ нему въ работники нанялся; какъ въ Перму придемъ, слѣзу съ парохода, прощай, ероха-воха! По желѣзной дорогѣ ѣхать, потомъ — по рѣкѣ, да на лошадяхъ еще — пять недѣль, будто, ѣхать надо, вона, куда человекъ забился...

— Ты его знаешь? — спросилъ я, удивленный неожиданнымъ рѣшеніемъ Якова.

— Отколѣ? И не видываль николи, я въ его мѣстахъ не жилъ вѣдь...

На утро, Яковъ, одѣтый въ короткій, сальный полушубокъ, въ опоркахъ на босую ногу, въ изломанной, безъ полей, соломенной шляпѣ Медвѣженка, тискалъ мою руку чугунными пальцами и говорилъ:

— Вали со мной, а? Онъ возьметъ и тебя, голубь-то, ежели сказать ему; хошь — скажу? Отрѣжутъ тебѣ лишнее, денегъ дадутъ. Имъ это — праздникъ, чловѣка изуродовать, они за это награждать...

Скопецъ стоялъ у борта съ бѣленькимъ узелкомъ подъ мышкой, упорно смотрѣлъ на Якова мертвыми глазами; грузный, вспухшій, какъ утопленникъ. Я непромко обругалъ его, кочегаръ еще разъ тиснулъ мою ладонь.

— Пускай его, наплевать! Всякъ своему Богу молится, намъ — что? Ну, прощай! Живи на счастье!

И ушелъ Яковъ Шумовъ, переваливаясь съ ноги на ногу, какъ медвѣдь, оставивъ въ сердцѣ моемъ нелегкое, сложное чувство, — было жалко кочегара и досадно на него, было, помнится, немножко завидно и тревожно думалось: зачѣмъ пошелъ чловѣкъ невѣдомо куда?

И — что-же за чловѣкъ, Яковъ Шумовъ?

(Продолжение слѣдуетъ).

М. Горькин.

ТАЙГА.

Повѣсть.

Глава I.

Кедровка — деревня таежная. Все въ ней было по-своему, по-таежному. И своя правда была — особая, и свои грѣхи — особые, и люди въ ней были другіе. Не было въ ней простору, кругомъ лѣсъ, тайга со всѣхъ сторонъ нахлынула, замкнула свѣтъ, лишь маленькій клочекъ неба оставила.

Деревня — домовъ тридцать, а кладбище за поскотиной большое, хватило бы на добрый городокъ.

Когда она появилась на Божіи свѣтъ, — никто путемъ не зналъ. Только дѣдка Назаръ, вотъ ужъ второй вѣкъ коротавшій, сидя на печи, повариваль, еле ворочая непослушнымъ языкомъ:

— Еще когда Петръ царемъ служилъ, наша деревня-то народилась. Дѣдушка мой Изотъ Кедровъ, покойна головушка, съ каторги быдто-бы бѣжалъ, да сѣлъ тутъ. Такъ и пошло, благословясь, отъ нашего кореню.

Земли въ Кедровкѣ было немного: кой-гдѣ по уваламъ и падыамъ, вдоль рѣчки, да тамъ, на той горѣ, что приподнялась желтой лысиной надъ тайгою. Но мужикъ и не дорожилъ землей: ему тайга давала все — и бѣлку, и соболя, и медвѣдя, и орѣхъ. Но за послѣднее время что-то сталъ падать звѣровой промыселъ, вздорожалъ хлѣбъ — и тогда толоръ загулялъ по тайгѣ, глубоко врѣзаясь въ ея нѣдра.

Затрещала тайга, заухала, въ споръ вступила съ человекомъ: насылала медвѣдей на его жилище, пугала лѣшими. Но устоялъ человекъ, все перенесъ, а тайгу все-таки покорилъ. И тамъ, гдѣ къ небу вздымались вѣковые деревья, теперь зелеными коврами легли веселыя нивки.

Деревня жила день за днемъ, годъ за годомъ. Проходили десятки лѣтъ.

Старики просили тихой смерти, безропотно умирали, крѣпко надѣясь, что вотъ тамъ, за могилой, начнется что-то хорошее и свѣтлое, то самое, о которомъ такъ болѣло сердце, скучала душа.

Старики любили другъ другу жаловаться на своихъ сыновей и внуковъ, что отбились отъ рукъ, совсѣмъ изъ отцовской воли ушли, никого знать не хотятъ — ни Бога, ни чорта.

— Мы за Богомъ-то, эва, какъ слѣдимъ, — корили они молодежь, — а вы что?.. Эхъ, вы, окаянные...

Но и старики, и старухи за Богомъ слѣдили плохо. Да какъ же: вотъ какая свара идетъ между народомъ, другъ другу рады горло перегрызть. А изъ-за чего, спрашивается, — путемъ никто уяснить не можетъ.

У солдатки Афимьи телка сдохла—рады. Петруха Тетеревъ съ вина сгорѣлъ, Акулину оставилъ саму четвертую—рады. У Якова мальченка кашей подавился, померъ — рады. Жена Обабка, баба бѣднѣющая, тройни родила — рады. И всегда такъ случалось, что сначала какъ будто жалость падеть на сердце, словно кто свѣчку зажегъ и освѣтилъ душу, тепло такъ, пріятно, а потомъ — подошелъ чортъ съ черной харей, дунулъ на эту свѣчку и притопталъ копытомъ. Вдругъ становилось темно въ душѣ, вдругъ начинало ползать въ ней что-то холодное и подмывающее — и тогда про жену Обабка говорили, зло пыхтя и ворочая глазами: «такъ ей, сука, и надо». Но почему работающая жена пропойцы Обабка — сука, какое она кому зло сдѣлала, развѣ не больно, развѣ не обидно ей? Никто такого вопроса себѣ не задавалъ, потому что каждому тогда казалось, что эта тихая Обабкина жена дѣйствительно всѣмъ надоѣла и всѣхъ обидѣла, дѣйствительно виновата, что всѣ, сколько есть въ деревнѣ народу, изъ-за нея, суки, такъ плохо живутъ, впроголодь живутъ, неумытые и темные, до-нельзя забытые нуждой, озвѣрѣлые люди, всѣми забытые и брошенные, какъ слѣпые, подъ заборъ, котятя.

Такъ каждый ко всѣмъ относился, всѣ къ каждому.

А вотъ Ивану Безродному прошлой зимой шесть лищицъ въ кулемки попали, а нонче у Петрухи Зуева рожь хорошая вымахала: у иныхъ градомъ прибило, у него — стѣна-стѣной. Этихъ ненавидѣть стали, «чортъ помогаетъ», — говорили. Вдовуха Лукерья лавченку открыла и богатѣть начала — гумно спалили: «не смѣй». Дядя Изоть

пьянствовать бросить: «врешь, старикъ, на небо пользь?..» — засмѣяли мужика, проходу не давали, пить сталъ пуще, съ вина сгорѣлъ.

Кедровцы не любили, чтобъ кто-либо выдѣлялся изъ нихъ: «лучше другихъ захотѣль? нѣтъ, стой, осади назадъ».

Такъ и жили въ равненьи и злобствованыи, въ зависти и злорадствѣ, жили тупой жизнью звѣрей, безъ размышленія и протеста, безъ понятія о добрѣ и злѣ, безъ дороги, безъ мудрствованій, по-просту, жили, чтобъ ѣсть, пить, пьянствовать, рождать дѣтей, горѣть съ вина, морозить себѣ по пьяному дѣлу руки и ноги, вышибать другъ другу зубы, мириться и плакать, голодать и ругаться, рассказывать про поповъ и духовныхъ скверныя побасенки и ходить къ нимъ на исповѣдь, бояться встрѣтиться съ попомъ и тащить его на полюсу, чтобъ Богъ далъ дождя.

Мужья били женъ, молча и стиснувъ зубы. Били, не находя никакой вины за бабой, а такъ, просто со злобы, вымещая на ней сердце за свою никчемную жизнь. А потомъ жалѣли ихъ, цѣловались и плакали вмѣстѣ, но проходилъ день, проходила недѣля—и опять повторялись драки, и опять слышался ревъ то въ одной, то въ другой избѣ. Когда мужики отправлялись въ тайгу, на промысль, бабы иной разъ заводили шашни съ оставшейся молодежью, съ кѣмъ попало, съ прохожимъ молодымъ бродягой, съ попомъ-кутилой, съ политическимъ ссыльнымъ. И не всегда ради разврата все это продѣлывалось, а иной разъ ради озорства, изъ желанія отомстить мужу, сдѣлать ему больно.

Стешка, любясь съ пастухомъ Сидоркой, отлично знаетъ, что кумушки все, съ прикрасой, разболтають мужу, насажутъ то, чего и не было, отлично все это знаетъ и нарочно, можетъ, только потому и дѣлаетъ такъ, что вотъ взбѣсится мужъ, будетъ тиранить ее, упрекать, изголяться, а она, вся избитая, выбѣжитъ на средину улицы и заоретъ на весь бѣлый свѣтъ: «уйду, жиганъ, уйду, пропойца, къ Петровану слесарю, царскому преступнику уйду!»

Дѣтей рожали безъ боли и приготовленій, гдѣ придется: въ лѣсу и въ полѣ — все равно. Дѣтей у всѣхъ было по-многоу — «вали, Мавруха, ни-и-чего, хуже не будетъ».

Жизнь деревни Кедровки — испоконъ вѣку такъ завелось — кололась всегда надвое: то черная полоса, то свѣтлая.

Уродится хлѣбъ, удастся пушной промыселъ — свѣтло на душѣ, отрадно. Ходятъ веселые и довольные, заломивъ набекрень шапку, разрядившись въ сарафанъ полрче и со скрипами полусапожки. Объ нуждѣ забыли: вѣдь вотъ только-что была, еле убралась со двора, еще слѣдъ не простыль за воротами, но ее не помнятъ и начинаютъ жить такъ, какъ будто заказали ей всѣ пути къ возврату. Сладко принимались ѣсть, фамильнымъ чаемъ обзаводились, одежду справляли, — какую надо и какую не надо, — такъ, для форсу, гармошки двухрядныя покупали, а наипаче предавались пьянству. Пили всѣ, не исключая малыхъ ребятенокъ, едва отвыкшихъ отъ соски.

Лица у всѣхъ становили веселыми, ясными и привѣтливыми, злоба на душѣ таяла, обиды предавались забвенію, прежние враги мирились за бутылкой водки, лѣзли другъ къ другу цѣловаться и, плача пьяными слезами, клялись быть «побратимами» до гроба, а въ подтвержденіе словъ выползали на улицу и брали въ ротъ земли.

Конечно, не всегда такъ гладко бывало, случались и закорючины. Цѣлуются-цѣлуются, да драться начнутъ: «хошь ты и другъ мнѣ, а подлець — изъ моей кулемки лисицу добыль». — «Кто? Я?» — и пошла потасовка. А то ворота дѣвушкѣ вымажутъ съ пьяныхъ глазъ дегтемъ, землю у вдовухи отберутъ да въ пропой пустятъ. Однако, свѣтлой полосой это случалось рѣдко.

Проходить годъ, идетъ другой. Мужики еще съ весны начинаютъ примѣчать, что бѣлки нынче не жди. Это плохо. «Чортъ съ лѣшимъ въ карты, знать, играли, и лѣшій проигралъ всю бѣлку». Зато хлѣба хороши будутъ, вонъ какіе вымахали, сердцу любо.

Но вдругъ среди лѣта внезапно падалъ страшный гость — ранній иней, за нимъ другой. И все гибло.

Наступала тогда черная полоса жизни.

Эта полоса была живучая, подомъ не кончалась: жди два, а то и три года: «съ нимъ, съ Богомъ-то драться не полѣзешь».

Тогда постепенно, исподволь, какъ день смѣняется вечеромъ, снова наплывало на деревню зло. Со всѣхъ сторонъ, изъ болотъ и падей, вмѣстѣ съ туманомъ, неслышно, позмѣиному, заползало оно въ избы, туманило всѣмъ головы, разѣдало сердца и рычащимъ, бѣшеннымъ псомъ ложилось у пороговъ.

По деревнѣ, отъ двора къ двору, натягивались тогда какъ-то невидимыя дьявольскія нити. Кто ихъ плелъ? Конечно, врагъ человѣческій. Въ воздухѣ припахивало чѣмъ-то недобрымъ и все становилось унылымъ и мрачнымъ. Не услышишь больше свѣтлаго смѣха: засмѣются — зло горохомъ разсыплется; не услышишь и разухабистой вольной пѣсни: запоютъ — словно кого хоронятъ; не звенитъ ласковый голосъ дѣвушки: «Ахъ, ты, Ваньша, каріи глазокъ», — слышится вздохъ молодой, тронутой горемъ, груди.

Лица становятся хмурыми, глаза голодными и завидующими, ротъ жаднымъ, руки неудержными, въ сердцѣ нарастаетъ боль. Хочется кого-нибудь укусить, уколотъ, урвать, выругать, сжить со свѣту. А иной разъ хочется — и откуда прилетитъ вдругъ хотѣнье! — встать посередь улицы и каждому сказать: «ребятушки! а ну пойдѣмъ, а ну наляжемъ, не подастся-ли?». Куда пойдѣмъ, на что наляжемъ — кто его знаетъ. «Ребятюшки, ворочай все съверху до низу!» Пожалуй, надрывай глотку. Тайга обратно вернетъ крикъ и захохочетъ.

Вотъ Спирька-солдатъ изъ Питера пришелъ, домой вернулся, Спиридонъ Павлычъ Иконниковъ. Всѣмъ насказалъ разныхъ небылицъ: и какіе города бываютъ, и какіе тамъ люди, и какой свѣтъ по ночамъ пускаютъ... Мало-ли онъ рассказывалъ.

Потомъ ушелъ, окаянный, не захотѣлъ остаться дома: «Нѣшто можно здѣсь жить... Что я — звѣрь, что-ли?» Побавхвалился, побавхвалился — да ушелъ-таки... Слоняется гдѣ-нибудь, легкой жизни, сукинъ сынъ, ищетъ... Лодырь.

И такъ, и этакъ ругали солдата Спирьку, что взманилъ, что указалъ перстомъ въ небо, туда, гдѣ зори плаваютъ, гдѣ все не такъ, все не по-здѣшнему, но въ душѣ любили часто вспоминать его рѣчи и втихомолку вздыхали.

Глава II.

Назимово — большое стародавнее таежное село.

Недалеко отъ Кедровки, и сотни верстъ нѣтъ, — это не разстояніе, — но жизнь тамъ попригляднѣй. Въ Назимовѣ и «царскіе преступники», — политики, — жили, и книжка по рукамъ ходила, и грамотѣ кой-кто изъ парней кумекали — школа была.

Тамъ церковь каменная, колоколь большущій, какъ бух-

нетъ-бухнеть — долго гуль идетъ, есть священникъ, купцы, да и отъ проѣзжей дороги недалеко. А проѣзжая дорога прямехонько упирается въ уѣздный городишко, семьсотъ столбленыхъ версть до города.

Однако, грѣха и всякихъ поганныхъ дѣлъ было много и въ Назимовѣ.

Торговый человекъ, Иванъ Степаньчъ Бородулинъ, жилъ въ двухэтажномъ домѣ съ палисадникомъ. Домъ его по селу первый. Самъ Бородулинъ мужикъ въ соку, съ большой черной бородищей, румяный, волосы въ скобку, зубы бѣлые, бабы его любятъ.

Со всѣми ими помаленьку баловался Бородулинъ и, гордясь этимъ, говаривалъ: «До женскихъ я охочъ». Пуще же асѣхъ нравилась ему солдатка Дарья, съ которой онъ открыто жилъ.

Но гладкая солдатка Дарья жила въ то же время съ уголовнымъ поселенцемъ Феденькой, а жена вора Феденьки, мѣстная крестьянка, жила съ кузнецомъ Афоней, а жена Афони жила съ тремя Назимовскими парнями и съ «женати-комъ» Лапшой.

.

Такъ оно колесомъ и шло.

Иванъ Степаньчъ Бородулинъ—купецъ не-промахъ: всю округу въ кулакъ зажалъ.

Кедровскій староста Провъ, ужъ на что мужикъ самосильный, а тоже въ долгу у Бородулина: колдуны шишигъ таежныхъ на Кедровку напустили, безъ малаго весь скоть у мужиковъ отъ повѣтрія чезнулъ — довелось съ поклономъ къ купцу идти.

Долго кряхтѣлъ Провъ: жалко Анну, единую дочь, въ люди отпускать, а надо. Убрались съ полемъ, отправилъ Анну къ Бородулину въ работницы: хоть часть долга съ плечъ—и то дѣло. Матрена больно горевала, передъ разлукой на дочку наглядываясь. Мудрено-ли? Анна по деревнѣ первая, да не по деревнѣ: поди, нѣтъ ея краше да умнѣе по всей тайгѣ, во всемъ русскомъ царствѣ,—и въ кого такая задалась.

Только вотъ Анну тоска грызеть. Такъ какъ-то, скучно... нехватка въ чемъ то... Исподтиха-исподтиха, да какъ вцѣпится, словно лукавый песь... Точно не здѣшняя, не таежная.

точно въ хрустальномъ ключѣ родилась, что бѣжить изъ тайги да въ рѣчку, изъ рѣчки въ море, черезъ весь бѣлый свѣтъ — скучно Аннѣ. Сама не знаетъ отчего, а скучно... Отъ жизни, что ли? Жизнь ли это? Стало быть, жизнь...

— Въ досюльное время, сказываютъ, лучше было, а теперь — погляди кругомъ: тошнехонько, — сама съ собой печаловалась Анна. — Люди не люди, выползуть, мохнатые, потычатся носомъ, что положено, помытарятся, да трухлявыми колодами хлопъ въ землю... А изъ тайги опять прутъ новыи... Такъ и катятся: изъ тайги да на погостъ, подъ крестикъ. Вотъ и жизнь.

Особенно грустила Анна осенью, когда собирались къ отлету птицы. Съ болючимъ горемъ отрывала она отъ сердца крикъ:

— Журыньки, возьмите мою душеньку... да унесите...

И не съ кѣмъ словомъ золотымъ перемолвиться, розмысловъ раскинуть. Съ Устиномъ развѣ? Нѣтъ, Устинъ—старикъ, о божественномъ думаетъ :ему тайгамила. Съ Кешкой? Темная душа, беззвѣздная. Съ родителемъ? У него сердце мозолистое: работай, ворочай за двоихъ, а дальше — тпру... Вотъ съ Мошной, однако... Мошна старуха дошлая: много знаетъ сказокъ, присказьевъ, побасокъ. При трескучей лунинѣ занятно ее послушать: руками куделю прядешь, а душа надъ тайгой трепыхаетъ...

Въ разлукѣ съ Кедровкой Анна не живала, а пришла въ Назимово — тоска пуще. И быть бы, пожалуй, худу, но встрѣтила Андрея — и все перевернулось.

Какъ-то Бородулинъ потрепалъ ее по круглому плечу:

— Иди-ка, Анка, слетай къ Андрею-политику, знаешь? Чтобъ диванъ пришелъ обить...

Вернулась Анна въ радости.

— Ну?—хлопая на счетахъ, спросилъ Иванъ Степанычъ.

— Придетъ, — и она чуть улыбнулась углами губъ.

Съ того и началось. Впервые повстрѣчала Анна такого человѣка. Шутка-ли: учитель, ребятъ училъ... Да и собой больно пригожъ... Что-то такое въ лицѣ, въ глазахъ есть... этакое... едва оторвалась... Когда пришелъ Андрей, сама не своя: чуть самоваръ безъ воды не поставила, накрывала чай — стаканъ разбила, а помогала Андрею гвозди заколачивать — руки ходуномъ.

Андрей не меньше Анны второй ужъ годъ скучалъ въ тайгѣ. Онъ тосковалъ о широкихъ Донскихъ степяхъ.

гдѣ родился и выросъ, о дѣлѣ, которому служилъ, о тѣхъ чумазыхъ малышахъ, что съ плачемъ бѣжали черезъ всю станицу, когда увозили его въ городъ усатые люди.

— Здорово, Андрей, — какъ-то заглянула къ нему Анна.

Тотъ поднялъ голову, откинулъ свисавшій на лобъ чубъ и прищурилъ живые, зоркіе глаза:

— А-а-а... знакомая... — радостно протянулъ онъ. — Ну, здравствуй, соколица. Съ чѣмъ пришла?

— Ужъ ты не обезсудь, — и Анна смущенно улыбнулась. — Скучаю я здѣсь, Андреюшка... Однако, домой удеру... Напиши писульку родителю, кажись, десятскій ѣдетъ въ Кедровку... Скушно...

Анна облокотилась на верстакъ и опустила голову.

— Скучно, говоришь? Да, Анна, невесело... Ну, давай напишемъ...

Онъ писалъ, она съ любопытствомъ разглядывала его грустное молодое лицо съ высокимъ лбомъ, большими черными глазами. Брови его густы, усы — чуть-чуть, въ плечахъ широкъ, а руки дѣвичьи.

— Ты, видать, изъ благородныхъ... Ишь какой... пригожій.

— А ты-то... Прямо — Свѣтлана... Знаешь такую сказку? — онъ вновь прищурился на Анну, и ему не хотѣлось отрываться отъ ея лица.

Анна подмела избу, набила печку стружками и стала собираться домой. Она долго глядѣла на Андрея, а бѣлыя щеки рдѣли. Раздумчиво подошла къ окну, поскребла пальцемъ промерзшее стекло, вздохнула.

— Порви-ка ты писульку-то... Чего ужъ... — наконецъ сказала она, чуть улыбаясь. — Да и грамотѣвъ-то у насъ нѣтути...

Съ той поры часто урывалась она къ Андрею: «чевой-то потянуло къ тебѣ».

— А грамотѣ хочешь знать? — какъ-то спросилъ онъ.

Анна даже руками всплеснула, а глаза ея сразу налились слезами, какъ цвѣты росой:

— Андрей, Андреюшка... голубчикъ...

День за днемъ катились. Крѣпкіе морозы пришли. По иному себя Анна чувствуетъ: не видитъ Андрея день — скука завладеваетъ, а придеть къ нему — уходить не хочется, такъ до пѣтуховъ и сидить.

Достанетъ Андрей книгу, сядутъ поближе къ печкѣ, да

и коротаютъ ночь: зимой въ избѣ холодно, какъ закрутить бурань, въ углу снѣгу набьется, хоть лопатой гребь. О людяхъ Андрей читаетъ, чужестранныхъ царствахъ, о небѣ, о солнцѣ.

— Ты почитай о правдѣ.

О правдѣ Андрей читаетъ. Хорошо слушать: что-то вливается въ душу свѣтлое, новое; тайга уплываетъ, и Анна ужь надъ нею, словно на высокой горѣ. Хорошо, должно быть, миръ. Андрей по особому читаетъ, дойдетъ до мѣста, остановится и много-много говоритъ, голосъ ласковый, рѣчь складная, съ простого начинается, а сведетъ на такое, что духъ замретъ.

— Да какъ же такъ, Андрей? Неужто вѣрно? — поднимаетъ Анна крутыя брови.

— Вѣрно. Только у васъ, у мужиковъ, глаза завязаны.

* * *

Какъ-то вечеромъ Анна сидѣла у Андрея. Она шила ему рубаху, не громко напѣвая проголосную:

«Ужъ ты гой еси, да ты свѣтель мѣсяць,
Хошь свѣтло ты свѣтишь,
Да не по прежнему...»

Андрей крупными шагами ходилъ изъ угла въ уголь.

«Ой, потекаешь ты
Какъ ворами, плутами, разбойничкамъ...»

— Анна, — остановился Андрей и взялъ ее за руку. — Хорошо ты, Анна, поешь. У тебя столько слезъ въ голосѣ... грусть...

Дѣвушка перегрызла нитку, отложила шитье и сказала:

— Батюшка съ матушкой лучше поютъ. Бывало, выньютъ о праздникѣ, сядутъ другъ противъ дружки, подшибутся, да и... Ну, безпремѣнно заплачешь.

— О чемъ же? — поглаживая ея голову, спросилъ Андрей.

— Да и сама не знаю... Чижало сдѣлается... Быдто кто покличетъ куда...

— Ну-ну, — сказала Андрей и опустилсѣ возлѣ Анны

Та глядѣла передъ собой, что-то вспоминала, къ чему-то прислушиваласѣ:

— Али вотъ ночью... Не заспится инымъ разомъ, — ну,

хоть зарѣжь. А батюшка съ матушкой похрапываютъ. Выйду на рѣчку, да и сяду у воды... Ночи лѣтомъ свѣтлыя, а птицы въ черемошникѣ, почитай, наскрозь поють... Сидишь и думаешь... Эхъ, думаешь: была-бы богатыремъ, сгребла бы огромный топориче, да ну тайгу пластать... Вывела бы дороженьку прямехонько на бѣлый свѣтъ...

Андрей поднялъ съ полу стамеску, переставилъ съ окна на полъ примерзшии пузырекъ съ политурой. Анна подбросила въ желѣзную печку дровъ.

— Андреюшка, слушай-ка... Чевои-то сказать хотѣла. Да, вотъ чего... Не славно какъ-то... жизнь-то... Живешь, а словно бы не живешь, а такъ какъ-то...

Андрей откинулъ чубъ и зашагалъ.

— Жизнь... Какая же это жизнь?... — размахивая руками, говорилъ онъ. — Жрутъ, спятъ, дерутся, убиваютъ... Дикое что-то, звѣриное...

— Охъ, голубчикъ... Хуже звѣрья... Ты побывай-ка у насъ въ Кедровкѣ... Жуть...

Андрей одернулъ черную суконную рубаху, подошелъ къ верстаку и сталъ стругать.

— Ужъ больно плохо: бѣдность, руготня, убойство...

Анна сидѣла, склонивъ надъ шитьемъ голову.

— Энь, Федотъ у насъ, лавочникъ, — тихо говорила Анна, — обобралъ какъ-то двухъ тунгусовъ, а чтобъ концовъ не видно, далъ имъ спирту гольнаго бутылки три въ дорогу-то. Ну, напились въ тайгѣ, а морозъ былъ страшительный — замерзли. А наши мужики — чего имъ, нешто жалко!.. За два ведра Федотъ всю деревню купилъ: ни гу-гу.

Свѣжая стружка подъ сильной рукой Андрея съ визгомъ отдѣлялась отъ бруса и желтыми кудряшками ложилась у ногъ. Пахло сѣолой.

— А энь въ Ноздревой... Да мало-ли... Сказываютъ, старичишку какого-то, своего же хрецагаго, колдунемъ быдто признали, выволокли къ проруби, да и... окунуть да вытащатъ... живьемъ замерзъ. Али парни дѣвкамъ помощь устраиваютъ. Слыхаль, поди?

— Да, обычай страшный. Изувѣрство. Грязь.

Андрей положилъ фуганокъ. На его лицѣ отразилась боль. Онъ полузакрывъ глаза и, покачиваясь, слушалъ Анну:

— Молвить то стыдобушка, скверность... Чуть не угодила дѣвка — уманять обманомъ за деревню, да всѣмъ табуномъ... Тѣфу!.. Срамота одна... Господи Христе... Да ить,

съ парнями-то ребятенки, мотри, лѣзуть да женатики... А то старичишка какой ульнетъ... Ореть дѣвка, быдто жилы тянуть... Одну замучили: умою помутилась, да съ сопки въ рѣчку... А вся и провинка-то, что за безносика взамужъ не пошла...

Анна оторвалась отъ работы и уставилась въ стѣну, словно въ столбнякъ. Андрей, заложивъ руки назадъ, крупно шагаль изъ угла въ уголь и что-то говорилъ Аннѣ, но та думала свое.

Потрескивало и ворчало въ печкѣ пламя, а съ улицы доносились крики и руготня: должно быть, зачиналась поножовщина.

— Вотъ, не угодно-ли, — остановился Андрей и махнулъ на окно рукой. — Вотъ и поживи... Тутъ съ ума спятить впору! — Онъ ерошилъ волосы, то и дѣло откидывая лѣзшіи на глаза чубъ.

— А ты, Андреюшка, долго ли здѣсь проживешь-то? — перевела на него взглядъ Анна.

— Не знаю... Можетъ быть, всю жизнь, — упавшимъ голосомъ сказалъ Андрей. Онъ подошелъ къ низенькому оконцу и, согнувшись, уставился на мутную, въ лунномъ свѣтѣ всю засыпанную снѣгомъ улицу.

— Проводи-ка... Пойду не то... — вздохнула Анна.

— Сиди...

Онъ опустилсѣ возлѣ нея и задумался. Анна прижалася къ нему, заглядывая въ его глаза. Въ нихъ была печаль, ей показалось даже — слезы.

— Душно, Анна, скверно... Что нибудь дѣлать надо такое... ну, чтобъ посвѣтлѣй было. Жизнь налаживать надо, Анна... — голосъ его срывался.

— Охо-хо... Легко молвить, а ну-ка, приступись...

— А если ничего не выйдетъ, убѣгу... — Андрей быстро сорвался и зашагалъ по комнатѣ, крѣпко сомкнувъ кисти рукъ.—Убѣгу, куда глаза глядятъ... Въ Америку!.. къ чорту!.. къ дьяволу!..

— Андреюшка, и я съ тобой...

— И ты?! — онъ поймалъ ея протянутыя руки и, весь загорѣвшись радостью, поднялъ ее съ лавки.

— Я въ согласьи, — шептала Анна, вся дрожа. Потомъ, словно что вспомнивъ, удивленно вскинула брови:

— Постой, Андрей... А здѣсь-то какъ же? Вѣдь самъ же говоришь: темень, скверность... Зачѣмъ же убѣгать? А ты

здѣсь свѣти. Хошь сколько посвѣтишь, и то добро... Хошь лучиночкой немудрящей...

Андрей улыбнулся:

— Когда встанетъ солнце, по всей землѣ свѣтло... безъ лучинки... Сразу. А солнце тамъ, Анна, за тайгой...

— Родной мой... желанный... Ты самъ вотъ и есть солнышко-то...

* * *

Проводивъ Анну, Андрей до утра не спалъ. Онъ вынулъ карту и долго ее разсматривалъ. Да, конечно, можно... Къ веснѣ онъ съ Анной доберется до Лены... Слѣды запутать просто: будто мужъ съ женой на золотые прииски пробираются. А по Ленѣ пароходомъ... Ну, убѣгутъ... А что же дальше? Нѣтъ, одному надо... одному...

— Мечта... — роняетъ Андрей, и его губы складываются въ ядовитую усмѣшку. — Мечта! — швыряетъ онъ карту на полъ и ходить, ходить взадъ-впередъ до изнеможенія.

* * *

Въ Андреѣ съ каждымъ днемъ росло что-то новое: то его манила тайга своимъ загадочнымъ шумомъ, простая жизнь вмѣстѣ съ Анной и упорная борьба съ таежной тьмой; то воля вставала передъ нимъ, и сердце рвалось ей навстрѣчу. Воля... красивое это слово... Что-жъ? Вить гнѣздо въ тайгѣ или подняться вмѣстѣ съ лебедями и летѣть за моря?

Но вотъ, какъ-то въ праздникъ утромъ, пришла къ нему Анна. Блѣдная, растерянная. Не поздоровавшись, она опустилась на скамью. Андрей возился надъ чучеломъ летяги-бѣлки.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ, сощурившись на Анну.

Та не отвѣтила, только вздохнула и ее всю какъ-то повело.

— Не Бородулинъ ли обидѣлъ?

Анна сидѣла, потупившись.

— Да ты что? — шагнулъ къ ней Андрей и взялъ ея дрожавшія холодныя руки.

— Андреюшка... соколикъ... затяжелѣла... — прошептала Анна, закрывая лицо ладонями.

— Ну вотъ... такъ-такъ... — тянулъ Андрей, собираясь съ

мыслями и чувствуя, какъ перевернулось его сердце. — Вотъ и отлично... хорошо... Очень хорошо... Ну...

Анна ушла радостная. Не шла, а бѣжала. Ярко свѣтило солнце. Снѣгъ слѣпилъ глаза. Была капель.

Андрей готовилъ товарищу длинное письмо.

«Дружище. Теперь все ясно: я остаюсь въ тайгѣ. Надолго ли — покажетъ жизнь, но, кажется, надолго... Буду посильно разгонять таежную жуть... Ты улыбнешься? Мелко, скажешь? Ну, что жъ... Такова планида, какъ говоритъ здѣсь одинъ купецъ-хвать... Но вотъ въ чемъ дѣлю. Помнишь, я какъ-то писалъ тебѣ о своей подругѣ. Я съ перваго же знакомства привязался къ ней, и чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче... И она для меня здѣсь, въ тайгѣ, — все. А сегодня она мнѣ сказала»...

У Андрея шумѣло въ головѣ, строчки прыгали. Онъ обмокнулъ перо и перечелъ написанное.

— Нѣтъ, не такъ... не то... Къ чему? Надо по другому, — и разорвалъ письмо.

* * *

Пришла весна. Тайга закурила, заколыхала свои кадильницы, загудѣла юбродованнымъ шумомъ и, простирая руки, глянула ввысь, навстрѣчу солнцу, зелеными глазами.

Андрей любитъ уйти весной въ тайгу на недѣлю, на двѣ, чтобы упиться вволю весеннимъ хвойнымъ запахомъ послѣ долгаго восьмимѣсячнаго сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ.

По ночамъ, когда не было Анны, онъ выходилъ на улицу и, весь насторожившись, вслушивался въ гусиный внятный говоръ:

«Га-га... Гагага... Га-га... Гагага»...

Высоко, межъ тайгой и тихимъ звѣзднымъ небомъ, стая за стаей, вольной лавиной мчались на сѣверъ гуси.

Андрей чуялъ, какъ все въ немъ закипаетъ буйной радостью. Онъ жадно шарилъ глазами по небу, но, кромѣ мерцавшихъ изъ голубого мрака звѣздъ, ничего не видѣлъ.

— Надо идти...

И вскорѣ, въ весенній вечеръ, Андрей горячо обнялъ Анну и сказалъ:

— Я въ тайгу уйду, Аночка... теперь хорошо тамъ.

— Чего тебѣ тайга?

— Тебѣ не понять, Аночка... Я люблю тайгу... Я скоро вернусь.

Утро настало. Взялъ Андрей съ собой припасы, вскинулъ на плечо ружье, простился и бодро зашагалъ вдоль села.

— Не заблудись, смотри... Прощай... Проща-а-ай!..

Глава III.

Лишь загудитъ весной тайга, бродяги надѣваютъ запла-танную торбу, берутъ жестяной котелокъ, суютъ за голенище отточенный ножъ и выползаютъ на Божии свѣтъ изъ черныхъ бань, брошенныхъ избушекъ, зимовьевъ, обросшіе волосами, шершавые и почернѣвшіе отъ копоти за долгую сѣверную зиму. Выпрямляютъ согнутыя спины, щурятся на солнце, ищутъ въ синевѣ небесъ бѣлый лебединый бисеръ, прислушиваются къ хлопотливому крику плывущихъ съ юга птицъ и, покорные зову тайги, рассыпаются по ея звѣрнымъ тропамъ...

* * *

Солнце еще не закатилось, но скоро спрячется за хребтомъ: вотъ дрожатъ послѣдніе лучи его на макушкахъ деревь. Еще немного — скользнуть мимо, въ сѣрѣющей вечерній просторъ, и растаютъ. Тихо внизу, а тамъ, надъ тайгой, вѣтерокъ погуливаетъ, шелеститъ хвоей, вздоритъ.

— Тюля, кроши чай-то, — октавой сказалъ плечистый лысый старикъ, по прозвищу Лѣхманъ.

— Есть! — отрубилъ Тюля, лѣтъ тридцати парень, съ простоватымъ, круглымъ, толстогубымъ лицомъ и, крякнувъ, завозился у мѣшка.

Лѣхманъ — старичина дюжій, бородища изжелта-сѣдая, огромная, прядями свалялась, носъ съ горбиной, взглядъ угрюмый, брови густыя, хмурыя. А встанетъ, сутулый, да какъ гайкнетъ, — охъ, и ростъ же у дѣда, охъ, и голосъ — труба трубой... Лѣхманъ и есть, весь заросъ мохомъ, по всѣмъ статьямъ лѣсовикъ.

Двое другихъ, Антонъ да Иванъ, чинили аммуницію.

Антонъ весь постный, худой, борода съ просѣдью черная, метелочкой, щеки впалыя, и большіе, задумчивые въ темныхъ кругахъ глаза.

Иванъ или, какъ его за веселый нравъ зовутъ, Ванька-Свистоплясъ, садитъ на какую-то бабью кофту заплаты и приговариваетъ:

— Вотъ это мундеръ — такъ мундеръ... — и гогочеть селеземъ, встряхивая кудластой, какъ капустный кочанъ, головой.

— Такъ-то, миленькій, — говоритъ Антонъ, — это Господь насъ натолкнулъ другъ на дружку, — и черпаетъ берестяной ложечкой изъ деревянной чашки сухари.

— Господь... Какъ не Господь... — гудить Лѣхманъ. — У тебя все Господь. Встрѣтились, да и вся недолга.

Ванька-Свистоплясъ, наѣвшись до-сыта рыбой и сухарями съ чаемъ, пошелъ рубить сухую листовень: темнѣть начало, а костеръ погасаль.

Тюля легъ на спину, помурлыкаль себѣ подъ носъ, потомъ вскочилъ и скрылся въ лѣсу, весело свистя и потрескивая сучьями.

Сумракъ надвигался со всѣхъ сторонъ, а вмѣстѣ съ нимъ пришелъ холодъ. Набросали въ костеръ смольевыхъ пней. Языки огня полизали пни — вкусно ли, и, отвѣдавъ, сразу охватили пламенемъ, затрещали, заискрились, распространяя жаръ и свѣтъ.

Антонъ лежалъ, подставивъ теплу спину, и говорилъ, глядя предъ собою сонными глазами:

— Вотъ, миленькій, Богъ его вѣдаетъ, доплетусь ли до родины.

— Дальній?..

— Изъ Воронежа. Есть такой хорошии городъ Воронежъ, родина моя.

Вдали стучалъ топоръ и слышно было, какъ съ шумомъ грохнуло на земь подрубленное Ванькой дерево.

— Охъ, если бы разсказать жизнь-то мою... — задумчиво прошепталъ Антонъ.

— Сыпь, сыпь, — одобрительно сказалъ Лѣхманъ. — Торопиться некуда.

— Ну, коли такъ, слушай.

Антонъ сѣлъ поближе къ огню. Печальное восковое лицо его блестѣло отъ испарины, будто начинало подтаивать и оплывать въ лучахъ костра.

— Я вѣдь, старинушка, не простой... Я вѣдь духовнаго званія: сельскаго псаломщика сынъ, — началъ онъ монотоннымъ, глухимъ голосомъ. — Изъ семинаріи меня, значить, выгнали: такъ, безъ прилежанія учился, да и спиртнымъ напиткамъ подверженъ былъ. Отецъ же мой многосемейный, жизнь влачилъ бѣдную, даже на глаза меня не принялъ, и

сталъ я съ тѣхъ поръ самъ по себѣ. Ну, что-жъ, думаю, надо какъ не то... По писарской части у меня ничего не вышло, да и не по душѣ... Тянуло меня въ поля, въ лѣса, чтобы по дорогамъ, по большакамъ ходить, монастыри старинные осматривать... Любилъ я, грѣшнымъ дѣломъ, все это. И ужъ подумывалъ въ монахи пойти: есть такіе монастыри удивительные — вонъ Сарова пустынь, ахъ ты, Богородица: лѣса, рѣчки — прямо рай. Влекло меня къ Божеству, шибко влекло. Но все вышло на другой ладъ. Сталъ я, дѣдушка, маляромъ, а потомъ поприсмотрѣлся у монаховъ, да и живописцемъ задѣлался. И потянуло меня опять на Русь, по селамъ бродить началъ. — Антонъ качнулъ головой, причмокнулъ, повелъ острыми плечами и вздохнулъ.

— Подружился я какъ-то въ селѣ пригородномъ съ поповской дочкой, да и... Ну, конечно, весна, соловьи, благоуханья... А самъ я въ то время франтъ былъ: часы, куртка бархатная, шляпа и тому подобное. Словомъ, чтобы грѣхъ прикрыть, округилъ насъ отецъ Никифоръ... Зажилъ я тутъ, можно сказать, во всемъ благополучіи: жена — красоты замѣчательной, тиши съ нея картину, работы сколько хочешь — изъ другихъ уѣздовъ присылали. Ха-ррашо съ Наташенькой жили. Такъ бы оно и катилось чередомъ, да грѣхъ вышелъ, люди меня за простоту растоптали...

— Человѣкъ на это гораздъ, — сказала Лѣхманъ.

Сквозь чащу продирался Ванька-Свистоплясъ, волоча по землѣ сухіе сучья.

— Пять лѣтъ житія моего сладкаго было. А тутъ и... Подновлялъ я храмъ въ одномъ селѣ. Благолѣпный храмъ, помѣщиками въ старину приукрашенъ былъ изрядно. Ну, вотъ. А въ селѣ какъ разъ ярмарка. Народищу навалило густо. Ну, сначала хорошо шло: подгрунтовалъ я, значить, праотцевъ въ верхнемъ ярусѣ, а пока сохнутъ — евангелистовъ началъ освѣжать. Въ церкви и жилъ, въ закоулочкѣ: приду, значить, вечеромъ, побродивши по базару, меня на ночь и запрутъ, а чуть зорька — я ужъ за работу... И вотъ, милые, тутъ-то меня жизнь и ущемила...

— Запилъ, что ли? — спросилъ Лѣхманъ.

— Грѣшный человѣкъ, запилъ... Какой-то вродѣ актера, бритый, возлѣ меня все юлилъ... Съ нимъ, значить, и того... Нашли меня на вторыя сутки... «Какъ же тебѣ, Антонъ Ивановичъ, не совѣстно? — крикнулъ на меня староста церковный. — И деньги всѣ пропилъ?» — «Извините, говорю,

пропилъ». — А я, дѣйствительно, при началѣ двѣсти цѣлковыхъ на позолоту да на краски взялъ. Староста размахнулся да разъ меня въ ухо! Горько мнѣ сдѣлалось, заплакалъ я... стъ стыда больше, потому — всѣ меня уважали. А всему виной бритый: выманилъ у меня, у пьяенькаго, денежки-то, да и лататы... Онъ, подлець, и въ церковь ко мнѣ заходилъ, все иконами интересовался, знатокъ, это вѣрно... Ну, ладно... Положили меня, значить, на вытрезвленье къ просвириѣ, а за женой подводу отправили, потому знали, что я жену, какъ Бога, чтить.

Антонъ помигалъ глазами, снялъ картузишко безъ козыря и вытеръ рукавомъ потный, съ запавшими висками лобъ.

— И вдругъ, ночью, ввалился ко мнѣ народъ, руки скрутили, да въ волость. Вотъ такъ разъ. Ничего понять не могу, потомъ дорогой слышу: церковь ограбили, вѣнчикъ въ камняхъ съ иконы сняли, крестъ на престольный, чашу съ дарами, и кружку вытрясли. Ловко. Я ажъ обмеръ. Даю отпоръ — знать не знаю. Обыскъ. Какъ тряхнули мою жилетку, а оттуда два пятака старинныхъ екатерининскихъ, да медаль серебряная. «Ну, такъ и есть! — староста кричить. — Она самая, моя медаль... Вотъ и зарубишки. Самолично въ кружку опустил!» Тутъ мнѣ и погибель...

— Ха! — хакнулъ Лѣхманъ. — Это бритый?

— Неужто я?.. Сталъ бы я на Господній храмъ руку подымать... Не тотъ человѣкъ я... а такъ, попалъ въ сѣтъ, какъ перепелка... А вступиться некому: братъ старши въ духовную академію обучаться поѣхалъ, родитель померъ, отецъ Никифоръ померъ... Такъ меня и закатали...

— А какъ же бритый-то? — вразъ спросили Лѣхманъ съ Ванькой. — Чего жъ ты его-то не упекарчилъ?..

— Гдѣ ужъ... Вишь, я какой?.. — развелъ Антонъ руками и какъ-то вкось ухмыльнулся. — Смирный я, не расторопный... Всего меня придавило. Накатилося какое-то такое... ну, вродѣ какъ... Словомъ сказать — махнулъ на все рукой: такъ, видно, на роду написано...

Антонъ, тускло поглядывая въ сторону и думая о чемъ-то другомъ, разсѣянно сказалъ:

— Объяснялъ я про бритаго, какъ же... Ищи вѣтра въ полѣ... быдто въ воду... А у меня — медаль...

Лѣхманъ и Ванька-Свистоплясъ внимательно слушали. Голосъ Антона дрожалъ, впалыя щеки разгорѣлись. Онъ

тонкими пальцами, волнуясь, потеревливалъ бороденку и почмыкивалъ утинымъ, съ зашипкой на концѣ, носомъ.

— Какъ попалъ я въ Сибирь, сталъ пить. Прямо пьяницей горькимъ сдѣлался. Черезъ это все здоровье потерялъ. До бѣлой горячки, милые, допивался, по воздуху въ избѣ леталъ. Вотъ, будто взвояюсь вверхъ, съ избой вмѣстѣ, да и ну порхать.

Свистоплясъ разсыпался горошкомъ и провелъ ладонью снизу вверхъ по курносому своему бабьему лицу:

— Это бывать! — весело крикнулъ онъ и подбоченился: — Я тоже такъ-то пивалъ, дыкъ меня черти въ адъ спускали по трубѣ... Женить на жабѣ, такъ твою такъ, хотѣли, ды выгнали.

— Изъ аду? — улыбнулся дѣдъ.

— Изъ аду. Ужъ очень не славно я сталъ себя тамъ обозначать. «Убирайся, говорятъ, къ лѣшему», да какъ ы-ахнуть бѣ лень! — и Ванька, боднувъ рукой, показалъ на шею.

— И вотъ, милые, — вновь заговорилъ Антонъ, — такъ и жилъ я въ нуждѣ да лишеніи одиннадцать годиковъ. И такъ меня потянуло въ родное мѣсто, что выразить вамъ не могу. Жена съ дочкой сниться начали, голосъ подавали. Вотъ такъ сидишь въ тайгѣ, у рѣчки, ночью, вдругъ: «Анто-о-ша»... Вскочишь, перекрестишься и только забудешься — опять: «Анто-о-ша»...

Антонъ вздрогнулъ и перекрестился.

— Не вытерпѣлъ, собрался въ путь. Не много, не мало шелъ я, сказать по правдѣ — ровно два года. Пришелъ это я въ Воронежъ, вечеромъ. А еще когда въ тюрьмѣ сидѣлъ, зналъ, что Наташенька съ дочкой въ городъ перебрались... Какъ-же. Переночевалъ на постояломъ, а утромъ въ соборъ, стою въ задку, трусъ возлѣ нищихъ, думаю: они въ городѣ лучше всѣхъ знаютъ каждыго. И вѣрно: узналъ отъ нихъ, что мой братъ, Павелъ Иванычъ, недолго съ супругой пожилъ, овдовѣлъ и состоитъ нынѣ профессоромъ семинарии духовной и мѣтитъ, молъ, въ архіереи.

— О-о-о... — протянулъ Ванька. — Въ архіереи? Ловко.

— Да. А объ моей Наташѣ ни слуху, ни духу: ровно бы, говорятъ, такой и въ городѣ нѣтъ. Потомъ про брата опять подумалъ: слава, молъ, Господу, ежели къ такому чину готовится, это хорошо: чинъ ангельскій, и человекъ долженъ быть души тихой. Вернулся я на постоялый вечеромъ. Погрызъ калачика, чайку испилъ, помолился про себя Богу,

легь. Вдруг, среди ночи, сонъ: будто я въ часовнѣ одинъ-одинешенекъ, стою на колѣняхъ и земные поклоны бью. А передъ иконой Богородицы единая свѣчка маленькая. Горитъ, а свѣту нѣтъ. Потомъ разомъ какъ вспыхнетъ сіяніе. Я сразу ослѣпленъ былъ, упалъ плашмя, головой въ полъ, и слышу твердый голосъ: «Иди, рабъ, будетъ указано!». Тутъ я, братцы, вскочилъ, гляжу — утро. Трясусь весь, зубами щелкаю, одѣваться проворненько началъ, да въ штаны-то никакъ не могу утрафить...

— Гы-ы-ы, — протянулъ, осклабясь, Ванька, но Лѣхманъ молча пнулъ его въ бокъ и сказалъ, мотнувъ головой, Антону:

— Ну-ка...

— Вотъ хорошо. Поплескался водичкой, смѣлость такую въ себѣ почувствовалъ, что, кажется, все ни почемъ. Пришелъ я въ семинарію. «Павелъ Иванычъ дома?» — «Насчетъ доставки дровъ, что-ли? Иди наверхъ, третья дверь справа». — Иду, улыбаюсь, душа прыгаетъ во мнѣ, что-то будетъ? Хочу крикнуть ей: — «Образумься, вернись!» — Она отвѣтствуетъ: «Иди, будетъ указано». Чуть пріоткрылъ дверь, взглянулъ: однако, — онъ, въ мундирѣ, чай пьетъ. Не пойду, думаю, а душа кричитъ: «Иди!» — да какъ толкнетъ меня въ комнату. Ей Богу...

— Дѣла-а-а... — протянулъ дѣдъ и погладилъ кольчатая пряди бороды.

— «Братецъ!» — сказалъ я. Онъ повернулся, точно его обожгло, поднялся: «Антонъ!» — глаза круглыми сдѣлались, руками машетъ, шипитъ: «Да какъ ты могъ, да какъ ты осмѣлился?» Я въ ноги, ползу къ нему, да вою: «Братецъ мой, братъ...» А онъ стоитъ, какъ столбъ: «Ты подумалъ ли? Что тебѣ надо? Ты бѣжалъ?» — «Мнѣ бы жену мою, Наташеньку, увидеть, да Любочку...» — «Наташа умерла». — «Какъ!?» — Онъ помялся этакъ, подумалъ: — «Она живетъ тутъ съ однимъ... съ помѣщикомъ... На содержаніи». — Я ужъ на ногахъ стоялъ, всталъ съ полу-то. Захватило у меня духъ, въ головѣ круженъе сдѣлалось. Оправился, однако, держусь за стѣну. — «А Любочка, хоть бы на Любочку взглянуть...» — Стою, жду отвѣта, всплеснулъ руками, а лицо, чую, дрожить, подбородокъ скачетъ, слезы по щекамъ текутъ, и все въ глазахъ прыгаетъ. А братъ, какъ мышь въ ловушкѣ, бѣгаетъ по комнатѣ. Потомъ остановился, взглянулъ на меня исподлобья: «ладно, говорить, жди». Схватилъ фуражку съ

кокардой, ключъ досталь: «Я, говоритъ, тебя запру, чтобы прислуга...» Сѣлъ я на стуль, сижу, думаю: эхъ, Наташа, Наташа...

Антонъ умолкъ и закрылъ лицо руками.

Лѣхманъ похлопалъ его по согнутой спинѣ:

— А ты плюнь... Эка штука... Возьми сердце-то въ зубы...

— Ахъ, милый, вѣдь больно... вѣришь ли, тяжело вѣдь...

— Ну-ка, сказывай, какъ дочку-то встрѣтилъ.

— Эхе-хе-е-е... Встрѣтилъ!.. Я ее такъ встрѣтилъ, что помирать буду — и то часъ тотъ вспомню... Лихой тотъ часъ былъ, ребятушки. Правильно въ Писании сказано: «враги челоуѣку домашніе его»... Такъ оно и вышло.

— Не признавала, что-ль, за отца тебя?

— Не въ этомъ дѣло-то, сударикъ... Слушай, ужъ доскажу... Вотъ жду я, жду, самъ думаю: о чемъ говорить начнемъ съ дочкой? А въ мысляхъ я держалъ повидаться съ Любочкой, да жену разыскать, ну, тамъ пожить тайно, безъ огласки чтобъ, съ недѣлку, да и назадъ. Но, миленькіе, тутъ-то, сидя на стулѣ, понялъ я и уразумѣлъ всей душой, что обратно пути мнѣ нѣтъ, что назадъ уйти въ Сибирь отъ дочери, отъ родины, силъ не хватить. Думай, не думай — этому не быть. И вдругъ злоба закипѣла: «Ахъ ты, окаянная душа, — самъ себѣ шепчу. — Куда ты привела меня, зачѣмъ? Вѣдь на погибель ты, душа, привела меня»... Все тутъ всплыло сразу наверхъ, все, все, ребятушки. Вся жизнь, вся сладость прошлыхъ дней моихъ счастливыхъ, и друзья, и знакомые, и ласки жены... Всю душу во мнѣ перевернуло. А что-жъ дальше, думаю... Назадъ? Будь ты проклята, душа моя!

— А души-то и не бывать, — не утерпѣлъ Ванька.

— Тьфу, лѣший! — плюнулъ дѣдъ.

Антонъ встряхнулъ локтями и приподнятымъ голосомъ быстро-быстро заговорилъ:

— И такія во мнѣ закружились мысли, что страхъ. Ничего не разберу, прямо вотъ ухватиться за нихъ не могу, мелькаютъ, какъ пчелы, или снѣгъ валить. Какъ начали жалить: «Давись, пока нѣтъ! убей брата, а деньги въ карманъ... Въ монахи, въ схимники... Жену убей... Нѣтъ, любовника убей, нѣтъ, жену убей, дочь возьми»... Потомъ все умолкло, какъ метлой смело, и, чую, одинъ только голосъ во мнѣ выявляется: «Будетъ указано». Вдругъ: дзинь-дзинь! Дверь

отворилась: впереди братецъ, а сзади два жандарма и приставъ. Я вскочилъ, а милый братецъ протянулъ руку и сказалъ: «вотъ!».

— А-а-ахъ, сволочь! — прошипѣлъ вдругъ дѣдъ, судорожно сжимая пальцы.

Ванька плюнулъ въ кулакъ и потрясъ имъ въ воздухъ:

— Такъ твою такъ!.. Вотъ это братъ... Я-бъ его, на твоемъ мѣстѣ, по зубамъ да объ голову... Я-бъ его!..

Лѣхманъ всталъ, крикнулъ, сдвинулъ на затылокъ сшитую изъ тряпокъ шапку, взялъ топоръ и началъ сильными взмахами рубить возлѣ угасавшаго костра пень. Пень не поддавался, и дѣдъ, вдругъ обозлившись, ругалъ топоръ, ругалъ Ваньку, ругалъ эту чертову коряжину-пень, ни дна-бъ ему, ни покрышки, окаянному, швырнулъ топоръ въ тьму и куда-то быстро скрылся.

Антонъ молча вздыхалъ. Ванька-Свистоплясъ на всѣ лады сквернословить...

Два голоса вдали послышались: сердитый — Лѣхмана и виноватый — Тюли. Лѣхманъ кричалъ грубо и надсадисте, Тюля робко возражалъ.

— Чтобъ тебя, дикошараго... Мало тебѣ еще, чо-ортъ...

— А какъ не скоро придемъ въ Кедровку-та? .

— Не скоро-о?.. Твое дѣло пакостить...

Подошли.

— Ну, сухарей возьми, ну, крупы отсыпь... А порохъ-то зачѣмъ, сбрую-то зачѣмъ?.. Чо-ортъ...

Тюля свалилъ у костра мѣшокъ награбленнаго въ зимовѣ добра и стоялъ съ улыбающимся, испуганно-виноватымъ лицомъ:

— Я въ отвѣтъ буду.

— Ты, тварь? Ты! — рявкнулъ Лѣхманъ. — Нашъ пугтикъ только загаживаешь... Вѣдь поймаютъ — всѣмъ намъ башки оторвуть.

Тюля поправилъ костеръ, взялъ мѣшокъ, приподнялъ, будто примѣряясь — грузно ли, и, отбросивъ съ сердцемъ въ сторону, сълъ.

— А у насъ въ Расеѣ... — началъ было онъ, но Лѣхманъ, тяжело пыхтя, перебилъ его:

— Давайте, братья, спать: ишь, ночь.

Темно было кругомъ и тихо. А холодъ наплывалъ все настойчивѣй. Спины у бродягъ стали мерзнуть.

— А у насъ, въ Расеѣ... Дыкъ... Эдакъ то... — попробо-

валъ вновь завести разговоръ Тюля, щуря на Лѣхмана свои узкіе поросячьи глаза.

— Брехунъ, — сказалъ дѣдъ и сталъ укладываться, подставлявъ на землю хвой.

Тюля, повалившись на спину, придвинулся къ самому костру. Антонъ что-то говорилъ во снѣ и плевался. А Ванька вздрагивалъ вразъ ногами и жалобно стоналъ.

* * *

Лѣхманъ приподнялся, вздохнулъ, потеръ старую спину, задумался. Свою Лѣхманъ думу думаетъ, таежную.

Тихо въ тайгѣ, замерла тайга. Обвели ее шиликуны чертой волшебною, околдовали неумытики зеленымъ сномъ. Спи, тайга, спи... Медвѣдь-батюшка, спи. Сумракъ пахучій, хвойный, карауль тайгу: встань до небесъ, разлейся шире, укрой всѣ пути-дороги, притуши огни.

Не шелохнеть тайга. Вѣтеръ еще съ вечера запутался въ хвояхъ, дремлетъ. Вотъ хозяинъ поднимется, — бѣлые туманы, выплывайте, — вотъ хозяинъ скоро встанетъ изъ мшистаго болота. Филинъ, птица ночная, ухай, канюка, канючь, — хозяинъ фонарикъ отыскиваетъ... Звѣри лѣсные, всѣ твари летучія, жалючія, ползучія, залѣзайте въ норы: хозяинъ идетъ, хозяинъ строгій... Разстилайтесь, бѣлые туманы, разстилайтесь... Человѣкъ, не размыкай глазъ: хозяинъ страшный, увидишь — умомъ тронешься, крѣпче спи... Тише, тише: хозяинъ потягивается, хозяинъ съ золотого мѣсяца когтемъ уголекъ отколупываетъ... Охъ, тише: хозяинъ дубинку взялъ...

— Гогогогого-оо-о-о-о...

— Кто это? Ты, дѣдъ?! — какъ гусь, вытянулъ шею Ванька.

Бродяги спали крѣпкимъ сномъ.

Глава IV.

Только теперь почувствовала Анна, что Андрей и она — одно.

Когда наладилось у нихъ съ Андреемъ — веселая была, безъ пѣсни не работала, а теперь словно подмѣнили: тихая, молчаливая. А то — задумается, стоитъ столбомъ у печки, не живая. Окликнуть — вздрогнетъ. Бородулинъ сердиться сталъ.

— Я на тебя, Анка, штрафъ буду накладывать... Однако, я тебя, дѣвка, къ себѣ въ спальню утащу...

Но Анна строгимъ, укорчивымъ взглядомъ гасила купеческую кровь.

Давненько на нее Бородулинъ зарился: такъ, поиграть хотѣлъ. Надо бы Дашкѣ отставку дать еще съ осени, Анну приручить тогда — разъ плюнуть, полагалъ купецъ, а теперича... Большого купецъ далъ маху: у Андрея, дѣйствительно, рожа замѣчательная, благородный... безъ штановъ, а въ шляпѣ...

— Ты чего, быдто щелокомъ охлебалась? — какъ-то спросилъ Иванъ Степанычъ Анну.

Промолчала Анна.

— Али все по Андрюхѣ тужишь?.. Смотри, дѣвка, — потрогилъ онъ шутливо пальцемъ и поглядѣлъ на Анну погрѣшному. Но когда онъ глядѣлъ такъ на Анну, вмѣстѣ съ грѣшной думой что-то новое шевельнулось въ душѣ, словно зеленая травинка сквозь земли въ чертополохѣ прорѣзалась.

— А что?.. — самъ себя спросилъ купецъ. — Дѣло было бы... — и улыбнулся.

Давно надо бы Андрею воротиться. И ужъ стало думаться Аннѣ разное: не заблудился-ли, медвѣдю не попалъ-ли? А вдругъ въ бѣга ударился! Не спится Аннѣ по ночамъ, а ежели уснетъ — сонъ тягостный мучаетъ, вскакиваетъ Анна въ страхъ и долго сидитъ во тьмѣ и трясется. Вѣдь вотъ стоялъ, наклонялся, гладилъ... Нѣту. Закричать бы, заплакать... горько-горько заплакать бы... Но не было слезъ.

Май за середку перевалилъ. Андрей не возвращался.

Товарищи-политики всполюшились: всѣ сроки прошли, пропалъ Андрей. Мужиковъ сбили, три дня всѣмъ селомъ въ тайгѣ шарились — нѣту.

— Убегъ, стерва, — сказалъ Бородулинъ мужикамъ. — Упороль... Навѣрняка, упороль...

У Анны сердце кровью облилось. Всѣ три дня не пила, не ѣла. Точно въ дыму ходить, вся снутра горитъ. А какъ вернулись мужики ни съ чѣмъ, обрядилась Анна во всю таежную мужичью «лопотину»: холщевые штаны надѣла, рубаху посконную, бродни, взяла винтовку у хозяина да двухъ сабакъ и пошла съ кривымъ солдатомъ въ тайгу.

— Экъ тебя подмываютъ лукавые-то... — ворчалъ Иванъ Степанычъ. — Экъ ты присуха-то корежить...

Долго они по тайгѣ путались, версть на сто обогнули, весь порохъ разстрѣляли, — нѣтъ, не откликается. Такъ и вернулись домой, ободрались оба, солдатъ щетиной обросъ, у Анны щеки провалились. Бородулинъ только головой покачалъ.

— Ну, какъ же... ты скажи... Ради Бога, скажи... Куда схоронилъ? Гдѣ? — пристаесть къ Ивану Степанычу Анна.

— Кто? Я? Да ты ошалѣла, дѣвка?

— Побойся Бога... Отдай... Ну, отдай...

Иванъ Степанычъ и на счетахъ брякать пересталъ. Долго и пристально смотрѣлъ на Анну. Анна стоитъ передъ нимъ, тихая, ужъ не кричитъ, не проситъ, глаза опустила, а губы дрожать, кривятся, не можетъ совладать.

Бородулинъ поднялся и заботливо повелъ Анну внизъ, въ ея комнатку:

— Найдется.

Твердо сказалъ купецъ. Анна повѣрила и улыбнулась, а какъ сталъ гладить ея голову, поймала руку, заплакала — и вдругъ ей сдѣлалось легко.

И только засыпать начала, Бородулинъ такъ же твердо, какъ по сердцу молотомъ:

— Онъ давно дома, у себя...

Анна поднялась — темно. Кто загасилъ? Гдѣ солнце? Гдѣ Андреюшкино солнце?

— Иванъ Степанычъ, Даша! — кричитъ Анна.

Никто не отозвался. Только въ углу, гдѣ рукомойникъ, капелька по капелькѣ булькала въ лохань вода.

— Иванъ Степанычъ, Иванъ Степанычъ!.. — идетъ Босикомъ, простоволосая, половицы поскрипываютъ, двери сами собой отворяются. Надо бѣгомъ, радостно стало, надо по задворкамъ, какъ тогда, какъ раньше...

— Ну, куда-жъ ты, стой! — Даша схватила ее сзади.

— Къ нему... къ Андрею.

— Да ты что? Очухайся...

— Иванъ Степанычъ сказалъ.

— Пойдемъ, пойдемъ... Когда это? Онъ вечеръ еще уплылъ. Чего ты мелешь. Да и-и-ди-ка, телка!

Полная луна стояла въ небѣ. Анна поглядѣла на луу, на голубую церковь, на Дашины черные глаза.

— Стало быть, сонъ... А явственно.. Пришелъ, говорить...

— А Анна-то тово... — сказала по-утру Даша и постукала пальцемъ по лбу.

Старухи припелелись, застрекотали. То съ угелька совѣтуютъ спрыснуть — можетъ отведеть, то въ подворотню пролѣзть голой да на мѣсяць по-собачьи вляять. Хорошо бы за упокой подать, батюшка добрый, ему только бутылку посули, отслужить панихиду, это помогаетъ: душа у Андрея скучать начнетъ, ангель Божій на дорогу выведетъ: иди.

Анна старухъ разглядываетъ, виски сжала ладонями, голова болитъ. А старухи пуще, голоса крикливые, другъ съ дружкой сцѣпились, орутъ, слюнями брызжутся.

— Колдовка! — кричить горбатая. — Твое дѣло по пчамъ коровамъ вымя выгрызать...

— Отъ колдовки слышу! Тѣфу! — вскочила хромая, топнула кривой ногой и вся въ дугу изогнулась. — Ты вотъ свиньицей оборачиваешься, оборотка чертова...

— Всѣ вы хороши... Только дѣвку съ толковъ сбиваете...

— Ну, ты... потрясучая!..

Анна стонетъ, голова гудитъ. Хоть бы Иванъ Степанычъ пришелъ да выгналъ. А старухи пуще.

Анна тихонько ноги спустила, да рукой къ ружью, и страшнымъ голосомъ на старухъ:

— Уходите...

Старухи, какъ овцы, стадомъ въ дверь.

А по селу прокатилось: кедровская дѣвка спятила.

Иванъ Степанычъ нѣтъ-нѣтъ, да и забѣжитъ изъ лавки на Анну поглядѣть: ужъ очень надоѣли ему старухи. Анна ничего, работаетъ. Поговорить съ ней по хорошему, что-нибудь этакое скажетъ, веселенькое, ничего. Опять въ лавку. А тамъ ужъ еще старуха, губы сухія поджимаетъ, да два старика топчутся:

— А ты бы ее, мотри, Степанычъ, на цѣль...

— Кого это? — зеленѣть купецъ.

— Да Анку-то... Ишь, она, тварь, всѣхъ старушонокъ наскрозь распрострѣлила...

— Илюха! — кричить приказчику Иванъ Степанычъ.— Гоня ихъ въ шею!

А въ это время прѣхаль изъ волости урядникъ, собрали сходъ.

— Искали, ребята?

— То ись, скажи на милость, всю тайгу выползали.

— А покличете-ка ее, эту... фефелу-то вашу... Какъ ее...

Стали Анну звать — не идетъ, староста пришелъ — не идетъ, приказано силой взять.

— Ну, иди... Чего ты, право?

— Пошто я ему? Изгаляться, что ли? — сверкнула она взглядомъ. Однако, пошла.

Урядникъ на завалинкѣ сидитъ: ногу отставилъ, руку въ карманъ, глаза навывкатъ, усы строгіе, самъ «съ мухой».

— Ого, кобылица какая... Ядре-е-ная... — облизнулся онъ на Анну. — А ну-ка, говори, сударыня... Ты трепалась съ Андреемъ, съ политическимъ. А?

Анна гнѣвно сдвинула брови и тяжело задышала, косясь черезъ плечо на урядника.

— Ты оглохла? — пьяно кричитъ онъ. — Я те уши-то прочищу... Потаскуха мокрохвостая!..

Какъ подъ бичемъ вздрогнула Анна.

— Безстыжіи... Тьфу! — и злобно плюнула ему въ лицѣ.

— А-а-а... Такъ?! — выкатилъ онъ глаза и, блеснувъ на солнцѣ перстнемъ, со всей силы ударилъ ее въ високъ.

— Ой, ты... — обхватила Анна голову. — Звѣрь!..

Толпа зашумѣла. Урядникъ, весь налившись кровью, вновь взмахнулъ кулакомъ, но мужики сгребли его и вразъ загрозили:

— Ваше благородье! Ты не смѣй!..

— Ты этого не моги!.. Дѣвка чужая, дѣвка одна...

— Что-о-о?.. — да какъ дастъ ногой Аннѣ въ животъ. — Въ чижовку! живо-о!

Анна перегнулась вся:

— Ребеночка убиль... батюшки, убиль! — И, дико крича, пустилась по деревнѣ.

А отъ рѣки, развѣвая черной бородой, бѣжалъ на шумъ только-что выкупавшійся Бородулинъ. Ему было видно, какъ въ толпѣ, взлетая и падая, кого-то молотили кулаки: сверкнула шашка, взглянули въ чищенныхъ сапогахъ ноги — и толпа вдругъ бросилась вразсыпную.

— Бу-у-унтъ... Бу-у-унтъ... — ползая по землѣ, хрипѣлъ урядникъ.

— Петръ Петровичъ! Ваше благородье... Да ты что?

— Запоррю... Въ каторгу, сволочи...

Ивану Степанычу большихъ трудовъ стоило увести урядника домой. Привелъ, подалъ самъ умыться — вода въ лохани заалѣла кровью, — самъ перевязалъ ему подбитый глазъ.

— На-ка, вотъ, — отрѣзалъ ему лучшаго сукна на ли-

нель, — порвали, подлецы! — да еще добавилъ двадцать пять рублей.

— Ты лучше забудь... Мало ли чего... Ты съ нашимъ народомъ не шути... Гольное звѣрье... Дрянь...

— Только бы начальство не дозналось... А съ мужичками сочтемся... И дѣвку тоже...

— Дѣвка чего-жь... дѣвка ничего... Жаль, все-таки... На-ка, дербулызни коньячку... На-ка рябиновочки...

Когда пьянаго урядника положили поперекъ повозки, Иванъ Степанычъ шепнулъ ямщику:

— Чебурахни его, анаѣему, куда, не то въ лужу... гдѣ погуще... Понялъ?..

— У-стряпаю, — подмигнулъ веселый парень и, вскочивъ на облучекъ, вытянулъ вдоль спины и коренника, и лежавшаго пластомъ урядника.

Иванъ Степанычъ зычно захохоталъ вслѣдъ взвившейся тройкѣ и кликнулъ новую свою стряпку, молодежавую вдовуху Фенюшку:

— Ну, какъ Анка-то?

— Да чего... лежитъ...

— Истопи-ка пожарче баенку, да распарь-ка ее хорошень, разотри. Чуешь?.. Рѣдьки накопай, да рѣдькой. Ну, живо!

Онъ легъ спать рано: выпито порядочно, — ухмылялся въ бороду и приговаривалъ:

— Засужу... Хе-хе... вотъ-те засужу...

Лежа, думалъ: засудилъ бы, что тогда... полсела угнали бы въ тюрьму, сколько долговъ пропало-бы.

Поглядѣлъ на образъ, на мягкій огонекъ лампадки и громко сказалъ:

— Слава тебѣ, Микола милостивый, слава тебѣ...

Отъ избытка силъ Ивану Степанычу легко и весело сдѣлалось, мысли приятныя роились, и во всемъ тѣлѣ гулялъ легкій полугарь. Чей-то голосъ знакомый слышался, Анкинъ, не Анкинъ, глаза голубые приникли, кажется, Анкины... да... ея глаза, Анкины.

Поднялъ купецъ вѣки, крикнулъ:

— Сходить нешто... Провѣдать... — Но вдругъ улыбка ушла съ лица: — Ужо исправнику собольковъ парочку подсортовать... Онъ его... Бродя-ага... Драться?!

(Продолжение слѣдуетъ).

Вяч. Шишковъ.

ЕГО РОДИНА.

Бѣлокурые волосы, больше голубые глаза, немного близорукіе, круглое лицо со здоровымъ румянцемъ — вотъ какъ Борисъ Поляковъ, двадцатилѣтний сибирякъ.

Единственно, что было семитического въ его лицѣ, это — небольшая горбинка на носу. Но въ Сибири эта горбинка ни въ комъ не порождала ненависти къ Полякову, и онъ для всѣхъ былъ просто Борька или Борисъ Захарычъ.

Мать Полякова умерла, когда ему еще не было двухъ лѣтъ, а отца онъ схоронилъ совсѣмъ недавно; оба они покоятся на еврейскомъ кладбищѣ.

Борисъ единственный сынъ, и всѣ деньжонки отца, примерно, до пяти тысячъ, перешли къ нему. Отецъ былъ винокуромъ, служилъ на заводѣ купца Сурикова. Борисъ учился въ городскомъ училищѣ, лѣтъ до шестнадцати, а потомъ пошелъ служить по хлѣбной части.

Ко времени смерти отца онъ уже хорошенько сталъ вникать въ дѣло. Про него говорили, что онъ смекалистый и честный парень. Большие купцы довѣряли ему значительныя суммы.

Смерть отца поразила его. Отецъ былъ славнецкій мужикъ, всѣ въ городѣ его любили. Для Бориса же онъ былъ всѣмъ: и совѣтникомъ, и нѣжной матерью, и товарищемъ.

Въ то время евреевъ въ городѣ было мало. Доживалъ свой вѣкъ старикъ-музыкантъ; дѣти его выкрестились и разѣхались въ разныя стороны. Былъ еще докторъ-еврей, но о немъ никто хорошенько не зналъ: то ли онъ выкрестился, то ли нѣтъ.

Борисъ еврейскаго языка не зналъ, объ исторіи евреевъ, объ ихъ религіи и страданіяхъ онъ зналъ кое-что изъ рассказовъ отца. Самъ же въ религіозныхъ и національныхъ вопросахъ разбирался плохо.

Но вскорѣ ему пришлось еще кое-что узнать.

Это было мѣсяца черезъ три послѣ смерти отца. Приходить къ нему однажды городской, зоветъ къ исправнику.

А исправникъ челоѣкъ новый, недавно назначенъ изъ Томска. Накинулъ Борисъ бешметъ, пошелъ въ полицію.

— Вы Борухъ Поляковъ?

— Я.

— Еврей?

— Еврей.

— А знаете вы, что вамъ въ Сибири, да еще на кабинетской землѣ, жить воспрещается?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, такъ вотъ, Поляковъ: даю вамъ восемь дней на устройство своихъ дѣлъ, а потомъ уѣзжайте на мѣсто приписки.

Борисъ изумленно раскрылъ свои большіе глаза.

— Куда, говорите, ѣхать?

— На мѣсто приписки.

— Каксй приписки?

— Вотъ тебѣ и какой! —недовольно проговорилъ исправникъ. — Вы по-русски, что ли, не понимаете? Вы какой мѣщанинъ?

«Что такое онъ мелеть!» подумалъ Борисъ, а вслухъ сказалъ:

— Да я здѣшній!

— Какъ здѣшній? Въ документахъ у васъ сказано, что вы Шаргородскій мѣщанинъ, Подольской губерніи.

Борисъ разсмѣялся:

— Вонъ что! Да это мой отецъ оттуда былъ родомъ, а я, господинъ исправникъ, — извините, я не знаю, какъ васъ величать, — я родился здѣсь. Вотъ хоть Семена Петровича спросите.

Семень Петровичъ, секретарь полиции, буркнулъ что-то про себя и ниже нагнулся надъ бумагой.

Исправникъ былъ сибирякъ. Онъ не раздражался такъ быстро, какъ его коллеги изъ Европейской Россіи. Онъ вразумительно сказалъ:

— То, что вы здѣсь родились, значенія не имѣетъ. Разъ вы приписаны къ Шаргородскому обществу, значить, вы тамошній и здѣсь вамъ жить нельзя.

— Позвольте, — отозвался Борисъ, — а какъ же я жилъ здѣсь всѣ двадцать лѣтъ до сегодня?

— Вы при отцѣ жили, а отцу вашему разрѣшилъ здѣсь жить томскій губернаторъ. Теперь вашъ отецъ умеръ, и вамъ здѣсь оставаться невозможно.

Въ это время въ полицію зашелъ воинскій начальникъ. Исправникъ всталъ ему навстрѣчу, усадилъ, а самъ обратился къ Борису:

— Можете идти.

— Позвольте, — сказалъ тогда Борисъ. — Вы говорите — уѣзжать. А у меня тутъ родители похоронены.

— Ну такъ что же?

— Я желаю при нихъ находиться.

— При покойникахъ находиться нельзя, — громко размѣялся исправникъ. Разсмѣялся и воинскій начальникъ и самъ Борисъ тоже размѣялся: смѣшно.

Онъ вышелъ изъ полиціи обалдѣлый. Ходилъ безъ цѣли по улицамъ, машинально кланяясь знакомымъ, и вдругъ онъ почувствовалъ, что никого у него на свѣтѣ нѣтъ.

Пошелъ къ себѣ домой въ комнатушку. Пробовалъ разсказать обо всемъ хозяину, Петру Петровичу. Но тотъ глухой, какъ пень, ничего не понялъ. Да если бы и не глухой, то едва ли понялъ бы, потому что и самъ Борисъ ничего не понималъ.

Пошелъ къ купцу Сурикову: все же не чужой, знаетъ Поляковыхъ ужъ больше двадцати лѣтъ.

Старикъ не понималъ Бориса.

— П-пастой-пастой-пастой! Что ты врешь! Ежели ты здѣсь рожденный, то тебя и выселять некуда. Такого закона нѣтъ.

— Вѣрно, Максимъ Максимычъ. И я такъ же говорю. А онъ, исправникъ, значить, говорить — уѣзжай. Потому, значить, приписанъ къ Шаргородскому обществу.

— Да что ты толкуешь! — разсердился старикъ. — Дуракъ ты, и больше ничего! Сказалъ бы толкомъ, что рожденъ на заводѣ Сурикова, Максимъ Максимыча, онъ бы и отвязался.

Борисъ многократно повторялъ свой разговоръ съ исправникомъ, восстанавливая мельчайшія подробности, а Максимъ Максимычъ все больше раздражался на Бориса за то, что не сумѣлъ поговорить толкомъ. Наконецъ, онъ побѣжалъ въ спальню и черезъ минуту вышелъ оттуда въ сюртукѣ и съ золотой медалью на груди.

— Подожди меня тутъ, — сказалъ онъ Борису и крикнулъ въ дверь, чтобы подавали коня.

Вышла Людмила Николаевна, поила Бориса чаемъ и утѣшала его.

— Ужъ ежели Максимъ Максимычъ за дѣло принялся, такъ ужъ не сумлѣвайся, разрѣшеніе вразъ тебѣ напишутъ.

Борисъ и самъ подумалъ, что Максимъ Максимычъ человекъ, можно сказать, знаменитый и дѣло можетъ выгорѣть.

Застучали колеса подъ окномъ, вернулся Максимъ Максимычъ.

Что-то больно скоро!

Въ передней раскричался на Дуню, почему дверью стукнула, весь домъ затрясся. Людмила Николаевна отъ волненія привстала со стула.

— Сердитый пріѣхалъ, — прошептала она.

Старикъ гнѣвно заходилъ по комнатѣ, ни на кого не глядя. Ходилъ такъ минуты двѣ, а потомъ проговорилъ:

— Подыте вы всѣ къ лѣшему! Чортъ васъ разберетъ!

Еще походилъ, и вдругъ съ крикомъ остановился возлѣ Бориса:

— Сколько годовъ христіанскій хлѣбъ ѣли, пора вамъ забыть жидовскую вѣру!

Отошелъ на шагъ и ужъ мягче добавилъ:

— Сходи къ попу, выкрестись.

Борисъ сразу всталъ со стула.

— Что вы, Максимъ Максимычъ, — сказалъ онъ укоризненно, — мой отецъ лежитъ въ могилѣ, а я чтобъ креститься? — и взволнованный отвернулся къ окну.

* * *

Борисъ уѣхалъ въ концѣ февраля. Сибирь еще спала подъ своимъ пуховымъ одѣяломъ. Спали рѣки въ стальныхъ футлярахъ, небо гудѣло отъ мороза. А здѣсь, за Курскомъ, уже пахло весной.

Борисъ съ удовольствіемъ стоялъ на площадкѣ вагона, глядѣлъ на залитыя солнцемъ поля, на безоблачное небо, и думалъ, что здѣсь, пожалуй, тоже не худо жить.

Перво-наперво, онъ ѣхалъ въ мѣстечко Шаргородъ, на мѣсто приписки. Надо поглядѣть, что это за мѣсто приписки. Ну, а дальше — видно будетъ.

Съ поѣзда слѣзъ въ полдень, но до Шаргорода еще нужно было на лошадахъ проѣхать верстъ двадцать пять.

На станціи его поразило, какъ это всѣ сразу узнаютъ въ немъ еврея. Хохлы кричали ему:

— Эй, ты, жидокъ! Ёдь со мною.

Еврей-ямщики обращались къ нему по-еврейски. Но онъ по-еврейски не понималъ ни слова. Когда онъ заговорилъ своимъ дробнымъ сибирскимъ говоркомъ, на всѣхъ лицахъ обозначилось великое изумленіе и всѣ вдругъ стали его звать «пань» и «барынь».

Поѣхалъ онъ со старичкомъ-хохломъ. Ямщикъ часто останавливалъ лошадей и долго-долго насвистывалъ имъ. Послѣ этого онъ неизмѣнно обращался къ Борису съ просьбой дать ему «покурить».

Вечеромъ пріѣхали въ Шаргородъ.

Борисъ помнилъ, что отецъ изрѣдка посылалъ деньги своему брату Лейбу. Онъ и рѣшилъ захватить къ этому Лейбу — дядей приходится.

У дяди, оказалось, былъ заѣзжій домъ. Въ сѣняхъ тускло горѣлъ фонарь. Изъ темноты кто-то вынырнулъ и спросилъ:

— Цѣ вы, Хвѣдоръ? Кого привезлы?

— Пассажыря, — отвѣтилъ Хвѣдоръ.

Человѣкъ приблизился и, заглянувъ Борису въ лицо, заговорилъ съ нимъ по-еврейски.

— У васъ тутъ можно остановиться? — спросилъ Борисъ.

— А... — изумленно остановился человѣкъ, — можно, можно! Заходите, пожалуйста.

И открылъ ему дверь въ номеръ.

...Борисъ сидѣлъ за самоваромъ и пилъ чай. Комната была неуютная. Стѣны испачканы какими-то ободранными синими цвѣточками. На окнахъ висѣли грязныя занавѣски. Лампа горѣла тускло. Взгрустнулось Борису.

Сомнѣнья не было, что вотъ этотъ рыжий человѣкъ, такъ похожій на его отца, и былъ дядя Лейбъ. Но онъ такъ раболѣпствовалъ передъ «паномъ» послѣ того, какъ тотъ далъ Хвѣдору двугривенный на чай, что духу не хватило у Бориса объявиться ему.

Гдѣ-то далеко, въ третьей или четвертой комнатѣ, слышны были женскіе и дѣтскіе голоса и стукъ посуды.

Борисъ посмотрѣлъ въ окно. Было темно и пустынно на улицѣ, желтые огоньки изъ чужихъ оконъ глядѣли жутко, непривѣтливо.

Стукнула дверь и вошелъ Лейбъ.

— Пане, можно взять самоваръ?

— Можно.

— Маринка! Забери самоваръ.

И вотъ ужъ самоваръ забранъ, но Лейбъ все топчется на одномъ мѣстѣ и мнетъ въ рукахъ свою фуражку. У него небольшая, рыжая борода и голубые, смущенные глаза.

— Пане, — говоритъ онъ шопотомъ. — Можетъ, панъ хочетъ на ночь хорошую дѣвушку?

Борисъ не сразу понялъ, а когда сообразилъ, все лицо у него загорѣлось отъ стыда.

— Послушайте, — сказала онъ, наконецъ. — Вы меня, Богъ вѣсть, за кого принимаете, а я вамъ родной племянникъ.

Лейбъ вздрогнулъ и шагнулъ къ нему два раза:

— Какой племянникъ?

— Да очень просто: сынъ вашего брата Захара.

— Изъ Сомбири?

— Изъ Сибири.

Лейбъ моментально одѣлъ шапку и кинулся въ открытыя двери.

— Бейла! Сурка! Идите скорѣе сюда!

Вбѣжала толстая женщина, а за нею черноокая дѣвушка лѣтъ семнадцати.

Лейбъ возбужденно имъ что-то сталъ рассказывать, а онѣ издавали радостныя восклицанія и глядѣли на Бориса, смущенно улыбаясь. Борисъ подошелъ къ нимъ и подаль имъ руку.

* * *

Лейбъ на второй день перетасилъ вещи племянника къ себѣ въ столовую, а въ номеръ пустилъ графскаго эконома. Извѣстие о смерти брата сильно его огорчило. Онъ дня два глубоко вздыхалъ и ходилъ утромъ и вечеромъ въ синагогу молиться за упокой брата. Съ Борисомъ онъ часто уединялся и подолгу разспрашивалъ его о братѣ, о его житиѣ въ Сибири и о многомъ другомъ.

Но Борисъ видѣлъ, что его русскій языкъ стоитъ между нимъ и его родными, какъ глухая, непроницаемая стѣна. Ему были понятны вздохи дяди и частый вопросъ:

— Неужели твой отецъ не могъ тебя научить нашему языку?

Двоюродная сестра Сурка дичилась Бориса, такъ какъ она тоже худо говорила по-русски.

По мѣстечку распространился слухъ, что пріѣхалъ къ

Лейбу племянникъ изъ Сибири. Сосѣди съ любопытствомъ заходили съ нимъ познакомиться, говорили ему:

— Шолемъ-алейхемъ. *

Дядя его научилъ отвѣчать:

— Алейхемъ-шулымъ.

Но дальше этого, дѣло не шло. Разговоръ ограничивался двумя-тремя фразами. Сосѣди смотрѣли на Бориса съ любопытствомъ и, какъ ему казалось, съ презрѣньемъ. Лейбъ спѣшилъ показать сосѣдямъ паспортъ, какъ доказательство, что племянникъ, Боже сохрани, не выкрестъ.

— Ничего, онъ скоро научится языку, — говорили сосѣди, а дядя добавлялъ при этомъ:

— Кончилась бы такъ скоро наша неволя!

* * *

... Мелькали дни.

Весна разлилась по Украинѣ могучимъ разливомъ. По спящему лѣсу ударила она своимъ золотымъ крыломъ — и брызнули деревья изумрудной зеленью; въ вѣтвяхъ загремѣлъ птичій клиръ, кто-то заухалъ въ глухой чащѣ — проснулся старый лѣсъ. На широкую грудь малорусскихъ полей накинула весна свое зеленое покрывало, и поле, буйно разогнавшись, ударило объ синее лезвіе горизонта и обсклосъ тамъ золотымъ обрѣзомъ. Днемъ высоко ходило солнце, какъ добрый, старый хозяинъ, всюду заглядывало, все ли въ порядкѣ.

Ночами темень была густая и волнующая, выпуклыя звѣзды висѣли, какъ тяжелыя огненные слезы.

— Охъ, и дружная же весна! — восхищался Борисъ. — У насъ въ Сибири весна послабже бываетъ; здѣсь она шибко ядреная.

И, глядя на это богатство природы, — онъ не могъ понять, почему здѣсь люди бѣдны.

Дядя Лейбъ жилъ въ большой нуждѣ. Паны у него останавливались рѣдко, и номера давали ничтожный доходъ. Тетя Бейля уходила пѣшкомъ въ сосѣднія села и приносила оттуда для продажи огромныя корзины съ яйцами. Черноокая Сурка просиживала дни и ночи надъ вышивкой замысловатыхъ узоровъ для дивчинъ.

Все это Борисъ понялъ не сразу. Въ первые по приѣздѣ

* Миръ вамъ.

три-четыре дня въ домѣ все было по праздничному. Всѣ одѣлись въ праздничное платье — даже два маленькихъ мальчика, Фроимъ и Юська. Бейла не ходила за яйцами и готовила вкусныя зразы къ обѣду; вечерами пили чай.

— Мама! Мы сегодня опять будемъ пить чай? — восторженно спрашивалъ худенькій Юська.

— Тише, дурень! — шептала Бейла, но вспомнивъ, что племянникъ не понимаетъ по-еврейски, съ досадой добавляла:

— Я и забыла, что онъ столько же понимаетъ, сколько Васька-поселенецъ!

На пятый день Бейла ушла на весь день, а Сурка принесла изъ лавки канву, нитки и засѣла за вышивку.

Днемъ пришли изъ хедера мальчишки. Они были босы, въ изорванныхъ штанишкахъ. Имъ Сурка дала по блюдцу простокваши и по толстой краюхѣ хлѣба. Лейбу она подала одно яйцо и луковицу, себѣ тоже взяла простоквашу, а Борису придвинула блюдецъ съ двумя яйцами.

Мальчишки съѣли простоквашу и съ завистью стали смотрѣть на отца и Бориса, ѣвшихъ яйца.

— Хочешь? — спросилъ Борисъ у Юськи.

— Холера на твою голову! — накинулся на мальчика отецъ: — У васъ кишки безъ дна. — Ступайте въ хедерь!

То, чего Борисъ раньше по неопытности не понималъ, становилось понятнымъ. Онъ улыбался виноватой улыбкой, глядя на озабоченное лицо дяди, читавшаго послѣ трапезную молитву.

Кончивъ молитву, Лейбъ глубоко вздохнулъ и сказалъ Борису:

— Ахъ, Борисъ, что дѣлать? Ты моя плоть и кровь, а я съ тобой поговорить по настоящему не умѣю.

— Дядя, — смущенно сказалъ Борисъ: — можетъ, вамъ нужно денегъ?

Онъ вынулъ изъ записной книжки сотенную и положилъ на столъ. Глаза Лейба сверкнули огонькомъ голода. Онъ спряталъ бумажку и протянулъ Борису руку. Хотѣлъ, очевидно, что-то сказать, но не сумѣлъ; на глазахъ у него вдругъ показались слезы. Онъ махнулъ рукой и вышелъ.

Черезъ минуту изъ комнаты, гдѣ сидѣла Сурка, послышался тихій, убѣждающій голосъ Лейба. Сурка возражала. Ея голосъ звучалъ звонче и страстнѣе. Наконецъ, хлопнувъ дверью, вышелъ отъ нея Лейбъ.

— Она сердится, зачѣмъ я твои деньги взялъ, — указалъ онъ на комнату Сурки. — Ты, слава Богу, имѣешь. Ты моя плоть и кровь. А мнѣ непременно нужно выкрасить домъ и ворота и новыя фиранги (занавѣски) купить, а то паны говорятъ, что ко мнѣ заѣзжать погано.

* * *

Борисъ понималъ, что нечего ему дѣлать на мѣстѣ приписки. Здѣсь въ каждомъ домѣ была лавочка. Когда проходилъ по улицѣ незнакомый человѣкъ, изъ всѣхъ лавокъ выбѣгали ему наперерѣзъ евреи и еврейки и до хрипоты зазывали его къ себѣ. Нерѣдко они между собой вступали въ ссору изъ-за покупателя.

Паны открыли отдѣльный паевой магазинъ и евреи съ каждымъ днемъ все больше бѣднѣли.

Ужъ на что Борисъ былъ пройда въ хлѣбномъ дѣлѣ, а тутъ на ярмаркѣ онъ понялъ, что съ пшеницей ему здѣсь работать не придется. На каждый возъ пшеницы накидывалось двадцать покупателей. Хохоль безопасно смазывалъ дегтемъ оси своего воза, пока покупатели надбавляли цѣны до послѣдней возможности.

— Сколько заработаете? — спрашивалъ Борисъ у купившаго пшеницу.

— Четверть копѣйки на пудъ.

«Нечего тутъ околачиваться», — думалъ онъ. И мѣсто приписки начинало казаться ему тѣсной поскотиной*, въ которую загнали всѣхъ этихъ Янкелей и Лейбовъ для того, чтобы они другъ друга передавили.

— Подъ она къ чорту, тутъ и жизни рѣшишься!

Но вставалъ вопросъ, куда ѣхать? Вотъ надъ этимъ и задумывался Борисъ. Ходилъ взадъ и впередъ вдоль длинныхъ сѣней, покуривая папиросу и думалъ. А Сурка въ своей комнатѣ пѣла чудесныя пѣсни, хохлацкія и еврейскія, одинаково грустныя, одинаково непонятныя. Когда Борисъ къ ней заходилъ, она замолкала.

— Да чего вы конфузитесь? Спойте, пожалуйста.

— Такъ вы же не понимаете!

— А вы объясните.

— Но я же плохо говорю по-русски! Вотъ попросите Гойхмана.

* Отгороженное пастбище.

— Вот те и Гойхмана! — недовольно думалъ Борисъ, глядя на ея склоненную надъ работой голову.

Гойхманъ былъ учитель, училъ Сурку грамотѣ. Парень молодой, кучерявый, въ очкахъ и въ синей косовороткѣ. Получалъ за ученіе два съ полтиной въ мѣсяцъ.

Когда пришелъ Гойхманъ, Борисъ ему сказалъ:

— Будьте добры, объясните мнѣ одну пѣсню, вотъ которая «Айнъ суки».

Гойхманъ скрестилъ руки на груди и внимательно посмотрѣлъ на него.

— Я думаю, что это лишнее, такъ какъ внутреннее содержаніе этой пѣсни слишкомъ чуждо вамъ. Вѣдь вы совершенно не еврей.

— Какъ не еврей? А за что же меня поперли изъ Сибири?

— Ну да, по паспорту вы еврей, но по духу не еврей.

Борисъ не вдумался въ смыслъ этихъ словъ и незлобиво сказалъ:

— Ну, чего вы ломаетесь! Объясните, пожалуйста.

Сурка внимательно слѣдила за разговоромъ обоихъ. Вдругъ она вмѣшалась:

— Вотъ эту, Гойхманъ, — и она сначала заговорила, а потомъ запѣла пѣсню.

Ея лицо было такъ же прекрасно, какъ и пѣсня. Трауръ бровей былъ полонъ скорби, но подъ ударомъ гнѣва онъ сламывался и дѣлался гордъ и угрозенъ. Въ черныхъ глазахъ, какъ и въ пѣснѣ, вскипали то горе и радость, то любовь и ненависть.

— Что? У васъ въ Сибири не поютъ такихъ пѣсень? — спросилъ Гойхманъ, вытирая платочкомъ свои очки.

Борисъ очнулся и сразу же запросилъ:

— Пожалуйста, переведите.

Гойхманъ одѣлъ очки.

— Есть у насъ праздникъ Сукотъ. Въ дни этого праздника евреи живутъ въ шалашахъ. Ну, а теперь вотъ и пѣсня: «Маленькій шалашъ изъ жалкихъ дощечекъ, я, бѣдный еврей, себѣ построилъ. Крышу покрылъ я сухимъ тростникомъ — и вотъ сижу въ немъ въ Сукотъ ночью. Первое блюдо подаетъ мнѣ жена; но вдругъ въ дверяхъ остановилась она и съ поблѣвшимъ лицомъ говоритъ: ты слышишь? Нашъ шалашъ обрушивается... Не пугайся, женщина, не думай объ этомъ. Нерѣдко приходятъ они, эти

злые вѣтры, и съ ревомъ кидаются на нашъ ветхій шалашъ. Однако, шалашъ нашъ стоитъ такъ давно»...

Гойхманъ прочиталъ на лицѣ Бориса разочарованіе.

— А-а! видите, — сказалъ онъ, — я зналъ, что вы не поймете. Я слышу эту пѣсню ужъ въ тысячный разъ, но она постоянно меня волнуетъ. А вамъ она непонятна. Этотъ шалашъ — это нашъ народъ. Злые вѣтры не разъ на насъ налетали, но мы все стоимъ, какъ скала.

Борисъ широко заулыбался и воскликнулъ:

— Вонъ что! Замѣчательно!

Гойхманъ гнѣвно передернулъ плечами.

Сурка приготовила тетради для занятія. Борисъ вышелъ; ходилъ вдоль сѣней и думалъ о Суркѣ, о ея пѣснѣ и о томъ, какъ поблѣднѣлъ Гойхманъ, когда говорилъ объ этомъ шалашѣ. Особеннаго отклика въ душѣ его эта аллегорія не вызвала; онъ только вспомнилъ почему-то своего отца и на мигъ передъ нимъ промелькнула гора, на которой отцовская могила. Одно ему стало ясно, что Гойхманъ и Сурка знаютъ что-то такое, чего онъ не знаетъ. И ему было неприятно, почему не его, а Гойхмана, связываетъ что-то общее съ Суркой.

«У евреевъ, однако, сроднымъ жениться не запрещено», вдругъ подумалъ онъ и усмѣхнулся.

— А занятно бы вышло!

И представилось ему, какъ бы онъ появился въ своемъ сибирскомъ городѣ съ молодой женошкой.

— У, язви ихъ, всѣ бы обалдѣли! Такихъ у насъ нѣтъ, какъ Сурка!

Маляры съ утра красили фасадъ дома. Кто-то изъ нихъ нѣсколько разъ начиналъ пѣть, но каждый разъ обрывалъ пѣсню ожесточенной руганью. Наконецъ, наладивъ, должно быть, свою работу, онъ запѣлъ:

— Я въ Сибири уродился,
Въ шахтѣ тѣсной и сырой.
Тамъ съ друзьями повстрѣчался.
Здравствуй, другъ! и я съ тобой!

Вотъ отъ этихъ словъ Борисъ встрепенулся. Онъ пошелъ поглядѣть пѣвца.

Это былъ бѣлобрысый парень, лѣтъ тридцати, бритый, съ широкой нижней челюстью, будто зажалъ что-то въ зубахъ.

— Ты, парень, кто будешь? — спросил Борись.

Тотъ стрѣльнулъ въ него острымъ сѣрымъ глазомъ:

— Да свой же братъ, сибирякъ. Васькой-поселенцемъ зовутъ. Здравствуй! — И подалъ Борису руку. — Хошь, полбутылки поставлю? Сибирь-матушку вспомнимъ.

Борисъ хотя не пилъ, но не прочь былъ перекинуться живымъ словомъ. Но тутъ вдругъ Лейбъ позвалъ его:

— Борисъ! Кымъ эръ. Иди сюда.

Онъ въ послѣдніе дни все время говорилъ съ Борисомъ по-еврейски, а потомъ переводилъ на русскій языкъ — для скорѣйшаго усвоенія языка.

— Кымъ эръ! Какая онъ тебѣ компанія? Онъ пьяница и, навѣрно, еще и воръ, а про тебя всѣ говорятъ, что пятнадцать тысячъ имѣешь въ банкѣ.

— Скучно, дядюшка. Уѣзжать надо.

— Къ чему ѣхать? Вотъ новый хлѣбъ вырастетъ, торговать будешь. Файнерманъ говорилъ, что хочетъ съ тобой компанію сдѣлать; а это самый богатый еврей у насъ.

* * *

Въ субботу, послѣ обѣда, Гойхманъ держалъ рѣчь въ синагогѣ. Народъ былъ въ восторгѣ. У стариковъ исчезла изъ глазъ искорка насмѣшки, лица молодыхъ загорѣлись энтузіазмомъ.

У Сурки дрожали слезы на длинныхъ черныхъ рѣсницахъ и она почему-то ни разу не взглянула на оратора. Но зато послѣ рѣчи, когда Гойхманъ подошелъ къ ней, она на него такъ посмотрѣла, что у наблюдавшаго за всѣмъ Бориса отъ этого взгляда тихонько сжалось сердце.

— Понравилось вамъ? — спросилъ у Бориса Гойхманъ, а потомъ спохватился:

— Ахъ, я и забылъ, что вы не понимаете по-еврейски!

Борисъ нахмурился.

— Что-то все про Палестину поминали, — сказала онъ.

Гойхманъ съ трудомъ оторвался отъ лучистаго взгляда, которымъ его дарила Сурка, и, возбужденный, счастливый, горячо произнесъ:

— Да, да, господинъ Борисъ. Мы, сіонисты-соціалисты, создадимъ въ Палестинѣ еврейское государство, въ которомъ всѣ будутъ счастливы и равны.

Вечеромъ того же дня къ Гойхману на квартиру пришли десятскіе и увели его къ уряднику. Какимъ-то путемъ объ

этомъ сейчасъ же узнала Сурка. Она умоляла отца и Бориса пойти выручить Гойхмана. Потомъ съ нею сдѣлалась истерика. Бейла ходила за нею, а Лейбъ пошелъ къ уряднику. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и шепнулъ Борису, что нужно дать уряднику три рубля, не то онъ отошлетъ Гойхмана въ станъ. Борисъ далъ ему три рубля и, узнавъ отъ Бейлы, что Сурка успокоилась, взялъ тросточку и пошелъ на улицу. Прошелъ быстро по мѣстечку и вышелъ въ поле. На небѣ все было спокойно и ясно. Шурились, какъ глаза, уставшія звѣзды и надъ чѣмъ-то своимъ, луннымъ, спокойно думала луна. По ея круглому лицу скользили свѣтлыя тѣни и потомъ ныряли въ бездну ночного неба.

Въ полѣ же все было смутно и обманчиво. Изъ-подъ земли вставали бѣлыя рати, шли-шли безконечнымъ строемъ и вновь уходили въ землю. Вставалъ бѣлоснѣжный городъ, безформенный, какъ сонъ. На мгновенье крѣпли его неясныя контуры, но вдругъ меркли, разливались бѣлымъ туманомъ.

Внизу, у рѣки, въ серебряныхъ камышахъ, невидимые кузнецы неутомимо ковали безконечную стальную ленту. Въ мертвую синю лунной ночи алой струйкой втекала соловьиная пѣсня, и Борисъ глядѣлъ во всѣ стороны, стараясь узнать, откуда она течетъ. Онъ опустился на траву возлѣ вѣтвистой липы и задумался.

«Отчего мнѣ такъ грустно? — думалъ онъ. — Что отъ родины отбился? Или оттого, что нѣтъ у меня никого на свѣтѣ? Вѣдь вѣрно — никого нѣтъ! Вотъ у этого Гойхмана есть друзья, есть Сурка... А я всѣмъ чужой!»

Долго сидѣлъ онъ и думалъ и, наконецъ, пришелъ къ твердому рѣшенію — ѣхать.

* * *

Когда Борисъ вошелъ къ Суркѣ, она, не подымая головы, спросила:

— Уже?

— Да, ужъ лошади поданы.

Она торопливо еще нѣсколько разъ вколола свою иглу въ узоръ, потомъ вдругъ остановилась и медленно подняла голову. Лицо ея было до того блѣдно, что Борисъ, глядя на нее, почувствовалъ, какъ у него затряслись колѣни.

— Зачѣмъ вы отъ насъ уѣзжаете? — тихо спросила она.

Борисъ попытался улыбнуться:

— Надо поѣхать, поглядѣть. Тутъ сидѣть тоже не приходится.

Глаза ея, горячіе и сухіе, о чемъ-то строго думали.

— У васъ никого нѣтъ, только мы. Зачѣмъ вы уѣзжаете?

Губы у Бориса все еще напряженно улыбались, и онъ хотѣлъ произнести какую-нибудь малозначущую фразу. Но совершенно неожиданно у него вырвалось:

— Нѣтъ, Сурка! Васъ я тоже не имѣю: вы — Гойхмана.

Онъ видѣлъ, что ея глаза еще шире раскрылись, удерживая слезы. Растаявъ холодный комъ, давившій его сердце, и передъ самой разлукой потекъ наружу горячими быстрыми словами.

— Ужъ не сердитесь, Сурка, за правду. Не пофартило мнѣ здѣсь. Не любилъ я еще въ жизни ни разу. Привелось на чужбинѣ полюбить, но не въ добрый часъ. Что-жъ! Никуда не дѣнешься. Надо убираться...

Ступилъ шагъ впередъ и протянулъ руку:

— Прощайте...

— Борисъ! — позвала она его по имени въ первый разъ и вдругъ упала лицомъ на руку и залилась слезами.

— Эй! До поизда запоздаемо! — кричалъ изъ сѣней Хведоръ.

— Борисъ! Гдѣ ты? — послышался голосъ Лейба.

Стукнула дверь, вошелъ Лейбъ, взглянулъ на плачущую дочь, перевелъ взглядъ на Бориса и громко сказалъ:

— Глупая! Чего ты плачешь? Онъ вѣдь скоро вернется изъ Кіева. Пусть посмотритъ Кіевъ — вѣдь онъ еще, кромѣ своей Сомбири, и свѣта не видалъ.

Но слезы дочери, онъ, видно, понялъ по-своему, такъ какъ съ удвоеннымъ рвеніемъ сталъ ворчать на Бориса за его отъѣздъ. Даже когда Борисъ уже усѣлся въ бричку, пожимая руки двумъ-тремъ сосѣдямъ, Лейбъ все еще продолжалъ:

— Ну, вотъ! Спросите его: куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ? Ѣдетъ въ Кіевъ! Кто у него есть въ Кіевѣ? Эхъ, теперешнія дѣти! Вѣдь онъ даже не успѣлъ здѣсь научиться по-еврейски!

— Осторожно. Ны потырай курку, — смущенно сказала Бейла, подавая Борису завернутую въ бумагу жареную курицу.

— Скоро прїджай! — крикнулъ въ послѣдній разъ

Лейбъ, когда тронулась бричка. Тутъ подоспѣлъ Гойхманъ. Вскочилъ на подножку и скороговоркой проговорилъ:

— Не забудьте адреса номеровъ.

И, повторивъ адресъ, соскочилъ на землю.

«Пошелъ къ ней», подумалъ Борисъ и задумался.

И вотъ опять Хведоръ насвистываетъ своимъ лошадямъ и проситъ каждый разъ «покурить». Но «мѣсто приписки» ужъ не впереди, а позади, и чувствуетъ Борисъ, что оставилъ тамъ половину своей жизни. А вѣдь всего прошло полтора мѣсяца!

* * *

Въ Кіевъ Борисъ пріѣхалъ вечеромъ. Онъ поѣхалъ по указанному адресу, но всѣ номера тамъ были заняты.

— Можно вмѣстѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, — сказалъ служитель, — порадоочный молодой человѣкъ.

Борисъ согласился.

Въ крохотной комнатѣ уже стоялъ чей-то чемоданъ. Борисъ умылся, переодѣлся и спустился внизъ, въ столовую. За столомъ сидѣли люди, шумно пили, ѣли и переговаривались между собой.хлопотливо бѣгаль и подавалъ всѣмъ какой-то сутулый еврей въ англійской шапчонкѣ. Глаза его вѣчно были прикованы къ одной точкѣ, постоянно ускользящей отъ него. А за прилавкомъ сидѣлъ другой человѣкъ, въ высокой шелковой ермолкѣ, съ красивымъ полнымъ лицомъ и черной бородкой. Онъ съ большимъ достоинствомъ посматривалъ по сторонамъ и сразу становилось понятно, что именно онъ хозяинъ номеровъ. Завидя Бориса, онъ подошелъ къ нему и, протягивая руку, произнесъ:

— Шоломъ-алеихемъ!

— Алейхемъ-шуломъ, — отвѣтилъ Борисъ.

— Откуда, еврей? — спросилъ хозяинъ по-еврейски.

— Я не понимаю по-еврейски, хотя и еврей, — смущенно сказалъ Борисъ и для поясненія добавилъ: — Я изъ Сибири.

Хозяинъ сталъ еще болѣе серьезенъ.

— А жить вамъ въ Кіевѣ можно? — спросилъ онъ очень строго. — У насъ теперь часто бываютъ облавы.

— Н-нѣтъ, нельзя.

Въ черныхъ глазахъ хозяина сверкнулъ огонекъ.

— А—а, — сказалъ онъ съ ѣдкой усмѣшкой: — Хотя

вы не понимаете пу-еврейску, но жить въ Кіевѣ все жъ таки нельзя? Такъ зачѣмъ же мнѣ вашъ пачпортъ? Держите его у себя.

Онъ отвернулся, пошелъ къ прилавку и ужъ больше ни разу не посмотрѣлъ на Бориса.

Поздно ночью на цыпочкахъ вошелъ въ номеръ человѣкъ со скрипкой въ рукѣ, сѣлъ на вторую кровать и сталъ раздѣваться. Борисъ проснулся, посмотрѣлъ на скрипача и въ это же мгновеніе упалъ въ бездонное море молодого сна.

Утромъ онъ проснулся рано. Открылъ глаза, услышалъ съ улицы звонки трамвая и подумалъ:

«А! Кіевъ!»

«Порадочный» молодой человѣкъ спалъ еще, надувъ одну щеку. Борисъ одѣлъ хорошій костюмъ, выпилъ чаю и пошелъ по весеннимъ кіевскимъ улицамъ. Улицы становились все шумнѣе, все многолюднѣе. Борисъ съ большимъ интересомъ наблюдалъ эту веселую уличную жизнь, и ему казалась она похожей на карусель въ Троицынъ день.

«Шибко идетъ, — думалъ онъ. — Трудно за нее ухватиться.»

И ему казалось совершенно непостижимымъ, какъ онъ, Борисъ Поляковъ, могъ бы занять свое мѣсто на этой карусели!

Онъ шелъ, шелъ по улицамъ, становилось жарко. А улицы чуть замѣтно бѣжали книзу, откуда дулъ прохладный вѣтерокъ. И вдругъ разступились каменные дома, кончился городъ и сверкнула на солнцѣ гибкая голубая рѣка.

«А! Днѣпръ!» — подумалъ Борисъ и быстрѣе зашагалъ къ городскому саду.

Исчезла робость, навѣянная шумной каруселью; на душѣ стало янѣе. На деревьяхъ чирикали пичужки, по дорожкамъ бѣгали дѣти съ обручами. У самага каменнаго барьера стояла длинная скамья. Сидѣла на ней прелестная женщина. Ея голубые глаза мечтательно смотрѣли за Днѣпръ, на лицѣ играла нѣжная весенняя радость. У ея ногъ, на пескѣ, игралъ золотоволосый нарядный мальчикъ. Когда Борисъ сталъ приближаться къ скамьѣ, мальчикъ поднялъ къ нему пару бойкихъ карихъ глазенокъ и внимательно оглядѣлъ его. И еще раньше, чѣмъ Борисъ успѣлъ усѣсться, мальчикъ подскочилъ къ матери и что-то шепнулъ ей.

Сразу исчезла мечтательность въ прекрасныхъ голубыхъ глазахъ. Брови дрогнули, потянулись одна къ другой,

какъ двѣ разпнѣванныя змѣйки. Женщина быстро скользнула по лицу Бориса холоднымъ презрительнымъ взглядомъ и, схвативъ со скамьи свой ридикюль, другой рукой взяла мальчика за руку и поспѣшно шагнула, какъ бы убѣгая отъ опасности. Но все же мальчикъ успѣлъ обернуть къ Борису свою улыбающуюся мордочку и, заполняя языкомъ пустоту отъ выпавшихъ зубовъ, онъ промко произнесъ:

— Зыдюга.

* * *

Часа черезъ четыре послѣ этого Борисъ обѣдалъ въ своемъ номерѣ вмѣстѣ съ «порадочнымъ» молодымъ человекомъ. Трижды въ недѣлю этотъ человекъ игралъ по ночамъ въ какомъ-то шантанѣ, а въ остальные дни распространялъ машины Зингера. Это былъ невѣроятно любезный господинъ, онъ до того настойчиво упрашивалъ Бориса выпить «только одну румочку», что тотъ, наконецъ, согласился.

«Порадочный» молодой человекъ пилъ тоже «порадочно». Пилъ и говорилъ, говорилъ безъ конца. Вначалѣ говорилъ о своихъ амурныхъ похожденияхъ и, вообще, о веселыхъ вещахъ. Потомъ его настроеніе понизилось. Онъ жаловался на свою судьбу, превратившую его, человека съ «дорогимъ» талантомъ, въ шантаннаго тапера. На родителей жаловался, что отшатнулись отъ него послѣ «одного дѣла».

Борисъ выпилъ еще и вторую рюмку, и третью. Онъ не былъ пьянъ, но языкъ у него развязался. До мельчайшихъ подробностей онъ описалъ скрипачу свой отъѣздъ изъ Сибири и разговоръ съ исправникомъ.

— Вы глупый человекъ, — горячился скрипачъ, — надо было всунуть справнику десятку рублей!

Борисъ изумленно посмотрѣлъ на него.

— Вѣдь, вѣрно! — ударилъ онъ кулакомъ по столу. — Не сдогадался, язви его въ душу!

— Выпьемъ по румкѣ?

— Выпьемъ!

Съ улицы доносился звонъ трамвая, но Бориса не манило больше на улицу. Онъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ жалобы скрипача на «трагическую жизнь» и потомъ самъ заговорилъ о своей неудачной поѣздкѣ на мѣсто приписки. Разказалъ онъ и о Суркѣ, и о Гойхманѣ, котораго

она любить, и о томъ, какъ самъ онъ, Борисъ, полюбилъ черноглазую Сурку.

— Э-э! Да онъ уснулъ! — сказалъ про себя Борисъ, услышавъ храпъ скрипача.

— Здорово назююкался!

И тоже легъ на кровать и тотчасъ же уснулъ.

Разбудилъ ихъ поздно ночью самъ хозяинъ.

— Встаньте! Ой! Встаньте, скорѣй! — тормозилъ онъ Бориса.

Борисъ вскочилъ и испуганно сталъ оглядываться.

— Облава пришла! Тамъ внизу вже ищуть, — говорилъ хозяинъ напряженнымъ шопотомъ и быстрымъ привычнымъ движеньемъ отодвинулъ шкафъ, заслонявшій дверь въ сосѣдній номеръ.

— Занимай мѣсто!

Борисъ послушно сталъ на указанное мѣсто и хозяинъ послѣ этого заслонилъ его шкафомъ.

Вскорѣ облава пришла и въ этотъ номеръ. Скрипачъ остался въ кровати и, вообще, старался казаться спокойнымъ, но губы у него страшно прыгали.

— Паспортъ! — сказалъ надзиратель.

— Вотъ, пожалуйста, — подалъ свой паспортъ скрипачъ.

Надзиратель посмотрѣлъ въ паспортъ и недовѣрчиво перевелъ свой взглядъ на скрипача.

— Вы кто?

— Я Степанъ Моисеевичъ Брантманъ...

— Крещеный?

— Ахъ, господинъ околоточный... Тамъ же стоитъ написано!

— Не разсуждать! Православный, я спрашиваю?

— Да... Иждѣсный мѣсчанинъ...

Надзиратель швырнулъ ему обратно паспортъ.

— Здѣсь въ номерѣ никого больше нѣтъ? — обратился онъ къ хозяину.

— Нѣтъ никого, — отвѣтилъ тотъ.

— А-а. А чей чемоданъ?

— Мой, — отозвался скрипачъ.

Надзиратель, казалось, былъ вполне удовлетворенъ и направился къ выходу, у котораго стояли городовые. Но попутно онъ вдругъ свернулъ къ шкафу и сунулъ за него руку.

— А тутъ у тебя никто не ночуетъ?

И Борисъ почувствовалъ, что его схватили за пиджакъ.

— Нѣтъ, господинъ околодочный, — съ большой послѣдностью кинулся къ шкафу хозяинъ. — Это тутъ старое платье висить.

Не выпуская пиджака Бориса, надзиратель нѣсколько мгновеній угрожающе смотрѣлъ хозяину въ глаза и, наконецъ, сказалъ, напирая на слово десять:

— Десять разъ я приказывалъ тебѣ не вѣшать тутъ платья!

— Нѣтъ, господинъ околодочный, только пять, — совершенно серьезно отвѣтилъ хозяинъ, напирая на слово пять.

— Ну, такъ вотъ теперь я тебѣ приказываю десять разъ! — гнѣвно закричалъ надзиратель и сильно дернулъ Бориса за пиджакъ.

— Хорошо, хорошо, хорошо! Пускай десять! — многозначительно произнесъ хозяинъ. — Пускай ужъ десять!

Надзиратель медленно, какъ бы нехотя, выпустилъ пиджакъ и съ видомъ человѣка, оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ чувствахъ, вышелъ изъ номера. Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ отодвинулъ шкафъ и сказалъ Борису:

— Ну? Вы еще не научились говорить пу-еврейску?

Борисъ смущенно спросилъ:

— Они не придутъ обратно?

— Зъ одного вола двухъ шкуръ не сдеруть, — отвѣтилъ хозяинъ. — Десять рублей онъ здѣсь заработалъ — будетъ зъ него.

— Какъ заработалъ?

— Да вы развѣ не слышали, какъ онъ кричалъ: десять, десять! Cholera ему въ горло! Ужъ вовсе десять! Всегда было только пять.

Борисъ собирался задать хозяину еще цѣлый рядъ вопросовъ, но тотъ вдругъ протянулъ руку и сказалъ:

— Давайте десять рублей. Околодочный придетъ утромъ.

И, получивъ десять рублей, онъ вышелъ.

Скрипачъ завязывалъ шнурки у своихъ башмаковъ.

— А вы развѣ крещеный? — спросилъ его Борисъ.

— Нѣтъ. Это такъ себѣ написано въ документѣ, — отвѣтилъ онъ, не подымая головы.

Онъ быстро привелъ въ порядокъ свою роскошную чер-

ную шевелюру и у самого ужъ выхода, не оборачиваясь, сказалъ:

— Я скоро приду.

Но Борисъ его больше ужъ не видѣлъ. Борисъ лежалъ на своей кровати и думалъ:

«Эхъ, Борька! Вотъ ты чуть въ каталажку не угодилъ — даромъ, что честный».

Онъ не критиковалъ и не обсуждалъ всего происшедшаго. Всѣ его мысли были скованы внезапнымъ страхомъ. Ему казалось, что вотъ-вотъ опять придетъ «облава» и заберетъ его въ каталажку, откуда его ужъ никто не вызволить — некому. Онъ себя почувствовалъ какъ въ глухой тайгѣ, наполненной звѣрями, гдѣ изъ-за каждаго куста на него глядитъ опасность.

— Какъ же быть? Куда дѣваться? Неужели обратно ѣхать къ дядѣ Лейбу? Въ нищету, въ грязь? Глядѣть, какъ Сурка любитъ другого?.. Нѣтъ, неохота! Да и что тамъ высидишь?

Онъ всталъ, закурилъ папиросу и зашагалъ по комнатѣ. И вдругъ сразу рѣшилъ:

— Нечего тутъ больше околачиваться! Поѣду домой, въ Сибирь. Какъ-нибудь устроюсь съ исправникомъ.

И въ головѣ у него созрѣлъ планъ, какъ онъ поговорить съ исправникомъ, какъ дать ему... Сердце у него забилось быстрѣе, бодрѣе зашагалъ, съ задоромъ кинулъ въ уголь потухшій окурокъ...

— Ёдемъ, Борька! На родину!

Въ ночную темень кто-то подбавилъ молока. Вынырнули изъ темноты крыши — красныя, синія. Опять задринькалъ съ улицы трамвай. Въ домѣ, внизу, поднялось движеніе.

— Не облава ли? Нѣтъ: съ одного вола двухъ шкуръ не сдираютъ. Ужъ день, а днемъ облавы не бываетъ. Подошелъ къ кнопкѣ электрическаго звонка и усердно нажалъ ее. Пришелъ заспанный служитель.

— Вусь? * Что вамъ надо? Поѣздъ? Какой поѣздъ? Развѣ одинъ поѣздъ есть на свѣтѣ? А! на Сомбиль! Это другая дѣла! На Курскъ, значить? А-а-ав, — зѣвнулъ онъ. — На Курскъ въ шесть двадцать. Ви вже ѣдете?

— Да, ѣду. Теперъ пятый часъ. Ладно; сколько слѣдуетъ съ меня?

* Что?

* * *

— Забирай чемоданъ!

— Па-азвольте. Это мое мѣсто.

— Что-о? Твое мѣсто? Жидовская морда! Какъ распоряжается! Скажите на милость!

— Эти жиды всегда любятъ занимать два мѣста, — стозвался кто-то съ верхней полки.

Борисъ забралъ чемоданъ, а самъ пошелъ на площадку.

— Терпи, Борька! Тайга еще не кончилась!

Дальше, за Курскомъ, въ вагонѣ ужъ не оставалось евреевъ, кромѣ Бориса и еще одного типичнаго брюнета, должно-быть вояжера, въ которомъ Борисъ узналъ еврея. Народу было гораздо меньше и атмосфера разрѣдилась. Телеграфистъ пилъ чай съ вояжеромъ и надъ чѣмъ-то громко хохоталъ.

— Молодой человѣкъ! — крикнулъ вояжеръ Борису. — Пожалуйте чай пить.

Борисъ присѣлъ къ нимъ.

— Простите за нескромность: вы еврей? — спросилъ вояжеръ.

— Еврей.

— Вотъ видите! — торжествующе обратился вояжеръ къ своей сосѣдкѣ. — А вы говорили, что нѣтъ. Ужъ я узнаю за цѣлую версту!

— А вы тоже еврей? — освѣдомился Борисъ.

— Я? Нѣтъ! Я — полякъ изъ самаго Царства Польскаго.

— Полякъ, еврей, цыганъ — какая разница! — сказалъ телеграфистъ, наливая изъ чайника. — Всѣ люди — люди. А что Христа распяли, такъ я при томъ не былъ.

— Должно-быть, священнаго писанія не читали, — басомъ сказалъ кто-то изъ-за перегородки.

— Это дѣло десятое, — отвѣтилъ телеграфистъ.

— А я такъ евреевъ даже уважаю, — сказала тоненькимъ голоскомъ сосѣдка вояжера, лаская Бориса глазами. — Вотъ въ Тамбовѣ знакомый былъ. Еврей. Разъ встрѣтились. — Пойдемъ! — говорить. Я говорю: чего... Ну, пошли; гляжу, а у него полдюжинки пива, да бутылочка коньяку, да полбутылочки водки...

— Ахъ, ты моя красавица! — обрадовался вдругъ вояжеръ и ущипнулъ ее.

— Ай!

— Не шумите, пожалуйста! — сказалъ бась изъ-за переродки. — Люди съ неограниченной совѣстью!

— Билеты до Тамбова, господа, — сказалъ вошедшій кондукторъ.

За Тамбовымъ публика была еще смѣшаннѣе. А ужъ дальше, за Самарой, за Уфой, отцѣдились пассажиры, ѣдущіе въ Сибирь; были и сибиряки. Сосѣдъ Бориса, корявый высокій мужикъ съ рыжей бородой, заглянулъ ему въ лицо и неожиданно сказалъ:

— Неужели обознался? Будто бы Борисъ Захарычъ!

Борисъ радостно встрепенулся. Поглядѣлъ на мужика и узналъ въ немъ своего знакомаго, Власа Максимыча Бахтина.

— Здравсти, Власъ Максимычъ! Откудова ѣдете?

— Да, вишь, на родину все тянуло, въ Тамбовскую губернію. Двадцать годовъ не былъ. Вотъ и захватилъ своего большака: давай, говорю, съѣздимъ, свои мѣста попровѣдаемъ, у родныхъ, какіе остались, погостимъ. Вотъ и возвращаемся.

— Что жъ, ладно погостили? — освѣдомился Борисъ.

— Да какъ тебѣ сказать? Радости тамъ мало. Бани нѣтъ — блохи заѣли. Полъ земляной. Живутъ всѣ въ кучѣ. Тутъ тебѣ и поросята, тутъ и теленокъ, тутъ и гуси. Спятъ въ провалку. Вонина! Срамота! Правильно я говорю, Алексѣй?

— Правильно, — отозвался большакъ.

— Не по нашему, не по-сибирски, тамъ живутъ, — продолжалъ Власъ Максимычъ. — Въ праздникъ утромъ тебѣ шанежекъ свѣженькихъ не испекутъ — все хлѣбъ аржаной, да еще и черствый. Недолго и жизни рѣшиться.

— Ну, а ты, Борисъ Захарычъ, по дѣламъ, вѣрно, ѣздилъ? Въ большіе купцы мѣтишь, даромъ, что молодой?

Бориса потянуло обо всемъ рассказать — на чистоту. Но потомъ онъ раздумалъ. Хотя Власъ Максимычъ зналъ, что онъ еврей, но неохота было подымать разговоръ объ этомъ. Ну его!... И онъ только отвѣтилъ:

— Да, было дѣлишко небольшое.

За Ураломъ ужъ все было иное. И народъ сталъ какъ-то проще и горбинка на носу никому не напоминала о еврействѣ Бориса. На станціяхъ продавали вкусныя шаньги и жареную нельму.

«Кончилась тайга», съ облегченіемъ думалъ Борисъ.

Дядя Лейбъ, тетя Бейла, мѣсто приписки — все это

обволакивалось въ его памяти густымъ туманомъ. Даже образъ Сурки блѣднѣлъ и терялъ свою ослѣпительную остроту. Но все же при воспоминаніи о ней сердцу становилось больно...

— Ничего не попишешь!

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ родному городу, его все больше и больше тревожила мысль объ исправникѣ. А что, если онъ не согласится взять отъ Бориса деньги?

Но дурныя мысли не долго задерживаются въ молодой головѣ. Въ Сибири весна еще только убиралась: будила заспавшіяся деревья, разстилала въ степи зеленые половики, сметала съ неба сѣрую паутину. Небо было свѣтло-голубое, кроткое, не такое глубокое, какъ тамъ, въ этой тайгѣ.

И глядя на наливающуюся зеленью жирную степь, на кроткое сибирское небо, Борисъ успокаивалъ себя:

— Ниче. Сойдетъ какъ-нибудь. Ну, дамъ сотню, дамъ двѣ — какъ-нибудь наладится дѣло...

Отъ послѣдней станціи до города нужно ѣхать двѣсти верстъ. Борисъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Власомъ Максимычемъ и съ его сыномъ. Пристяжка бѣшено плясала, поглядывая на ямщика налитымъ кровью правымъ глазомъ. Колокольцы позванивали подъ дугой, а если закрыть глаза, казалось, что это сама степь вздрагиваетъ, позвякивая бубенцами.

И вспомнился Борису Хведоръ съ его бричкой.

«Тутъ степь телѣжку впередъ кидаетъ, а тамъ ее будто назадъ подаетъ», подумалъ онъ.

Вдали ужъ поблескивала родная рѣка, а тамъ, внизу, подъ горой, шумитъ городъ.

— Слава Богу, доѣхали! — сказалъ Власъ Максимычъ, снявъ шапку и перекрестился.

Борисъ соскочилъ съ телѣжки и крикнулъ:

— Съѣзжай, Власъ Максимычъ, съ горы одинъ. Живо догоню.

А самъ перескочилъ ровъ и пошелъ на еврейское кладбище, лежащее на горѣ у самой дороги. Разыскалъ могилку отца и опустился на колѣни. Хотѣлъ было попенять ему, зачѣмъ приписалъ его къ Шаргороду, но не сталъ: вспомнилъ вдругъ, какъ дѣтствѣ отецъ у него ручки цѣловалъ. Прошепталъ только:

— Благослови, отецъ: вернулся на родину!

А. Высоцкій.

МУЛЫ.

*Подъ сводомъ хмурыхъ тучъ, спокойствіемъ объятыхъ,—
Ненастный день темнѣлъ и ночь была близка,—
Грядойъ далекихъ горъ, молочно-синеватыхъ,
На грани мертвыхъ водъ лежали облака.*

*Я съ острова глядѣлъ на море и на тучи,
Остановясь въ пути, — и горный путь, вѣясь
Въ обрывѣхъ сизыхъ скалъ, бѣлѣлъ по дикой кручи,
Гдѣ шли и шли они, подѣ ношею клонясь.*

*И звукъ ихъ бубенцовъ, размѣренно-печальный,
Мнѣ говорилъ о томъ, что я въ странѣ чужой,
И душу той страны, глухой, патриархальной,
Далекой для меня, я постигалъ душой...*

*Вотъ также шли они при Цезаряхъ, при Ремъ,
И также день темнѣлъ, и вдоль скалистыхъ кручъ
Лѣпился городокъ, сырой, забытый всѣми,
И человекъ скорбѣлъ подѣ сводомъ хмурыхъ тучъ.*

Ив. Бунинъ.

ЭЛЛАДА.

*Межъ острововъ Архипелага
Есть славный островъ. Онъ пустой,
Въ немъ есть подобье саркофага...
Сіялъ разсвѣтъ, туманъ съ водой
Мѣшался въ бездны голубыя,
Когда увидѣлъ я впервые
Вдали, въ ихъ ладанъ густомъ,
Его альвшую громаду
На небъ ясно-золотомъ.
Поэтъ сказалъ: «Мы пьемъ прохладу
Ночного моря, и Эдсѣ
Вънчаетъ блескомъ свѣжихъ розъ
Въ гробу почившую Элладу...»
Онъ, въ полусвѣтъ, въ полутьмѣ,
Былъ очень блѣденъ и съ улыбкой
Стоялъ подъ мачтою на зыбкой,
Холодной отъ росы кормъ.
За островомъ, въ горячемъ блескѣ,
Уже вставалъ лучистый богъ,
И элинъ, въ старой, грязной фескѣ,
Спалъ крѣпкимъ сномъ у нашихъ ногъ.*

Ив. Бунинъ.

МОНАРХЪ.

Пьера Милля.

(Продолженіе) *.

IV.

Печальная исторія о Тулумесѣ и добремъ жандармѣ.

Монархъ, какъ отчасти уже извѣстно моимъ читателямъ, далеко не принадлежитъ въ Эспелункѣ къ такъ называемымъ почтеннымъ людямъ. Къ этой категоріи относятся: во-первыхъ, люди богатые, между тѣмъ, какъ Монархъ бѣденъ — бѣденъ въ самомъ неприглядномъ смыслѣ этого слова; во-вторыхъ, люди добродѣтельные, а Монархъ при всемъ желаніи не могъ бы похвастать ни одной добродѣтелью, — по той простой причинѣ, что таковыхъ за нимъ не водится.

Но если Монарха и не считаютъ человѣкомъ почтеннымъ, то къ нему относятся съ большой симпатіей, цѣня, главнымъ образомъ, его веселый нравъ и безпечность, его богатую, поистинѣ творческую фантазію, его отвагу, для которой тормазомъ служить только хитрость южанина, и безграничную щедрость, которую ему никогда не приходится примѣнять, такъ какъ у него ничего нѣтъ.

Врядъ-ли кто-либо изъ эспелункцевъ хотѣлъ бы помѣняться съ нимъ мѣстами: но если бъ Монархъ въ одно прекрасное утро вдругъ исчезъ изъ Эспелунка, всѣ были бы искренно опечалены. Онъ обладаетъ всѣми недостатками и даже пороками окружающихъ, но у него они приобрѣтаютъ какой-то невинный, чуть не милый характеръ. Повторяю, его любятъ, быть можетъ, именно потому, что онъ не принадлежитъ къ числу людей почтенныхъ: почтеніе и любовь очень рѣдко идутъ рука объ руку.

Каждый охотно подноситъ Монарху стаканъ вина; многие съ удовольствіемъ сажаютъ его за свой столъ. Мой пріятель, Казвейль, мэръ Эспелунка, протезируетъ ему. Аптекарь Фальгаретъ находитъ, что онъ очень умный человѣкъ.

* См. «Лѣтопись» № 6. 1916 г.

Недалекій Пейрасъ преклоняется передъ нимъ и старается брать съ него примѣръ. Бекуньянъ, который большей частью мраченъ, такъ какъ ему пришлось пережить семейную драму, и въ характерѣ котораго много общаго съ Монархомъ, хотѣлъ бы еще больше походить на него и очень любитъ его общество. Всѣ относятся къ нему съ отбѣнкомъ снисходительности и фамильярности. Съ нимъ часто спорятъ, надъ нимъ иногда смѣются, но въ то же время охотно оказываютъ ему услуги: на заливомъ солнцемъ, смѣющемся югѣ самыя ласмѣшки носятъ безобидный характеръ.

Одинъ только Тулумесъ относится къ Монарху нѣсколько сдержанно, съ опаской. У него водится деньга, онъ владѣетъ довольно обширными виноградниками и благоустроеннымъ домомъ; всѣмъ извѣстно, что онъ вѣчно возится съ банками и процентными бумагами, — короче, Тулумесъ принадлежитъ къ денежной аристократіи Эспелунка. Онъ, кромѣ того, хорошій охотникъ и очень недурной рыболловъ, еще болѣе страстный, чѣмъ самъ Монархъ. Но есть одна область, въ которой онъ пасуетъ передъ Монархомъ. Въ его прошломъ есть слабое мѣсто, Ахиллесова пята, къ которой онъ очень чувствителенъ и о которой иногда любитъ вспомнить Монархъ.

— Я никогда бы не позволилъ уроженцу сѣвера такъ провести себя! — говорилъ Монархъ въ такихъ случаяхъ.

Подъ уроженцемъ сѣвера онъ разумѣетъ одного эльзаскаго жандарма. Напоминанія о немъ всегда немного разстраиваютъ Тулумеса.

* * *

Произошло это въ одинъ теплый день, когда Тулумесъ, сидя на берегу Гардоны, удилъ рыбу.

Зима была дождливая, но на холодъ жаловаться не приходилось. Еще только подходилъ къ концу январь, а кое-гдѣ уже показывались головки подснежниковъ. Эти первые цвѣты года, предвѣстники тысячъ другихъ, робко выглядывали на свѣтъ Божіи, какъ бы удивляясь, что такъ рано установилась теплая погода и что они могутъ уже приступить къ великому таинству оплодотворенія, раскрывъ свои дѣвственныя вѣнчики.

Извилистая, неширокая теперь рѣка казалась черной стѣ обилія листьевъ, которые давно уже сорвалъ вѣтеръ съ деревьевъ и часть которыхъ догнивала на днѣ. Заросшіи травой берега были, словно губка, пропитанъ водой, брызгавшей изъ-подъ ногъ при каждомъ шагѣ. Въ воздухѣ еще стоялъ легкій запахъ тлѣнія и смерти,

которыми охвачена была природа въ мертвые зимне мѣсяцы, когда жизнь какъ бы останавливается, замедляетъ до весны. Но теплый вѣтёръ время отъ времени приносилъ уже съ далекаго, быть можетъ, лежащаго за моремъ юга сладко опьяняющій ароматъ настоящихъ весеннихъ цвѣтовъ, которые уже пышно распустились въ этихъ благословенныхъ краяхъ.

Тулумесъ не безъ труда устроился на самомъ берегу рѣки: здѣсь было очень тихо, и надо было принять рядъ предосторожностей.

Найдя еще наканунѣ облюбованное имъ мѣсто, онъ сталъ готовить свою великолѣпную удочку съ тонкимъ бамбуковымъ удилицемъ, — крѣпкую, надежную и въ то же время напряженно-трепетавшую въ рукѣ, точно она рвалась поскорѣй въ воду. Закачивалась она новенькимъ крючкомъ цвѣта надкрыльи синяго жука. Какъ настоящій, вдохновенный рыболовъ, онъ презиралъ обычные способы приманки, которые пускаются въ ходъ рыболовами-ремесленниками; осторожно нацѣпилъ на крючекъ крошечный, величиной съ горошину, шарикъ, въ составъ котораго, кромѣ хлѣбнаго мякиша, входилъ медъ и еще какое-то вещество, секретъ котораго сообщилъ ему одинъ прѣзжій изъ далекихъ странъ рыболовъ.

Предварительно измѣривъ глубину воды, Тулумесъ закинулъ свою удочку такъ, чтобы приманка отстояла отъ дна приблизительно сантиметровъ на десять. Потомъ душу его охватилъ сладкій, безмятежный покой, и онъ погрузился въ Нирвану, такъ хорошо знакомую настоящимъ рыболовамъ.

Скоро сталъ накрапывать мелкій дождикъ, который тонкими безчисленными нитями связалъ небо съ землей. По лицу Тулумеса, по его непромокаемому охотничьему жилету и шерстянымъ кальсонамъ, поверхъ которыхъ онъ считалъ лишнимъ одѣвать брюки, текли струйки воды; но онъ какъ будто даже не замѣчалъ этого: онъ видѣлъ только пробковый поплавокъ, который тихо качался на взбурожженной дождемъ водѣ, и терпѣливо ждалъ, зная, что послѣ дождя рыба клюетъ лучше.

Минутами дождь переставалъ и изъ-за разступавшихся тучъ выглядывало солнце; деревья вдали окрашивались нѣжнымъ лиловымъ свѣтомъ. Время отъ времени поплавокъ начиналъ метаться по водѣ: то попадался на удочку линь или окунь. Тогда завязывалась борьба — далеко не такая неравная, какъ это принято думать, — между ожесточенно вырывающейся, обезумѣвшей отъ боли рыбой и чело-

вѣкомъ, который медленно, затаивъ дыханье и стиснувъ зубы отъ напряженія, подтаскивалъ ее на удочкѣ къ берегу. Черезъ минуту рыба уже билась на берегу въ сачкѣ съ водой, а Тулумесь, гордый своей удачей, весь еще дыша страстью борьбы, нацѣплялъ на крючекъ новую приманку.

Въ одну изъ такихъ минутъ онъ услышалъ позади себя приближающіеся шаги, спокойные и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренныя. Онъ повернулъ голову: совсѣмъ близко отъ него стоялъ жандармъ, съ любопытствомъ разсматривавшій его.

Тулумесь отнесся къ его появленію очень спокойно: въ это время рыбная ловля была разрѣшена, и ему нечего было бояться. Совѣсть его была чиста. Жандармъ, къ тому же, былъ очень вѣжливъ; голосомъ, въ которомъ чувствовалась полная благосклонность, онъ тихо, точно боясь спугнуть рыбу, спросилъ:

— Клюетъ?

— Да! — утвердительно кивнулъ головой Тулумесь.

И онъ съ гордостью взглянулъ на сачекъ съ водой, въ которой трепыхалась рыба: крупная, чуть не съ карповъ величиной, плотва, лини, окуни. Темнозеленые на спинѣ, они на бокахъ сверкали всѣми цвѣтами радуги и отливали перламутромъ.

Жандармъ тоже внимательно осмотрѣлъ добычу и сдѣлалъ Тулумесу комплиментъ; уловъ былъ превосходный.

Вдругъ поплавокъ заметался сильнѣе обыкновеннаго, на секунду выпрямился, образовавъ съ рѣкой прямой уголъ, и исчезъ подъ водой прежде, чѣмъ Тулумесь успѣлъ оглянуться. Удочка такъ выгнулась, что она, казалось, вотъ-вотъ переломится надвое. Тулумесь, хотя сердце его взволнованно билось, сохранилъ все свое хладнокровіе. Стиснувъ зубы и нахмуривъ брови, онъ далъ поплавку уйти настолько далеко, насколько это позволяла удочка, потомъ подтянулъ ее, снова отпустилъ немного... Черезъ нѣсколько секундъ надъ водой показалась большая рыба съ ярко зелеными илавниками, вся сверкающая охрой и перламутромъ. Она такъ сильно ударила хвостомъ и рванулась, что чуть не вывихнула Тулумесу руку. Онъ еще разъ отпустилъ немного лесу.

— Вотъ это я понимаю, это рыбина! — сказали съ эльзасскимъ акцентомъ жандармъ. — Смотрите только, не упустите ее!

Когда Тулумесь вытащилъ ее на берегъ, жандармъ услужливо подаль ему сачекъ, который она весь почти заняла своимъ крупнымъ тѣломъ: голова и шея у нея были цвѣта свѣжей луговой травы, а глаза желтые.

— Ну, и здоровая штука! — восторгался жандармъ. — Будетъ, пожалуй, съ мою ногу. Интересно, что это за рыба такая: я никогда еще такой не видалъ...

— Это харіусъ! — указалъ Тулумесъ, который гордился тѣмъ, что прекрасно знаетъ всѣ виды отечественной рыбы. — Это очень рѣдкая въ здѣшнихъ водахъ рыба: ее должно быть, занесло сюда наводненіемъ. Здорово она видно, проголодалась, если пошла на такую приманку.

— Вотъ такъ! — попрежнему тихо, чуть не съ нѣжностью произнесъ жандармъ. — Такъ это харіусъ? Ахъ ты, Господи! Этакая досада!

— Въ чемъ дѣло? — спокойно спросилъ Тулумесъ, все еще продолжая любоваться добычей.

— А въ томъ, что на основаніи декрета отъ 18 мая 1878 года запрещено ловить харіуса съ 15 октября по 31 января. Строго запрещено! Этакая досада! Ничего не поделаешь, придется составить протоколъ.

— Но я вѣдь не нарочно! — воскликнулъ Тулумесъ. — Откуда жъ я могъ знать, что клюнетъ именно харіусъ? Не моя-же это, въ самомъ дѣлѣ, вина, что именно онъ попался на удочку! Къ тому-же, харіусъ обычно ловится на муху. Впрочемъ, чортъ съ нимъ, если такъ: я могу его бросить назадъ въ воду.

— Онъ все равно умретъ отъ ранъ, — грустно возразилъ жандармъ, — да и загаживать рѣку запрещено. Боже милостивый, какъ все это непріятно!

И въ голосъ его и въ выраженіи лица было столько мягкости и состраданія, что въ сердце Тулумеса проникла надежда на благополучный исходъ дѣла. Онъ вынулъ изъ кармана два франка.

— Нѣтъ, нѣтъ! — запротестовалъ, ничуть, повидимому, не разсердившись, жандармъ. — Вы совершенно напрасно беспокоитесь. Протоколы большей частью составляются для одной только проформы. Имъ не всегда даютъ ходъ. Я постараюсь все это уладить: мы вѣдь тоже въ концѣ концовъ не звѣри! Я расскажу, какъ было дѣло, — и все уладится, вотъ увидите! Жаль, конечно, что изъ-за какого-то харіуса вамъ придется лишиться всего улова...

— То есть, какъ это? — испуганно спросилъ Тулумесъ.

— Къ сожалѣнію, я обязанъ конфисковать его. Вы не знаете, какъ мнѣ досадно!

Тулумесъ въ душѣ сильно сомнѣвался, чтобы законъ дѣйствительно предоставлялъ жандарму право конфискаціи его улова; но онъ рѣшилъ не вступать съ нимъ въ пререканія, чтобы расположить его къ себѣ покорностью.

— Надѣюсь, вы хоть оставите мнѣ мою удочку? — съ улыбкой, все еще стараясь задобрить жандарма, спросилъ Тулумесь, — или вы ее тоже конфискуете?

— Нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшно сказалъ жандармъ. — Мы, слава Богу, не въ Турціи! Можете унести всю вашу снасть.

Тулумесь, подавляя вздохъ, сталъ собираться. Когда онъ при этомъ открылъ коробку, въ которой хранились всевозможные виды приманокъ, жандармъ съ любопытствомъ сталъ разсматривать ихъ.

— Видать, что настоящіи рыболовъ! — польстилъ онъ Тулумесу. — Это что у васъ тутъ за штука?

— Это смѣсь, составъ которой придуманъ еще въ древнія времена, — съ удовольствіемъ пояснилъ тотъ. — Сюда входитъ тертая кора ливанскаго кедра, глина, ячменная мука, смѣшанная съ виномъ, свиная печенка, мирра, чеснокъ и тонкій песокъ. Для нѣкоторыхъ сортовъ рыбы это незаменимая приманка. И какъ она хорошо пахнетъ!

— И рыба, должно быть, очень довольна, когда попадаетъ на нее, — серьезно сказалъ жандармъ. — Такая приманка, я думаю, даже слегка кружить голову.

Тулумесь съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Скажете же человѣкъ такую нелѣпость! Просто идиотство! — проворчалъ онъ, вдругъ почувствовавъ въ груди приливъ гнѣва.

— Вы ужъ извините, если что не такъ, — сказалъ все съ тѣмъ же добродушнымъ выраженіемъ жандармъ. — Счастливо оставаться! Отъ души жалѣю, что пришлось причинить вамъ маленькую неприятность.

— Скажите, — не совсѣмъ рѣшительно спросилъ Тулумесь, — неужели дѣлу данъ будетъ ходъ?

— О, не беспокойтесь! — воскликнулъ тотъ. — Все это такіе пустяки! Вѣдь совѣсть ваша спокойна?

Да, Тулумесь чувствовалъ, что совѣсть его чиста, какъ у новорожденнаго. Къ тому же жандармъ былъ такъ любезенъ, что потерпѣвшій рыболовъ совсѣмъ успокоился. Ему жаль было только своего улова, но онъ и съ этимъ скоро примирился.

Каково же было его изумленіе, когда онъ черезъ нѣсколько дней получилъ повѣстку, вызывающую его въ Бляндузъ къ мировому судѣ, по обвиненію «въ нарушении существующихъ законовъ о рыбной ловлѣ, въ оскорбленіи должностнаго лица при исполненіи обязанностей и въ покушеніи на подкупъ онаго представителя власти».

— Ахъ, скотина! — выругался Тулумесь по адресу жандарма.

Въ глубинѣ души онъ все еще надѣялся, что тутъ какое-то недоразумѣніе. Онъ сумѣетъ доказать передъ судомъ свою невинность, и судья сразу пойметъ, что ему, Тулумесу, рѣшительно не въ чемъ упрекнуть себя. Они, Богъ знаетъ, что тутъ нагромоздили, — и оскорбленіе, и подкупъ! Тамъ, въ судѣ, вѣрно просто-на-просто не поняли составленнаго жандармомъ протокола.

Встрѣтившись въ день суда, въ Бляндузѣ, у квартиры судьи, съ жандармомъ, онъ еще больше укрѣпился въ мысли, что въ повѣсткѣ что-то напутано.

Жандармъ, бывши въ полномъ парадѣ, дышалъ благоволеніемъ, и какъ-то даже странно было думать, что онъ можетъ причинить невинному человѣку такую неприятность.

— Какая неожиданность! — воскликнуть онъ, идя навстрѣчу Тулумесу. — Они, оказывается, дали протоколу законный ходъ! Кто-бы могъ подумать? Ну, и народецъ, эти судейскіе! Но я все это улажу, можете быть совершенно спокойны. Я дамъ такія показанія, что они сразу поймутъ...

Надежда снова расцвѣла въ сердцѣ Тулумеса, и когда начался разборъ его дѣла, онъ спокойно, съ твердой вѣрой въ торжество правды, ждалъ показанія жандарма.

Когда жандармъ заговорилъ, въ голосѣ его слышались благосклонныя, почти ласковыя нотки.

— 22 января 1910 года, — началъ онъ, — я составилъ противъ обвиняемаго протоколъ въ томъ, что онъ въ запрещенное закономъ время года поймалъ рыбу, въ которой я призналъ харіуса.

— Ну, это, положимъ, неправда! — перебилъ его Тулумесь. — Я самъ ему сказалъ, какъ называется эта рыба. На свою, можно сказать, голову! Онъ о ней и понятія не имѣлъ.

— На мое замѣчаніе, что теперь эту рыбу ловить запрещено, — спокойно продолжалъ жандармъ, — подсудимый съ преступнымъ легкомысліемъ отвѣтилъ, что ему выпала рѣдкая удача, такъ какъ харіусы въ Гардонѣ попадаютъ крайне рѣдко, и, повидимому, нисколько не жалѣлъ о содѣянномъ имъ. Когда я заявилъ ему, что долженъ буду составить протоколъ, онъ сдѣлалъ попытку подкупить меня монетой въ два франка серебромъ, а потомъ обнаружилъ намѣреніе скрыть отъ меня особый видъ приманки для рыбы, каковая приманка, по его собственному признанію, содержитъ въ себѣ вредныя, ядовитыя вещества. Когда-же я указалъ ему на незаконность пользованія такими приманками, какъ губельными для рыбы, онъ не только не выразилъ раскаянія,

но назвалъ меня идиотомъ, нанеся мнѣ, такимъ образомъ, оскорбленіе при исполненіи обязанностей.

Тулумесь вскочилъ, какъ ужаленный.

— Ахъ, него...

Но защитникъ его, боясь, что онъ строптивостью только отягчитъ свою участь, поспѣшилъ успокоить его и не далъ ему докончить вырвавшееся съ устъ ругательство.

Тулумесь былъ присужденъ къ тремъстамъ франкамъ штрафа и къ восьми «только» днямъ ареста, хотя его могли по инкриминируемымъ статьямъ посадить на цѣлыхъ три мѣсяца: судья принялъ во вниманіе, что обвиняемый еще ни разу не былъ подъ судомъ, а также то, что прошлое его, какъ указалъ защитникъ, было вполне безупречно.

Приговоръ произвелъ на Тулумеса ошеломляющее впечатлѣніе. Защитникъ зорко слѣдилъ за нимъ и поспѣшилъ увести его изъ залы суда, — изъ боязни, чтобъ онъ въ припадкѣ негодованія не надѣлалъ какихъ-нибудь глупостей.

Уже очутившись на улицѣ, злосчастный рыболовъ набросился на жандарма съ упреками. Тотъ спокойно слушалъ его, и на его добромъ лицѣ было написано явное сочувствіе.

— Да, закатали они васъ, нечего сказать!—ужоризнено покачалъ онъ головой. — Такой, можно сказать, пустякъ — и вдругъ... Ну, ничего. Я хорошо знакомъ со старшимъ надзирателемъ тюрьмы, въ которой вамъ придется отбывать наказаніе, и если вы желаете...

Тулумесь тяжело дышалъ, и глаза его метали искры гнѣва.

V.

Тьенну.

Тьенну, — тотъ самый, котораго считают дурачкомъ и который, какъ уже извѣстно читателю, заявилъ, по наущенію Монарха, что птицу у Пейраса передумилъ волкъ, — имѣетъ не лишнюю интереса біографію.

Это единственный въ Эспелункѣ человѣкъ, который «знаетъ сѣверъ»; въ старые годы онъ извѣздилъ его вдоль и поперекъ съ трупной «цирка двухъ міровъ», находившагося подъ управленіемъ г. Майкоша.

Надо, впрочемъ, сказать, что онъ не вынесъ изъ своихъ странствій ничего поучительнаго, такъ какъ съ малолѣтства былъ скорбенъ главой. Единственное мнѣніе, которое онъ вывезъ съ сѣвера и которое на всю жизнь засѣло въ его мозгу, состояло въ томъ, что Франція нехорошая страна. Эта обидная и ужъ, разумѣется, глубоко несправедливая мысль

явилась плодомъ его печальныхъ переживаній: не сладко жилось Тьенну во Франці!

Всѣ его мысли и представленія вертятся только вокругъ удовлетворенія его потребности въ ѣдѣ и питьѣ. Дальше этого онъ не идетъ. Когда онъ сытъ, онъ счастливъ. Природа, обидѣвшая его умомъ, потомъ, повидимому, пожалѣла его и постаралась дать ему хоть нѣкоторую компенсацію: надѣливъ его волчьимъ аппетитомъ, она въ то же время совершенно лишила его вкуса. Онъ изумительно неразборчивъ и можетъ ѣсть все, что угодно.

Директоръ цирка двухъ мировъ, г. Майкошъ, открылъ его въ критическій для себя моментъ: только что околѣлъ отъ припадка остраго ревматизма барсъ, съ которымъ онъ объѣздилъ всю Францію. Это была тяжелая утрата: барсъ долгие годы вѣрой и правдой служилъ своему хозяину и въ послѣднее время являлся главнымъ аттракциономъ цирка, который все больше приходилъ въ упадокъ. Онъ отличался страшной свирѣпостью и въ то же время такъ былъ прирученъ, что позволялъ продѣлывать съ собою разныя забавныя для публики штуки. Онъ то рвалъ на части здоровенныхъ овчарокъ, которыхъ выпускали на единоборство съ нимъ любители, то нявшіеся за объявленной циркомъ преміей; то покорно позволялъ одѣвать на себя ночной чепчикъ и нѣчто вродѣ халата и, при смѣхѣ публики, якобы уходилъ съ г-жей Майкошъ въ спальню.

Со смертью барса цирку прозило полное разореніе. Заменить его рѣшительно было нечѣмъ. Можно было бы, правда, приобрести какого нибудь другого дрессированнаго обитателя лѣсовъ, но для этого нужны были деньги, а денегъ не было.

Въ эти-то черные дни г. Майкошъ и попалъ на Тьенну, который поразилъ его своей изумительной прожорливостью. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ужъ было сказано, онъ ѣлъ рѣшительно все. У него желѣзные зубы, желудокъ словно изъ литой стали — и къ тому-же, полное отсутствіе обонянія. Все, что можетъ наполнить желудокъ, онъ находитъ съвѣдственнымъ.

Майкошъ впервые увидѣлъ Тьенну въ кабачкѣ, когда тотъ, получивъ за это нѣсколько грошей, уплеталъ куколокъ шелковичныхъ червей. Директоръ цирка, не долго думая, пригласилъ его къ себѣ на службу на амплуа дикаря.

Комбинація была для г. Майкоша выгодная: звѣря надо покупать, человѣкомъ можно пользоваться, платя ему поденно.

Съ теченіемъ времени, впрочемъ, Тьенну стали къ ве-

ликому огорченію г. Майкоша портиться: иногда у него появлялись странныя для дикаря фантазіи:

— Я лучше хотѣлъ бы кушать что-нибудь хорошее! — говорилъ онъ тогда.

Онъ даже придумалъ себѣ особый напитокъ изъ оливковаго масла съ чеснокомъ, которымъ онъ запивалъ всякую проглатываемую имъ на глазахъ публики дрянь, причемъ увѣрялъ, что это помогаетъ его пищеваренію. Эти гастрономическія тонкости возмущали г. Майкоша, который боялся, чтобы у зрителей не возникло сомнѣній: отъ дикаря сильно пахло чеснокомъ, и это могло показаться ненатуральнымъ. Но онъ вынужденъ былъ уступить, такъ какъ видѣлъ, что желудокъ Тьенну явно начинаетъ бунтовать. Дошло даже до того, что г. Майкошъ собственными руками подносилъ ему иногда рюмку какого-нибудь ликера для пищеваренія.

Увы! Скоро и это перестало дѣйствовать. Тьенну становился все требовательнѣе.

— Я голоденъ, но мнѣ хотѣлось-бы овощей, — говорилъ дикарь. — Мнѣ ужасно хочется овощей, г. Майкошъ!

Въ немъ явно пробуждался вкусъ, и дрянь, которой его кормили, возбуждала въ немъ все болѣе сильное отвращеніе. Къ несчастью, аппетитъ у него попрежнему былъ звѣрскій, и его почти непрерывно мучилъ голодъ, такъ какъ толченое стекло и тому подобные деликатессы только рѣзали ему внутренности, но не насыщали его.

Таково было положеніе вещей, когда циркъ пріѣхалъ въ Шамери, въ самое сердце Шампани. Тьенну съ каждымъ днемъ приходилъ все въ болѣе мрачное настроеніе. Онъ вдругъ сталъ испытывать острую тоску по родинѣ, которую такъ напоминала окружавшая его теперь природа.

— Я бы хотѣлъ вернуться домой! — вздыхалъ онъ. — Тамъ бы я ѣлъ фиги. Онѣ растутъ совершенно открыто, и ихъ можно ѣсть сколько угодно. Растетъ тамъ и салатъ, и виноградъ. Когда его собираютъ, его можно ѣсть по цѣлымъ днямъ.

Но передъ балаганомъ уже собралась публика, и г. Майкошъ старался успокоить Тьенну.

— Нечего, нечего! Тутъ, въ Шампани, тоже достаточно винограду. Послѣ представленія я дамъ тебѣ немного... Эй, жена, заведи-ка граммофонъ!

Граммoфонъ простуженнымъ голосомъ оглашалъ балаганъ какой-то бравурной аріей, а г. Майкошъ собственной персоной выходилъ изъ-за кулисъ и обращался къ публикѣ съ хорошо заушенной, напыщенной рѣчью. Черный сюр-

тукъ его, правда, сильно поношенный, — производилъ впечатлѣніе на невзыскательныхъ зрителей.

Входъ въ балаганъ уставленъ былъ декорациями, на которыхъ были изображены: хижина дикарей, очковая змѣя, собирающаяся проглотить непра, носорогъ, прокалывающій своимъ острымъ рогомъ льва, водолазъ, съ топоромъ въ рукахъ защищающій на днѣ морскомъ молодую дѣвушку отъ акулы. Жанна д'Аркъ, сжигаемая англичанами, изверженіе вулкана, во время котораго погибаетъ цѣлый городъ. Въ самомъ центрѣ, въ глубинѣ сцены, былъ изображенъ голый человѣкъ, только у пояса прикрытый повязкой изъ крупныхъ зеленыхъ листьевъ, красный, какъ жженый кирпичъ, съ короной изъ желтыхъ перьевъ на головѣ; представленъ онъ былъ въ тотъ моментъ, когда съ аппетитомъ грызъ зубами черепъ еще живого миссіонера, — судя по платью, доминиканскаго монаха.

Г. Майкошъ положилъ свой цилиндръ на столикъ, за которымъ стояла госпожа Майкошъ, одѣтая въ сверкающее, какъ рыба чешуя, платье и, повидимому, изображавшая сирену. Она положила цилиндръ мужа еще дальше, чтобы тотъ въ пылу краснорѣчія не задѣлъ его рукой. Потомъ, доставъ мѣдную трубу, онъ издалъ нѣсколько громовыхъ нотъ, отъ которыхъ задрожали картонныя декорации; наконецъ, отложивъ въ сторону и трубу, онъ заговорилъ своимъ обычнымъ голосомъ:

— Милостивые Государи и милостивыя Государыни! Дикарь, котораго я вывезъ изъ далекихъ острововъ Ларонскаго архипелага и котораго сейчасъ буду имѣть честь представить почтеннѣйшей публикѣ, охотно питался бы человѣческимъ мясомъ, если бъ, по счастью, этого не запрещали законы страны. Во время переѣздовъ по желѣзной дорогѣ мы вынуждены нанимать ему, въ видахъ безопасности пассажировъ, особое купѣ; а такъ какъ и эти мѣры могутъ оказаться неэффективными, приходится одѣвать ему намордникъ, запирающійся замкомъ, ключъ отъ котораго постоянно хранится у меня. Вотъ этотъ намордникъ!

Онъ досталъ выкрашенную въ красное и зеленое провочную сѣтку, въ родѣ тѣхъ, какія одѣваютъ на лицо при фехтованіи; заканчивалась она жесткой бородой изъ конскихъ волосъ.

— Эти украшения, — снова заговорилъ онъ, — необходимы: иначе онъ ни за что не позволилъ бы одѣть на себя этотъ намордникъ. Ибо дикари, какъ утверждали не только такіе ученые мужи, какъ Клодъ Бернаръ, Говелакъ и Пастеръ, этотъ великій благодѣтель человѣчества, но

даже г. Тьеръ и самъ Рузвельтъ, — дикари, — это большія дѣти, къ которымъ лучше всего подходить съ ихъ слабыхъ сторонъ. Пусть васъ, почтеннѣйшая публика, не удивляетъ глубина и многообразіе моихъ познаній: меня зазвуть Майкошъ, — имя это хорошо извѣстно не только во Франціи, но и въ Англии. Я имѣю дипломъ доктора Тифлисскаго и Минезотскаго университетовъ, а также факультета Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ цѣляхъ распространенія естественно-научныхъ и прочихъ знаний, а также всякаго рода чудодѣйственныхъ открытій, я развѣзжаю по самымъ глухимъ деревнямъ; и наградой мнѣ служить уваженіе, которымъ я пользуюсь со стороны господъ журналистовъ, а также со стороны Его Величества Турецкаго Императора Абдуль-Гамида, — этого еще находящагося въ живыхъ, но уже какъ-бы умершаго повелителя Востока...

Долго еще говорилъ въ такомъ же духѣ г. Майкошъ, директоръ цирка двухъ міровъ, передъ столпившимися у балагана обитателями Шамери. Рѣчь его, наполовину заученная, наполовину импровизированная, повидимому, ему самому доставляла большое удовольствіе, чему нисколько не мѣшала ея лирическая безсвязность.

Въ Шамери только что кончился сборъ винограда: Годъ выдался хорошій, и крестьяне были довольны.

— Въ этомъ году цѣны на вино будутъ высокія! — говорили они между собой. — Мы такъ разбогатѣемъ, что хоть мостовую серебряными монетами мости!

— Да, повезло таки! Годъ, прямо сказать, рѣдкій!

Но войти въ балаганъ, несмотря на такой хорошій годъ, они все-же долго не рѣшались: жаль было 25 сантимовъ за входъ. Тогда, чтобы положить конецъ ихъ колебаніямъ, г. Майкошъ, повернувшись внутрь балагана, крикнулъ во всю силу легкихъ на какомъ-то непонятномъ языкѣ:

— Брама Тьенну, брама пусель!

Въ ту-же минуту изъ-за кулисъ раздалось дикое, поистинѣ нечеловѣческое мычаніе, отъ котораго многіе изъ публики невольно вздрогнули.

— Вы слышите, милостивые государи и милостивыя государыни? Это мычитъ нашъ дикарь. Входите, входите, милости просимъ! Вы увидите вещи, которыя вамъ и во снѣ не снились. Дикарь на вашихъ глазахъ будетъ ѣсть булыжникъ, сырое мясо, стекло, мертвыхъ и живыхъ животныхъ, съ шерстью и перьями. Онъ способенъ былъ бы и человѣка сожрать, говорю я вамъ, если бы ему дать волю. Но вы можете быть совершенно спокойны: онъ у насъ на

цѣпи. Я не очень-то ему довѣряю и предпочитаю точно исполнять предписанія господина полицейскаго комиссара, который, въ видахъ общественной безопасности, распорядился заковать его.

Крестьяне, наконецъ, рѣшились и, сначала по одиночкѣ, а потомъ компактными группами, повалили въ балаганъ, гдѣ они усѣлись на деревянныхъ лавкахъ и съ любопытствомъ стали озираться. Передъ ними возвышалась эстрада, сооруженная изъ положенныхъ на козлы досокъ и закрытая съ трехъ сторонъ разрисованнымъ подь малиновый бархатъ сильно потрепаннымъ полотномъ.

Г. Майкошъ исчезъ за кулисами, какъ онъ любилъ называть эти старыя тряпки. За ними сидѣлъ на стулѣ чловѣкъ, сильно напоминавшій внѣшнимъ видомъ того, который изображенъ былъ на наружныхъ декораціяхъ балагана: голый до пояса, съ раскрашеннымъ подь кирпичъ лицомъ и тѣломъ, съ гирляндой листьевъ вкругъ пояса, съ короной желтыхъ перьевъ на головѣ.

Госпожа Майкошъ, которая еще даже не успѣла снять съ себя свое чешуйчатое платье сирены и замѣнить его другимъ, болѣе прозаическимъ, разрисовывала дикарю трудъ; татуировка изображала орла съ распластанными по воздуху крыльями, уносившаго несчастную негротянку. Фонъ былъ небесно голубого цвѣта.

— Ну что, Тьенну, ты готовъ? — спросилъ Майкошъ на провансальскомъ нарѣчьи.

— Самъ видишь! — отвѣтилъ Тьенну на томъ-же діалектѣ. — Я ужасно голоденъ, Майкошъ! Ужасно! Томаты будутъ?

— Послѣ того, какъ ты поѣшь передъ публикой, — не допускающимъ возраженія тономъ сказалъ Майкошъ, — мы сядемъ обѣдать.

Опять былъ пущенъ въ ходъ граммофонъ, который огласилъ балаганъ хрипыми звуками бравурнаго марша. Когда маршъ близился уже къ концу, Тьенну бросился изъ за кулисъ на сцену. Майкошъ опоясалъ его толстой цѣпью, одинъ конецъ которой держалъ въ рукѣ.

Тьенну сталъ плясать какой-то воинственный танецъ. Ему опять пришлось выслушать изъ устъ Майкоша хорошо уже знакомый ему разсказъ о томъ, какъ онъ, безъ всякаго угрызенія совѣсти, сожралъ живьемъ миссіонера, своего духовнаго отца. Потомъ онъ разгрызалъ зубами искусно подѣланные изъ песку и сахару камни, которыми Майкошъ незамѣтно подмѣнялъ настоящіе камни передаваемые ему изъ публики. Дальше по программѣ слѣдовало пожираніе

сырого мяса. Это было не такъ ужъ плохо, и Тьенну безъ особаго неудовольствія справился и съ этимъ номеромъ: въ другіе дни бывало хуже, — ему приходилось ѣсть мышей и тому подобную гадость. Какъ бы это было хорошо, если бы представленія всегда такъ сходили!

Но одинъ подвыпившій крестьянинъ все испортилъ. Доставъ изъ кармана дохлаго суслика, онъ бросилъ его на эстраду. Въ публикѣ раздался смѣхъ.

— Откуси кусокъ! — тихо, повелительнымъ тономъ, сказалъ Майкошъ.

И онъ громко обратился къ присутствующимъ:

— Дикарь съ Ларонскаго архипелага съѣлъ бы и носорога.

Но «дикарь съ Ларонскаго архипелага» на этотъ разъ отказался повиноваться. На весь балаганъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, онъ крикнулъ на провансальскомъ нарѣчьи:

— Если ты заставишь меня ѣсть эту гадость, я расскажу имъ, что я родомъ изъ Эспелунка!

Разразился страшный скандалъ: публика рѣшительно отказалась вѣрить, что дикари могутъ рождаться на берегахъ Гардоны.

Тьенну вернулся на родину, въ милый его сердцу Эспелункъ. Роли дикаря на службѣ у директора цирка двухъ міровъ онъ предпочелъ роль носильщика багажа. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Эспелункѣ и зарабатываетъ хлѣбъ переноской вещей съ Жерскаго вокзала и обратно.

VI.

Воздушный шаръ.

Когда Монархъ въ эту ночь возвращался домой, было уже начало одиннадцатаго. Ярко блестѣли во тьмѣ ночи звѣзды. Эспелункъ спалъ: обитатели его привыкли рано ложиться и рано вставать.

Только жена Монарха еще не ложилась и ждала его: порядочная жена ни за что не ляжетъ спать раньше мужа.

Она встрѣтила его съ легкимъ упрекомъ, въ которомъ, впрочемъ, звучало много покорности.

— Какъ ты сегодня поздно!

На лицѣ Монарха написана была важность. Онъ не сразу отвѣтилъ, — не потому, что ему не хотѣлось говорить, нѣтъ; онъ просто рѣшилъ, что небольшая пауза придастъ его словамъ больше внушительности. На югѣ, вообще, принимаютъ толкъ въ ораторскомъ искусствѣ и паузамъ здѣсь

иногда придается больше значенія, чѣмъ самымъ краснорѣчивымъ тирадамъ.

— Ты былъ въ клубѣ? — спросила Эмма.

Монархъ и на этотъ разъ не далъ еще прямого отвѣта и ограничился однимъ только кивкомъ головы; но онъ сумѣлъ вложить въ это движеніе цѣлую бездну красиваго трагизма: ни дать, ни взять, гладиаторъ, который признаетъ себя побѣжденнымъ, но который и въ эту роковую минуту гордъ и прекрасенъ. Монархъ самъ признавалъ, что въ немъ есть нѣчто отъ древнихъ римлянъ, и это сильно поднимало его въ его собственныхъ глазахъ.

— Да, я на половину римлянинъ! — говорилъ онъ. — Въ Провансѣ мы всѣ немного римляне. Это ужъ у насъ въ крови...

Помолчавъ еще съ минуту, онъ, наконецъ, сказалъ:

— Да, я изъ клуба. Иезуиты торжествуютъ!

И онъ сопроводилъ эти слова новымъ, полнымъ благородства жестомъ.

Монархъ снялъ шляпу съ такимъ видомъ, точно обнажалъ голову передъ траурной процессіей.

— Да, это конецъ! — сказалъ онъ. — Объединенная реакція торжествуетъ. Мало того, что въ нашихъ мѣстахъ не выпало ни одного самаго ничтожнаго града, что у насъ въ этомъ году даже наводненія никакого не было, хотя въ другихъ мѣстахъ были и наводненія и даже землетрясенія, которыя заставили правительство раскошелиться на субсидіи; всего этого, повторяю, оказалось мало, и теперь на насъ обрушился новый ударъ: нашъ предсѣдатель Мастрелу, — эта каналья, почти безконтрольно распоряжавшаяся нашей кассой, — сбѣжалъ, захвативъ съ собою всю наличность, семьсотъ пятьдесятъ франковъ! Ахъ, разбойникъ! Мы теперь станемъ посмѣшищемъ всей Европы.

Супруга Монарха и бровью, что называется, не повела: новость, повидимому, мало интересовала ее. Но скоро она насторожилась.

— Хуже всего, что онъ сбѣжалъ не одинъ! — прибавилъ послѣ короткой паузы Монархъ. — Онъ поставилъ въ смѣшное положеніе весь комитетъ: представъ себѣ, онъ увезъ съ собою жену одного изъ лучшихъ членовъ нашего клуба, гражданина Пейраса. Это ужасно! Ударъ такъ тяжелъ, что наша партія не скоро отъ него оправится.

Онъ выпилъ воды и скромно, тихимъ голосомъ, прибавилъ:

— На его мѣсто теперь выбранъ предсѣдателемъ я. На

моихъ плечахъ лежитъ огромная отвѣтственность я долженъ спасти партію отъ окончательнаго крушенія.

— И ты ее спасешь, Юстинъ! — съ гордостью сказала Эмма.

Монархъ снова умолкъ, — пусть она думаетъ, что онъ ломаетъ голову надъ какими-нибудь важными вопросами.

На другое же утро обнаружилось, что финансовая неосторожность Мاستрелу, а также неожиданное похищеніе имъ жены Пейраса, произвели въ Эспелункѣ впечатлѣніе неслыханнаго скандала. Въ обычное время этимъ фактамъ, быть можетъ, и не придали бы такого значенія; но надвигались выборы въ парламентъ, и политическіе противники, разумѣется, раздували до фантастическихъ размѣровъ всякую мелочь. Въ тотъ же день члены клерикальнаго клуба, собравшись въ кабачкѣ госпожи Фушаресь, во всеуслышаніе говорили о безнравственности своихъ противниковъ изъ антиклерикальнаго лагеря, собирающихся въ кабачкѣ Мюратона. Дѣти изъ сиротскаго пріюта аббата Рестифа, среди которыхъ было не мало великовозрастныхъ, проходя мимо оконъ мюратоновскаго кабачка, демонстративно пѣли какія-то фривольныя пѣсни, въ которыхъ очень недвусмысленно говорилось о томъ, какъ нѣкому мужу наставили рога.

Эти обиды наполняли горечью сердце Монарха, хотя онъ и не относился къ нему лично. Временами онъ поднималъ скорбныя, но сверкающіе рѣшимостью борьбы глаза на гордо возвышающееся надъ Эспелункомъ аббатство, это «гнѣздо іезуитовъ», какъ называли его антиклерикалы.

— Они торжествуютъ, они злорадствуютъ! — шептала онъ.

Комитетъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, до того былъ смущенъ разыправшейся драмой, что совершенно растерялся. Единственное принятое имъ рѣшеніе сводилось къ тому, что партіи нужна новая платформа.

Новая платформа стала главной, чуть не единственной заботой Монарха. Но увя! Сколько ни ломалъ онъ надъ нею голову, ничего не выходило. И это мучило его, лишало сна и покоя: онъ любилъ политическую борьбу, въ которой для себя лично не могъ почерпнуть никакихъ матеріальныхъ выгодъ, — можетъ быть, именно потому, что тѣшился своимъ безкорыстіемъ; для него она была итрой, особаго вида искусствомъ, сценой, на которой онъ подвизался передъ лицомъ всего Эспелунка. Но быть на положеніи освистаннаго актера — нѣтъ, это было слишкомъ! Надо было во что бы то ни стало найти выходъ.

— О чемъ ты думаешь, Юстинъ? — спрашивала иногда жена, когда онъ погруженъ былъ въ глубокое раздумье.

— Я ищу новую платформу! — отвѣчалъ онъ.

Какъ человѣкъ, привыкшій облекать свои мысли въ форму конкретныхъ образовъ, онъ какъ бы искалъ эту платформу въ каменистомъ теченіи Гардоны, въ полетѣ птицъ, въ волшебныхъ измѣненіяхъ плывущихъ по небу облаковъ.

Иногда Монарха въ его поискахъ сопровождали другіе члены комитета. Всѣ они были очень озабочены, но старались не показать этого: не къ чему обнаруживать передъ врагомъ дѣйствительное положеніе вещей. Надо высоко держать голову, чортъ возьми!

И члены комитета высоко держали голову. Всѣ они усердно искали вмѣстѣ съ Монархомъ платформу, — и аптекаръ Пьеръ Онорэ Фальгаретъ, и извѣстный уже читателю Тулумесь, и Бекуньянъ, и Пейрасъ (тотъ самый, у котораго Матрелу похитилъ жену), и кабатчикъ Мюратонъ, и даже самъ почтенный мэръ Эспелунка, г. Казвейль.

Въ одинъ изъ такихъ дней платформа была найдена, и вотъ какъ это случилось.

Вѣтеръ, дувшій со стороны Роны, разогналъ тучи и совершенно очистилъ небо. Комитетъ, со своимъ новымъ председателемъ во главѣ, въ грустномъ молчаніи шелъ по старой немской дорогѣ, храбро выдерживая натискъ вѣтра. Вдругъ Монархъ, извѣстный своей дальнозоркостью, схватилъ Мюратона за руку и взволнованнымъ голосомъ спросилъ, указывая пальцемъ на сѣверную часть небосклона:

— Ты ничего тамъ не видишь?

— Я вижу... вижу... гнѣздо іезуитовъ! — отвѣтилъ тотъ.

Онъ имѣлъ въ виду старый монастырь, въ которомъ теперь засѣлъ аббатъ Рестифъ. Построенный на высокой скалѣ, почти отвѣсно спускающейся къ берегу Гардоны, онъ имѣлъ видъ неприступной крѣпости. Его суровая внѣшность наводила на подозрѣнія, что въ стѣнахъ его скрывается нѣчто загадочное; свѣже-позолоченный крестъ на высокой колокольнѣ побѣдоносно сверкалъ въ ясномъ небѣ, словно издѣваясь надъ членами анти-клерикальнаго комитета.

— Нѣтъ, не здѣсь! — сказала Монархъ. — Правѣе немного, возлѣ бѣлаго облачка.

— Нѣтъ, я ничего не вижу.

— Я различаю какую-то точку! — заявилъ Тулумесь, который тоже извѣстенъ былъ своимъ хорошимъ зрѣніемъ.

— Только точку? Всмотрись-ка хорошенько! Глаза вѣдь у тебя зоркіе!

— Это воздушный шаръ! — радостно воскликнулъ Тулумесь.

Въ течение нѣсколькихъ минутъ всѣ разсматривали пока еще чуть замѣтный воздушный шаръ. Размѣры его все увеличивались. Скоро уже явственно можно было видѣть его корзину съ прикрѣпленнымъ къ ней небольшимъ трехцвѣтнымъ флагомъ, развѣвавшимся по вѣтру. Каждый разъ, какъ шаръ попадалъ подъ облако, онъ спускался ближе къ землѣ, а потомъ снова подымался и, казалось, съ наслажденіемъ плавалъ въ волнахъ освѣщеннаго солнцемъ эфира. Минутами онъ походилъ на большой поплавокъ отъ невидимой удочки.

— Что-же это за шаръ такой? Откуда онъ вдругъ взялся? — вслухъ задалъ вопросъ Тулумесь.

Всѣ молчали: воздушный шаръ вовсе не былъ здѣсь такой рѣдкостью, и членамъ комитета казалось, что тутъ и голову не надо ломать.

— Подумай немного, Тулумесь! — сказала Монархъ, котораго вдругъ осѣнила счастливая мысль. — Подумай и ты, Бекуньянъ! Развѣ сегодня гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ праздникъ, чтобъ кому-либо вздумалось пускать воздушный шаръ? Насколько мнѣ извѣстно, ни въ Эспелункѣ, ни въ Масанѣ, ни въ Жерѣ, ни даже въ Монпелье нѣтъ ни выборовъ, ни скачекъ, ни другихъ торжествъ.

— Да, это вѣрно! — подтвердилъ Тулумесь.

— Но, можетъ быть, гдѣ-нибудь поблизости имѣется ярмарка или земледѣльческій съѣздъ?

— Ни ярмарки, ни съѣзда нигдѣ нѣтъ! — заявилъ Бекуньянъ.

— Хорошо. Теперь посмотрите хорошенько, — продолжалъ Монархъ, — какого направленія держится шаръ. Не кажется ли вамъ, что онъ старается держаться надъ этимъ гнѣздомъ иезуитовъ? Не замѣчаете-ли вы, что онъ подаетъ флагомъ какіе-то сигналы?

Онъ сдѣлалъ паузу. Всѣ взоры были устремлены на него съ безмолвнымъ вопросомъ. Чувствовалось, что сейчасъ будутъ произнесены знаменательныя, рѣшающія слова.

И дѣйствительно, торжественно поднявъ къ небу указательный палецъ, на который устремлены были взоры всего комитета, онъ изрекъ:

— Это иезуиты между собой сообщаются.

Впечатлѣніе было огромное, ошеломляющее. Съ минуту

никто не могъ произнести ни слова. Первымъ заговорилъ аптекаръ Фальгаретъ.

— Монархъ, ты нашелъ платформу. Партия спасена!

— Надѣюсь! — скромно отвѣтилъ Монархъ.

Весь Эспелункъ раздѣлялъ мысль, высказанную Фальгаретомъ: платформа въ борьбѣ съ іезуитами найдена. Унесенный вѣтромъ на югъ, воздушный шаръ разсѣялъ тучи, сгустившіяся надъ головами антиклерикаловъ. Забыты были даже измѣна Мастрелу и похищение жены Пейраса. Сомнѣній не было: іезуиты сносились съ своими далекими единомышленниками. Во всякомъ случаѣ, этому хотѣлось вѣрить — и вѣрили. Клерикалы, собравшіеся въ кабацкѣ госпожи Фушаресь, не очень оспаривали пущенный слухъ: онъ льстилъ имъ, поднималъ ихъ въ собственныхъ глазахъ.

VII.

«Царица Кипра».

Въ обычное время Монархъ отличается трезвостью, которой онъ очень гордится.

— Какъ и всѣ дѣйствительно интеллигентные люди, я не выношу пьянства, — говоритъ онъ.

Онъ только выпиваетъ по вечерамъ свой абсентъ; пить онъ его долго, цѣлыхъ два часа, подливая въ него послѣ каждого глотка воды. При этомъ, какъ онъ увѣряетъ, его интересуетъ не столько абсентъ, сколько сахаръ, который при немъ полагается. Онъ, дѣйствительно, очень любитъ сахаръ; недаромъ его не жалуютъ собаки, вертящіяся, въ надеждѣ на подачку, около столиковъ посѣтителей: онъ ни за что ни одной изъ нихъ не дастъ ни куска сахара. Это, какъ опять-таки увѣряетъ Монархъ, тоже доказываетъ, что онъ очень далекъ отъ алкоголизма: настояще алкоголики не выносятъ сахара.

Цѣликомъ оставляя это утвержденіе на его совѣсти, мы перейдемъ къ фактамъ, доказывающимъ его любовь къ трезвости. Кромѣ упомянутаго уже абсента, онъ по утрамъ выпиваетъ одинъ, самое большее—два стакана бѣлаго вина и по два литра за обѣдомъ и ужиномъ: настояще алкоголики питаютъ отвращеніе къ вину, какъ утверждаетъ Монархъ. Къ тому-же, мѣстное вино не то, что вино, которое пьютъ въ другихъ частяхъ Франціи: оно здѣсь легкое и свѣжее, какъ ключевая вода; сразу видно, что виноградъ, изъ котораго оно приготовлено, росъ на горахъ. Это не опьяняющій напитокъ, — его пьютъ только для утоленія жажды. Это вино рабочаго человѣка. Такъ, по крайней

мѣрѣ, говоритъ Монархъ, который хорошо изучилъ всѣ свойства мѣстнаго вина.

Что касается воды, чистой воды безъ примѣси вина, то онъ считаетъ ее опасной жидкостью. Чистую воду могутъ пить развѣ только парижане, къ которымъ Монархъ относился презрительно. Онъ однажды видѣлъ парижанина, который отказывался пить что бы то ни было кромѣ чистой воды, и этотъ человѣкъ внушилъ ему глубокую жалость, которую онъ не выразилъ вслухъ только благодаря своей воспитанности.

— Не стѣсняйтесь, милостивый государь! — сказалъ онъ, протягивая ему графинъ. — Годъ выдался дождливый, — воды много.

Только во время избирательной кампаніи Монархъ нѣсколько измѣняетъ своей трезвости, но дѣлаетъ онъ это только какъ членъ наиболѣе прогрессивнаго въ Эспелункѣ клуба, такъ сказать—во исполненіе обязанностей. Тогда ужъ не пить нельзя.

Въ своихъ политическихъ принципахъ онъ твердъ. Патриотъ и свободомыслящій, онъ высоко ставитъ просвѣщеніе, и часто въ кабачкѣ Мюратона можно слышать, какъ онъ восклицаетъ: «свѣта, побольше свѣта!» Будучи заядлымъ антиклерикаломъ, онъ въ то же время съ глубокимъ уваженіемъ относится къ монашенкамъ, которыя помогаютъ бѣднымъ и больнымъ. При всемъ своемъ ярко прогрессивномъ образѣ мыслей, онъ врагъ всякихъ новшествъ.

— О реформахъ можно говорить, — высказалъ онъ однажды вслухъ пришедшій ему въ голову афоризмъ, — но проводить ихъ было-бы неблагоприятно.

Су-префектъ, до котораго дошли эти слова, очень благодарно отозвался о немъ и назвалъ его полезнымъ человѣкомъ. Монархъ очень гордился этимъ отзывомъ: въ глубинѣ души онъ все-же почитаетъ власть.

Во время выборовъ Монархъ проявляетъ много энергии. Онъ почти неотлучно сидитъ въ кабачкѣ Мюратона, гдѣ въ эти дни помѣщается постоянное избирательное бюро, о чемъ свидѣлствуетъ висящая надъ дверьми надпись огромными черными буквами на бѣломъ холстѣ.

Монархъ тогда живетъ всѣми фибрами души. Онъ то и дѣло импровизируетъ вслухъ великолѣпныя избирательныя рѣчи, въ которыхъ привѣтствуетъ восходящую зарю новой жизни. При этомъ онъ вдохновенно простираетъ впередъ руки, точно видитъ эту зарю передъ собой. Съ двухъ до пяти часовъ дня, пока Мюратонъ одну за другой откупориваетъ бутылки съ виномъ, грядущее торжество демократіи

представляется Монарху только въ абстракціи; но когда дѣло доходитъ до ликеровъ, онъ какъ бы видитъ ее передъ собой воочию, во плоти и крови; онъ говоритъ о ней — какъ влюбленный о своей возлюбленной, поетъ ей восторженные гимны и чуть не преклоняетъ передъ ней колѣни.

— Мы повергнемъ въ прахъ всѣхъ ея враговъ! — восторженно восклицаетъ онъ. Въ эти минуты онъ чувствуетъ себя Геркулесомъ, поражающимъ гидру, и любитъ своими мускулами.

Мюратонъ никогда не представляетъ ему счета за вино, выпитое имъ у него во время избирательной компаніи: за это потомъ съ благодарностью уплачиваетъ кандидатъ. А платить иногда приходится довольно много: Монархъ въ видахъ поддержанія на должной высотѣ своего энтузіазма, безъ котораго исходъ выборовъ былъ-бы очень сомнителенъ, пьетъ чуть-ли не со всѣми избирателями округа, — и пиво, и абсентъ, и коньякъ, и мадеру. Кабачокъ при этомъ часто оглашается пѣніемъ. Бекуньянъ, Мюратонъ и Тулумесь обыкновенно предпочитаютъ «Интернаціоналъ», Монархъ же находитъ этотъ гимнъ черезчуръ банальнымъ; гораздо больше любитъ онъ воинственный маршъ, пользовавшійся, по его увѣренію, большою популярностью во время брабантской революціи. Впрочемъ, когда энтузіазмъ охватываетъ всю аудиторию, репертуаръ становится очень разнообразнымъ и даже нѣсколько беспорядочнымъ: поютъ «Благословеніе кичжаловъ», «Стойте, идутъ монтаньяры!» — и даже хвалебный гимнъ св. Доминику, хотя онъ и сильно отдаютъ ненавистными кампаніи клерикальными тенденціями.

Но самымъ излюбленнымъ и выиграннымъ номеромъ Монарха является арія изъ оперы «Царица Кипра»:

«Въ житейскомъ морѣ
Все тринь-трава!»

громовымъ голосомъ затягиваетъ онъ.

«Блаженство, горе —
Одни слова!» —

дружнымъ хоромъ подхватываютъ Бекуньянъ, Тулумесь, Мюратонъ и всѣ другіе посѣтители. Даже госпожа Мюратонъ, которая распоряжается за стойкой, не можетъ устоять противъ соблазна и тоже начинаетъ подтягивать.

Выходитъ очень недурно: по общему признанію, всѣ поютъ съ большимъ чувствомъ, а о Монархѣ даже говорятъ, что онъ вполне былъ бы на своемъ мѣстѣ гдѣ-нибудь

на сценѣ первокласснаго опернаго театра. Они искренно другъ другу аплодируютъ, и лица ихъ сіяютъ отъ удовольствія. Это счастливѣйшія минуты въ жизни Монарха и его друзей, а такъ какъ это счастье даетъ имъ ихъ преданность республикѣ, то они отъ чистаго сердца благословляютъ ее.

* * *

Въ описываемый нами вечеръ энтузіазмъ Монарха достигъ апогея. Когда онъ вышелъ изъ кабачка Мюратона, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что ноги его далеко не такъ послушны ему, какъ голова, которая продолжала усиленно работать надъ политическими проблемами.

Дорога отъ кабачка до его дома идетъ въ гору и все почти время извивается капризными зигзагами. Онъ рѣшительно пошелъ впередъ, поднявъ къ небу руки, — отчасти для того, чтобы поклясться въ своей рѣшимости бороться за торжество демократіи, отчасти въ видахъ сохраненія равновѣсія, которое онъ сталъ терять съ первыхъ же шаговъ. «Горе реакціонерамъ! Мы разсѣмъ ихъ гнусныя полчища!» — воскликнулъ онъ, размахивая правой рукой съ такимъ ожесточеніемъ, какъ если бы въ ней находился мечъ. Воображаемые реакціонеры, должно быть, находились нѣсколько въ сторонѣ отъ его дороги, — по крайней мѣрѣ, поражая ихъ, онъ такъ рѣшительно рванулся въ сторону, что только чудомъ сохранилъ равновѣсіе, причемъ попалъ въ неглубокую канавку. Впрочемъ, на это послѣднее обстоятельство онъ даже вниманія не обратилъ: передъ его умственнымъ зоромъ тянулся широкій, ровный путь, ведущій прямо къ его демократическимъ идеаламъ. Онъ вспомнилъ прельстившую его фразу изъ рѣчи кандидата: «Въ твердомъ рѣшеніи защищать свои права жаждущая мира Франція не остановится передъ необходимостью обнажить мечъ противъ враговъ и будетъ ждать, гордая и готовая къ бою».

Фраза эта гвоздемъ засѣла въ его головѣ, и онъ теперь то и дѣло повторялъ ее, причемъ по тону и жестамъ его чувствовалось, что онъ тоже готовъ къ бою. Онъ даже останвился на минуту въ воинственной позѣ челоуѣка, который твердо рѣшилъ не отступать передъ опасностью; но удержался онъ въ этой позиціи съ трудомъ и чуть не упалъ: объяснялось это тѣмъ, что онъ гораздо хуже видѣлъ неровности дороги, чѣмъ воображаемыхъ враговъ.

«Въ твердомъ рѣшеніи защищать свои права»... — снова началъ было Монархъ, но въ эту минуту позади его послышались крики. Онъ обернулся и увидѣлъ цѣлую свору эспе-

лункскихъ мальчишекъ. Не прошло еще и пяти минутъ, какъ онъ вышелъ изъ мюратоновскаго кабака, а они уже пронохали, что онъ пьянъ, и толпой бросились за нимъ.

Врядъ ли какой-нибудь мудрецъ можетъ болѣе или мѣнѣе удовлетворительно объяснить психологическія основанія того любопытства, какое пьяницы возбуждаютъ въ подрастающемъ поколѣніи. Подростки упорно не хотятъ оставлять въ покоѣ безобидныхъ, никому не дѣлающихъ зла и, наоборотъ, очень благожелательно настроенныхъ поклонниковъ Бахуса.

Эспелункскіе мальчишки, слѣдовавшіе за Монархомъ, оглашали радостными криками улицу; но подойти къ нему близко они не рѣшались и, когда онъ обернулся къ нимъ съ тѣмъ рѣшительнымъ видомъ, съ какимъ онъ привыкъ смотрѣть на своихъ политическихъ противниковъ во время собраній, они бросились вразсыпную, какъ стая воробьевъ отъ воза съ хлѣбомъ при приближеніи возницы. Черезъ минуту, впрочемъ, они опять собрались толпой за Монархомъ, возбужденные, веселые, точно на ихъ долю выпала Богъ вѣсть какая радость. Монархъ уже растерялъ значительную долю своей рѣшимости и въ недоумѣніи смотрѣлъ на мальчишекъ. Тогда одному изъ нихъ, сыну извѣстнаго реакціонера Дегодена, пришла смѣлая, можно сказать, гениальная мысль, которая во всѣхъ отношеніяхъ дѣлала ему честь: отдѣлившись отъ товарищей, одинъ, безъ всякой поддержки, онъ крадучись подошелъ къ Монарху и повернулъ его спиной къ дорогѣ, которая вела къ его дому. Тотъ какъ будто даже и не замѣтилъ этого маневра: ему все еще казалось, что онъ стоитъ передъ полчищемъ враговъ, и онъ продолжалъ энергично размахивать правой рукой, бормоча воинственныя фразы. Потомъ онъ рѣшительно пошелъ впередъ, — вѣрнѣе, назадъ, къ кабаку Мюратона. На перемѣну направленія онъ не обратилъ никакого вниманія, хотя вмѣсто того, чтобы итти въ гору, онъ теперь спускался внизъ. Спускъ былъ такъ неожиданъ, что онъ даже сталъ испытывать нѣчто вродѣ приступа морской болѣзни, а ликующіе крики мальчишекъ, которые, совсѣмъ съ ума сошли отъ радости, казались ему ревомъ бури. Но Монархъ былъ не изъ тѣхъ, кто боится бури, и смѣло шелъ ей навстрѣчу.

Скоро онъ, какъ этого и слѣдовало ожидать по ходу вещей, снова очутился у кабака Мюратона. Госпожа Мюратонъ, замѣтившая его еще издали, крикнула въ открытую дверь:

— Вы опять тутъ, Монархъ?

— Точно такъ же, какъ и вы, госпожа Мюратонъ! — съ доброй улыбкой отвѣтилъ Монархъ.

Мальчишки держались теперь въ почтительномъ отдаленіи.

Воцарилось молчаніе, точно всѣ чего-то ждали.

Монархъ, казалось, не находилъ ничего страннаго въ томъ, что, направляясь домой, гдѣ ждала его жена, онъ очутился у кабачка, который покинулъ съ полчаса тому назадъ.

— Я хотѣлъ бы... немного бѣлаго вина съ сельтерской водой, — сказалъ онъ, входя и усаживаясь.

Здѣсь его желанія были закономъ, и ему тотчасъ-же подали все, что онъ хотѣлъ. Сельтерская вода не замедлила оказать свое благотворное дѣйствіе, и Божій міръ пересталъ раскачиваться передъ глазами Монарха. Онъ поднялъ свой стаканъ по направленію къ заходящему солнцу, словно привѣтствуя его отъ имени эспелункской демократіи, сплунулъ, чтобы окончательно очистить горло, и запѣлъ:

«Въ житейскомъ морѣ
Все тринь-трава!
Блаженство, горе —
Одни слова!»

Аудиторія была въ восторгѣ: даже въ пьяномъ видѣ Монархъ пѣлъ такъ, что дай Богъ всякому трезвому. И онъ еще больше выросъ въ глазахъ эспелункцевъ.

Призракъ.

Герою эпизода, который разсказанъ будетъ на слѣдующихъ страницахъ, является не самъ Монархъ, а одинъ изъ его друзей — Бекуньянъ; но Монарху эта исторія доставила много удовольствія, и потому я беру на себя смѣлость подѣлиться ею съ читателемъ въ надеждѣ, что его интересуетъ все, что радуетъ и печалитъ моего главнаго героя.

Стояли тихіе, теплые дни середины февраля. Весна въ этомъ году была такая ранняя, что миндальныя деревья уже покрылись пыльнымъ цвѣтомъ. Давно уже домовито хлопотали вокругъ своихъ гнѣздъ птицы, съ жужжаніемъ кружились въ воздухѣ мухи. Мухъ было такъ много, что для защиты отъ нихъ у открытыхъ дверей висѣли особаго рода гардины изъ цвѣтнаго стекла, употребляющіяся во всемъ Провансѣ. Теплый юго-восточный вѣтерокъ слегка раскачивалъ гардины, и при этомъ разноцвѣтныя стеклянныя трубочки, удорясь одна о другую, напѣвали нѣжную мелодію.

Въ это время въ одномъ изъ эспелункскихъ домовъ, въ

комнатѣ, называвшейся гостиной, сидѣлъ за столомъ съ записной книжкой въ рукѣ членъ «Общества психологическихъ изысканій и спиритическихъ изслѣдованій» мистеръ Вильямъ Симонсонъ. На столѣ передъ нимъ стояла бутылка лимонаду: мистеръ Симонсонъ въ то же время состоялъ членомъ «Общества борьбы съ алкоголизмомъ» и никогда не пилъ ничего спиртного.

На стулѣ противъ него сидѣлъ Бекуньянъ.

— Да,— говорилъ онъ, — въ этой, вотъ, комнатѣ все и происходило. Въ теченіе четырнадцати ночей подрядъ, какъ только пробьетъ полночь, призракъ тутъ какъ тутъ! Я видѣлъ его, какъ вижу теперь васъ. Напрасно вы, сѣверяне, думаете, что призраки бываютъ только на сѣверѣ: на югѣ ихъ тоже не мало. На югѣ, господинъ, все есть: это богатая, благословенная земля, которую Господь всѣмъ наградила. Есть у насъ и призраки, — сколько угодно! Но только у насъ ихъ не боятся и не позволяютъ имъ дѣлать все, что имъ вздумается, — не то, что у васъ на сѣверѣ. Мы, южане, надо прямо сказать, народъ смѣлый!.. Этотъ, вотъ, домъ прежде принадлежалъ Касанелю, который въ одинъ прекрасный день взялъ да повѣсился. Ну, я подумалъ, да и купилъ домъ. Въ сущности, виной всему была филоксера. Я вспоминаю, какъ Касанель злился, когда ему предлагали вложить свои деньги въ панамскія акціи (всѣ у насъ тогда помѣшались на панамскихъ акціяхъ: «Съ какой стати! — кричалъ онъ. — Ни одного сантима я не вложу въ ваши бумаги! У меня, слава Богу, виноградники есть — это будетъ почище, чѣмъ бросать деньги чертъ знаетъ на что! Ваша Панама никогда мнѣ не дастъ 15%, какіе даетъ мнѣ мой виноградъ». И все выше и выше по склонамъ горы, у подножія которой стоитъ этотъ домъ, взбирался Касанель, покрывая ее виноградными лозами. Дѣло было нелегкое: гора поросла дикими фиговыми деревьями и колючимъ кустарникомъ, но Касанель выкорчевывалъ ихъ и на мѣстѣ ихъ сажалъ свои лозы. Упорный былъ человекъ! Онъ вложилъ въ это дѣло всѣ свои деньги, заложилъ домъ, платилъ проценты,—ничто его не останавливало! Потомъ пришла филоксера, которая погубила весь виноградъ. Онъ не складывалъ рукъ, заложилъ все, что еще можно было заложить, и опять сталъ копать на своей горѣ. Какихъ только средствъ ни придумывалъ онъ, чтобы предохранить виноградъ отъ болѣзней! Чтобы имѣть поблизости воду, онъ рылъ глубокіе колодцы, проводилъ каналы, окапывалъ гору канавками. Наконецъ, онъ сталъ сажать особый видъ лозы, который почему-то назывался американскимъ. Она принялась, и всѣ наброси-

лись на американскую лозу. Дѣло пошло прекрасно, но Касанель больше ужъ не въ силахъ былъ работать. И въ то время, какъ всѣ его сосѣди собирали богатый урожай, на Касанеля посыпался градъ исполнительныхъ листовъ: онъ всѣмъ былъ долженъ. Онъ осунулся, пожелтѣлъ, какъ его засохшія лозы. И когда на дверяхъ мэри появилось объявленіе, что все имущество Касанеля назначено къ продажѣ съ молотка за долги, — все, до послѣдняго стула на кухнѣ и старой голубятни, — онъ повѣсилъ. Да, повѣсилъ, говорю я вамъ! Когда судебный приставъ съ полиціей явились къ нему для распродажи, они нашли его висающимъ на здоровомъ крюкѣ посреди комнаты; къ ногамъ его была привязана куча исполнительныхъ листовъ, а языкъ его былъ такъ высунутъ, какъ если-бъ онъ насмѣхался надъ своими кредиторами.

— Да, зрѣлище было не изъ пріятныхъ! — продолжалъ Бекуньянъ послѣ небольшой паузы. — Въ нашихъ мѣстахъ люди рѣдко впадаютъ въ отчаяніе. Вездѣ только объ этомъ и говорили. Когда послѣ похоронъ Касанеля стали распродаваться его домъ и имущество, никто покупать не хотѣлъ. Къ тому же карманы у всѣхъ были, можно сказать, выворочены наизнанку, — безденежье полное! Только у меня водилась кой-какая денга: незадолго до этого я получилъ наслѣдство отъ дядюшки, который при жизни имѣлъ табачную лавочку въ Нимѣ. Ну, я и рѣшился. Купилъ я и домъ и имущество, — дешево, надо прямо сказать! За гроши. Такъ ужъ все это подошло, — чуть не даромъ отдавали. Хорошо. Только это я вступилъ во владѣніе, какъ вдругъ, въ первую же ночь, какъ только пробило двѣнадцать, я вскакиваю на постели. Знаете, какъ будто предчувствіе какое...

Мистеръ Вильямъ Симонсонъ въ знакъ согласія кивнулъ головой: да, онъ давно ужъ знаетъ, что человѣкъ получаетъ какое-то таинственное предупрежденіе передъ появленіемъ призраковъ. Это былъ новый фактъ, и онъ поспѣшилъ занести его въ свою книжечку.

— Вскочилъ это я, — продолжалъ Бекуньянъ, выждавъ, пока тотъ запишетъ, — и что-же вижу? Касанель! Покойникъ то-есть. Прошелъ въ закрытую дверь и идетъ себѣ впередъ. Меня онъ, должно быть, не замѣтилъ и зла мнѣ никакого не сдѣлалъ. Призраки, вообще, никогда людямъ не дѣлаютъ зла. Гдѣ имъ! У нихъ и силъ для этого нѣтъ: вѣдь это тѣни. Подходить онъ къ камину и все время такъ жалобно стонетъ, что душа разрывается. Постоялъ, подумалъ, потомъ вынимаетъ изъ кармана веревку, становится на находившійся тутъ же стулъ, привязываетъ веревку къ

крюку въ потолокъ — и, не говоря худого слова, вѣшается. «Касанель! Касанель!» — тихо позвалъ я. Молчить, хоть-бы тебѣ словечко! Повѣсился — и шабашъ! «Касанель, — говорю я ему, — вѣдь ты уже разъ сдѣлалъ это». Я думалъ — послѣ этихъ словъ онъ пойметъ, что зря все это: разъ человѣкъ повѣсился при жизни, то послѣ смерти совсѣмъ ужъ это ни къ чему, — ни лучше, ни хуже отъ этого не будетъ. Но онъ и вниманія не обратилъ: висить да и только! И что вы думаете? Такъ вѣдь до пѣтуховъ и провисѣлъ!

— Это случай довольно частый! — заявилъ мистеръ Симонсонъ. — Если человѣкъ умеръ насильственной смертью, особенно если эта смерть была добровольной, земная оболочка его нерѣдко дѣлаетъ новыя упорныя попытки самоистребленія. Наше общество уже собрало на этотъ счетъ богатый фактическій матеріаль.

— Какъ только запѣли пѣтухи — снова заговорилъ Бекуньянъ, — призракъ исчезъ совершенно незамѣтнымъ для меня путемъ. Это меня не удивило; на то онъ и призракъ. Я рѣшилъ никому объ этой исторіи не рассказывать: тотчасъ-же сосѣди стали бы чесать языки, такъ какъ мнѣ и безъ того завидовали, что я такъ дешево купилъ домъ. Къ тому-же я былъ увѣренъ, что Касанель прекратитъ свои ночные визиты: человѣкъ второй разъ повѣсился, — кажется, довольно? Все же я долженъ признаться, что въ слѣдующую ночь никакъ не могъ уснуть: на сердцѣ было неспокойно, — а вдругъ онъ опять явится? И представьте себѣ: только часы на ближней колокольнѣ пробили двѣнадцать — Касанель тутъ какъ тутъ... Пришелъ, опять продѣлалъ всѣ вчерашнія шутки — и еще разъ повѣсился. «Касанель! — сказалъ я ему. — Вѣдь это, наконецъ, глупо! Какую пользу тебѣ принесетъ, если ты еще разъ повѣсишься? Хочешь, я закажу мессу за упокой твоей души?» — Онъ отрицательно покачалъ головой въ петлѣ. Больше я отъ него ничего не добился. На утро я отправился къ нашему кюрэ. Хотя я и протестантъ, но пошелъ я все-же къ католическому кюрэ: католическое духовенство гораздо больше понимаетъ въ такихъ вещахъ, между тѣмъ какъ протестантскіе пасторы совершенно безпомощны тамъ, гдѣ дѣло идетъ о призракахъ. Кюрэ сказалъ, что это все продѣлки дьявола и что онъ сегодня-же постарается положить этому конецъ. «Прежде всего, — сказалъ онъ, — надо окропить святой водой комнату, куда повадился покойникъ, и хорошенько заняться изгнаніемъ изъ дому бѣсовъ». Все это было очень хорошо, но мнѣ не подходило:

исторія тотчасъ-же стала бы извѣстна сосѣдямъ, а я этого не хотѣлъ; поэтому я сказалъ:

«— Господинъ Кюрэ, мы, слава Богу, не въ средніе вѣка живемъ, чтобъ прибѣгать къ заклинаніямъ».

— Вы должны были-бы, — прервалъ мистеръ Вильямъ Симонсонъ, — очертить магическій кругъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ призракъ вѣшался, стать въ этомъ кругу — и въ моментъ его появленія направить на него остріе обнаженнаго меча. Какъ свидѣтельствуемъ литература предмета, этотъ способъ не разъ давалъ прекрасные результаты.

— Жаль, что я этого не зналъ! — сказалъ Бекуньянъ. — Какъ бы то ни было, этотъ Касанель, который во что бы то ни стало хотѣлъ каждую ночь вѣшаться, цѣлыхъ двѣ недѣли не давалъ мнѣ покою. И знаете, какъ я отъ него избавился? Очень простымъ способомъ: на пятнадцатую ночь, какъ только пробило двѣнадцать, я взялъ веревку, привязалъ ее къ крюку, сдѣлалъ петлю — и самъ повѣсился. Да, господинъ, взялъ да и повѣсился!

— То-есть — какъ? — смутился мистеръ Вильямъ Симонсонъ: этотъ способъ борьбы съ призраками ему еще не былъ извѣстенъ.

— А очень просто: я повѣсился, но стула, съ помощью котораго я произвелъ эту операцію, не оттолкнулъ — и покойно упирался въ него ногами, такъ что я какъ бы наполовину только повѣсился. Ну, хорошо! Смотрю, входитъ Касанель. Онъ уже такъ привыкъ тутъ вѣшаться, что идетъ, не глядя впередъ, — чуть на меня не наткнулся. Въ двухъ шагахъ остановился и стоитъ какъ вкопанный, точно думаетъ. Печальный такой, желтый... Лѣзетъ въ карманъ, достаетъ веревку и уже хочетъ взобраться на стулъ, какъ вдругъ меня увидѣлъ. То-есть лицо же у него было въ эту минуту, доложу я вамъ! Словно цѣлую банку горчицы съѣлъ. Потомъ, въ первый разъ за все время, открываетъ ротъ и говоритъ: «Здѣсь уже кто-то есть!» И въ ту-же секунду даетъ задній ходъ: какъ всегда, охая и вздыхая, прошелъ черезъ всю комнату до двери — и исчезъ. Больше онъ уже не появлялся: понялъ, должно быть, что со мной нечего связываться.

Мистеръ Вильямъ Симонсонъ рѣзкимъ движеніемъ закрылъ свою записную книжку и направился къ двери, бросивъ на Бекуньяна такой взглядъ, точно тотъ самъ былъ выходцемъ съ того свѣта. Онъ, быть можетъ, тоже понялъ, что напрасно связался съ такимъ молодчикомъ.

Авторизованный переводъ **Н. Тасина.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

МИСТЕРЪ БРИТЛИНГЪ ПЬЕТЪ ЧАШУ ДО ДНА.

Романъ Г. Дж. Уэллса.

КНИГА ПЕРВАЯ.

**ВЪ МАТЧИНГСЪ-ИЗИ ЖИЗНЬ ТЕЧЕТЪ СВОИМЪ
ЧЕРЕДОМЪ.**

Глава I.

М-ръ Дирекъ навѣщаетъ м-ра Бритлинга.

I.

Шель уже шестой день съ тѣхъ поръ, какъ м-ръ Дирекъ прибылъ въ Англию, и съ каждымъ днемъ онъ все острѣе ощущалъ и воспринималъ различіе между ней и Америкой. Онъ нашель Англию удовлетворительной и утѣшительной во всѣхъ отношеніяхъ, и противоположной всему американскому, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ онъ это ожидалъ.

Уже много лѣтъ онъ лелѣялъ мечту объ этомъ путешествіи, но будучи скорѣе добродушно-веселаго, чѣмъ энергичнаго темперамента, — онъ по цѣлому ряду причинъ и обстоятельствъ откладывалъ эту поѣздку въ Англию изъ года въ годъ. Но вотъ всѣ причины и обстоятельства были на время устранены, и м-ръ Дирекъ очутился, наконецъ, въ Англии...

Ему очень хотѣлось видѣть эту «древнюю» страну, откуда вели свой родъ его предки по матери. Развѣ и по сей день, въ его спальнѣ въ Нью-Йоркѣ, не виситъ еще акварельный рисунокъ церкви въ Маркетъ-Саффонѣ, на погостѣ котораго похоронена его бабушка? Да и вообще ему хотѣлось посмотрѣть Европу. А кромѣ того, ввидѣ своего рода бесплатнаго приложения, онъ надѣялся, въ качествѣ не слишкомъ обремененнаго работой и получающаго болѣе чѣмъ приличное вознагражденіе секретаря «Массачусетскаго Общества для изученія Современной Мысли» — повидать

и побесѣдовать о разныхъ интересныхъ вещахъ съ м-ромъ Бритлингомъ, проживавшимъ въ Матчингсъ-Изи.

М-ръ Дирекъ былъ человекъ, довольно распространеннаго въ Америкѣ типа. Чистенькии и приятный на видъ мужчина, онъ напоминалъ своей наружностью тѣ картинки, какія можно часто видѣть въ объявленіяхъ иллюстрированныхъ американскихъ журналовъ, образецъ того приятнаго мужчины, который вѣчно улыбается и говоритъ: «Да; это—папиросы Вилькинса, и поэтому онъ лучше всѣхъ», или «Грудь моей сорочки никогда не морщится, такъ какъ это сорочка Чессонъ» и т. д. Теперь же онъ говорилъ, все съ тою же неизмѣнной улыбкой: «Прекрасно, потому что это—англійское». Ему доставляло несказанное удовольствіе все, непохожее на американское, все, что такъ или иначе ему могло показаться «характернымъ». Въ поѣздѣ, отъ пристани до Лондона, онъ громко смѣялся отъ удовольствія, созерцая шахматную доску маленькихъ полей на чеширскихъ холмахъ; онъ самодовольно тихо захихикалъ, очутившись въ купѣ вагона безъ коридора, онъ щедро далъ «на чай» вѣжливому, но добродушному кондуктору, поразмысливъ передъ этимъ на мгновение, полагается-ли здѣсь вообще давать «на чай»; а по своему номеру въ лондонской гостиницѣ онъ ходилъ въ какомъ-то экстазѣ, бормоча про себя: «Господи! Господи! Вотъ здорово!»—съ наслажденіемъ констатируя отсутствіе телефона, парового отопленія и ванны. За завтракомъ лакей (какъ будто изъ Диккенса) отказался понимать, что такое «cereals» * и принесъ ему яйцо въ фарфоровой подставкѣ, точь въ точь такой, какую можно видѣть въ рисункахъ «Пѣнча» **. Темза, когда онъ спустился къ ней, превзошла всѣ его ожиданія, оказавшись самой маленькой рѣченкой, какую онъ когда-либо видалъ, и онъ съ трудомъ сдержался, чтобы не остановить перваго попавшагося прохожаго и не спросить его, съ подчеркнутымъ американскимъ акцентомъ: «Скажите, неужели эта крошечная, грязная канавка и есть историческая рѣка Темза?»

Въ Америкѣ, слѣдуетъ пояснить, м-ръ Дирекъ всегда говорилъ на очень правильномъ и чистомъ англійскомъ языкѣ, но теперь онъ испытывалъ величайшее затрудненіе сдержать свое стремленіе говорить въ носъ и пользоваться, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, сухими «американизмами». Когда люди задавали ему вопросы, ему хотѣлось отвѣтить имъ американскими жаргонными словечками, которыя ему и въ голову не приходило бы употреб-

* Родъ овсянки.

** «Пѣнчъ»—извѣстный англійскій юмористическій журналъ.

лять въ Америкѣ. У него было сознание принятой на себя роли. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ видѣли и слышали, что онъ—американецъ, пріѣхавшій посмотреть Англію. Онъ хотѣлъ быть въ точности тѣмъ, чѣмъ, какъ онъ предполагалъ, всякій англичанинъ ожидалъ его видѣть. По крайней мѣрѣ, его платье было нарочито заказано у типично-американскаго портного и, на основаніи этого, шофферъ таксомотора вѣжливо, но твердо убѣдилъ его, что шиллинги, отсчитанные на таксометрѣ, были вовсе не шиллинги, а доллары; это былъ инцидентъ, въ значительной степени способствовавшій тому, что въ представленіи м-ра Дирека самъ м-ръ Дирекъ сталъ рисоваться, какъ нѣчто выдѣляющееся почти съ характерной отчетливостью на окружающемъ англійскомъ фонѣ. И въ результатѣ шофферъ получилъ свои доллары.

Все время, на пароходѣ, по дорогѣ въ Англію, онъ опасался, какъ бы все не оказалось мечтой, какъ бы Англія не сказалась просто легендой, Лондонъ—вторымъ Нью-Йоркомъ, а англичане—точными копіями американцевъ.

II.

И вотъ теперь онъ очутился на вѣткѣ крошечной старинной Великой Восточной желѣзной дороги, на пути въ Матчингсъ-Изи въ графствѣ Эссексъ, и въ самомъ сердцѣ Англій Вашингтона Ирвинга.*

Англія Вашингтона Ирвинга! Да, это было такъ внѣ всякаго сомнѣнія. М-ру Диреку уже не сидѣлось, онъ не могъ удовольствоваться мелькающими въ окнѣ вагона намѣтками, онъ долженъ былъ встать—съ трудомъ—въ маленькомъ купѣ и высунуть свое большое, съ твердыми чертами, добродушное лицо въ окно, какъ бы привѣтствуя проносящіяся ландшафты. Разстилающаяся передъ нимъ мѣстность, подъ лучами іюльскаго солнца, была аккуратна и ясна, какъ старый садъ, съ крошечными хлѣбными полями, окаймленными изгородами шиповника, съ лѣсами и маленькими, какъ бы тростниковыми пастбищами безконечной аккуратности. Онъ увидалъ настоящіи англійскіи паркъ съ живыми оленями; у входа въ него—на-половину развалившіяся желѣзные ворота, столбы, съ высѣченными на нихъ гербами, а вдали, безъ сомнѣнія, среди столѣтнихъ деревьевъ находилъ самъ знаменитый замокъ Брѣсбриджъ-Холль. Онъ увидалъ коттеджи съ дубовыми перекладами и соломенными крышами и съ полдюжины придорожныхъ постоянныхъ дворовъ со скрипящими на вѣтру вывѣсками. Онъ уви-

* Национальный герой Америки, родомъ англичанинъ.

далъ толстаго пастора, ѣхавшаго по травянистой проселочной дорогѣ въ крошечномъ шарабанѣ, запряженномъ жирнымъ сѣрымъ пони. Это было такъ не похоже на то, что онъ зналъ раньше! Это была ожившая литература!

М-ръ Бритлингъ жилъ въ Дауэръ-Хаусѣ, и,—какъ объяснилъ въ своемъ письмѣ м-ръ Бритлингъ,—его домъ находился на краю парка Клаверингсъ. Клаверингсъ! Самое подходящее имя для англійскаго величественнаго загороднаго дома!..

А между тѣмъ, Матчингсъ-Изи находился всего въ сорока двухъ миляхъ отъ Лондона. Вѣдь, это, должно быть, просто пригородъ. Если бы Матчингсъ-Изи находился въ Америкѣ, то тутъ жили бы мѣнялы. А между тѣмъ, какъ ему вскорѣ объяснилъ самъ м-ръ Бритлингъ, въ Матчингсъ-Изи и по сей день живетъ еще съ полдюжины людей, которые никогда въ глаза не видали Лондона... и не желаютъ его видѣть.

На узловой станціи главной линіи м-ръ Дирекъ узналъ, что ему надо заранѣе предупредить главнаго кондуктора, чтобы тотъ остановилъ поѣздъ въ Матчингсъ-Изи. Поѣзда останавливались тамъ только «по требованію». Чась-отъ-часу все становилось интереснѣе и занимательнѣе! И когда м-ръ Дирекъ открылъ дверцы купэ и вылѣзъ изъ поѣзда, онъ увидалъ только маленькаго древняго эссекскаго старожилу, который совмѣщалъ въ своей особѣ и начальника станціи, и стрѣлочника, и носильщика, и все, что угодно. Старичекъ держалъ въ рукѣ красный флагъ и бесѣдовалъ съ м-ромъ Бритлингомъ о культурѣ душистаго горошка, составявшаго гордость станціи. А рядомъ съ нимъ стоялъ самъ м-ръ Бритлингъ, единственная дѣловая цѣль и предметъ величайшихъ ожиданій м-ра Дирека. Онъ былъ совершенно непохожъ на всѣ портреты, какіе видѣлъ м-ръ Дирекъ, а, между тѣмъ это былъ, несомнѣнно, м-ръ Бритлингъ, такъ какъ больше никого не было на платформѣ, и, кромѣ того, онъ направлялся къ м-ру Диреку съ привѣтственнымъ жестомъ.

— Видали-ли вы когда-нибудь такой душистый горошекъ, м-ръ Дирекъ?—сказалъ м-ръ Бритлингъ, взамѣнъ привѣтствій и представленій.

— Чудесный! Замѣчательный!—сказалъ м-ръ Дирекъ, стараясь придать голосу добрый англійскій отбѣнокъ.

— Да! Да! — прибавилъ начальникъ станціи неожиданно пронзительнымъ голосомъ. — На рѣдкость хорошій выдался нынче годъ для горошка.

И захлопнувъ дверь купэ, старичекъ сталъ продѣлывать

какія-то манипуляціи съ флагомъ, въ то время, какъ оба джентльмена оглядывали, какъ говорится, другъ друга съ ногъ до головы.

III.

М-ру Диреку въ жизни вообще везло. На его долю всегда выпадали однѣ лишь пріятныя вещи. Одной изъ такихъ пріятныхъ вещей въ жизни было его положеніе въ качествѣ секретаря — на жалованьи, и очень крупномъ, — того общества мыслящихъ крупныхъ дѣльцовъ въ Массачусетсѣ, о которомъ выше было упомянуто. Цѣль общества сводилась къ тому, чтобы какъ можно ближе и скорѣйшимъ путемъ входить въ соприкосновеніе съ лучшими представителями мысли нашего вѣка.

Будучи слишкомъ занятыми практическими дѣлами, чтобы слѣдить обычнымъ путемъ за міровою мыслью во всѣхъ ея отвѣтвленіяхъ, эти дѣльцы изъ Массачусетса должны были изыскивать болѣе быстрые и экономные способы ознакомленія. И они рѣшили не обращать вниманія ни на какія новыя завоеванія въ области человѣческой мысли до тѣхъ поръ, пока эти завоеванія не станутъ общепризнанными фактами. И тогда, вмѣсто того, чтобы зарываться и углубляться въ отвлеченныя и уже подвергавшіяся оцѣнкѣ книги — они обычно предлагали внушительный гонораръ новопризнанному мыслителю, съ тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ въ Америку прочесть лекцію, устроить бесѣду и рассказать имъ просто, ясно и исчерпывающе, изъ первыхъ рукъ, все, къ чему онъ гнетъ, чего онъ добивается. Однимъ словомъ — пріѣхать и быть самимъ собою въ высококонцентрированной формѣ. Такимъ образомъ значительное число очень интересныхъ европейцевъ получило возможность совершить весьма пріятныя экскурсіи въ Америку, а общество дѣльцовъ, въ свою очередь, получало возможность составить себѣ очень опредѣленныя мнѣнія объ ихъ ученіяхъ.

М-ръ Бритлингъ былъ какъ разъ однимъ изъ такихъ выдающихся мыслителей, съ которыми Общество рѣшило непосредственно ознакомиться. И для того, чтобы лично передать приглашеніе и предложить тотъ внушительный гонораръ, которымъ Общество дѣлало честь не только своимъ гостямъ, но и самому себѣ — и пріѣхалъ теперь м-ръ Дирекъ въ Матчингс-Изи. Онъ предварительно переслалъ м-ру Бритлингу рекомендательное письмо отъ одного общаго знакомаго въ Америкѣ. Въ письмѣ этомъ не была указана истинная цѣль путешествія м-ра Дирека, а говорилось только

о желаніи м-ра Дирека познакомиться лично съ извѣстнымъ м-ромъ Бритлингомъ, но письмо было составлено въ такихъ удачныхъ выраженіяхъ, и авторъ его оставилъ въ памяти м-ра Бритлинга такое хорошее воспоминаніе о пріятномъ гостепримствѣ, оказанномъ англійскому писателю во время его предыдущей поѣздки въ Нью-Йоркъ, что въ отвѣтъ на письмо послѣдовало немедленное приглашеніе м-ру Диреку не только пріѣхать повидаться съ м-ромъ Бритлингомъ, но даже провести у него «week-end».*

И вотъ теперь они стояли и пожимали другъ другу руки.

М-ръ Бритлингъ оказался совсѣмъ не такимъ, какимъ ожидалъ его увидеть м-ръ Дирекъ. Онъ ожидалъ увидеть англичанина въ костюмѣ для гольфа, съ коротенькими до колѣнъ спортивными брючками, однимъ словомъ, типичнаго англичанина, въ деревенскомъ костюмѣ, какими ихъ рисуютъ въ иллюстраціяхъ къ американскимъ рассказамъ изъ англійской жизни. Онъ ожидалъ увидѣть пониже, мягко-печальное лицо, съ длинными, задумчиво опущенными усами, однимъ словомъ, то самое лицо, къ которому, по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ, американскій издатель сочиненій м-ра Бритлинга пріучилъ американскую публику. Въмѣсто этого, м-ръ Бритлингъ оказался одѣтымъ въ костюмъ весьма неопредѣленнаго вида, а выраженіе его лица меньше всего говорило о мягкости. Усы, волосы, брови торчали щетиной; красное, покрытое веснушками лицо тоже какъ будто готово было ошкетиниться. Маленькіе каріе глазки остро бѣгали по сторонамъ, пока, наконецъ, прочно не остановились на м-рѣ Дирекѣ. М-ръ Бритлингъ принадлежалъ къ той категоріи людей, которые при приближеніи фотографа словно мѣняютъ свои волосы, внѣшность, платье, свой духовный обликъ. Только фотографическій аппаратъ могъ заставить м-ра Бритлинга расчесать и пригладить свои волосы, и только на фотографическихъ снимкахъ имѣлъ онъ это выраженіе покорнаго мученичества, столь знакомое м-ру Диреку. М-ръ Дирекъ былъ также совершенно неподготовленъ къ нѣкоторой небрежности, которую можно было замѣтить въ костюмѣ м-ра Бритлинга. Онъ былъ теперь одѣтъ въ очень старую и потрепанную синюю фланелевую куртку, въ мѣшковатые у колѣнъ коротенькіе брючки и былъ къ тому же безъ шляпы. На ногахъ были надѣты грубые и морщившіеся шерстяные чулки, и

* «Week-end» — буквально «конецъ недѣли». Въ Англии принято ѣздить къ знакомымъ, живущимъ за городомъ, чтобы провести вторую половину субботы и цѣликомъ воскресенье и возвращаться въ городъ въ понедѣльникъ утромъ.

Прим. пер.

гѣ поразительныя, изъ яркихъ цвѣтныхъ лоскутковъ, ночныя туфли, которыя можно купить лишь на сѣверѣ Франціи. Туфли эти были алаго цвѣта съ зелеными переплетами. Объясняется это тѣмъ, что м-ръ Бритлингъ лишь въ послѣднюю минуту вспомнилъ, что надо ѣхать на станцію встрѣчать м-ра Дирека, и помчался прямо изъ своего кабинета въ томъ костюмѣ, который надѣлъ еще утромъ, вставая. Лицо его имѣло благодушное выраженіе дружественно настроеннаго длинношерстаго фокстеррьера, и м-ру Диреку бросилось въ глаза, что для человѣка столь интеллектуальной исключительности м-ръ Бритлингъ былъ необычайно малъ ростомъ.

М-ръ Бритлингъ былъ несомнѣнно выдающейся личностью. Его имя встрѣчалось во всѣхъ литературныхъ и научныхъ справочникахъ обѣихъ частей свѣта. За послѣдніе годы онъ довольно быстро выросъ въ писателя, признаваемого и привѣтствуемаго наиболѣе культурной частью американской публики, и былъ даже извѣстенъ избранному кругу англійскихъ читателей, не говоря уже о томъ, что имя его было знакомо каждому грамотному человѣку въ Германіи и Россіи. Передъ своими американскими «открывателями» онъ впервые предсталъ въ качествѣ автора изслѣдованій, серьезныхъ изслѣдованій по вопросамъ эстетики, восточнаго мышленія, національнаго характера, поэзіи и живописи. Онъ объѣхалъ Америку нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ качествѣ одного изъ Кановскихъ стипендіатовъ, одного изъ тѣхъ обѣщающихъ писателей и одаренныхъ людей, которые, благодаря стипендіямъ оригинальнаго парижскаго благотворителя, Огюста Кана, имѣютъ возможность путешествовать съ комфортомъ и удобствами по міру — дабы ознакомиться и усвоить духъ интернаціонализма. До этого онъ былъ художественнымъ и литературнымъ критикомъ, и авторомъ вдумчивыхъ третьихъ «передовицъ» Таймса. Началъ же онъ свою карьеру съ университетской стипендіи въ Пемброкъ и Кэмбриджъ. Послѣ своей поѣздки вокругъ свѣта, онъ вернулся снова къ своему уголку въ «Таймсѣ» и къ писанью книгъ о національныхъ взаимоотношеніяхъ и социальной психологіи. Эти то книги и создали ему быстро извѣстность.

Умъ его, по природѣ своей, былъ раздражителенъ, что придавало его писаніямъ остроту и темпераментность. Кромѣ того онъ обладалъ еще нѣкоторой упрямой оригинальностью и довольно великодушнымъ характеромъ. По этому онъ былъ всегда оживленъ, иногда всеобъемлющъ,

зато никогда не бывалъ рѣзокъ и грубъ. Онъ любилъ писать и говорить. Говорилъ онъ обо всемъ, на все имѣлъ свои собственные взгляды. Это послѣднее было для него столь же необходимо, какъ необходимо собакѣ обнюхать ваши сапоги. И онъ вѣчно обнюхивалъ сапоги дѣйствительности. Многие находили его интереснымъ и поучительнымъ, иные же — серьезно-невыносимымъ. Онъ обладалъ весьма запутаннымъ клубкомъ идей и взглядовъ относительно расъ, имперій, социальнаго строя политическихъ учреждений, садовъ, автомобилей, будущности Китая и Индіи, эстетики, Америки, воспитанія и образованія челоуѣчества вообще...

М-ръ Дирекъ, прочитавъ значительную часть всѣхъ разнохарактерныхъ писаній м-ра Бритлинга, находилъ ихъ занимательными и поучительными, и съ искреннимъ восторгомъ пріѣхалъ въ Европу, чтобы познакомиться съ авторомъ. Во время путешествія на пароходѣ черезъ атлантическій океанъ и въ дни, непосредственно предшествовавшіе ихъ встрѣчѣ, онъ усердно репетировалъ эту встрѣчу въ различныхъ тонахъ, но всегда опираясь на предположеніе, что м-ръ Бритлингъ окажется большимъ, тихимъ, задумчивымъ челоуѣкомъ. И, на этотъ случай, м-ръ Дирекъ приготовилъ цѣлый рядъ пріятныхъ и занимательныхъ вступленій для ихъ будущей первой бесѣды. Но онъ совсѣмъ не принялъ въ расчетъ ни порывистой живости м-ра Бритлинга, ни начальника станціи Матчингсъ-Изи. А эта особа, совершенно забывъ, что м-ръ Бритлингъ и м-ръ Дирекъ, по обычаю культурныхъ людей, должны, прежде всего, обмѣняться мнѣніями, схватилъ чемоданъ м-ра Дирека и, шагая рядомъ съ обоими джентльменами, направлявшимися къ воротамъ станціи, продолжалъ, очевидно, прерванное приходомъ поѣзда разсужденіе о горошкѣ, обращенное, главнымъ образомъ, къ м-ру Бритлингу.

Это былъ небольшого роста старичекъ съ рѣшителнымъ лицомъ и голосомъ моряка; было ясно, что онъ плохо разсчитывалъ разстояніе, отдѣляющее его отъ своихъ слушателей.

— Мистеръ Дарлингъ, знаете, ...садовникъ въ Клаверингсѣ, онъ, какъ ни старается, а такого горошка не можетъ вырастить... Онъ все перепробовалъ... И пескомъ обсыпалъ, и досталъ такія же сѣмена, какъ мои. Онъ тутъ гдеть-то дня былъ и говорилъ мнѣ: чортъ бы меня побралъ, но какимъ это образомъ простой начальникъ станціи можетъ перещеголять меня, профессионала; а вотъ я и пере-

щеголялъ. И въ часы досуга только, какъ говорится. Онъ все перепробоваль... удобренія, все...

— Вы въ Англии впервые? — спросилъ м-ръ Бритлингъ у своего гостя.

— Абсолютно, — отвѣтилъ м-ръ Дирекъ.

— ...А я ему говорю, а вы вотъ одного не попробовали, я ему говорю, — продолжалъ начальникъ станціи, повышая свой голосъ.

— У меня тутъ стоитъ маленькій автомобиль — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — мы живемъ вѣдь въ двухъ миляхъ отъ станціи.

— ...Я ему и говорю, а вы пробовали сотрясеніе почвы, производимое поѣздами?.. Вотъ что я ему сказалъ... Вотъ чего вы не попробовали, м-ръ Дарлингъ. И вотъ чего вы не можете у себя попробовать, говорю я ему... Въ этомъ самомъ сотрясеніи отъ поѣздовъ...

Выйдя за ворота, м-ръ Дирекъ отдалъ свой билетъ начальнику станціи, который все не переставалъ повторять свой анекдотъ, уже крича во весь голосъ, все время, пока м-ръ Бритлингъ устраивалъ себя и своего гостя въ автомобиль.

— Вы крыло совсѣмъ не повредили, сэръ, ни капелки! — кричалъ начальникъ станціи. — Я его осмотрѣлъ. Пострадалъ, главнымъ образомъ, мой заборъ. Да и то только одинъ столбъ. Вамъ чемоданъ поставить сзади, сэръ?

М-ръ Дирекъ отвѣтилъ утвердительно и послѣ минутной нерѣшительности, вознаградилъ начальника станціи за его услуги.

— Готово? — спросилъ м-ръ Бритлингъ.

— Готово, сэръ! — крикнулъ начальникъ станціи.

И, сдѣлавъ довольно широкій поворотъ, м-ръ Бритлингъ вывелъ машину изъ станціоннаго двора на большую дорогу.

IV.

Теперь, казалось, наступило время м-ру Диреку начать свои столь долго обдуманная рѣчи. Но непредвидѣнное осложненіе снова парализовало его намѣреніе. М-ръ Дирекъ почти съ первой же минуты убѣдился, что, по всей вѣроятности, м-ръ Бритлингъ лишь въ первый или во второй, въ крайнемъ случаѣ, въ третій разъ управляетъ автомобилемъ.

Это стало замѣтнымъ сразу же, какъ только м-ръ Брит-

лингъ попытался усилить ходъ — и вмѣсто этого совершенно остановилъ машину — и опредѣлилось съ полной очевидностью, когда м-ръ Бритлингъ чуть-чуть было, поворачивая за угломъ, не въѣхалъ на всемъ ходу въ телѣгу булочника.

— Я вмѣсто «газа» — нажалъ тормазъ, — сталъ пояснять м-ръ Бритлингъ. — Такъ вначалѣ случается со всѣми!.. Да, мы прямо таки чудомъ такъ счастливо отдѣлались!

Послѣ этого случая м-ръ Дирекъ рѣшилъ лучше не отвлекать вниманія м-ра Бритлинга своими попытками завязать бесѣду. Обоими джентльменами овладѣло напряженное молчаніе, вскорѣ нарушенное внезапнымъ возгласомъ м-ра Бритлинга и необычайнымъ шумомъ мотора.

— Чортъ!.. — крикнулъ м-ръ Бритлингъ. — Какъ же это я?

И м-ръ Дирекъ замѣтилъ, что сначала его вожатый попытался было направить машину въ очень красивыя ворота, потомъ, видимо, отъ этого намѣренія отказался, и, въ концѣ концовъ, они остановились, проѣхавъ сажень пять мимо воротъ, по дорогѣ.

— Промахнулся! — сказалъ м-ръ Бритлингъ, отнявъ руки отъ руля, громко отдышался, просвисталъ нѣсколько тактовъ какой-то неопредѣленной арии и затихъ.

— Мы проѣдемъ черезъ эти древнія ворота? — спросилъ м-ръ Дирекъ послѣ маленькой паузы.

М-ръ Бритлингъ оглянулся черезъ правое плечо и сталъ мысленно разрѣшать проблемы разстоянія и кривизны.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — я поѣду лучше не черезъ паркъ, а кругомъ, большой дорогой. Это возьметъ немного больше времени, но за то будетъ проще, чѣмъ ссаживать здѣсь машину и маневрировать... Вы знаете, эти электрическіе зажигатели чрезвычайно удобны. Иначе мнѣ пришлось бы сейчасъ слѣзть и вертѣть ручку, чтобы пустить моторъ въ ходъ.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ ними снова предсталъ уголь, за который надо было завернуть, что, очевидно, представляло не мало затрудненій, и м-ръ Бритлингъ снова вскрикнулъ:

— Эй! Эй! О... чортъ!

А черезъ мгновенье сильно накренившійся назадъ автомобиль, стоялъ уже на насыпи дороги, зарывшись носомъ въ изгородь изъ шиповника и каприфолій, откуда въ испугѣ вылетѣла цѣлая стая воробьевъ.

V.

— Попробую, — сказалъ м-ръ Бритлингъ послѣ короткой паузы, — осадить машину и выбратъся опять на дорогу.

И началъ производить какіе-то опыты съ рычагами, отчего моторъ сталъ сердиться и урчать.

— Нѣтъ, ничего не выходитъ. Колеса слишкомъ глубоко зарылись въ песокъ. Можетъ быть вы будете такъ любезны слѣзть и попробовать потянуть машину назадъ за колесо. А я тѣмъ временемъ дамъ задній ходъ и тогда мы, быть можетъ, двинемся.

М-ръ Дирекъ покорно слѣзъ и нѣкоторое время они оба дѣлали молча огромныя усилія.

— А если-бы вы взяли за спицы?! Вотъ такъ!.. Разъ, два, три... Нѣтъ, — ну, что жъ, придется посидѣть здѣсь, пока кто-нибудь не пройдетъ мимо и не поможетъ намъ. О! не бойтесь, это будетъ скоро, дорога здѣсь — людная. Садитесь пока опять на свое мѣсто.

Послѣ минутнаго размышленія м-ръ Дирекъ снова занялъ свое мѣсто рядомъ съ м-ромъ Бритлингомъ.

VI.

Оба джентльмена начали улыбаться другъ другу, чтобы разсѣять всякія подозрѣнія о взаимномъ недовольствѣ.

— Я еще очень плохо умѣю управлять автомобилемъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ тономъ откровеннаго безпристрастія, — но дѣло въ томъ, что я очень недавно лишь купилъ эту машину. До этого мнѣ автомобиль поставлялъ одинъ лондонскій гаражъ; знаете, есть такіе, которые за опредѣленную сумму въ мѣсяцъ поставляютъ вамъ все: машину, шофера, бензинъ, шины, страховку, однимъ словомъ все. Это было ужасно скучно. Я не понимаю, какъ я могъ такъ долго это терпѣть... И вотъ видите, я имѣю очень недорогой, собственный, автомобиль съ электрическимъ зажигателемъ и, — врядъ ли нужно добавлять, — конечно американскаго издѣлія... и могу ѣхать съ любой скоростью, могу выбирать самъ свою дорогу, а не зависѣть отъ какихъ-то шоферовъ.

М-ръ Дирекъ бросилъ бѣглый взглядъ на смятую изгородь, въ которой они застряли, и согласился, что, конечно, обходиться безъ шофера гораздо пріятнѣе.

Но онъ не успѣлъ закончить своей фразы, какъ м-ръ Бритлингъ снова уже говорилъ.

Манера говорить у него была отрывистая, быстрая: онъ словно выстрѣливалъ словами каждую мысль, какъ только

она приходила ему въ голову, а въ головѣ то у него былъ цѣлый артиллерійскій складъ мыслей. Говорилъ онъ вдвое быстрее м-ра Дирека, глотая слова, употребляя сжатые, компактные фразы, перескакивая съ мысли на мысль, что окончательно сбило съ толка м-ра Дирека. Послѣдній продолжалъ сидѣть, погрузившись въ свое, почти вертикальное, сидѣніе, полуобернувшись къ собесѣднику, и отъ времени до времени произносилъ: «Да».. «Разумѣется»... «Совершенно вѣрно»... такимъ сухимъ и серьезнымъ голосомъ, какимъ, по его мнѣнію, надлежало говорить всякому истому американцу.

М-ръ Бритлингъ, начавъ съ восторженныхъ дифирамбовъ по адресу автомобиля, которымъ онъ могъ теперь управлять самъ, — скоро перешелъ на любимую тему всѣхъ передовыхъ англичанъ: на рѣзкую критику всего англійскаго. Взять хотя бы, на примѣръ, американскіе автомобили! Вторженіе американскихъ моторовъ въ Англию произошло недавно, это было новымъ торжествомъ колоссальной организаторской способности американскаго ума. Американцы сдѣлали съ автомобилями то, что они сдѣлали съ часами и ружьями — они выработали опредѣленные «нормальные» типы и стали производить ихъ оптомъ, машиннымъ способомъ, въ то время, какъ англичане все еще производили ихъ «кустарно», поштучно. Удивительно, что Англія, являющаяся создательницей промышленной системы и первой страной, проводившей въ жизнь принципъ раздѣленія труда, теперь совсѣмъ отстала отъ американцевъ въ вопросахъ систематической техники. По его мнѣнію, это въ значительной степени объясняется вліяніемъ Оксфорда и англиканской церкви.

Тутъ м-ръ Дирекъ попытался было вставить анекдотъ:

— Мнѣ кажется, м-ръ Бритлингъ, прекрасной иллюстраціей къ вашимъ словамъ о систематической организации промышленности будетъ слѣдующій случай, приключившійся съ однимъ моимъ пріятелемъ въ Толедо, гдѣ теперь строятъ большую фабрику для тысячедолларовыхъ автомобилей, съ цѣлью захватить всѣ американскіе и европейскіе рынки...

— Такихъ случаевъ и примѣровъ можно привести безконечное множество, — прервалъ его, безъ малѣйшаго видимаго усилія, м-ръ Бритлингъ. — Видите ли, насъ бьютъ съ двухъ фронтовъ сразу. Нашъ промышленный классъ въ началѣ былъ, конечно, классомъ бунтарей. Это былъ классъ прогрессирующихъ ремесленниковъ. И онъ обладалъ свойственнымъ ремесленникамъ духомъ инициа-

тивы и радикализма. Но какъ только наши промышленники стали богатѣть и преуспѣвать и посылать своихъ сыновей въ Оксфордъ — они, какъ классъ, погибли. Съ невѣроятной быстротой нашъ промышленный классъ ассимилировался съ консервативными классами страны, чье воспитаніе и образованіе всегда отдавали привкусомъ мандарина... правда только чуть-чуть, и очень древняго и избраннаго оттѣнка. Въ Америкѣ же у васъ до сихъ поръ еще не было настоящаго консервативнаго класса. Счастливая страна. Вы выкинули своихъ тори и остались лишь съ вашими вигами и радикалами. Наше же несчастіе въ томъ, что у насъ сложился особый типъ революціонера, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и консервативнымъ мандариномъ. Взять, напримеръ, Рескина и Уильяма Морриса; они были такъ же реакціонны и ненаучны, какъ и наши лорды и епископы. Они ненавидѣли машины, ненавидѣли науку. Таковы и наши теперешніе социалисты. Они внушали всей странѣ, что идеальный автомобиль обязательно долженъ быть сдѣланъ ручнымъ трудомъ традиціоннаго кустаря-ремесленника, долженъ быть «индивидуаленъ», изъ чеканной мѣди, кованнаго желѣза и моренаго дуба. А всѣ приспособленія, вродѣ электрическихъ зажигателей, аккумуляторовъ и т. п., что я имѣю вотъ на этой своей машинѣ — прямо ненавистны англискому складу ума. И не въ томъ дѣло, что мы просто отстали въ этихъ вещахъ, но мы къ нимъ относимся прямо враждебно. Британскій умъ никогда въ сущности не терпѣлъ электричества; по крайней мѣрѣ тотъ видъ электричества, который течетъ по проводамъ. Оно слишкомъ скользко и увертливо для него. Британскій умъ связываетъ его съ итальянцами и, вообще съ пронырливостью: съ Вольтой, Гальвани, Маркони и т. д. Настоящее британское электричество, это — то бесполезное, ни на что не пригодное электричество высокаго напряженія, съ длинными искрами, которое получается, когда вертишь стеклянный кругъ; то, — что мы называемъ фрикціоннымъ электричествомъ, и которое обычно хранится въ Лейденскихъ банкахъ... Вотъ тутъ рядомъ, въ замкѣ Клаверингъ и по сей день отказываются пользоваться электрическими звонками. Былъ цѣлый скандалъ, когда Соломонсоны, снявшіе замокъ на лѣто, попробовали было провести электрическіе звонки...

М-ръ Дирекъ выслушалъ съ терпѣливой улыбкой и медленными киваніями головы этотъ водопадъ замѣчаній.

— Все то, что вы сейчасъ говорили, — сказалъ онъ, — является рѣзкой противоположностью установившемуся въ

Америкѣ порядку вещей. Вотъ этотъ пріятель мой, о которомъ я началъ вамъ рассказывать, тотъ, который имѣетъ отношеніе къ автомобильной фабрикѣ въ Толедо...

— Разумѣется, — снова прервалъ его м-ръ Бритлингъ, — даже и консерватизмъ явленіе незаконченное. Въ концѣ концовъ и у нихъ, и у вашего пріятеля въ Толедо течетъ въ жилахъ, приблизительно, одна и та же кровь. Т. е. я хочу сказать, что этотъ консерватизмъ отнюдь не является явленіемъ расовымъ. И наша энергичность въ прошломъ доказываетъ, что консерватизмъ не коренится ни въ нашей атмосферѣ, ни въ почвѣ... Англія сдѣлалась столь лишенной инициативы и лѣнливой потому, что Англія стала столь преуспѣвающей и комфортабельной...

— Совершенно вѣрно, — вставилъ м-ръ Дирекъ, — мой пріятель, о которомъ я вамъ рассказывалъ, носить фамилію Робинсонъ, что довольно ясно указываетъ на его чисто англійское происхожденіе, и, если позволите, могу прибавить, что онъ похожъ на васъ по фигурѣ и цвѣту лица. Въ расовомъ отношеніи я бы сказалъ, онъ, ну, что ли... очень похожъ на васъ.

VII.

Но и эта попытка м-ра Дирека заговорить была вскорѣ прервана. М-ръ Бритлингъ привсталъ, и, приложивъ руку ко рту, закричалъ какому-то невидимому слушателю.

— Эй! Послушайте! Эй, вы!

Послѣ нѣсколькихъ секундъ, стало ясно, что ему удалось, наконецъ, привлечь вниманіе двухъ проходивших мимо рабочихъ. Съ ихъ помощью автомобиль былъ благополучно возвращенъ на большую дорогу. М-ръ Дирекъ мужественно помогалъ въ этой операціи и невольно отмѣтилъ то уваженіе, съ какимъ относились рабочіе къ м-ру Бритлингу и къ шиллингамъ, выпавшимъ на ихъ долю. Они приподнимали шляпы, величали м-ра Бритлинга «сэрромъ» и добродушно, но съ достоинствомъ, осмотрѣли автомобиль. — «Все въ цѣлости, сэръ», — сказалъ одинъ подбадривающимъ тономъ. И, дѣйствительно, если не считать легкой порчи крыла и согнутой проволоки на одномъ изъ фонарей — машина была почти не повреждена. М-ръ Бритлингъ тотчасъ же снова занялъ свое мѣсто; мистеръ Дирекъ, съ серьезнымъ видомъ, молча влѣзъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Они тронулись съ такими конвульсіями, словно кто-то жестоко укололъ машину сзади. И, наконецъ, правя съ необычной осторожностью и методичностью, м-ръ Бритлингъ добрался до дома, безъ дальнѣйшихъ недоразумѣній,

если не считать, что онъ сорвалъ часть металлической обшивки подножки автомобиля о ворота собственного сада.

Когда они подъѣхали къ дому, изъ-за угла показался какой-то мальчикъ и тотчасъ же исчезъ.

— Папочка вернулся домой, и совершенно цѣль! — радостно прокричалъ онъ по адресу невидимыхъ слушателей.

VIII.

М-ръ Дирекъ, хотя и былъ немного разстроены тѣмъ, что ему не дали доразсказать случай съ Робинсономъ, — вообще говоря, когда онъ начиналъ какой либо рассказъ, ему непременно хотѣлось его кончить, — сразу пришелъ къ выводу, что домъ и семейная обстановка м-ра Бритлинга — чисто британскіе, нисколько не похожи на Америку и очень затруднительны для быстрого воспріятія. Во всемъ было нѣчто, что сначала онъ совсѣмъ не могъ опредѣлить. По сравненію со всѣмъ тѣмъ, что приходилось видѣть въ жизни, ему показалось, что это «нѣчто» лучше всего можно было выразить словомъ — «эскизно». Такъ, напримѣръ, его никому не представили, кромѣ хозяйки, да и то м-ръ Бритлингъ ограничился тѣмъ, что движениемъ руки указалъ на нее, говоря: — «А это Эдитъ», — и тотчасъ же вернулся къ своему автомобилю, который надо было увезти въ гаражъ. Миссисъ Бритлингъ — высокая дама, въ веснушкахъ, шатенка, съ красивыми волосами и озабоченными карими глазами, — привѣтствовала м-ра Дирека крѣпкимъ пожатіемъ руки, а, затѣмъ, типичная англійская горничная — эта-то, по крайней мѣрѣ, оправдала ожиданія м-ра Дирека — взяла его чемоданчикъ и повела его къ предназначенной ему комнатѣ.

— Завтракъ, сэръ, — сказала она, — будетъ на воздухѣ.

Домъ былъ квадратный, изъ краснаго кирпича, очень красивый, въ стилѣ эпохи Георговъ, съ широкой поляной, покрытой газономъ, огромными синими кедрами, и аллеей, которая вела прямо отъ воротъ къ крыльцу и затѣмъ скрывалась, вмѣстѣ съ м-ромъ Бритлингомъ и автомобилемъ, гдѣ то въ невѣдомыхъ областяхъ за домомъ. Центръ дома занималъ большой, съ избыткомъ воздуха, «холлъ», обитый дубовой панелью, отопливаемый зимой лишь однимъ огромнымъ каминомъ; изъ холла множество дверей вели въ рядъ квадратныхъ комнатъ, столь излюбленныхъ англичанами. Площадка лѣстницы у комнаты м-ра Дирека была загромождена книжными полками и птичьими чучелами.

М-ръ Дирекъ умылся и спустился въ холлъ, гдѣ нашелъ маленькаго, веселаго мальчика, съ торчащими щетиной волосами, съ бѣлой фланелевой блузѣй, съ босыми ногами и въ коротенькихъ брючкахъ. Мальчикъ стоялъ посреди комнаты, передъ пустымъ каминомъ въ позѣ, которую м-ръ Дирекъ сразу призналъ, какъ позу, свойственную м-ру Бритлингу.

— Завтракъ будетъ въ саду, — сказалъ Бритлингъ-сынъ — и мнѣ велѣно проводить васъ туда.

Тутъ же появился и самъ м-ръ Бритлингъ. Онъ былъ въ костюмчикѣ изъ сѣрой фланели и, вообще, видъ у него теперь былъ куда аккуратнѣе...

IX.

Длинный узкій столъ подъ большими смоковницами, поставленный между домомъ и сараемъ или житницей, теперь приспособленной «для танцевъ и тому подобнаго», — былъ накрытъ пестрой синей холщевой скатертью, и это тоже поразило м-ра Дирека. Онъ впервые былъ приглашенъ къ столу въ чисто англискоемъ домѣ, и, по невѣдомымъ причинамъ, ожидалъ нѣчто очень сухое, официальное со «столовымъ бѣльемъ безупречной бѣлизны». Кромѣ того онъ ожидалъ, что прислуживать будутъ тоже торжественно-сухія, чопорныя англическия горничныя, и что все, вообще, будетъ въ высшей степени «тоннымъ». Взамѣнъ этого, откуда-то, очевидно, изъ кухни, появились двѣ добродушныя и веселыя на видъ служанки, катя передъ собою странное, сплетенное изъ ивовыхъ прутьевъ сооружене на колесахъ, на полкахъ котораго стояли различныя блюда, накрытыя металлическими колпаками. И пока горничныя, стоя у этого передвижнаго буфета, рѣзали и разливали кушанья, откупоривали бутылки, маленькии мальчикъ и другой чуть-чуть постарше, съ помощью двухъ молодыхъ людей не очень опредѣленнаго положенія и родства — разносили тарелки. Миссисъ Бритлингъ сидѣла во главѣ стола и съ помощью обычныхъ вопросовъ хозяйки и плохо воспринимаемыхъ отвѣтовъ, бесѣдовала съ м-ромъ Дирекомъ, не переставая зоркимъ окомъ слѣдить за всѣмъ, что происходило вокругъ.

Составъ общества, сѣвшаго къ столу, тоже нѣсколько озадачилъ м-ра Дирека. М-ръ и миссисъ Бритлингъ сидѣли на противоположныхъ концахъ стола, это было совершенно ясно. Такъ же было ясно, что оба босоножихъ мальчика — Бритлинги-младше. Но дальше все было покрыто какимъ-то туманомъ неопредѣленности. Былъ тутъ юноша лѣтъ

семнадцати, ростомъ немного выше самого м-ра Бритлинга, но съ глазами и веснушками весьма на него похожими. Онъ могъ быть старшимъ сыномъ или пасынкомъ. Затѣмъ былъ еще юноша, безспорно нѣмецъ, съ коротко обстриженными волосами, очень розовый, въ очкахъ и панамѣ — очевидно гувернеръ младшихъ Бритлинговъ. Наконецъ, въ предѣлахъ еще объяснимаго находился пріятный юноша, съ густыми черными волосами и темно-синими глазами, котораго всѣ величали просто «Тедди». Его наугадъ м-ръ Дирекъ опредѣлилъ «секретаремъ».

Но, кромѣ этихъ людей, присутствие которыхъ за столомъ можно было такъ или иначе объяснить, была, во-первыхъ: совершенно таинственная хорошенькая молодая дѣвушка въ синемъ полотняномъ платьѣ, сидѣвшая и улыбающаяся рядомъ съ м-мъ Бритлингомъ, и другая, — отчасти похожая на нее, только съ болѣе темными волосами, сидѣвшая по правую руку м-ра Дирека. Эта вторая показалась гостю еще болѣе хорошенькой и даже — онъ не могъ объяснить почему — какъ-будто знакомой. Кромѣ нихъ присутствовала еще совершенно неопредѣленная дама среднихъ лѣтъ, въ черномъ, съ золотой цѣпочкой и большимъ носомъ. Между Тедди и нѣмцемъ-гувернеромъ сидѣлъ высокій господинъ, среднихъ лѣтъ, съ умнымъ лицомъ — по всей вѣроятности случайный гость, и, затѣмъ, молодой индусъ, безукоризненно одѣтый, вплоть до мягкихъ коричневыхъ полотняныхъ воротничка и манжетъ, и какой-то годовалый ребенокъ, сидѣвшій въ коляскѣ и привѣтливо жестикулировавшій всѣмъ и каждому. Вотъ этотъ-то ребенокъ больше всего и смущалъ м-ра Дирека. Поиски возможныхъ родителей младенца сдѣлали его разговорныя обращенія къ миссисъ Бритлингъ почти такими же безсвязными и разсѣянными, какъ и ея къ нему. Было почти ясно, что ребенокъ — не изъ Бритлинговъ. Дѣвушка рядомъ съ нимъ, или другая въ синемъ, или, наконецъ, дама въ черномъ легко могли бы быть замужемъ, но въ такомъ случаѣ, гдѣ же отецъ? Не можетъ быть, чтобы къ завтраку прикатили въ коляскѣ какого-нибудь найденьша!

Рѣшивъ, наконецъ, что вопросъ о родственныхъ взаимоотношенияхъ присутствующихъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ, м-ръ Дирекъ обратился къ хозяйкѣ, и, воспользовавшись маленькимъ перерывомъ въ отправленіи ея административныхъ обязанностей, началъ рассказывать ей, какимъ знаменательнымъ фактомъ въ его жизни останется тотъ день, когда онъ видѣлъ м-ра Бритлинга въ его соб-

ственномъ домѣ, и какъ высоко Америка цѣнитъ м-ра Бритлинга и его писанія.

Затѣмъ, когда вниманіе хозяйки было снова отвлечено хозяйственными распоряженіями, онъ повернулся къ своей сосѣдкѣ слѣва.

У дѣвушки была необыкновенно милая улыбка и было нѣчто въ ея мягкихъ, ясныхъ карихъ глазахъ, что напоминало движенія маленькой быстролетной птички. И она, кромѣ всего, была такъ похожа на кого-то, кого онъ хорошо зналъ. Такъ похожа!

— Я только что говорилъ миссисъ Бритлингъ, — обратился онъ къ сосѣдкѣ, — какъ я польщенъ возможностью видѣть м-ра Бритлинга въ такой интимной обстановкѣ.

— Вы съ нимъ раньше не были знакомы?

— Я прозѣвалъ его ровно на двадцать четыре часа, когда онъ въ послѣдній разъ проѣзжалъ черезъ Бостонъ. Ровно на двадцать четыре часа. Я объ этомъ чрезвычайно сожалѣлъ.

— Да! какой онъ счастличикъ, онъ такъ много путешествовалъ. Онъ видѣлъ Индію. Бывалъ въ Японіи. Провелъ цѣлыя недѣли въ Египтѣ. Обѣздалъ всю Америку.

— Въ Индіи же, по всей вѣроятности, — шепнулъ м-ръ Дирекъ — м-ръ Бритлингъ и познакомился съ этимъ цвѣтнымъ джентльменомъ.

— Съ какимъ цвѣтнымъ джентльменомъ?

Она быстрымъ взглядомъ окинула столъ, словно ожидая увидать нѣчто алое въ желтыхъ крапинкахъ.

— А! Этотъ! Это — одинъ изъ молодыхъ протежѣ м-ра Лоренса Кармина — объяснила она еще болѣе конфиденціально, дѣлая видъ будто рѣчь шла о серебряной вазѣ съ розами, стоявшей передъ ней. — М-ръ Карминъ — извѣстный знатокъ индійской литературы и состоитъ членомъ какого-то общества для развлеченія студентовъ-индусовъ, попадающихъ въ Лондонъ. Вотъ онъ ихъ сюда къ себѣ и приглашаетъ.

— А гдѣ самъ м-ръ Лоренсъ Карминъ? — продолжалъ м-ръ Дирекъ.

Еще болѣе интимно и конфиденціально, легкимъ движеніемъ вѣкъ, она указала на м-ра Кармина.

М-ръ Дирекъ приготовился заговорить еще больше sotto voce, съ тѣмъ чтобы раскрыть еще болѣе глубокую тайну. Глаза его остановились на дѣтской коляскѣ. Онъ нагнулся было къ уху своей сосѣдки... Но тутъ ему помѣшала клубника.

— Хотите клубники? — спросила молодая собесѣд-

ница, и движениемъ своей головки, пригласила его повернуться влѣво.

Тамъ стоялъ одинъ изъ босоногихъ мальчиковъ съ тарелкой клубники.

А тутъ миссисъ Бритлингъ возобновила свою прерванную бесѣду съ нимъ.

— Я такъ невѣжественна во всемъ касающемся Америки, — сказала она, — что даже не знаю, имѣется ли тамъ клубника. Но здѣсь, въ Англии, сейчасъ самый разгаръ клубничнаго сезона и на рѣдкость обильнаго сезона. А также и сезонъ розъ. О, да, англичане любятъ думать, что ихъ яблоки, розы и ихъ клубника — лучшія во всемъ свѣтѣ.

— И цвѣтъ ихъ лица тоже, — сказалъ м-ръ Дирекъ, приступая къ пирамидѣ ягодъ и намѣреваясь сказать комплиментъ... но его сосѣдка слѣва уже бесѣдовала черезъ столъ съ нѣмцемъ-гувернеромъ и не слыхала его словъ.

Тутъ онъ вдругъ вспомнилъ, на кого именно похожа его сосѣдка: — на старинный дагеротипъ какой-то кузины его бабушки, въ которую онъ влюбился, когда былъ еще мальчикомъ. Та же улыбка. Ну, да! Разумѣется... Онъ такъ обожалъ когда-то этотъ портретъ... И у него появилось странное желаніе рассказать объ этомъ.

— Что дѣлаетъ этотъ визитъ еще болѣе для меня интереснымъ, — если только это возможно, — сказалъ онъ миссисъ Бритлингъ — такъ это-то, что какъ разъ въ Эссекскомъ графствѣ родилась и выросла моя бабушка съ материнской стороны, и всѣ предки отца моей матери. Такъ что во мнѣ по крайней мѣрѣ одна треть — родомъ изъ Эссекса. Моя бабушка была изъ семьи Корнеровъ, изъ Эссекса. Знаете, я подумывалъ, не най...

— Корнеръ? — спросила рѣзко молодая дѣвица у его локтя.

— Я рассказывалъ миссисъ Бритлингъ, что я подумывалъ, не...

— Что вы говорили сейчасъ о вашихъ родственникахъ въ Эссексѣ?

— ...Да вотъ, не удастся ли мнѣ отыскать какихъ-нибудь слѣдовъ ихъ въ этихъ краяхъ.

— Да вотъ, какъ разъ, она — миссъ Корнеръ, — сказала миссисъ Бритлингъ указывая на его сосѣдку.

— Какъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ и на мгновение остановился въ нерѣшительности. И затѣмъ наивно просто, забывъ всякія приличія, прибавилъ. — Очень радъ познакомиться съ вами, кузина Корнеръ. Ну, какъ поживаютъ старички?

X.

Какъ только м-ру Диреку удалось снова возобновить бесѣду съ м-ромъ Бритлингомъ, онъ тотчасъ же перевелъ разговоръ на своихъ родственниковъ, о существованіи которыхъ, собственно, онъ даже, и не подозрѣвалъ.

— Должно быть то, что я хочу сдѣлать, будетъ чисто по-американски, — сказалъ онъ, какъ бы извиняясь, — но я почти рѣшилъ въ понедѣльникъ съѣздить въ Маркетъ Саффонъ, гдѣ жили мои предки Хинкинсоны, и порыться день другой на кладбищѣ среди старыхъ могилъ.

— Очень возможно, что вы найдете свѣдѣнія о нихъ въ метрическихъ записяхъ приходской церкви — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Многія наши метрическія книги содержатъ и по сей день всѣ записи за послѣднія триста лѣтъ. Я васъ свезу туда на своей машинѣ.

— О, не беспокойтесь, пожалуйста, — сказалъ довольно поспѣшно м-ръ Дирекъ.

— Да тутъ никакого беспокойства нѣтъ. Я люблю править автомобилемъ... только вотъ пока это мнѣ плохо удавалось. А заодно мы вернемся черезъ Харборо-Хай-Окъ и посмотримъ родословную Корнеровъ. Ихъ въ той мѣстности до сихъ поръ очень много. И дорога нетрудная, всего нѣсколько подъемовъ, спусковъ и заворотовъ.

— Право, м-ръ Бритлингъ, я не рѣшаюсь причинить вамъ столько безпокойствъ и хлопотъ.

— Да никакихъ тутъ хлопотъ и безпокойствъ нѣтъ. Мнѣ давно хочется устроить себѣ маленькій отдыхъ отъ работы, да и хочется дать Глэдисъ...

— Глэдисъ? — спросилъ м-ръ Дирекъ, съ внезапно проснувшейся надеждой.

— Это такъ я называю свою машину. Мнѣ давно хочется дать ей прокатиться какъ слѣдуетъ. Я всего четыре раза на ней ѣздилъ и мнѣ хочется довести ее до сорока миль въ часъ. Мнѣ говорили, она легко беретъ эту скорость. И такъ, значитъ, рѣшено.

М-ръ Дирекъ сразу не могъ придумать никакой отговорки. О, если бы онъ только зналъ о комъ-нибудь, кто могъ бы прислать телеграмму изъ Лондона, вызывая его туда по якобы экстренному дѣлу и этимъ спасти его отъ участи быть снова подвергнутымъ случайностямъ судьбы автомобиля м-ра Бритлинга! Но вскорѣ другое стремленіе взяло въ немъ перевѣсъ.

— Вы врядъ ли мнѣ повѣрите, — продолжалъ онъ, — если я скажу вамъ, что ваша миссъ Корнеръ имѣетъ поразитель-

тельное сходство съ миниатюрой, которая есть у меня въ Америкѣ, съ портретомъ кузины моей бабушки по материнской линіи... Миссъ Корнеръ производитъ впечатлѣніе очень милой, молодой особы.

Но м-ръ Бритлингъ не удостоилъ его никакими дальнѣйшими свѣдѣніями относительно миссъ Корнеръ.

— Должно быть очень интересно, — сказалъ онъ, — приѣзжать сюда и разыскивать ваши американскіе роды на здѣшнихъ памятникахъ и могильныхъ плитахъ. Вы, конечно, знаете округъ южнѣ Ивсхэма, гдѣ почти на каждомъ памятникѣ можно увидать полосы и звѣзды, гербъ покойныхъ Вашингтоновъ. Но сомнѣваюсь, чтобы сама фамилія еще сохранилась въ этихъ краяхъ. Да и врядъ ли вы найдете много Хинкинсоновъ въ Маркетъ-Саффронѣ. Вообще же въ этомъ графствѣ много родовъ, имѣющихъ 500 — 600 лѣтнюю давность. Вотъ почему Эссексъ куда болѣе подлинно древнеанглійское графство, чѣмъ, скажемъ, Серрей или Кентъ. Наше графство — кусочекъ настоящей Англии, Англии, оставшейся внѣ Лондона и внѣ фабрикъ... и въ то же время это — подлинная Англія... какъ-бы сущность всей Англии...

XI.

М-ръ Бритлингъ повелъ м-ра Дирека по саду, изобилующему розами и другими цвѣтами, показалъ ему огороды и различныя хозяйственныя пристройки, въ томъ числѣ и амбаръ, ворота котораго были замѣнены стеклянной дверью. Амбаръ стоялъ въ отдѣльномъ дворикѣ, по срединѣ котораго въ землѣ былъ устроенъ глубокій бассейнъ, наполненный дождевой водой, здѣсь, — какъ мимоходомъ замѣтилъ м-ръ Бритлингъ, — «всѣ» купались, когда было жарко. На терраскѣ у бассейна были посажены кустики полевого тмина, роземарины и тому подобныхъ душистыхъ растеній и, — въ видѣ часовыхъ, — десять, аккуратно подстриженныхъ, крошечныхъ *Arbor vitae*.

Потомъ они усѣлись на скамейкѣ, откуда сквозь сиреневые кусты видны были ново-найденная кузина м-ра Дирека и родственно-похожая на нее другая молодая особа, играющая въ теннисъ со студентомъ-индусомъ и другимъ молодымъ человѣкомъ.

Изрѣдка м-ру Диреку какъ будто предстало право рассказать своему хозяину первыя впечатлѣнія американскаго гостя въ Англии, но, въ дѣйствительности, ему не позволяли ничего говорить. Говорилъ одинъ м-ръ Бритлингъ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ гостемъ, и игралъ, и жонгли-

ровалъ идеями и мыслями, словно радужный фонтанъ въ солнечныхъ лучахъ.

М-ръ Дирекъ усѣлся поудобнѣе и молча смаковалъ единственную сигару, которую онъ себѣ позволялъ послѣ завтрака. Если онъ и чувствовалъ себя человѣкомъ съ завязаннымъ ртомъ, то зато фонтанъ былъ ловокъ и занимателенъ. Онъ слушалъ его немного разсѣяннo, такъ какъ не былъ въ состояннн сосредоточенно слѣдить за словами и мыслями своего собесѣдника во всѣхъ ихъ безконечныхъ извивахъ и переливахъ; глаза его бродили по саду, и периодически возвращались къ мелькающимъ, за зеленью кустовъ, игрокамъ. Все было очень жизнерадостно, удобно и закончено; все было разнообразно, приятно и въ то же время не рѣзало глазъ мѣщанской «зажиточностью». Въ этомъ заключалась одна изъ маленькихъ тайнъ, которыя Америкѣ еще предстоитъ открыть. Все носило на себѣ такой отпечатокъ, что оно не куплено, не сдѣлано на заказъ, не стоитъ денегъ, а какъ-будто такъ себѣ, по счастливому стеченню обстоятельствъ, свалилось откуда-то.

Понемногу рѣчь м-ра Бритлингъ стала какъ бы широкой рѣчкой, протекающей по мыслямъ м-ра Дирека и захватывающей своимъ теченнмъ его мгновенныя впечатлѣння и наблюдення, мимолетныя воспоминання послѣднихъ пяти дней, туманныя фантазнн о праотческихъ фамилняхъ и хорошенькихъ кузинахъ, отрывки тѣхъ хорошо подготовленныхъ и заученныхъ вступленнй къ разговорамъ, поясненне цѣлей и дѣятельности лекціоннаго клуба и все еще не забытый, недосказанный анекдотъ о Робинсонѣ изъ Толедо.

— Никто, заранѣе, не разрабатывалъ британской землевладѣльческой системы; никто не вырабатывалъ британской аристократической системы, никто не вырабатывалъ проклятой конституціи; все само собой случилось, и сложилось, какъ слой за слоемъ образуется на агатѣ; но, какъ видите, въ общемъ, все сложилось болѣе или менѣе удачно, какъ нельзя лучше подошло къ климату и темпераменту нашего народа и нашего острова; все въ цѣломъ было такъ уютно и удобно, что нашъ народъ понемногу «устроился» въ немъ. Да и при всемъ желаннн нельзя было не принять этой системы и не осѣсть въ ней; мы, англичане, «осѣли», «устроились» въ ней еще въ дни королевы Анны, и Богъ знаетъ, выберемъ ли когда-нибудь изъ нея. Мы похожи на ту раковину, Lingula, которую можно найти въ древнѣйшихъ утесахъ и которая жива по сей день; она приспособилась къ окружающимъ условнямъ, и съ тѣхъ поръ не мѣнялась. Да и зачѣмъ это ей? Она испражняеть всѣ непокойные элементы. И у

насъ младшіе сыновья въ родѣ покидаютъ Англию и основываютъ колониальныя имперіи. Лишніе же дѣти крестьянъ эмигрируютъ въ Австралію или Канаду, или же иммигрируютъ въ города. А *это все* остается безъ измѣненія»...

XII.

Взоръ м-ра Дирека остановился на амбарѣ, и выраженіе лица его медленно оживилось, какъ будто онъ что-то, наконецъ, понялъ и внезапно рѣшилъ это сказать. Рѣшеніе его было столь твердо, что онъ намѣревался высказать свою мысль даже и въ томъ случаѣ, если м-ръ Бритлингъ будетъ продолжать говорить, не переставая.

-- Скажите, м-ръ Бритлингъ, — сказалъ онъ — вотъ этотъ амбаръ, должно быть, онъ построенъ еще въ царствованіе королевы Анны?

— Стѣны его, по всей вѣроятности, еще древнѣе; по-видимому, онѣ представляютъ собой остатки какого-то монастыря. Вотъ, напримѣръ, тотъ сѣрый кусокъ въ углу. Самъ амбаръ — временъ Георга

— И онъ стоитъ по сей день! И этотъ крестьянскій дворъ тоже стоитъ по сей день!

М-ръ Бритлингъ снова хотѣлъ пуститься въ отвлеченныя разсужденія, но м-ръ Дирекъ не захотѣлъ слушать.

— Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать одно замѣчаніе по поводу вашего амбара, м-ръ Бритлингъ и, за одно, по поводу и этого крестьянскаго двора.

М-ръ Бритлингъ насторожилъ уши.

— Что именно? — спросилъ онъ.

— Да вотъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ, — то, что мнѣ больше всего бросается въ глаза, глядя на этотъ амбаръ, такъ это то, что онъ теперь ужъ больше не амбаръ, и этотъ крестьянскій дворъ вовсе теперь уже не дворъ. Въ амбарѣ больше нѣтъ ни хлѣба, ни соломы, и никогда ихъ тамъ больше не будетъ; тамъ теперь стоитъ пианола и полъ его приспособленъ не для молотыбы, а для танцевъ. А если бы случайно въ этотъ дворъ забрела корова, всѣ ее тотчасъ же начали бы выгонять.

Его охватило пріятное сознаніе, что онъ, наконецъ, начинаетъ говорить. И онъ продолжалъ. Ему такъ хотѣлось сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ.

— Вы были такъ любезны, что спросили меня недавно, м-ръ Бритлингъ, каково мое первое впечатлѣніе отъ Англій. Такъ вотъ м-ръ Бритлингъ, мое первое и самое яркое впечатлѣніе отъ Англій сводится къ слѣдующему: по внѣшности она производитъ впечатлѣніе традиціонной древней Англій,

больше чѣмъ ктонибудь могъ бы это предполагать; но въ дѣйствительности, она менѣе похожа на традиционную древнюю Англiю, чѣмъ это можно себѣ вообразить.

Г л а в а II.

М-ръ Бритлингъ продолжаетъ развивать свои взгляды.

I.

Дальнѣйшія событія и переживанія дня дали мало поводовъ м-ру Диреку пересмотрѣть или измѣнить свой выводъ. Наоборотъ, какъ остатокъ перваго дня, такъ и весь слѣдующій лишь послѣдовательно подтверждали правильность его мнѣнія. Окружающій ландшафтъ былъ традиционнымъ англійскимъ ландшафтомъ, но зато всѣ люди казались болѣе порывистыми, безтолковыми и хаотичными, чѣмъ кто-либо могъ ожидать, и были совершенно недоступны объясненію съ точки зрѣнія какого-либо признаннаго кодекса англійскихъ родственныхъ отношеній.

— Вамъ кажется, что Джонъ Буль умеръ и чужое поколѣніе носить его платье, — сказала м-ръ Бритлингъ. — Мнѣ кажется, вы очень скоро убѣдитесь, что это все тотъ же Джонъ Буль. Можетъ быть не Джонъ Буль миссисъ Гемфри Уордъ или миссисъ Генри Вудъ,* но ближе къ Джону Буллю Шекспира, Фильдинга, Диккенса, Мередита.

— Вѣроятно, — прибавилъ онъ, — произошли значительныя измѣненія. Подросло новое поколѣніе.

Онъ взглянулъ на свой амбаръ и бассейнъ для купанья.

— Вы вчера очень мѣтко сказали объ амбарѣ, — замѣтилъ онъ. — Ваши слова напоминаютъ мнѣ прекрасное мѣсто у Киплинга: о старой водяной мельницѣ, начавшей съ того, что она молола пшеницу, и кончившей ролью мотора, приводящаго въ движеніе динамо... Только, признаюсь, этотъ амбаръ не приводитъ въ движеніе никакого динамо. Это просто амбаръ для увеселительныхъ цѣлей. Впрочемъ, странѣ только это и по средствамъ.

II.

Онъ на время бросилъ эту тему, но въ теченіе оставшейся части дня м-ръ Дирекъ имѣлъ удовольствіе отмѣчать, какъ его собственная мысль плавала и вертѣлась гдѣ-то въ затаенныхъ водахъ умственного теченія м-ра Бритлинга.

* Извѣстныя англійскія писательницы 90-хъ годовъ, авторы ряда «бытовыхъ» романовъ.

Въ промежутокъ же, фонтанъ дѣятельной и энциклопедической мысли м-ра Бритлинга игралъ, не переставая.

М-ръ Бритлингъ необыкновенно гордился Англiей и въ то же время, не переставая, ее бранилъ. Онъ хотѣлъ показать м-ру Диреку Англию, какъ великолѣпную совокупность нелѣпѣйшаго нагроможденiя ошибокъ. Вотъ взглядъ, къ которому привели удобства и обезпеченность его лѣтъ послѣ его радикализма, бывшаго въ своихъ раннихъ стадiяхъ злобнымъ и ѣдкимъ.

Онъ вывелъ м-ра Дирека изъ сада, обнесеннаго стѣной, черезъ маленькую дверь въ другой дворъ, покрытый аккуратно подстриженнымъ газономъ съ двумя большими «воротами» по краямъ. «Мы здѣсь играемъ въ хоккей по воскресеньямъ», — сказалъ онъ тономъ, въ которомъ не было и намекъ на то, что участiе въ этой опасной и грубой игрѣ обязательно для каждаго, посѣщающаго Матчингсъ-Изи по воскресеньямъ. Дальше черезъ узкую, окаймленную густыми кустами аллею, они вышли на дорогу, ведущую по опушкѣ парка Клаверингсъ, гдѣ бродили олени.

— Мы зайдемъ въ Клаверингсъ позже, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. У лэди Гомартинъ гостить нѣсколько человекъ, и вамъ слѣдуетъ посмотрѣть замокъ и ее, и тѣхъ людей, что проводятъ у нея «week-endъ». Она хотѣла, чтобы мы позавтракали у нея завтра, но я отказался изъ-за нашего хоккея.

М-ръ Дирекъ принялъ это объясненiе безъ всякой критики.

Село напомнило м-ру Диреку картины Аббея: постоянный дворъ съ выѣзской, висѣвшей поперекъ дороги, передъ постояннымъ дворомъ водопойное корыто (точь въ точь такое, какъ то, въ которомъ Уэллеръ-старшiй изъ «Записокъ Пиквикскаго Клуба» выкупалъ диссентера) и зеленый крашеный столъ передъ дверью. Была также и мелочная лавка и множество хорошенькихъ и чистенькихъ коттэджей, всѣ съ помѣщичьими гербами. И все это было сгруппировано вокругъ зеленой поляны, по которой разгуливали гуси.

Потомъ они осмотрѣли церковь, затѣмъ м-ръ Бритлингъ показывалъ м-ру Диреку настоящiя англiйскiя проселочныя дороги, и, наконецъ, узкими бѣлыми тропинками черезъ крошечныя поля уже желтѣющей пшеницы они вернулись къ селу и небольшимъ воротамъ, ведущимъ въ паркъ.

III.

Паркъ производилъ впечатлѣнiе какой-то аккуратной, нарочитой запущенности, напоминающей природу на

картинахъ старинныхъ итальянскихъ мастеровъ; повсюду были сгруппированы красноватые олени въ крапинкахъ, безстрашно разсматривавшіе обоихъ спутниковъ; дорога спустилась черезъ дубовую рощу и низкорослый папоротникъ къ тихому ручейку, который то тутъ, то тамъ лѣниво останавливалъ свой бѣгъ, чтобы поиграть у прудовъ и водопадовъ, и несъ съ собой цѣлый флотъ листовъ отъ водяныхъ лилій; у самаго замка росли кедры и были раскинуты цвѣтники. Самъ домъ показался для американскаго глаза м-ра Дирека низкимъ и просторнымъ, а его трубы изъ краснаго кирпича напоминали шеренгу солдатъ въ развернутомъ строю. Справа, около параднаго входа сквозь лавровые кусты, виднѣлась терраса и опять яркія окраски цвѣтниковъ.

— Мы навѣрное здѣсь застанемъ Фильберта, министра внутреннихъ дѣлъ, и сера Томаса Лутъ, министра финансовъ. Навѣрное будетъ еще нѣсколько человѣкъ въ этомъ родѣ, изъ тѣхъ, что мы называемъ правительственнымъ классомъ. Съ женами. И вѣроятно еще пріѣдетъ лэди Фрэншамъ; она очень интересуется ирландскимъ вопросомъ, и еще лэди Венеція Тремпингтонъ; говорятъ — красавица, я ее никогда не видалъ...

Они подошли къ подъѣзду и вошли въ большую, прохладную переднюю, украшенную головами гиппопотамовъ, носороговъ и чучеломъ льва. Меблировка «холла» состояла, главнымъ образомъ, изъ огромнаго стола, въ изобиліи заваленнаго шляпами, палками и газетами. Встрѣтившій ихъ лакей полу-конфиденціальнымъ шопотомъ сообщилъ м-ру Бритлингу, что ея сіятельство на верандѣ, взялъ у гостей палки и шляпы и повелъ ихъ черезъ комнаты. Они вышли на обширную террасу, гдѣ уже находилось около дюжины мужчинъ и женщинъ, большею частью державшихъ въ рукахъ чашки съ чаемъ; гости сидѣли на складныхъ креслахъ и *chaise-longue*'ахъ вокругъ чайнаго столика. Лэди Хомартинъ встала навстрѣчу вновь прибывшимъ.

М-ръ Дирекъ былъ представленъ ей въ качествѣ путешествующаго американца, сгорающаго желаніемъ посмотреть типичный англійскій загородный домъ, и лэди Хомартинъ, привычнымъ, разъ навсегда выработаннымъ, тономъ, перечислила ему всѣ достопримѣчательности своего дома, одного изъ лучшихъ образцовъ архитектуры времени Тюдоровъ. М-ръ Дирекъ не привыкъ имѣть дѣла съ титулованными особами и тотчасъ же попалъ въ тупикъ, не зная, какъ величать хозяйку дома — «милэди» или же «ваше сіятельство», и поэтому мудро избѣгалъ всякія обращенія, ожидая пока м-ръ Бритлингъ подастъ ему примѣръ. И м-ръ

Бритлингъ, дѣйствительно, въ скоромъ времени обратился къ ней, какъ къ «лэди Хомартинъ». М-ра Дирека посадили рядомъ съ какой-то дамой, фамилію ея онъ не разобралъ, но она имѣла какое-то отношеніе къ великобританскому посольству въ Вашингтонѣ. М-ръ Бритлингъ же былъ переданъ его превосходительству, Джорджу Фильберту, жаждавшему обсудить съ знаменитымъ писателемъ нѣсколько вопросовъ, затронутыхъ послѣднимъ въ его новѣйшемъ сборникѣ статей. Дама изъ Вашингтона была не глупа, но въ разговорѣ не очень требовательна, поэтому м-ръ Дирекъ могъ нѣкоторую долю вниманія удѣлить и тому, что происходило вокругъ него.

Онъ былъ немного разочарованъ, замѣтивъ, что лакеи не носили ливрей, париковъ и чулокъ. Въ иллюстраціяхъ американскихъ журналовъ и въ американскихъ синемаграфическихъ фильмахъ, когда изображались англійскіе дома или дома богатыхъ американцевъ, живущихъ въ Англии, слуги всегда были въ парикахъ, расшитыхъ золотомъ ливрехъ и чулкахъ. Здѣсь же были только два стройныхъ, скромныхъ и юныхъ джентльмена, въ черныхъ фракахъ. Кромѣ того поразило его также и отсутствіе блеска и великолѣпія въ присутствующихъ. Дамы произвели на него впечатлѣніе плохо одѣтыхъ; не было у нихъ того: «эй вы, посмотрите, какъ я шикарна» американокъ, одѣвающихся у хорошихъ портнихъ; мужчины тоже вовсе не походили на картинки изъ англійскихъ модныхъ журналовъ, они были одѣты просто, хотя и «грамотно».

IV

М-ръ Дирекъ все еще находился въ зачаточныхъ стадіяхъ разговора съ дамой изъ Вашингтона, какъ вдругъ все вокругъ него пришло въ смятеніе и волненіе, благодаря прибытію такой важной особы, какъ лэди Фрэншамъ. Лэди Фрэншамъ прибыла изъ Лондона на автомобилѣ. Она появилась въ вуаляхъ, шарфахъ и огромныхъ размѣровъ пылевикѣ, въ сопровожденіи какого-то двоюроднаго племянника, составлявшаго всегда часть ея свиты и управлявшаго ея автомобилемъ. Это была женщина явно импозантная, величественнаго вида. Съ ея прибытіемъ какъ то сразу исчезла царствовавшая передъ этимъ на верандѣ лѣнивая апатичность жаркаго дня. М-ръ Фильбертъ тотчасъ же бросился къ лэди Фрэншамъ и сталъ снимать съ нея шарфы и вуали, передавая ихъ лакею.

— Я, дорогая, сегодня завтракала съ сэромъ Эдуардомъ

Карсономъ, * — сказала она, бросая вызывающіи взглядъ Фильберту.

— Что-же, онъ упрямъ, какъ всегда? — спросилъ сэръ Томась.

— Упрямъ? Это вашъ Редмондъ ** упрямъ! — воскликнула лэди Фрэншамъ. — Какъ по вашему, м-ръ Бритлингъ?

— Провалились бы объ ваши партіи, вотъ что я скажу! — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— Послушайте, нельзя же оставаться такъ... въ сторонѣ отъ всего, — сказала лэди Фрэншамъ, — когда страна наканунѣ междоусобной войны... Вы, притворяющіеся, что нѣтъ никакого серьезнаго политическаго кризиса, когда онъ есть... вы будете отвѣчать болѣе чѣмъ кто-либо, когда начнется междоусобная война. И не думайте... она васъ не минуетъ! Вспомните мои слова!

Присутствующіе образовали сомкнутый кругъ. И вскорѣ м-ръ Дикеръ оказался слушателемъ настоящаго англійскаго политическаго спора, въ настоящемъ англійскомъ загородномъ домѣ. Все это было очень похоже на ту «Старую» Англию, которую онъ зналъ по романамъ миссисъ Гемфри Уордъ, и въ то же время совсѣмъ не похоже. Можетъ быть, это объяснялось тѣмъ, что романы эти большею частью описывали Англию девяностыхъ годовъ, а съ тѣхъ поръ всѣ явленія жизни много потеряли въ достоинствѣ и торжественности. Но какъ бы то ни было налицо тутъ были крупныя политическіе и общественныя дѣятели, представители титулованной аристократіи и всѣ они говорили о «странѣ»...

Неужели, дѣйствительно, такого рода люди управляютъ «страной»? Когда онъ въ Америкѣ читалъ ихъ описанія у миссисъ Уордъ, онъ легко всему вѣрилъ, но теперь, когда онъ ихъ видѣлъ и слышалъ...

— Я не вѣрю, что страна наканунѣ гражданской войны, — сказала м-ръ Бритлингъ.

— Фактовъ, давайте намъ фактовъ! — крикнула лэди Фрэншамъ, какъ бы отстраняя иллюзіи быстрымъ жестомъ рукъ.

— Вы интересуетесь Ирландіей, м-ръ... Дирекъ? — спросила лэди Хомартинъ.

— Мы видимъ ее впервые, когда попадаемъ въ Англию, — отвѣтилъ довольно удачно м-ръ Дирекъ, и послѣ

* Членомъ нынѣшняго кабинета, лидера «ульстерцевъ».

** Лидеръ ирландскихъ націоналистовъ.

этого получилъ возможность, не отвлекаясь, внимательно слѣдить за споромъ.

Ясно было, что лэди Фрэншамъ принадлежала къ той группѣ энергичныхъ представительницъ аристократіи, которыя непримиримо враждебно относились къ гомрулю, «въ какомъ бы то ни было видѣ или формѣ». Въ ихъ устахъ всѣ политическія взаимоотношенія быстро принимали характеръ личной вражды и счетовъ, въ которыхъ тонули всякія соображенія объ интересахъ и процвѣтаніи имперіи. Ими какъ будто овладѣло дикое желаніе подражать самымъ крайнимъ суффражисткамъ. Онѣ оскорбляли, обливали грязью, обличали, отказывались отъ всякихъ приглашеній куда бы то ни было, и все изъ-за того, чтобы не встрѣтиться гдѣ-нибудь съ этимъ «предателемъ» премьеръ-министромъ.* Ихъ группу поддерживала крайняя часть консервативной прессы, гдѣ самые невѣроятные писатели съ пѣной у рта, какъ одержимые, набрасывались на правительство, какъ на «предателей» и людей, «оскорбляющихъ короля». «Morning Post» и болѣе легкомысленная часть уніонистской прессы ежедневно выливали на правительство потоки партійной чепухи, о которой теперь неловко и вспомнить.

Лэди Фрэншамъ тотчасъ же стала доминировать надъ всей собравшейся компаніей, и, на время оставивъ въ покоѣ м-ра Бритлинга, стала подробно рассказывать о новѣйшемъ развитіи великой междуусобицы. Она начала съ поразительнаго описанія того, какъ на представленіи моцартовской «Волшебной Флейты» лэди Лондондерри сидѣла противъ этого «старога прохвоста», Асквита.

— И если бъ только взгляды могли убивать!..—воскликнула лэди Фрэншамъ съ большимъ пафосомъ. — Сэръ Эдуардъ Карсонъ твердо настаиваетъ, что Ульстеръ рѣшилъ драться. У нихъ есть пулеметы... снаряды. И я убѣждена, что армія на нашей сторонѣ...

— А гдѣ же вы достали эти пулеметы и снаряды?—спросилъ вдругъ м-ръ Бритлингъ.

— О! Это наша тайна!—отвѣтила лэди Фрэншамъ.

— Хм! — замѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— Видите-ли, — сказала лэди Фрэншамъ, — гражданская война неизбежна. И вы, писатели, пользующіеся вліяніемъ, ничего не хотите сдѣлать, чтобы предотвратить кровавую междуусобицу.

— Что же намъ надо сдѣлать, лэди Фрэншамъ?

— Доказать людямъ, насколько опасно теперешнее положеніе!

* Асквитомъ.

— Вы хотите, чтобы мы приказали ирландскимъ націоналистамъ лечь на землю, дабы по нимъ прошли ульстерцы? Они этого не допустятъ...

— Посмотримъ! — воскликнула лэди Фрэншамъ. — Это мы еще увидимъ!

— Позвольте вамъ сказать, лэди Фрэншамъ, — вставилъ м-ръ Бритлингъ, — какъ разъ то, что вы сказали мнѣ. Развѣ вы не видите, что кампанія карсонистовъ ведетъ британскіе острова къ порогу гражданской войны?

— Такъ что же? Виновать всецѣло вашъ Ллойдъ-Джорджъ и его правительство. Виноваты ваши социалисты и сентименталисты. Вы заварили кашу, вамъ ее и расхлебывать!

— Да. Но вы представляете себѣ, что будетъ означать для имперіи гражданская война? Неужели на землѣ нѣтъ болѣе важныхъ вещей, чѣмъ эта ссора между ульстерскими «лойялистами» и либеральнымъ правительствомъ? Неужели въ нашей огромной имперіи нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ партійныхъ самолюбій и преимуществъ? Вы думаете, что вы сумѣете напугать теперешнее правительство, стоящее за гомруль, и довести его до развала, который обезпечитъ побѣду консерваторамъ на слѣдующихъ выборахъ? Ну, а если это вамъ не удастся? Если вмѣсто этого вы, дѣйствительно, вызовете гражданскую войну? Очень немногимъ, и здѣсь, и въ Ирландіи—я былъ тамъ мѣсяцъ тому назадъ—этого хочется, но когда люди держатъ въ рукахъ заряженные ружья, они иногда неожиданно для самихъ себя начинаютъ стрѣлять. И тогда люди теряютъ голову, сходятъ съ ума. Очень немногіе сознаютъ, что это за ужасъ,—гражданская война или драка. А вдругъ часть арміи взбунтуется и начнется междоусобица всерьезъ? Вѣдь это же будетъ дѣйствовать деморализующимъ образомъ. Индія внимательно слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ здѣсь. Бенгалія тоже можетъ послѣдовать примѣру Ирландіи. И что можетъ получиться, если вдругъ, пользуясь этимъ, Германія вздумаетъ напасть на насъ?

У лэди Фрэншамъ была чисто женская изворотливость.

— Ну, что-жъ, ваши редмондисты встрѣтили бы нѣмцевъ съ распростертыми объятіями.

— Да, но, вѣдь, не редмондисты въ настоящую минуту призываютъ нѣмцевъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, взрывая свою мину, — а кто-то другой. Вѣдь, еще третьяго дня одинъ изъ вашихъ «лойялистовъ» писалъ въ «Morning Post», что онъ предпочтетъ для Ирландіи германское владычество — гомрулю. А тотъ, — другой, который въ прошломъ апрѣлѣ

ввезъ контрабандой въ Ирландію нѣмецкіе маузеры, тотъ вѣдь открыто хвастался, что онъ скорѣе присягнетъ на вѣрность германскому кайзеру, чѣмъ увидитъ Редмонда у власти.

— Риторика! — сказала лэди Фрэншамъ. — Риторика!

— А вы забыли, что одна изъ вашихъ ульстерскихъ газетъ открыто заявляла, что уже подписано соглашеніе, по которому одинъ «всесильный континентальный монархъ» обязался оказать поддержку ульстерскому возстанію.

— Про какую газету вы говорите? — спросила лэди Фрэншамъ.

М-ръ Бритлингъ остановился въ нерѣшительности, но тутъ вступился м-ръ Фильбертъ.

— Я видѣлъ ее. Это была «Ирландская Церковная Газета».

— Вы, я вижу, оба хорошо подготовились, — сказала лэди Фрэншамъ. — Я не знала, что м-ръ Бритлингъ тоже партийный человѣкъ.

— Националисты всѣмъ болѣе или менѣе виднымъ лицамъ разослали экземпляры этого номера, — сказалъ Фильбертъ. — Это вполнѣ естественно.

— Да, и въ ихъ освѣщеніи дѣло обстоитъ еще хуже и серьезнѣе, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ. — Оказывается, Карсонъ завтракалъ прошлой осенью съ нѣмецкимъ кайзеромъ. Какой бы вы подняли скандалъ, если бы это сдѣлалъ Редмондъ. Да и всѣ эти тайные провозы оружія въ Ирландію, — все это дѣло нѣмецкихъ рукъ...

— Ну, такъ что-жъ? — спросила лэди Фрэншамъ, снова останавливая на мгновеніе воинственный взоръ на Фильбертъ. — Вы насъ довели до этого. Но на одномъ мы порѣшили, чего бы это ни стоило! Джонъ Редмондъ можетъ управлять Англійей, если ему хочется, но управлять Ирландіей мы ему не дадимъ!

М-ръ Бритлингъ пожалъ плечами, и на лицѣ его отразилось отчаяніе.

— Мое единственное утѣшеніе, — сказалъ онъ, — это слова, сказанныя мнѣ одной молодой ирландкой, мѣсяць тому назадъ въ Митѣ. Это была молодая особа, лѣтъ двѣнадцати, и мнѣ кажется, она почувствовала ко мнѣ нѣкоторую слабость за то, что я катался съ ней въ лодкѣ, пользоваться которой ей было запрещено. Весь день передъ этимъ надъ ея наблюдательной головкой витали безконечные разговоры объ этомъ вѣчномъ ирландскомъ вопросѣ. И какъ только мы выбрались въ открытое море, она внезапно рѣшила просвѣтить меня насчетъ одной суще-

ственной подробности, которую я упустилъ. «Вы англичане», — сказала она мнѣ, — «все хотите серьезно относиться къ этимъ недоразумѣніямъ. Не волнуйте себя напрасно... Вѣдь, мы почти все время смѣемся надъ вами. Вы лучше всего оставьте насъ въ покоѣ...»

И тутъ же продолжалъ:

— Но, взгляните, какое это ужасное зрѣлище. Вотъ представился случай добиться чего-то вродѣ примиренія въ этой древней враждѣ между англичанами и ирландцами, чего-то вродѣ умиротворенія всѣхъ этихъ древнихъ несчастныхъ страстей и распрей, а, между тѣмъ, въ насъ недостаетъ ни силы, ни совѣсти, ни здраваго смысла, чтобы спасти этотъ вопросъ отъ злобныхъ препирательствъ, взаимнаго недоуверія и озлобленія. Опять повторяю, да провалиться бы скорѣе однѣмъ вашимъ партіямъ...

— Очевидно, м-ръ Бритлингъ, вамъ хотѣлось бы передать насъ всѣхъ въ руки Джима Ларкина.*

— Я передалъ бы всѣхъ васъ сэру Горацию Пленкетту...

— Этому доктринеру-педанту, съ его образцовымъ молочнымъ хозяйствомъ, — воскликнула лэди Фрэншамъ. — Вы безнадежны, м-ръ Бритлингъ, совершенно безнадежны.

Лэди Хомартинъ, замѣтивъ, что разговоръ принимаетъ опасный оборотъ, поспѣшила предложить лэди Фрэншамъ вторую чашку чая, и начала порхать, словно охлаждающій вѣтеръ между спорящими. Затѣмъ она предложила играть въ теннисъ...

V.

М-ръ Бритлингъ все еще былъ взволнованъ и возбужденъ, когда онъ и его гость возвращались къ Дауэръ-Хаусу. Онъ самъ безжалостно критиковалъ Англию, но не могъ допустить ни на минуту, что она въ какомъ бы то ни было отношеніи была несовершенна. Даже ея недостатки ему хотѣлось представлять, какъ болѣе утонченный видъ силы и мудрости. А тутъ лэди Фрэншамъ своими словами взяла да и разбила всѣ эти пріятныя иллюзіи. Онъ напоминалъ теперь «любленнаго, который называетъ свою милую «глупенькой плутовкой», а потомъ въ ужасѣ вдругъ открываетъ, что посторонніе люди охотно соглашаются съ нимъ въ буквальномъ пониманіи этого опредѣленія.

Отъ волненія онъ даже замолчалъ и, пользуясь этимъ, м-ръ Дирекъ поспѣшилъ взять на себя инициативу разговора.

— Для меня, американца, немного странно, — началъ

* Ирландскій націоналистъ, изъ партіи синъ-фейнеровъ.

онъ, — слышать въ устахъ дамъ такіе рѣзкіе политическіе взгляды.

— Это бы еще ничего, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — У насъ женщины имѣютъ доступъ въ политику, и я не вижу причинъ, почему имъ этого не дѣлать. Если я этимъ могу заниматься, такъ почему же имъ нельзя; мы здѣсь на это смотримъ проще. А вотъ зловредная глупость такого консерватизма, вотъ что безобразно. Это таки, дѣйствительно, безобразіе. Отрицать этого нельзя. Вѣдь, эти люди, которыхъ вы только что видѣли и слышали, — болѣе или менѣе вѣрный образчикъ нашего правящаго класса — или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части нашего правящаго класса. И, повторяю, образчикъ болѣе или менѣе вѣрный. И вы видите, до чего они ничего не понимаютъ. Прямо паразитично. Было время, когда они умѣли быть политичными... Даже и сегодня у нихъ, гдѣ-то внутри, все-таки еще остались кой-какіе политическіе инстинкты... но мнѣ прямо тошно думать объ этомъ ирландскомъ вопросѣ. Знаете, что я вамъ скажу, мы, дѣйствительно, находимся на пути къ гражданской войнѣ.

— Вы такъ думаете? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Развѣ не такъ? Этотъ ввозъ пулеметовъ и ружей въ Ульстеръ... вы слышали, какъ она объ этомъ рассказывала? Развѣ этого не достаточно, чтобы довести югъ Ирландіи до открытаго возстанія?

— А какъ вы думаете, содержится ли какая-нибудь доля истины въ утвержденіи, что въ этой ульстерской исторіи дѣло не обошлось безъ нѣмецкой интриги? Вы и м-ръ Фильбертъ какъ разъ говорили...

— Не знаю, — отвѣтилъ кратко м-ръ Бритлингъ. — Не знаю, — повторилъ онъ, — но не потому, что я не считаю ульстерцевъ и нашихъ противниковъ достаточно глупыми, чтобы пойти на такую комбинацію. А потому, что мнѣ не вѣрится, чтобы нѣмцы были настолько глупы и пошли бы на нее... Да и зачѣмъ имъ?

— Я прямо лишаюсь словъ отъ озлобленія, — продолжалъ онъ, послѣ короткой паузы. — Они не хотятъ пойти ни на какой компромиссъ. Они просто обуреваемы страстью къ ссорамъ... Эти люди, какъ дѣти, играющіе въ революцію. Пока смерть не очутится у ихъ ногъ, имъ и въ голову не придетъ, что они играютъ заряженными ружьями...

Нѣкоторое время онъ опять помолчалъ и изъ вѣжливости слушалъ, какъ м-ръ Дирекъ старался объяснить ему отношеніе Америки къ ирландскому вопросу. Когда же м-ръ Бритлингъ снова захватилъ нить разговора, то въ словахъ

его не было ничего относящагося къ замѣчаніямъ м-ра Дирека.

— Психологія всѣхъ этихъ, появившихся у насъ за послѣднее время, движеній протеста и различныхъ эксцессовъ, весьма любопытна... Я никакъ не могъ уяснить ея себѣ... Все равно, имѣемъ-ли мы дѣло съ суффражистками, или съ рабочимъ вопросомъ, или же съ этой ирландской кашей... Люди какъ-будто чувствуютъ себя слишкомъ въ безопасности. Видите ли, мы живемъ въ концѣ ряда болѣе или менѣе «спокойныхъ» поколѣній, во время которыхъ ничто изъ великихъ явленій жизни существенно не подвергалось измѣненію. Мы выросли безъ сознанія опасности, т. е. безъ сознанія какой-либо отвѣтственности. Никто изъ насъ не вѣритъ, что жизнь теперь можетъ существенно измѣниться. Все это, — и м-ръ Бритлингъ сдѣлалъ жестъ рукой, указывая на окружающее, — имѣетъ такой видъ, какъ-будто оно будетъ неизмѣннымъ до безконечности. Кажется невѣроятнымъ, чтобы вся система нашей жизни вдругъ остановилась, претерпѣла крахъ. Такъ, напр., лэди Хомартинъ не въ состояніи представить себѣ, что она не всегда будетъ имѣть возможность приглашать разныхъ людей на «week-end'ы» въ Клаверингсъ, что наступитъ одно прекрасное утро, когда противъ обыкновенія у ея постели не будетъ ни писемъ, ни чая. Или, если ея воображеніе еще можетъ какъ-нибудь представить себѣ, что въ одинъ прекрасный день ея не будетъ, чтобы выпить этотъ чай, то, значить, просто-на-просто будетъ кто-нибудь другой на ея мѣстѣ, который этотъ чай выпьетъ. Ея дворецкій можетъ бояться потерять свое «мѣсто», но ничто на землѣ не заставитъ его вообразить себѣ время, когда не будетъ никакого «мѣста», и терять будетъ нечего. Старый Асквигъ думаетъ, что разъ мы всегда жили и процвѣтали, то и всегда будемъ жить и процвѣтать. И какъ разъ именно потому, что мы убѣждены въ нашей безопасности — мы и рѣшаемся быть столь безразсудно-буйными въ нѣкоторыхъ вопросахъ. Почему женщинамъ не получить права голоса? — разсуждаютъ суффражистки. — Кому отъ этого тепло или холодно? И бахъ, — летитъ бомба въ Вестминстерское аббатство. Почему бы Ульстеру не создать безвыходнаго положенія? И тотчасъ же какой-то полусумасшедшій карсонистъ летитъ въ Германію, чтобы поиграть въ измѣну, основываясь на какомъ-то полусловѣ германскаго императора, и покупаетъ полмилліона винтовокъ. Совсѣмъ, какъ дѣти, рѣшившіе быть очень, очень нехорошими...

— Мы живемъ и процвѣтаемъ, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, помогая своимъ словамъ заключительнымъ же-

стомъ. — И будемъ жить и процвѣтать, пока въ пороховой погребѣ не попадетъ искорка. Мы, англичане, — вѣчныя дѣти въ вѣчной дѣтской...

И тотчасъ же онъ снова продолжалъ.

— По правдѣ сказать, дѣло сводится просто къ тому, что никто еще какъ слѣдуетъ не усвоилъ факта, что земля— круглая. Круглая, какъ апельсинъ. Намъ это говорятъ въ школѣ. А для всякихъ практическихъ цѣлей мы объ этомъ забываемъ. Въ дѣйствительности мы живемъ въ мѣрѣ, который такъ плосокъ, какъ блинъ, въ мѣрѣ, гдѣ нѣтъ конца времени и гдѣ ничто не мѣняется. Кто въ дѣйствительности вѣрится въ существованіе какого-то міра за кругомъ горизонта? Вотъ мы — здѣсь, и для нашихъ глазъ ничто не мѣняется. И такъ мы идемъ дальше къ... тому, что ничто не мѣняется. А если мы только могли бы сознать и усвоить этотъ круглый мѣръ, вонъ тамъ, дальше, за горизонтомъ, то могли бы сознавать и усваивать очень многое. Если бы мѣръ походилъ на одинъ изъ тѣхъ акустическихъ сводовъ, что передаютъ слова, произнесенныя шопотомъ, то какихъ бы только шопотовъ сейчасъ не услышали бы мы... шопотовъ изъ Индіи, вѣстей изъ будущаго... Но все равно мы не обратили бы на нихъ никакого вниманія...

VI.

И, дѣйствительно, какъ разъ въ ту же самую минуту, когда м-ръ Бритлингъ произносилъ эти слова, въ Сараевѣ, въ Босніи, гдѣ время разлилось отъ англійскаго на часъ съ небольшимъ, какіе-то люди совѣщались шопотомъ. И одинъ изъ нихъ нервно сжималъ черную жестянку, врученную ему, и кивалъ головой, пока другіе повторяли ему свои инструкціи... Черная жестянка, наполненная какимъ-то химическимъ составомъ, съ любопытной системой ударниковъ, черная жестянка, предназначенная для того, чтобы разнести вдребезги почти всѣ вѣхи мірозданія м-ра Бритлинга и лэди Фрэншамъ.

VII.

Когда м-ръ Бритлингъ и м-ръ Дирекъ вернулись въ Дауеръ-Хаусъ, гость былъ сданъ на руки миссисъ Бритлингъ, а самъ м-ръ Бритлингъ исчезъ, чтобы появиться снова лишь къ ужину. Къ тому времени совершенно исчезли всѣ слѣды его недовольства легкомысленностью англійской политики и британскихъ правящихъ классовъ, и онъ уже больше не ду-

маль о томъ, что въ данную минуту дѣлается въ Индіи или Германіи.

Пока м-ръ Бритлингъ гдѣ-то прятался, м-ръ Дирекъ продолжалъ свое знакомство съ хозяйствомъ и домашнимъ строемъ семьи Бритлинговъ. Миссисъ Бритлингъ повела его въ садъ и показала ему розы, и тамъ, за шпалерами розоваго питомника, въ маленькой бесѣдочкѣ, они застали миссъ Корнеръ, читающей какую-то книгу. М-ръ Дирекъ остановился передъ ней, и миссисъ Бритлингъ тоже. Молодая особа подняла глаза и улыбнулась.

— Читаете новѣйшіи романъ? — спросилъ любезно м-ръ Дирекъ.

— «Городъ Солнца» Кампанеллы.

— Однако! Но развѣ это не скучно?

— Вы его не читали, — сказала миссъ Корнеръ.

— Все равно, это прескучнѣйшая, пресухая книга.

— Не дѣлайте вида, что вы ее читали; вѣдь, не читали! — сказала она, и м-ръ Дирекъ почувствовалъ, что разговору надо положить конецъ.

— Очень пріятно, должно быть, имѣть около себя въ домѣ такую милую барышню, — сказалъ онъ миссисъ Бритлингъ, когда они пошли дальше къ амбару.

— Да, только она какая-то нелѣпая... — сказала миссисъ Бритлингъ. — И читаетъ какъ... Какъ кто? Говорятъ: «петь, какъ рыба», «ѣсть, какъ волкъ»... а читаетъ, какъ... кто?

На одной изъ площадокъ для тенниса они застали нѣмца-гувернера, играющаго съ двумя мальчиками. Это былъ довольный плотный юноша, въ очкахъ, съ компактными жестами; игралъ и выигрывалъ онъ сосредоточенно, главнымъ образомъ, благодаря чрезвычайному пылу младшаго изъ двухъ мальчиковъ, аккуратно дававшего промахи. Какъ только мальчики увидали миссисъ Бритлингъ, они бросили игру и подбѣжали къ ней, крича:

— Мамочка!.. Что, сегодня ужинъ будетъ костюмированный, да?

Миссисъ Бритлингъ задумалась и было ясно, что отъ м-ра Дирека въ значительной степени зависитъ ея отвѣтъ.

— Видите-ли, къ вечернему столу, вмѣсто того, чтобы одѣваться въ вечернія платья и фраки, мы облачаемся въ разныя занавѣски и пестрыя ткани, — пояснила она. — У насъ цѣлый гардеробъ различныхъ костюмовъ. Вы ничего не имѣете противъ?

М-ръ Дирекъ, наоборотъ, былъ въ восхищеніи.

Вопросъ, такимъ образомъ, рѣшился, и оба мальчика

увели свою мать для разработки какого-то специально имъ задуманнаго декоративнаго проекта. М-ръ Дирекъ же остался съ Herr Heingich'омъ.

Herr Heingich предложилъ м-ру Диреку пройтись по саду посмотрѣть розы и, такъ какъ до сихъ поръ м-ру Диреку Herr Heingich еще не показывалъ розъ, то американецъ согласился. Ему было ясно, что раньше или позже, но всякій долженъ былъ показать ему садъ и розы.

— Ну, а какъ вамъ нравится жить въ англійскомъ домѣ? — спросилъ м-ръ Дирекъ, сразу приступая къ дѣлу. — Для американца весьма интересно видѣть и наблюдать эту англійскую семейную жизнь, особенно въ домѣ такого выдающагося англичанина, а для нѣмца, мнѣ кажется, это должно быть еще интереснѣе.

— Я нахожу это очень непохожимъ на Померанію, — отвѣтилъ Herr Heingich. — Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ здѣсь болѣе пріятно, въ другихъ — менѣе. Въ общемъ, это пріятная жизнь, но не серьезная. Во всякую минуту, — продолжалъ Herr Heingich, — можетъ придти кто-нибудь и сказать: «Давайте дѣлать это» или «Давайте дѣлать то» и тогда все разстраивается... Люди входятъ въ домъ безъ всякой церемоніи. Много доброты, но мало вѣжливости. М-ръ Бритлингъ уѣзжаетъ иногда на три-четыре дня, и, когда онъ возвращается, я подхожу къ нему, чтобы привѣтствовать его и кланяюсь, онъ или проходитъ мимо, не замѣчая меня, или бросаетъ просто: «Здрасте, Herr Heingich».

— Васъ интересуютъ писанія м-ра Бритлинга? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Тутъ я опять въ тупикѣ. Его произведенія извѣстны даже въ Германіи. Его статьи переводятся и перепечатываются въ нѣмецкихъ и австрійскихъ журналахъ. И поэтому, казалось, надо было ожидать отъ него въ жизни какой-то авторитетности. Можно было ожидать, что за столомъ будетъ вестись бесѣда на темы философскія и эстетическія... а между тѣмъ, этого нѣтъ. Когда я задаю ему вопросы, онъ очень часто отвѣчаетъ на нихъ какими-то шутками, не серьезно. Какъ-будто ему иногда не нравятся вопросы, которые я ему задаю. Вчера, наприимѣръ, я спросилъ его, согласенъ онъ или нѣтъ съ Бернардомъ Шоу. А онъ отвѣтилъ, — я это записалъ въ своемъ дневникѣ, — онъ отвѣтилъ: «О! Пикули-смѣсь». Что изъ этого можно понять — «Пикули-смѣсь»?

Съ розоваго лица юноши на м-ра Дирека смотрѣли, сквозь очки, доверчивые голубые глаза, словно умоляя его

пролить хотя бы немного свѣта на атмосферическую неопредѣленность этой самой Англии.

Herr Heinrich сталъ объяснять м-ру Диреку, что онъ—филологъ, готовящійся къ своему докторскому экзамену. Онъ еще не отбывалъ воинской повинности. Изучалъ же онъ диалекты восточной Англии.

— Что же, вы много вращаетесь среди народа? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Нѣтъ. Но я задаю много вопросовъ м-ру Кармину, миссисъ Бритлингъ и мальчикамъ. Иногда же я бесѣдую съ садовникомъ...

Онъ объяснилъ, какъ онъ приготовить свою докторскую диссертацию, какъ она будетъ принята, какъ затѣмъ онъ будетъ отбывать воинскую повинность и какъ пройдетъ всѣ дальнѣйшія ступени, по которымъ онъ постепенно будетъ возвышаться, вплоть до званія профессора. Онъ сознался, что особеннаго увлеченія филологіей не чувствуетъ. Лично его интересовали вопросы теории универсальнаго гражданства, эсперанто, идея универсальныхъ языковъ и тому подобныя попытки уничтожить рогаки между людьми. Но власти въ Германіи не особенно благосклонно относились къ такого рода космополитическимъ теоріямъ и идеямъ, и поэтому онъ принужденъ былъ отъ нихъ отказаться.

— Здѣсь-же какъ-будто нѣтъ никакихъ властей, — сказалъ онъ, съ налетомъ зависти.

М-ръ Дирекъ убѣдилъ его развить подробнѣе эту мысль.

Herr Heinrich взялъ примѣромъ м-ра Бритлинга. Если бы м-ръ Бритлингъ былъ нѣмцемъ, то у него, навѣрное, былъ бы какой-нибудь чинъ, опредѣленное положеніе, отвѣтственность. Здѣсь его даже не величали «господиномъ докторомъ». Онъ говоритъ все, что ему взбредетъ въ голову. Никто не награждалъ его; никто не принималъ противъ него репрессивныхъ мѣръ. Когда Herr Heinrich спрашивалъ м-ра Бритлинга о его положеніи: стоитъ ли онъ выше или ниже Бернарда Шоу, или м-ра Арнольда Уайта, или м-ра Гарвина, или другого какого-нибудь столь же извѣстнаго публициста, м-ръ Бритлингъ отдѣлывался шуточками. Здѣсь какъ-будто ни у кого не было никакого чина, ни у кого не было опредѣленнаго мѣста. Взять, напримѣръ, м-ра Лоренса Кармина; онъ считается знатокомъ по вопросамъ Востока, имѣетъ отношеніе къ какому-то общественному учрежденію въ Лондонѣ, заботящемся о студентахъ-индусахъ; онъ былъ geheimrath'омъ, тайнымъ совѣтникомъ...

— Чѣмъ? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Да, это... какъ вы его здѣсь называете?.. Членомъ

эссекскаго графскаго совѣта. Но никто на это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. И когда недавно къ нимъ пришелъ завтракать м-ръ Фильбертъ, членъ правительства, онъ былъ совершенно похожъ на всѣхъ остальныхъ людей. И только послѣ того, какъ онъ уѣхалъ, Herr Heingisch узналъ случайно, что онъ — министръ и «превосходительство»...

— Въ Германіи все ясно и опредѣленно. Каждый чело-вѣкъ знаетъ свое мѣсто, у каждаго свои документы, свои инструкции, какъ поступать, что дѣлать...

— А тѣмъ не менѣе, — сказала м-ръ Дирекъ, переводя свой взглядъ съ ярко пылающихъ розъ на аккуратненькую бесѣдку, длинную красную стѣну, огороды и золотыя поля вдали, — какъ-будто все здѣсь въ порядкѣ.

— Да, но такое впечатлѣніе, какъ-будто здѣсь все было приведено въ порядокъ много вѣковъ тому назадъ, — сказалъ Herr Heingisch.

— И сейчасъ держится лишь по привычкѣ, — продолжалъ м-ръ Дирекъ, подхватывая и развивая его мысль.

Но ихъ дальнѣйшія сравненія были прерваны появленіемъ секретаря «Тедди» и молодого индуса, только что вернувшихся съ купанья въ пруду. Вслѣдъ за ними со стороны парка появились м-ръ Карминъ и старшій сынъ Бритлинга, погруженные въ серьезную бесѣду. М-ръ Карминъ тотчасъ же подошелъ и заговорилъ съ м-ромъ Дирекомъ, и они пошли по саду, среди розъ, къ краю его, посмотрѣть закатъ солнца. М-ръ Дирекъ воспользовался случаемъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно-ли старшій сынъ Бритлинга — пасынокъ теперешней миссисъ Бритлингъ, и въ то же время ему удалось внезапнымъ проявленіемъ восхищенія передъ дальнимъ рядомъ бѣлыхъ буковъ, направить путь мимо бесѣдки, въ которой вечернее освѣщеніе, навѣрное, уже становилось слишкомъ скуднымъ для книги миссъ Корнеръ.

И миссъ Корнеръ тоже пошла съ ними смотрѣть закатъ. Она сейчасъ же вступила въ бесѣду съ м-ромъ Карминомъ, въ которой не замедлила проявить, по мнѣнію м-ра Дирека, большую оригинальность мыслей. Она сказала, что «Городъ Солнца» похожъ на тѣ города, какіе младшіе Бритлинги строили иногда на полу въ дѣтской. Она сказала, что это — очаровательнѣйшій городъ, и привела нѣсколько интересныхъ данныхъ. Она описала его расписныя стѣны, благодаря которымъ прогулка по городу была своего рода образовательной лекціей... Она спросила м-ра Кармина, какъ специалиста по восточной литературѣ, почему ни въ индусской, ни въ китайской литературѣ не встрѣчается утопіи.

Признаться, м-ру Диреку никогда и въ голову не приходило спросить, почему не существуетъ индусскихъ или китайскихъ утопій, и даже самъ м-ръ Карминъ былъ удивленъ этимъ явленіемъ.

— Видите-ли, первобытная патріархальная деревня есть сама по себѣ утопія для Индіи или Китая, — сказалъ м-ръ Карминъ — или, по крайней мѣрѣ, это ихъ социальный идеаль. И поэтому имъ не надо никакихъ утопій.

— Утопіи приходятъ вмѣстѣ съ городами, — продолжалъ онъ, углубляясь въ вопросъ. — И первые города, въ отличіе отъ дворовъ и автократическихъ столицъ, пришли вмѣстѣ съ жораблями. Индія же и Китай принадлежать къ вѣку болѣе раннему. Корабли, торговля, безпорядокъ... странныя взаимоотношенія, неофициальная вольная литература, критика... и затѣмъ эти послѣднія новыя теории о переустройствѣ общества...

VIII.

Затѣмъ м-ръ Дирекъ попалъ въ руки Гю, старшаго сына, и, предвосхищая неизбѣжное, сказалъ, что ему нравится гулять по саду, среди розъ. И они стали гулять по саду.

— Вы читаете утопіи? — спросилъ м-ръ Дирекъ безъ всякихъ предисловій, по англійской манерѣ, которую онъ уже начиналъ усваивать.

— И даже очень, — отвѣтилъ Гю и сталъ какъ-то сразу конфиденціальнымъ и дружественно благосклоннымъ. — Мы всѣ читаемъ, — сказалъ онъ. — Въ Англии всѣ только и говорятъ объ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ, и ничто никогда не мѣняется и не преобразовывается.

— Я засталъ миссъ Корнеръ за чтеніемъ... этого, какъ его... «Народа Солнца»... словомъ, какой-то старинной классической итальянской книги.

— А!.. Кампанеллы!.. — замѣтилъ Гю, не проявляя ни малѣйшаго интереса къ миссъ Корнеръ. — Ничто не мѣняется въ Англии, потому что люди, желающіе измѣнить порядокъ вещей, сами мѣняютъ свои мнѣнія и свои взгляды прежде, чѣмъ измѣнить что-нибудь другое. Я вотъ провелъ послѣдніе полгода въ Лондонѣ въ разговорахъ и спорахъ. Или, какъ это называютъ, изучалъ искусство. Передъ этимъ я былъ студентомъ и теперъ опять хочу заняться точными науками. Не кажется-ли вамъ, что есть нѣчто въ точныхъ наукахъ... что наука какъ-то устойчивѣе, чѣмъ все остальное въ мірѣ?

М-ръ Дирекъ думалъ, что нравственныя истины и основы челоуѣческой природы были устойчивѣе, чѣмъ наука, и у нихъ завязался одинъ изъ тѣхъ небольшихъ споровъ о дѣйствительной жизни, которые начинаются по поводу ка-

кого-нибудь разногласія, недостаточно ясно усвоеннаго, и не столько кончаются, сколько сходятъ незамѣтно на нѣтъ.

Прежде, чѣмъ м-ру Диреку удалось разспросить юношу, какъ слѣдуетъ, о его работахъ и его планахъ на будущее, тотъ свелъ разговоръ на Америку. Ему страшно хотѣлось побывать въ Америкѣ.

— Папа пишетъ въ одной изъ своихъ книгъ, что здѣсь мы уже живемъ, а вы тамъ еще только начинаете. Должно быть, страшно бодряще дѣйствуетъ мысль, что страна ваша еще только дѣлается, еще строится...

М-ръ Дирекъ нашелъ эту точку зрѣнія чрезвычайно интересной.

— Пока что-нибудь здѣсь не сломается и не свалится, намъ и въ голову не приходитъ ничего мѣнять, — продолжалъ юноша. — Да и то тогда мы ограничиваемся тѣмъ, что просто ставимъ какія-то подпорки.

Его замѣчанія производили такое впечатлѣніе, какъ-будто они падали съ какихъ-то упорно работавшихъ жернововъ мысли въ его головѣ. До сихъ поръ м-ръ Дирекъ былъ склоненъ считать этого молчаливаго, наблюдательнаго юношу, съ руками въ карманахъ и чуть-чуть сутулыми плечами довольно нерѣшительнымъ и по юношески бездѣятельнымъ. Но голова его явно все время работала...

— Миссъ Корнеръ, — началъ было м-ръ Дирекъ, взявъ первое, что ему пришло въ голову, но вспомнивъ, что минутъ пять тому назадъ онъ уже сдѣлалъ замѣчаніе, которое онъ собирался опять произнести, — замолчалъ.

— Какую-же форму искусства, — спросилъ онъ взаимно, — изучали вы въ послѣднее время въ Лондонѣ?

Но прежде, чѣмъ ему удалось получить на этотъ вопросъ болѣе или менѣе исчерпывающій отвѣтъ, въ саду появились оба мальчика и стали дѣятельно стогнать всѣхъ въ домъ «одѣваться» къ обѣду. Появился секретарь Бритлинга «Тедди», принявшій на себя отеческую заботу присмотрѣть за м-ромъ Дирекомъ и его «костюмомъ».

IX.

М-ръ Дирекъ рѣшилъ отнести возможно внимательно къ своему «костюмированію», такъ какъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія показаться нелѣпымъ или смѣшнымъ въ глазахъ миссъ Сисели Корнеръ. Вскорѣ появился «Тедди», нагруженный цѣлой кипой разныхъ одѣяній и тканей, которыя «могли бы пригодиться».

— Въ какомъ же видѣ я долженъ предстать? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Мы не надѣваемъ опредѣленныхъ костюмовъ, — сказалъ Тедди, — а просто облачаемся въ самыя пестрыя тряпки, какія попадаются подъ руку. Если это вообще можно называть «костюмомъ», такъ развѣ только футуристическимъ.

— Да, собственно, почему бы и не такъ? — воскликнулъ м-ръ Дирекъ, которому очень понравилась эта идея. — Почему мы должны вѣчно быть скованы обычаями и условностями прошлаго?

Послѣ нѣкотораго раздумья онъ остановился на черномъ шелковомъ трико. У него были довольно приличные ноги, которыхъ нечего было стыдиться; надѣвъ же трико, онъ сталъ пробовать различныя пестрыя тряпки изъ аттоире'а Дауеръ-Хауса. Выборъ его, наконецъ, остановился на кускѣ золотисто-пурпуровой парчи, на большомъ квадратѣ какой-то зеленой шелковой матеріи для занавѣсокъ, украшенной изображеніями золотыхъ фазановъ и на другихъ крупныхъ и болѣе или менѣе величавыхъ украшенияхъ. Все это онъ надѣлъ въ видѣ тоги поверхъ своей легкой шелковой фуфайки. Вскорѣ Тедди оставилъ его, чтобы пойти переодеваться самому, и это дало гостю возможность при помощи стѣннаго и ручного зеркала изучить свой собственный профиль и взвѣсить, какой эффектъ онъ произведетъ на миссъ Корнеръ. Общій результатъ ему показался вполне удовлетворительнымъ.

— Да-съ, — сказалъ онъ, смѣясь про себя, / кто бы могъ подумать!

И съ самодовольной улыбкой спустился внизъ.

Общество уже собиралось въ холлѣ и при свѣтѣ ацетиленовыхъ бра яркими пятнами выдѣлялось на темномъ фонѣ дубовой обшивки комнаты. М-ръ Бритлингъ въ черномъ бархатномъ дублонѣ и черномъ бархатномъ трико былъ немного въ тѣни, зато ярче всѣхъ выдѣлялись миссъ Корнеръ и ея сестра въ сверкающихъ одеждахъ зелено-павлиноваго цвѣта съ серебромъ, что придавало какую-то змѣиную гибкость ихъ стройнымъ фигурамъ. Онѣ бесѣдовали съ нѣмцемъ-гувернеромъ, преобразившемся въ какого-то ситцеваго, желто-зеленаго казака въ очкахъ. Миссисъ Бритлингъ была очень величественна и красива въ пурпуровомъ *ajbbañ*, а ея пасынокъ преобразился въ красивую спокойную фигуру, одѣтую въ черное и красное. Тедди смастерилъ себѣ какое-то сложное одѣяніе въ египетскомъ стилѣ, мальчики нарядились разбойниками съ широченными поясами, куда они понатыкали множество игрушечныхъ пистолетовъ

и ножей для разрѣзыванія бумаги. М-ръ Карминъ и его студентъ приѣхали, запасшись настоящими индусскими костюмами, причемъ м-ръ Карминъ, по общему мнѣнiю, былъ похожъ на муллу. Теткообразная дама съ благороднымъ носомъ выдѣлялась среди этой легкомысленности своимъ чернымъ платьемъ и золотой цѣпочкой. Она, оказывается, отказалась сдѣлать себя смѣшной, хотя другихъ поощряла одобрительными кивками и загадочными улыбками. Все же она рѣшилась прицѣпить розовый бантъ къ волосамъ. Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ садиться къ столу, подкатилъ автомобиль съ семействомъ, состоящимъ изъ отца, матери и двухъ молодыхъ дочерей, тоже соотвѣтственно наряженныхъ.

Все это было какъ разъ то, чего меньше всего ожидалъ увидать въ Англии м-ръ Дирекъ, и такъ же неожиданъ былъ ужинъ за длиннымъ, освѣщеннымъ свѣчами, столомъ, безъ скатерти. Прислуги не было, на буфетѣ стояла холодная лососина, холодный ростбифъ, «kalter Aufschnitt», картофельный салатъ и множество бутылокъ съ виномъ, пивомъ и виски. Каждый самъ угощалъ себя, а по мѣрѣ возможности, и другихъ. М-ръ Дирекъ старался усиленно ухаживать за миссисъ Бритлингъ и миссъ Корнеръ.

Всѣ казались необычайно веселыми и оживленными. М-ръ Дирекъ нашель что-то чрезвычайно возбуждающее и странно волнующее во всѣхъ этихъ необычайныхъ пестрыхъ и яркихъ костюмахъ, въ этихъ простыхъ взаимныхъ услугахъ другъ другу; всѣ казались какъ-будто искреннѣе и проще. М-ръ Бритлингъ показался ему красивѣе; а старшій сынъ его — безспорнымъ красавцемъ... «Садитесь, гдѣ хотите»,—сказаль м-ру Диреку м-ръ Бритлингъ, и тотъ сѣлъ рядомъ съ миссъ Корнеръ. Въ ея глазахъ появилось что-то очень неопредѣленное, но, несомнѣнно для него приятное, и это что-то говорило ему, что сейчасъ, когда онъ освободился отъ строгихъ прямыхъ линий его патриотическаго нью-йоркскаго портного, она какъ-будто открыла въ немъ какія-то новыя качества.

Всѣ весело болтали, хотя потомъ м-ру Диреку было трудно вспомнить, о чемъ именно они болтали; онъ только вспомнилъ, что какимъ-то образомъ узналъ, что миссъ Корнеръ зовуть Сисели, а ея сестру — Летти; а тутъ какъ разъ — отдавая долгъ древнему эссекскому обычаю — мужская часть компании была оставлена одна на нѣсколько минутъ для воображаемаго питья портвейна и закуриванія сигаръ и папиросъ, послѣ чего всѣ направились по залитому лунными

лучами саду въ амбаръ. М-ръ Бритлингъ усѣлся за піанолу въ углу и заигралъ знакомыя каденціи извѣстнаго американскаго танца.

— Вы танцуете? — спросила миссъ Сисели Корнеръ.

— Очень немного, — отвѣтилъ м-ръ Дирекъ. — Что это за танецъ?

— Все, что хотите. Это — «ту-степ».

М-ръ Дирекъ остановился въ нерѣшительности, пожалѣвъ объ утраченной молодости, а тутъ подскочилъ съ распростертыми руками Гю и увелъ миссъ Корнеръ.

На одну только секунду у м-ра Дирека появилась мысль, что этотъ молодой человѣкъ слегка излишень...

Въ общемъ, танецъ былъ довольно забавенъ.

Это не былъ какой-либо принятый, выученный танецъ. Это была просто какая-то импровизированная пляска подъ скачущій американскій мотивъ, который извлекалъ изъ піанолы м-ръ Бритлингъ. Надо было только двигаться въ тактъ музыкѣ; что касается остального, то каждый выдѣлывалъ, что Богъ на душу положить.

М-ръ Дирекъ не сводилъ глазъ съ Сисели и ея партнера. Они прекрасно станцовались; и, казалось, весьма нравились другъ другу и понимали другъ друга. Впрочемъ, это было вполне естественно. Двое молодыхъ людей, постоянно видящихся и встрѣчающихся другъ съ другомъ, естественно должны были влюбиться. Но съ другой стороны, она была старше его года на два.

Да какой юноша могъ бы въ нее не влюбиться?

Да какъ кто-нибудь вообще могъ бы не влюбиться въ нее?

Музыка вдругъ оборвалась, и всѣ вертящіяся фигуры остановились.

— Какъ видите, это вовсе не такъ трудно, — сказала миссъ Корнеръ, возвращаясь къ м-ру Диреку.

— Нетрудно, когда танцуете вы! — отвѣтилъ м-ръ Дирекъ.

— Я не могу представить себѣ, чтобы американецъ не могъ протанцовать «ту-степ». Вы должны слѣдующій протанцовать со мной. А, вотъ начинается... Видите, я же говорила, что вы можете.

Теперь и м-ръ Дирекъ и самъ убѣдился, что онъ можетъ, и они пустились въ плясъ, держась руками, какъ конькобѣжцы.

— Господи! — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Только подумать, что я на старости лѣтъ затанцовалъ!

Но онъ больше ничего не сказалъ, такъ какъ долженъ былъ экономить дыханіе.

Онъ вошелъ во вкусъ танца и рѣшился еще на одну попытку съ одной изъ пріѣхавшихъ передъ ужиномъ дѣвиць, танцовавшей болѣе правильно. Потомъ за піанолу усѣлся Тедди, и м-ръ Дирекъ былъ пораженъ неожиданнымъ зрѣлищемъ того, какъ видный британскій мыслитель въ черномъ бархатномъ дублонѣ, работая дѣятельно ногами въ шелковомъ трико, откалывалъ что-то вродѣ танца апашей вмѣстѣ съ дамой съ золотыми волосами.

— Въ Германіи, — замѣтилъ Herr Heinrich, — мы такъ не танцуемъ. Это считалось бы неприличнымъ. Но тѣмъ не менѣе, это очень пріятно.

Затѣмъ піанола заиграла вальсъ, и Herr Heinrich, предварительно отвѣсивъ полагающийся поклонъ, сдѣлалъ три тура съ дамой съ золотыми волосами, аккуратно и точно доставивъ ее обратно какъ разъ на то самое мѣсто, откуда взялъ. Молодой индусъ (которого, оказывается, нельзя было назвать «цвѣтнымъ») прекрасно вальсировалъ съ Сисси. М-ръ Дирекъ попробовалъ отнестись къ этой коричнево-бѣлой комбинаціи съ европейской терпимостью, но не надолго, и, вскорѣ освободивъ миссъ отъ азіатскихъ тенетъ, сталъ съ ней самъ танцовать и еще разъ танцовать.

— Пойдемте смотрѣть на луну, — предложила миссъ Бритлингъ.

М-ръ Дирекъ очутился вдвоемъ съ Сисси среди розъ въ саду. Ея красивое лицо было освѣщено луной, а серебристо-сверкающее платье дѣлало ее чѣмъ-то цѣликомъ сотканнымъ изъ лунныхъ лучей. И если бы м-ръ Дирекъ еще до этого не влюбился въ нее, то непременно сдѣлалъ бы это теперь.

Въ душѣ его проснулась страсть къ краснорѣчію, столь огромная, что ни одна фраза, о которой онъ могъ подумать, не въ состояніи была удовлетворить его. И поэтому онъ молчалъ. Молчала и Сисси. Ароматъ розъ насыщалъ ясную сладость воздуха, которымъ они дышали.

Душа м-ра Дирека преисполнилась величавой торжественности и уподобилась темному океану подъ огромнымъ куполомъ неба. Что-то дрожало въ каждомъ фибрѣ его существа, подобно озаренной лунной ряби на морѣ. И въ то же время онъ испытывалъ чувство какой-то злобщей тишины и огромной рѣшительности.

Вдругъ піанола заиграла громкій кэкъ-уокъ.

— Пойдемъ назадъ танцовать! — воскликнула Сисси, какъ-будто проснувшаяся отъ какихъ-то чаръ.

И м-ръ Дирекъ, схватившись за обрывокъ всего того, что онъ хотѣлъ сказать, но не сказалъ, проговорилъ:

— Я никогда не забуду этого вечера!..

Но она какъ будто не слыхала его.

Они снова танцовали вмѣстѣ. Потомъ онъ танцовалъ съ дамой съ золотистыми волосами, съ миссисъ Бритлингъ и съ Летти.

И такъ прошелъ весь вечеръ, пока часы не пробили безъ четверти двѣнадцать. Миссисъ Бритлингъ направилась къ піанолѣ, чтобы прекратить музыку.

— О, пожалуйста, еще одинъ разочекъ, — воскликнула Сисси.

— О, пожалуйста, еще одинъ разочекъ. — воскликнула Летти.

— О, пожалуйста, еще одинъ разочекъ, — поддержалъ ихъ м-ръ Дирекъ.

Быль «еще разочекъ», и тогда наступилъ конецъ.

Быстро стали тушить огни; Тедди и мальчики убрали вещи; изъ закухонныхъ областей появились два шоффера и подали къ крыльцу машины м-ра Лоренса Кармина и неизвѣстнаго семейства. Всѣ направились къ дому. И м-ръ Дирекъ замѣтилъ, что у крыльца стоятъ въ ожиданіи дѣтская коляска — эта таинственная дѣтская коляска... — чуть-чуть въ тѣни у дверей.

Незнакомое семейство и м-ръ Карминъ съ индусомъ укатили.

— Приходите завтра играть въ хоккей! — кричалъ м-ръ Бритлингъ каждому отъѣзжающему автомобилю.

И м-ръ Карминъ, исчезая вдаль, крикнулъ въ отвѣтъ:

— Хорошо. Я привезу завтра еще троихъ.

Тутъ м-ръ Дирекъ, въ силу уже выработавшейся у него за этотъ вечеръ привычки, сталъ искать глазами миссъ Сисели Корнеръ и не нашелъ ея. Вдругъ она появилась, сходя по лѣстницѣ съ таинственнымъ ребенкомъ въ рукахъ. Она подняла предупреждающій палецъ и затѣмъ взглянула на свою спящую ношу. Она похожа была въ эту минуту на серебрястую мадонну. И м-ръ Дирекъ вспомнилъ, что онъ до сихъ поръ находится въ сомнѣніи относительно ребенка.

Тедди, успѣвши за это время переодѣться, схватился за коляску. Сисси стала съ необычайной, чисто материнской заботливостью, укладывая въ нее младенца. Летти не было; она переодѣвалась; но скоро появилась, простилась со всѣми, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ребенка, и затѣмъ всѣ трое—Тедди, катя передъ собой коляску, и двѣ сестры,—двинулись въ путь и скоро скрылись въ лунной

мглѣ. Любопытство м-ра Дирека сузилось до одной маленькой точки крайней интенсивности.

Разумѣется, знакомые м-ра Бритлинга принадлежать къ очень «передовому» кругу, но...

М-ръ Дирекъ протиснулся со всѣми и прошелъ съ м-ромъ Бритлингомъ въ маленькую гостиную, гдѣ на подносѣ стоялъ графинъ виски, нѣсколько сифоновъ и стакановъ...

— Странная вещь, — сказала м-ръ Дирекъ, — но въ Англии меня какъ-то больше влечетъ къ спиртному, чѣмъ къ холодной водѣ со льдомъ, какъ дома. Я это объясняю болѣе сырымъ климатомъ. Здѣсь не чувствуешь той сухости, какъ въ Америкѣ, меньше испытываешь жажду, зато появляется потребность въ чемъ-то подкрѣпляющемъ, поднимающемъ нервы. Благодарю васъ! Достаточно!

М-ръ Дирекъ принялъ изъ рукъ м-ра Бритлинга стаканъ съ виски и содовой.

М-ръ Бритлингъ усѣлся въ кресло у камина и небрежно скрестилъ ноги. Въ своемъ черномъ бархатномъ дублонѣ и беретѣ, въ черномъ шелковомъ трико, онъ былъ похожъ на третьестепенное дѣйствующее лицо—вродѣ «придворнаго» — изъ какой-нибудь романтической «костюмной» пьесы.

— Я нахожу, что эти наши танцы и возня по субботамъ замѣчательно полезны для здоровья, — сказалъ онъ; — это, и еще вотъ хоккей по воскресеньямъ. Послѣ нихъ начинаешь недѣлю съ болѣе ясной и свѣжей мыслью. Для меня самый тяжелый и самый скверный рабочий день — пятница.

М-ръ Дирекъ, все еще закутанный въ свои золотые фазаны, облокотился о столъ и какъ будто соглашался.

— Ваша молодежь танцуетъ съ большимъ увлеченіемъ, — сказалъ онъ.

— Мы всѣ танцуемъ съ увлеченіемъ, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ.

— Кстати, эта миссъ Корнеръ, — наконецъ, рѣшился м-ръ Дирекъ, — очевидно, она сестра, не такъ-ли, той пріятной молодой дамы, которая замужемъ... вѣдь, она замужемъ... за молодымъ человѣкомъ котораго вы всѣ зовете Тедди?..

— Ахъ, я вамъ про нихъ ничего не сказалъ. Они принадлежать къ тому типу молодыхъ людей, которыхъ въ Англии за послѣднее время стало развиваться неимоверное количество. Это типъ болѣе или менѣе соответствующій русской «интеллигенціи» — безответственный средний классъ съ идеями. Тедди, какъ вы, навѣрное, знаете, мой секретарь. Онъ сынъ, кажется, какого-то пригороднаго нотариуса. Мнѣ его рекомендовалъ Датчеръ изъ «Таймса». Онъ

пріѣхалъ сюда и на первое время снялъ двѣ комнаты у кого-то въ деревнѣ. Потомъ вдругъ откуда-то появилась молодая дама...

— Сестра миссъ Корнеръ?

— Да. Деревня, разумѣется, была шокирована. Владѣлица коттеджа, у которой онъ снялъ комнаты, пришла ко мнѣ и спрашивала, какъ ей быть. Тедди довольно шепетилень во всѣхъ вопросахъ, касающихся личной независимости, и считаетъ оскорбленіемъ всякое требованіе объясненій. По всей вѣроятности, онъ просто-на-просто сказалъ старушкѣ: «Это — Летти, она будетъ жить въ моихъ комнатахъ». Я очень осторожно заговорилъ съ нимъ на эту тему... «О, да, — сказалъ онъ съ тономъ чловѣка, забывшаго упомянуть о какомъ-то пустякѣ, — я женился на ней на Рождествѣ. Можно мнѣ какъ-нибудь привести ее и познакомить съ миссисъ Бритлингъ?» Мы уговорили ихъ переселиться въ небольшой коттеджъ, стоящій на моей землѣ. Жена его — дочь журналиста и типографа изъ Кольчестера. Вы съ ней разговаривали?

— Я больше разговаривалъ съ ея сестрой.

— Это все равно, онѣ обѣ — женщины съ идеями. Онѣ очень начитаны и образованы въ томъ отношеніи, что умѣютъ думать сами за себя. И думаютъ прямо до остервенѣнія... И Тедди тоже... Если ему покажется, что то, что онъ надумалъ не его, а чужое, онъ уходитъ и все передумываетъ самъ, по своему. Сестра его жены — учительница, которая гостовится сдать экзаменъ на бакалавра искусствъ при Лондонскомъ университетѣ. А пока она отдаетъ дань своему полу...

— То есть?.. — спросилъ м-ръ Дирекъ, немного испуганно.

— О! Она слишкомъ много отдаетъ времени заботамъ о хозяйствѣ и присмотру за ребенкомъ сестры.

— Она очень интересная и очаровательная молодая особа, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — У нея какое-то западное, университетское свободомысліе... и въ ней есть что-то совсѣмъ не-американское.

М-ръ Бритлингъ продолжалъ нить своихъ мыслей, не обращая вниманія на слова м-ра Дирека.

— Въ средѣ моихъ домашнихъ, — сказалъ онъ, — вы найдете нѣсколько забавныхъ контрастовъ. Вы разговаривали съ моимъ нѣмчикомъ?... Онъ вѣчно задаетъ вопросы. И можно ему, что угодно, отвѣтить, всякую лепуху, онъ идетъ къ себѣ въ комнату наверхъ и записываетъ все сказанное въ тетрадопку, и затѣмъ

задаетъ вамъ другой вопросъ въ этомъ же родѣ, пока окончательно не запутается отъ разнообразія и несоотвѣтствія вашихъ отвѣтовъ. Къ міру же и человѣчеству онъ относится съ какимъ-то методическимъ недоверіемъ. Онъ все желаетъ документировать и пришить къ опредѣленному мѣсту, вставить въ опредѣленную графу. Онъ подозрѣваетъ міръ, и справедливо, въ какихъ-то беспорядочныхъ хаотичныхъ импульсахъ и въ какой-то способности къ само-противорѣчію. Онъ представляетъ изъ себя рѣзкую противоположность Тедди, чье доверіе къ вселенной доходитъ почти до наглости. Тедди доводитъ нашу національную безопасность до какихъ-то сумасшедшихъ предѣловъ. Онъ способенъ оставить свои часы посреди Клаверингскаго парка и ждать, что найдетъ ихъ на томъ же мѣстѣ, когда онъ о нихъ вспомнитъ мѣсяцъ спустя... очевидно, думаетъ, что какая-нибудь бѣлка будетъ ихъ сторожить. А мой нѣмецъ, если вы замѣтили, — какое-то сплошное олицетвореніе серьезной озабоченности. Онъ похожъ на добросовѣстнаго контролера билетовъ среди своихъ впечатлѣній. Вы замѣтили, какъ идеально перенумерованы и занесены въ каталогъ всѣ мои ноты для піанолы? Это онъ сдѣлалъ. Какъ только онъ къ намъ пріѣхалъ, онъ первымъ дѣломъ взялся за это, точь въ точь, какъ хорошая кошка, когда попадаетъ въ домъ, тотчасъ же берется за истребленіе всѣхъ мышей. Раньше наши ноты для піанолы находились въ хаотическомъ состояніи. Мы играли, что попадалось подъ руку...

— И у него внѣшность чисто-нѣмецкая, — добавилъ м-ръ Бритлингъ.

— Да, это внѣ всякаго сомнѣнія, — согласился м-ръ Дирекъ.

— У него типичный нѣмецкій цвѣтъ лица, склонность къ полнотѣ, нѣмецкій темпераментъ, но зато все остальное: эта коротко стриженная, какъ-будто выбритая, голова, эта откормленность, очки — все это наносное, выработанное. И манера держаться. И манера думать. И его застѣнчивость. Когда онъ пріѣхалъ, онъ былъ прямо очарователенъ, какъ-будто вышелъ изъ какой-то книги: въ корпорантской шапочкѣ, съ Rucksack'омъ на спинѣ и со скрипкой въ рукахъ... Никто бы не осмѣлился сочинить столь нѣмецкаго нѣмца для книги. Другіе народы не сочиняются, не дѣлаются, не творятся; они просто вырабатываются... изъ тысячи неопредѣленныхъ причинъ. А нѣмецъ — торжество сознательно направленной воли. Я какъ-то замѣтилъ третьяго дня, что, когда мои мальчишки говорятъ по-нѣмецки, они кричатъ. «Но когда говоришь по-нѣмецки, — необходимо кричать», —

вотъ и все... Видите ли, пока не появятся дѣти, не узнаешь, что такое дѣйствительно любовь. Женщинъ, въ сущности, не любишь... Даешь и получаешь; это торговая сдѣлка, больше ничего... Иногда бываютъ огромныя волненія... Все это по своему прекрасно. Но любовь къ дѣтямъ... Она щемитъ сердце. Это высочайшій Божій даръ. И я по ночамъ лежу, не сплю и протягиваю во мглѣ руки къ мальчику... который никогда этого не узнаетъ... пока у него самого, въ свое время, не родятся сыновья...

Онъ снова, по своей привычкѣ, внезапно перескочилъ на другую тему.

— И вотъ, гдѣ наше англійское воспитаніе, наши англійскіе обычаи, создаютъ почву для всякихъ душевныхъ драмъ. Пруссакъ уважаетъ и боится своего отца; онъ уважаетъ власть, прислушивается къ ней и повинуется ей — надъ нимъ отецъ имѣетъ неограниченную власть. Но я себѣ до самаго начала сказалъ: «нѣтъ, что бы ни случилось, но я ни за что не захвачу насильно мѣсто, принадлежащее по праву Богу. Я не буду папой-патріархомъ моихъ дѣтей. Пусть они растутъ, и я буду расти рядомъ съ ними, помогая, но не угнетая, не приглушая ихъ». И они растутъ и развиваются. И еще больше ошибаются. Жизнь перестаетъ быть дисциплиной и становится опытомъ.

— Это совершенно правильно, — сказалъ м-ръ Дирекъ, почувствовавшій, что наступило время и ему сказать что-нибудь. — Эта проблема волнуетъ Америку, быть можетъ, въ еще болѣе значительной степени, чѣмъ Англию. Хотя у меня еще не было родительскаго опыта, выпавшаго на вашу долю... но я очень ясно сознаю, что сынъ — задача очень легкая, очень серьезная.

— Старая система жизни сводилась къ организаціи. Вотъ въ чемъ Германія ушла дальше всѣхъ изъ европейскихъ странъ. Это возвращеніе къ культу племени. Это — атавизмъ... Организовать, дисциплинировать, лѣпить, словно изъ глины или воска, характеры, навязывать власть—значитъ приходитъ къ выводу, что достигнута какая-то конечность, финальность въ нашей философіи. А всякая организація, или организованность, съ ея утвержденіемъ финальности—смерть. Мы это чувствуемъ и сознаемъ. А нѣмцы — нѣтъ. Вѣдь то, что организовываешь, этимъ самымъ и убиваешь. Организованная мораль или организованная религія, или организованная мысль — мертвая мораль, мертвая религія, мертвая мысль. А, между тѣмъ, въ жизни нѣкоторая доля организаціи необходима. Организація эта вродѣ убоя скота. Если часть скота не идетъ на убой, то стадо не имѣетъ смысла. Но нельзя

убивать весь скотъ, такъ какъ этимъ будетъ уничтожено все стадо. Реальность жизни это — импровизація, «приключе-
не», а не **заранѣе** приготовленное представление. Что не — «приключе-
не», то и не — жизнь. То, чѣмъ можно управлять, можетъ быть обращено въ машину, произведено машиной. И вотъ священники и школьные учителя и бюрократы захватываютъ жизнь и стараются превратить ее цѣлкомъ въ правила, законы, этикетъ, обычаи и корректность... и родители и родительская любовь стремятся къ тому же. Хорошо еще дѣлать опыты надъ самимъ собой. Но когда видишь своихъ милыхъ дѣтей, столь юныхъ и неопытныхъ, столь готовыхъ на всякаго рода благородныя глупости, вступающихъ на узкій мостъ, перекинутый черезъ потокъ жизни, спускающихся въ темныя дебри джунглей, ахъ! такъ хочется ихъ окутать всякими правилами и предостереженіями, огородить изгородью съ досками и объявленіями *Verboten* во всѣхъ его многочисленныхъ видахъ и варіаціяхъ...

— Въ Америкѣ, конечно, — вставилъ м-ръ Дирекъ, — мы полагаемся до извѣстной степени на нѣкоторую самостоятельность юношества...

— Какъ и мы здѣсь. Это въ вашей крови и нашей тоже. Это инстинктивное надовѣріе ко всякому правительству и стремленіе подвергаться риску случайности — свойственны англичанамъ и ирландцамъ вообще... и, очевидно, въ русскихъ—если судить по произведеніямъ ихъ писателей — тоже живетъ этотъ же инстинктъ... И вотъ, когда въ нашу среду попадаетъ такой пруссакъ, онъ для насъ — предметъ удивленія. Онъ, дѣйствительно, не притворяясь, вѣритъ въ Законъ. Онъ любитъ подчиняться и повиноваться. А намъ это кажется чѣмъ-то забавнымъ. Ковырните русскаго—и вы получите татарина. Но дайте русскому, американцу или англичанину, французу, ирландцу или любому сѣверному европейцу, кромѣ нѣмца, образованіе—и вы получите анархиста, т. е. человѣка, мечтающаго о порядкѣ безъ организаціи... о чемъ-то стоящемъ по ту сторону организаціи..

— О! Уже часъ ночи! — вдругъ оборвалъ себя м-ръ Бритлингъ, замѣтивъ на лицѣ своего слушателя тѣнь усталости...—Идемте спать...

II.

М-ру Диреку долго не спалось. Его умъ былъ слишкомъ взбудораженъ безконечными впечатлѣніями дня, со всѣми его необычайностями и новшествами, дававшими столько поводовъ для сравненій. И вся эта сложная картина,

съ вполнѣ понятной естественностью, но безъ всякой логики, по законамъ, столь знакомымъ всякому, кто былъ молодъ, стала группироваться вокругъ Сисели Корнеръ.

Она должна была войти въ картину, и поэтому она вошла въ нее центральной фигурой, словно квинтэссенція всей Англии. Вотъ она — по типу, по крови, по внѣшнему облику, схожая съ безконечнымъ количествомъ семей въ Массачусетсѣ, кровь отъ крови и плоть отъ плоти ихъ, и гъ то же время другая.

На время воображеніе м-ра Дирека безсознательно остановилось на подробностяхъ ея ушей и щекъ.

Потомъ онъ поймалъ себя на томъ, что мысленно началъ пояснять и развивать м-ру Бритлингу нѣкоторые свои взгляды на затронутые въ бесѣдѣ вопросы. Въ уединеніи своей постели онъ могъ воображать себя говорящимъ очень медленно и тщательно, въ то время, какъ м-ръ Бритлингъ слушалъ.

Затѣмъ его мысли начали путаться, глаза все больше и больше слипались.

... Глаза Сисси. Сисси... почему нельзя ее называть мысленно Сисси?..

... У нея глаза англійскіе... мягкіе, снисходительные.

... Да это самое подходящее слово... снисходительные...

... Въ Англии все... свѣтъ... воздухъ... снисходительные.

... Снисходительные.

... Надъ вами не смѣются... или, если смѣются, то по иному.

...Дѣйствительно ли Англія страна терпимости? Съ ея добрыми глазами и осторожнымъ взглядомъ въ бокъ? Терпимость... Въ которой все смягчается, зрѣть и ничто не уничтожается... Мягкая страна... Страна со страстью къ несовершенству... Страна, какъ будто подбитая ватой...

... Англія... вся подбитая мягкимъ шумомъ... подъ ухомъ... Подушка... мягкая...

... Массачусетсѣ... какъ въ раю...

...Арфы, наигрывающія «ту-степы»... и добрые ангелы, облаченные въ лунные лучи.

«Тихо, плавно, я и ты,
«Разъ-разъ, два-два, три-три, три
«Мы пошли...»

Глава III.

Увеселенія м-ра Бритлинга достигаютъ апогея.

Утренній кофе пили на открытомъ воздухѣ, а затѣмъ былъ такой же веселый, какъ и вчерашній завтракъ. Потомъ мальчишки забрали м-ра Дирека и показали ему прудъ и лодки, въ то время, какъ м-ръ Бритлингъ разгуливалъ взадъ и впередъ по газону съ Гю, о чемъ-то серьезно бесѣдуя. Когда м-ръ Дирекъ вернулся съ пруда, онъ засталъ м-ра Бритлинга бесѣдующимъ черезъ проволочную изгородь съ какимъ-то человѣкомъ, который показался м-ру Диреку совершенно новымъ для него типомъ британца. Это былъ высокій, сухопарый, загорѣлый, еще моложавый на видъ мужчина лѣтъ сорока, въ коричневомъ спортивномъ костюмѣ. Онъ былъ похожъ на англичанина изъ американскихъ иллюстрацій больше, чѣмъ кто-либо изъ всѣхъ попадавшихся м-ру Диреку въ Англии. Оказался онъ, какъ узналъ м-ръ Дирекъ, полковникомъ Рендеву. Говорилъ онъ ясными, короткими, отрывистыми фразами. Какъ разъ въ ту минуту, когда подошелъ м-ръ Дирекъ, онъ отказывался отъ приглашенія войти въ садъ и поболтать.

— Мнѣ надо сдѣлать мои четырнадцать миль до ленча, — сказалъ онъ, — вы не видали здѣсь поблизости Маннинга?

— Его здѣсь нѣтъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, и м-ру Диреку показалось, что за этимъ отвѣтомъ скрывалась какая-то двусмысленность.

— Что-жъ, придется идти одному, — отвѣтилъ полковникъ, — а мнѣ говорили, что онъ вышелъ изъ дому, чтобы пойти сюда.

— Я приѣду на своей машинѣ, чтобы присутствовать на вашемъ празднествѣ бойскаутовъ въ Брамлей-Хай-Окѣ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Ихъ будетъ цѣлыхъ три тысячи, — буркнулъ полковникъ, — славная будетъ картина.

Его стальные глаза какъ будто обыскивали садъ Бритлинга, не скрылся ли гдѣ-нибудь въ немъ пропавшій Маннингъ.

— Ну, мнѣ надо идти, — сказалъ онъ. — Прощайте. Приѣзжайте.

Къ нему подбѣжала и встала въ выжидающую позу хорошо дисциплинированная собака. Прикоснувшись къ шапкѣ полувоеннымъ жестомъ, онъ тронулся въ путь длинными, эластичными шагами, ни разу не оглянувшись.

— Маннингъ, — сказалъ Бритлингъ, — по всей вѣроятности, прячется гдѣ-нибудь среди моихъ розъ.

— Я по вашему тону сразу догадался объ этомъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Да! Маннингъ — лондонскій журналистъ. У него въ милѣ отсюда, вонъ тамъ, небольшой коттеджъ, и онъ прѣзжаетъ сюда на week-end'ы. И вотъ полковникъ рѣшилъ, что ему необходимъ моционъ, что онъ не въ «тренировкѣ», какъ говорится, — а каждый долженъ быть «въ тренировкѣ», — въ этомъ альфа и омега жизни для Рендеву. Быть «въ тренировкѣ», — значитъ, обладать ненасытной дѣятельностью тѣла и огромной умственной простотой. Онъ забираетъ бѣднаго Маннинга и заставляетъ его пройти четырнадцать милъ—по четыре мили въ часъ. Маннингъ вначалѣ таетъ, задыхается, кое-какъ тащится первыя восемь-десять милъ, а потомъ привыкаетъ и оправдываетъ до нѣкоторой степени теорію Рендеву. Послѣ завтрака его всегда можно застать въ гамакѣ, съ натертыми и распухшими ногами, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ необычайно здоровымъ. Но все же, если Маннингу удастся избѣжать этой пытки, онъ ея избѣгаетъ. Обычно онъ куда-нибудь прячется.

— Но если ему не хочется идти съ полковникомъ Рендеву, такъ зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ? — спросилъ м-ръ Дирекъ.

— Видите ли, Рендеву привыкъ командовать людьми. А Миннингъ, какъ редакторъ газеты, привыкъ отказывать только на печатныхъ бланкахъ, которыхъ здѣсь нѣтъ. Да, вотъ и онъ!

На дальнемъ краю поляны, между двумя синими кедрами, появилась лѣнивая фигура, въ сѣромъ фланелевомъ костюмѣ, съ широкимъ завязаннымъ галстухомъ. Она приближалась, боязливо оглядываясь по сторонамъ.

— Онъ ушелъ! — крикнулъ Бритлингъ.

Лѣнивая фигура, явно добродушная, немного уставшая, сдѣлалась болѣе увѣренной и подошла ближе.

— Я очень жалѣю, что пропустилъ его, — сказалъ онъ бодро, — я такъ и думалъ, что онъ зайдетъ по дорогѣ сюда. Сегодня будетъ жаркій день. Давайте посидимъ гдѣ-нибудь и поболтаемъ.

— Какъ вы, навѣрное, уже знаете, — сказалъ онъ, — обращаясь къ Диреку, — «онъ» — это полковникъ Рендеву, душа и жизнь всей округи.

Они направились къ гамакамъ и скамейкамъ, расста-

вленнымъ и развѣшаннымъ между большими деревьями и шпалерами розъ, и на время разговоръ ихъ сосредоточился на личности полковника.

— У нихъ самый аккуратный, вылизанный садъ во всемъ Эссексѣ, — сказалъ Маннингъ, — хотя въ этомъ со-всѣмъ не виновата миссисъ Рендеву. Она, по правдѣ ска-зать, имѣетъ склонность къ живописному беспорядку. Ей хочется романческаго беспорядка. Но она никогда его не получаетъ. Стоитъ лишь полковнику пройти по дорожкамъ сада, какъ всѣ цвѣты инстинктивно выстраиваются во фронтъ. Около калитки ихъ сада стоитъ дерево; раньше оно было ивой. А съ тѣхъ поръ, какъ домъ перешелъ къ Рендеву, оно пытается взять «на караулъ». И съ поразитель-ными результатами. Третьяго дня я проходилъ мимо нихъ со старымъ Уиндерминомъ. «Видите вонъ этотъ старый то-поль», — сказалъ онъ. — «Это не тополь, а ива», — отвѣ-тилъ я. — «Нѣтъ, — сказалъ онъ, — раньше до переѣзда полковника это была ива. А теперь это — тополь»... И клянусь честью, дерево таки стало тополемъ.

Разговоръ, начатый такимъ образомъ Маннингомъ, еще въ некоторое время вертѣлся около полковника. Его выста-вляли какимъ-то чудовищемъ энергии и самодисциплиниро-ванности, рѣшительнымъ врагомъ всякой распущенности, вялости, разрозненности.

— Онъ сдѣлалъ замѣчательно много для мѣстнаго бой-скаутскаго движенія, — сказалъ Маннингъ.

— Это — китчинеризмъ, — возразилъ Бритлингъ.

— Это — армейскій способъ борьбы съ нашей военной неподготовленностью, — сказалъ Маннингъ.

Тутъ послѣдовалъ споръ о бой-скаутскомъ движеніи, и м-ръ Дирекъ сталъ дѣлать сравненія съ пропагандой Ситона Томпсона въ Америкѣ.

— Рузвельтизмъ, — сказалъ Маннингъ, — это своего рода реакція противъ всего того, что кажется слишкомъ спокойнымъ и увѣреннымъ въ своей безопасности и неуяз-вимости.

— Это имѣетъ и свою хорошую сторону: какъ борьба противъ вырожденія, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Если вообще такое явленіе, какъ вырожденіе, суще-ствуетъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Если бы не было такого явленія, какъ вырожденіе, — вставилъ Маннингъ, — мы, журналисты, принуждены были бы его выдумать.

— Есть что-то трагичное во всемъ этомъ... какъ мнѣ его назвать... китчинеризмъ... что ли?... — замѣтилъ м-ръ Брит-

лингъ. — Вотъ онъ, этотъ китчинеризмъ, захватываетъ все и вся, растеть, ширится и старается взвинтить страну. И все потому, что когда-нибудь можетъ какимъ-то образомъ вспыхнуть война съ Германіей... При условіи, конечно, если Германія съ ума сойдетъ. Война, какъ какой-то недостающий въ головѣ винтикъ, и гонитъ полковника сейчасъ по дорогѣ въ Маркетъ-Саффронъ, — онъ всегда ходитъ по дорогамъ, такъ какъ по нимъ ходить труднѣе и тяжелѣе, чѣмъ по травѣ — подъ этимъ палящимъ солнцемъ и въ пыли, вмѣсто того, чтобы спокойно здѣсь сидѣть и мирно болтать... и знаете, — прибавилъ Бритлингъ, — я не вижу, чтобы эта война приближалась... Мнѣ кажется, Рендеву потѣетъ напрасно. Я не вѣрю въ эту войну. Она цѣлыхъ сорокъ лѣтъ не приходила. И, можетъ быть, не придетъ никогда.

Онъ кивнулъ головой по направленію къ показавшемуся въ саду нѣмцу-гувернеру, бесѣдовавшему съ старшимъ сыномъ м-ра Бритлинга.

— Посмотрите на этого милаго юношу. Вотъ онъ — *htсE-Deutsch*, — можетъ-ли быть что-либо болѣе подлинно нѣмецкимъ? Взгляните теперь на моего сына. Развѣ вы можете представить себѣ ихъ въ бою не на животъ, а на смерть, другъ противъ друга, во враждующихъ станахъ? Да это немисливо! Миръ становится слишкомъ здоровымъ для этого. Можно еще воевать на Балканахъ; во многихъ отношеніяхъ балканскія государства еще въ самомъ хвостѣ цивилизаціи. Но представить себѣ, чтобы приличныя страны, вродѣ нашей Англійи или Германіи, вернулись вспять къ кровопролитію? Да это нелѣпо... Когда я вижу Рендеву, старающагося поддерживать въ себѣ и во всемъ окружающемъ военный видъ, я начинаю представлять себѣ, какъ бѣдная Германія тоже поддерживаетъ свое воинственное настроеніе, вооружается и т. д. Я начинаю чувствовать, какъ Германія становится тошно отъ дорогъ, жары и пыли, отъ вѣчной маршировки, дисциплины и ограниченій... я отъ всей души сочувствую южно-германцамъ...

— Ну, а если эта балканская исторія обострится? — спросилъ Маннингъ.

— До сихъ поръ она не обострялась. А если бы она и обострилась, то все же мы въ нее не будемъ вмѣшиваться.

— Ну, а если Россія сцѣлится съ Австріей, а Германія внезапно набросится на Францію, а за одно, и на Бельгію?

— О, конечно, въ такомъ случаѣ, мы будемъ воевать. Конечно, будемъ воевать. Только идиоту можетъ придти въ голову, что мы не будемъ воевать. А не такіе ужъ всѣ безнадежные идиоты въ Германіи. Они знаютъ, что мы будемъ

воевать. Но это же немыслимо, это нелѣпо. За чѣмъ Германіи нападать на Францію? Все равно, какъ если бы вотъ Маннингъ теперъ схватилъ топоръ и бросился на мою жену... Это просто-на-просто мечты и фантазіи ихъ журналистовъ-милитаристовъ. Это не что иное, какъ мальчишескій задоръ. Я ненавижу всѣ эти разговоры и слухи о войнѣ... Они мнѣ портятъ всю жизнь... И съ каждымъ годомъ они становятся хуже и пустѣе...

II.

Какъ разъ въ эту минуту раздался сильный взрывъ...

Но онъ не прервалъ ни на секунду бесѣды и не причинилъ ни малѣйшаго неудобства ни м-ру Бритлингу, ни м-ру Маннингу, или м-ру Диреку. Онъ раздался слишкомъ далеко за загибомъ этой нашей круглой планеты, такъ что его не видѣли и не слышали въ Матчингсъ-Изи. Все же это былъ очень громкій взрывъ. Случился онъ на открытомъ мѣстѣ у рѣки, протекающей черезъ скученный восточный городокъ, черезъ городокъ съ торчащими, бѣлыми остріями минаретовъ, окруженный голыми горами, подъ яркимъ полуденнымъ небомъ. Раздался взрывъ отъ чернаго свертка, который эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, съ большимъ присутвіемъ духа, только что сбросилъ съ открытаго верха своего автомобиля, куда за двѣ секунды до этого черный свертокъ былъ кинутъ кѣмъ-то, стоявшимъ на набережной. Свертокъ взорвался, едва только онъ коснулся булыжной мостовой, какъ разъ подъ передкомъ второго автомобиля процессія; и онъ **разорвалъ на куски передокъ** машины и ранилъ сидѣвшаго въ немъ адъютанта и нѣсколько зрителей. Бросившій свертокъ былъ немедленно схваченъ присутствующими. Процессія остановилась. Произошло великое замѣшательство; яркую, пестро разодѣтую толпу охватило сильное возбужденіе, — рѣзко противоположное воскресному покою Матчингсъ-Изи...

М-ръ Бритлингъ, не слыхавшій взрыва, спокойно продолжалъ свою диссертацию на тему о здоровомъ смыслѣ міра и челоуѣчества, и о практической прочности и неуязвимости нашего западнаго мира.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Авторизованный переводъ съ рукописи.

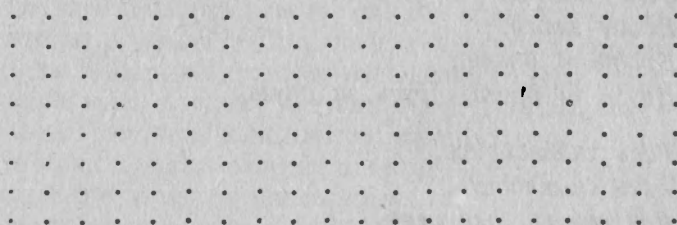
М. Ликиардопуло.

ПРАЗДНИКЪ СОЛНЦА.

*М*гдѣ надменная—не клетоты орла,
Бронзы брань, — не звонъ призывный,
Переливный,
Колоколенъ не гудятъ колокола,
Оковала гулъ металла ночи мгла.

Бубны бьютъ
И трубятъ трубы, —
Звуки вольны, остры, грубы,
Клубы вьютъ, живые клубы,
Звонъ куютъ, восторгъ куютъ.

Въ гимнахъ гулкихъ
Славятъ солнце, землю, зелень,
Цветъ равнинъ, былинки каменныхъ разстльинъ,
День кружатъ на площадяхъ и въ переулкахъ,
У раскрытыхъ оконъ краснаго безсоннаго завода,
Надъ задымленною фабрикой, гдѣ сумрачныя лица
Скрыты жутко за работой въковомъ гранитомъ свода,
Спины гнутъ за вереницей вереница.

Трубятъ трубы,
Вьются флаги, точно огненныя гривы,
Вътеръ зыбитъ
И кромсаетъ ихъ порывы
Въ часъ багрянный, когда мракъ отовсюду выбитъ,
Міръ на праздникъ всталъ любовно и красиво.

Кличъ стремить — сомкнуться, слиться,
Моремъ массъ въ себя влюбленныхъ,
Опьяненныхъ, изступленныхъ,
По полямъ, лугамъ разлиться.

Эй, трудящаяся толпы, величавы и пестры,
Тамъ воочью
Тамъ намъ ночью
Заблестятъ небесъ костры,
Дрогнуть груди страстной мощью, опускаясь на ковры.

Триста дней не видя солнца,
Триста дней себя не видя,
Нынѣ выйдя,
Въ день весенній, ослѣпительнѣй червонца,
На просторы, — кругозору надо юныхъ научить.

Въ сердце солнце намъ стучить,
Солнце встало, солнце встало, —
Отъ велика и до мала,
Всѣхъ согрѣетъ, олучить,
Какъ бывало.

Всюду зелень, солнце юга,
Всюду золото,
Братъ за брата,
Другъ за друга, другъ за друга.

Такъ скликайтесь,
Такъ смыкайтесь,
Для веселья, для игры, —
Въ русла улицъ, на асфальты,
Насъ пѣвцы, баяны, скальды
Поведутъ на лугъ въ шатры,
На просторы,
Тѣшить взоры,
На травѣ свершать пиры.

Иванъ Филипченко.

ПИСЬМА Н. И. ПИРОГОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Любя въ первый разъ, мы какъ-то щедрѣе и экспансивнѣе обходимся съ нашею любовью; но любя въ послѣдній разъ, лучше умѣемъ цѣнить ее».

Н. Пироговъ. Письмо къ невѣстѣ.

«Обыкновенно говорятъ, что можно любить только однажды въ жизни,—писалъ въ 1850 г. знаменитый хирургъ и анатомъ Н. И. Пироговъ своей молоденькой невѣстѣ.—Врутъ: потому что не знаютъ любви во всей ея подробности, со всѣми отгѣнками». Свое категорическое заявленіе по вопросу, столь чуждому его практической и теоретической дѣятельности, популярнѣйшій профессоръ медико-хирургической академіи подкрѣплялъ данными опыта: «Кто такъ и столько переживалъ, какъ я, и столько наблюдалъ за собою, какъ я, тотъ можетъ съ такою же увѣренностью и сказать это, какъ я».

Но Пироговъ оговаривается: «юношески, пламенно и страстно можно любить, правда, только однажды; но, любя такъ, еще мы не исчерпываемъ всю любовь изъ сердца; въ немъ остается осадокъ; но какой?—Тотъ коренной осадокъ, который содержитъ въ себѣ квинтэссенцію очищенной любви, устоявшую противъ пламени первыхъ ея порывовъ и вспышекъ; время сушить этотъ осадокъ, холодный опытъ облакаетъ его ледяною корою; но онъ лежитъ, схороненъ въ рудникахъ души и сбереженъ еще для рукъ рудокопателя».

Такимъ рудокопателемъ для Н. И. Пирогова должна была стать 20-лѣтняя баронесса Александра Антоновна Бистрамъ, когда ему было уже 40 лѣтъ и онъ былъ отцомъ двухъ сыновей. Юношески-же, пламенно и страстно, такъ, какъ любятъ только однажды въ жизни, Пироговъ любилъ, будучи 17-лѣтнимъ студентомъ Московскаго университета. Объ этой любви Н. И. говоритъ въ письмѣ (1842 года) къ своей первой невѣстѣ, Е. Д. Березиной, которую увѣрялъ, что она похожа на предметъ его первой любви.

У той дѣвушки, по описанію Пирогова, были тонкія, нѣжныя черты лица, свѣтло-русыя волосы, напоминающіе небо глаза, сотворенныя для поцѣлуя уста и эфирная поступь. Все это приводило молодого студента медицины въ непзъяснимый восторгъ. «Когда я устремлялъ на нее мой взоръ,—пишетъ онъ,—всякой разъ, когда я бралъ ея руку, тихой, сладостной трепеть пробѣгалъ по мнѣ; вблизи нея я чувствовалъ себя невыразимо счастливымъ». Черезъ много лѣтъ онъ вспоминалъ, какъ приходилъ въ прекрасное весеннее утро, когда «она» спала еще, въ садъ, садился передъ окномъ ея спальни, мечталъ о ней, вздыхалъ и о чемъ-то плакалъ. И слезы эти были ему сладки, какъ много лѣтъ спустя, послѣ отъѣзда изъ Москвы, ему было сладко и сердце радостно трепетало при воспоминаніи о предметѣ этихъ слезъ, объ этой юношеской любви. Даже черезъ 53 года послѣ встрѣчъ съ Лукутиной, Н. И. Пироговъ хорошо ее помнилъ, и портретъ ея, набросанный въ «Дневникъ» стараго умирающаго врача, очень схожъ съ обрисованнымъ въ письмѣ къ Е. Д. Березиной.

Но въ 1828 г. Пироговъ уѣхалъ изъ Москвы въ Дерптъ, въ профессорскій институтъ, потомъ за-границу, затѣмъ наступила кипучая, самоотверженная профессорская дѣятельность въ Дерптѣ, гдѣ 26-лѣтній ученый скоро прославился, какъ глубокій теоретикъ и блестящій практикъ. Какъ ни былъ, однако, Пироговъ погруженъ въ свою научно-учебную дѣятельность, онъ не былъ все-таки чуждъ свойственнымъ его возрасту сердечнымъ увлеченіямъ. Такъ, къ дерптскому періоду жизни Пирогова относится его увлеченіе молоденькой дочерью А. А. Воейковой («Свѣтланы» Жуковскаго, жены извѣстнаго Воейкова-Вулкана), къ тому же времени относятся его рассказы о другихъ шалостяхъ сердца, едва не приведшихъ его къ браку съ дочерью одного рижскаго врача.

Все это были увлеченія случайныя. Болѣе прочнымъ было, повидимому, увлеченіе Н. И. Пирогова дочерью его учителя, профессора И. Ф. Мойера, который былъ женатъ на Машенькѣ Протасовой (ея бракъ съ Жуковскимъ разстроила по мотивамъ перковнаго свойства сестра поэта и мать Машеньки, Ек. Ае. Протасова) и въ домѣ котораго Пироговъ былъ принятъ очень хорошо.

Когда Пироговъ переѣхалъ изъ Дерпта въ Петербургъ, онъ письменно просилъ (въ 1840 году) руки Екатерины Ивановны Мойеръ, но предложеніе это было отвергнуто. Отказъ объяснялся тѣмъ, что Е. И. Мойеръ уже была обѣщана сыну извѣстной А. П. Кирѣвской отъ второго брака, В. А. Елагину, за котораго она и вышла замужъ, впрочемъ, черезъ 7 лѣтъ послѣ сватовства къ ней Пирогова. Есть свѣдѣнія, что въ семьѣ Протасовыхъ-Жуковскихъ вообще отрицательно относились къ Пи-

рогову, какъ къ возможному жениху. Такъ, Е. И. Мойеръ сама говорила послѣ сватовства къ ней знаменитаго хирурга, что «женѣ Пирогова надо опасаться, что онъ будетъ дѣлать эксперименты надъ нею», и этотъ отзывъ сталъ извѣстенъ Н. И. Пирогову. Но ему осталось неизвѣстнымъ недавно опубликованное И. А. Бычковымъ («Русскій Библюфилъ», 1912, № 7—8, стр. 111) письмо В. А. Жуковского къ А. П. Елагиной по этому поводу: «Да, что это еще вы пишете мнѣ о Пироговѣ? Шутка или нѣтъ? Надѣюсь, что шутка. Неужели въ самомъ дѣлѣ возьметесь вы предлагать его? Онъ, можетъ быть, и прекрасный человѣкъ, и искусный операторъ, и прочее, но, какъ женихъ, онъ противенъ».

Отказъ въ рукѣ Е. И. Мойеръ сильно огорчилъ Н. И. Пирогова, въ душѣ котораго властно зародилась «какая-то сладкая потребность семейной любви и семейнаго счастья». Въ это время онъ вспомнилъ о подругѣ дѣтства Е. И. Мойеръ — Екатеринѣ Дмитриевнѣ Березиной, которую онъ часто встрѣчалъ въ домѣ своего дерптскаго учителя. Н. И. Пироговъ сдѣлалъ предложеніе, которое было принято (1842 г.), и онъ съ удовольствіемъ вспомнилъ потомъ, что Е. И. Мойеръ «въ лестныхъ выраженіяхъ поздравила» свою подругу съ удачнымъ замужествомъ. И самъ Пироговъ считалъ свою семейную жизнь съ Екатериной Дмитриевной счастливой.

Но счастье это было непродолжительно. Въ январѣ 1846 г. Е. Д. Пирогова скончалась, оставивъ мужу двухъ сыновей. Нѣсколько лѣтъ Н. И. Пироговъ совсѣмъ отвергалъ мысль о вторичной женитьбѣ, а если и появлялось у него такое предположеніе, то исключительно вслѣдствіе желанія «дать мать своимъ сыновьямъ» и вообще «устроить свой семейный бытъ». Но такъ какъ Пироговъ не умѣлъ «устроить» практическихъ дѣлъ, то такія предположенія и не осуществлялись. Къ тому же онъ «хотѣлъ еще чувствовать, несмотря на то, что уже, кажется, почувствовалъ довольно».

Въ это время раздумій и сомнѣній, когда Пироговъ самъ себя сказалъ: «кончено, останусь вдовцомъ!», онъ встрѣтился съ 22-лѣтней баронессой Александрой Антоновной Бистрамъ, которая заставила сильно биться его сердце, снова охваченное горячимъ чувствомъ влюбленности. Эта «щедрая и экспансивная любовь» Н. И. Пирогова ярко отразилась въ его письмахъ къ А. А. Бистрамъ, случайно сохранившихся и представляющихъ нѣсколько группъ дневниковъ, относящихся въ первой половинѣ 1850 года (Н. И. Пироговъ родился въ 1810 году).

Очень любопытны эти письма, большей частью писавшіяся на рабочемъ столѣ, въ анатомическомъ институтѣ, — по формѣ. Всѣ они написаны мелкимъ старательнымъ почеркомъ, чрезвычайно обширны и во многихъ мѣстахъ снабжены «поцѣлуями»

автора, который тщательно обводилъ мѣсто «поцѣлужа» пунктиромъ, отмѣчая въ скобкахъ значеніе обведеннаго мѣста. Сохранились письма, въ которыхъ пунктиромъ обведены мѣста, гдѣ «упала слеза умиленья» любящаго жениха.

Но, конечно, главный интересъ любовныхъ писемъ Н. И. Пирогова—въ ихъ значеніи, какъ материала для характеристики той стороны его личности, которая до послѣдняго времени оставалась совершенно неизслѣдованной. Интересно, въ самомъ дѣлѣ, перенестись мысленно въ 50-ые годы минувшаго столѣтія, въ семилѣтіе чернаго террора, и ознакомиться съ любовными переживаниями одного изъ самыхъ крупныхъ русскихъ ученыхъ и самаго популярнаго хирурга столицы, для котораго «наука составляла съ самыхъ юныхъ лѣтъ идеаль, а истина, составляющая основу науки, сдѣлалась высокою цѣлью, къ достиженію которой онъ стремился безпрестанно». Трогательно читать, какъ человѣкъ, исповѣдывавшій, что «ничто такъ не можетъ уничтожить пустоту души, какъ наука», въ эту самую сухую, самую прозаическую перу русской жизни приносилъ въ жертву своей второй любви «все, что его связывало до сихъ поръ къ землѣ, все, что услаждало его существованіе, словомъ, всю поэзію своей жизни».

Дневникъ, выявляющій эту сторону души выдающагося человѣка въ самомъ расцвѣтѣ его творческихъ силъ и почти наканунѣ его вступленія на путь широкаго общественнаго служенія,—представляетъ собою публикуемая здѣсь группа записей. Особенно интересно печатаемое здѣсь письмо тѣмъ, что въ немъ Н. И. Пироговъ соединилъ свои любовныя признанія съ изложеніемъ своихъ религіозно-философскихъ идей и мыслей о воспитаніи человѣка-гражданина. Идеи и мысли, изложенныя въ письмахъ Пирогова къ невѣстѣ, роднятъ ихъ съ знаменитой статьей Пирогова «Вопросы жизни», которая появилась въ «Морскомъ Сборникѣ» въ 1856 году и была для тогдашняго русскаго общества вѣчевымъ колоколомъ, предостерегавшимъ его отъ увлеченія духомъ практичности и односторонней специализаціи и призывавшимъ къ воспитанію въ ребенкѣ прежде всего человѣка.

П И С Ъ М А .

* * *
24 марта. Утро (1850 г.).

Слышала ли ты от своей няньки, когда была еще ребенком, что у каждого дитяти на правомъ плечѣ сидитъ невидимо его Ангель-Хранитель и нашептываетъ ему на ухо добрые совѣты, предостерегая его отъ худого; а на лѣвомъ сидитъ злой духъ, который шепчетъ ему худое? Я, когда былъ ребенкомъ, то вѣрилъ этому сказанію моей няньки безусловно, и всегда, когда задумывалъ что-нибудь сдѣлать худое, то невольно оглядывался на лѣво.

Прошло давно это щастливое * время, когда мнѣ такъ легко вѣрилось; давно уже схоронена старуха-нянька, которая такъ коротко была знакома съ моими геніями-невидимками. Легковѣріе дѣтства было замѣнено безвѣріемъ юности. Потомъ пришло и мужество съ его критическимъ анализомъ.

Но впечатлѣнія дѣтства неизгладимы: рассказы няньки, подъ различными видами, какъ завѣтное преданіе, передавались однимъ возрастомъ жизни другому, и теперь еще, еще сегодня,—сидя женихомъ у моря и ожидая погоды,—я живо вспоминаю сказаніе о моихъ двухъ геніяхъ въ первобытной его красотѣ и живо чувствую, какъ двѣ противоположныя силы раздирають на части, дwoятъ мой нравственный бытъ. Воля, привычка и притворство,—печальное слѣдствіе жизни,—дали мнѣ возможность смягчить этотъ раздоръ въ душѣ, прикрыть его и для другихъ, и для себя; но покрывало, которое въ глазахъ другихъ лежитъ непроницаемой тканью, есть рубище дырявое въ моихъ глазахъ!..

Нѣтъ, мира нѣтъ еще въ моей душѣ!—Есть мгновенія, въ которыя я подлецомъ, бездѣльникомъ кажусь себѣ. Зачѣмъ узналъ я, что духъ, нашептывающій злое, сидитъ не на моемъ плечѣ,—во мнѣ?

Тому, кто не вникалъ въ себя, кажется сумасброднымъ,

* Отмѣчу нѣкоторыя особенности въ правописаніи Пирогова. Онъ писалъ «щастье», «чувство» не только въ молодости и въ зрѣлые годы, но даже въ старости (въ письмахъ къ сыну). Впрочемъ, иногда встрѣчается обычное правописание. С. III.

для чего наша и католич. церковь предписываютъ столько и столько-то земныхъ поклоновъ, столько-то разъ сказать по четкамъ: Господи помилуй. Но я понимаю теперь, съ какою это цѣлю сдѣлано. Отшельники и аскеты, въ первыя времена христіанства, чѣмъ болѣе въ своемъ уединеніи вникали въ себя, тѣмъ яснѣе слышали нашептыванія злаго начала души; они узнали изъ опыта,—какъ и я это узналъ,—что, вооружаясь доводами разсудка, заставляя возражать доброе начало противъ злаго, мы еще болѣе различаемъ послѣднее, открываемъ въ немъ еще болѣе новыхъ отраслей и дѣлаемся еще хуже и злѣе предъ самими собою.

Что оставалось дѣлать этимъ благочестивымъ отшельникамъ? Невѣсть и жень у нихъ не было, писемъ писать было не къ кому, говорить имъ было не съ кѣмъ, искать утѣшенія въ samozабвеніи они считали смертнымъ грѣхомъ, науками они не занимались; итакъ, понятно, что они искали какого-нибудь другаго средства, не противорѣчащаго ихъ правиламъ, чтобы заглушить эти нашептыванія,—и нашли его въ молитвѣ; молиться по вдохновенію, безпрестанно и при всякомъ случаѣ нельзя; поселять въ себѣ вдохновеніе по произволу невозможно; поэтому, они и прибѣгли къ формѣ и буквѣ.

Буква и форма всегда помогала человѣческой слабости. Извѣстно, въ общественной жизни практическіе люди всегда придерживаются формальности и приличія, чтобы утѣшить, успокоить и даже улучшить себя; хорошее приличіе, которому насъ сначала принуждаютъ слѣдовать на веревкѣ, и какъ собачекъ въ кукольной комедіи, наконецъ, обращаясь въ привычку, можетъ даже насъ сдѣлать добродѣтельными. Такъ буква и форма и въ молитвѣ; проговоривъ разъ сто и не думая, Господи помилуй, отвѣсивъ поклоновъ сто въ землю, можно заглушить, наконецъ, всѣ нашептыванія въ душѣ и сдѣлаться, слѣдовательно, добрымъ.

Вотъ человѣкъ,—вѣнецъ созданія! Онъ все, все, начиная съ самаго Творца Вселенной, заключаетъ въ форму и букву, и Его Самаго онъ не иначе можетъ себѣ представить, какъ въ образѣ, сходномъ съ его собственнымъ, который ему, натурально, чрезвычайно правится, и молитва его—звукъ, и тѣлодвиженія и мысль его—буква и слово. Такъ онъ уже созданъ; противъ теченія воды плыть трудно. Что же и мнѣ,—слабѣйшему изъ людей,—остается дѣлать противъ моего дуализма души, какъ не заниматься до усталости, чтобы заглушить нашептыванія зла.

Вмѣсто земныхъ поклоновъ и однозвучныхъ повтореній «Кугіе eleison», я ищу въ трудѣ и работѣ вспомогательнаго средства. Я стараюсь уже давно превратить жизнь въ заведенные часы, а временемъ молиться черезъ вдохновеніе. Но какъ ни

забочусь объ успокаивающемъ однообразіи жизни, приходятъ катастрофы, которыя выбиваютъ меня изъ моей колеи, заставляютъ невольно бросить взглядъ въ глубину души, разжигаютъ борьбу моей двойственности. И если бы еще это были только важныя катастрофы! Жизнь не такъ обильна ими, можно бы было еще стерпѣть. Но иногда и незначительныя происшествія, услышанное однажды слово, какой-нибудь маловажный поступокъ, смотришь, тутъ и начинается опять сокрушительное нашептываніе дѣлаться все яснѣе и яснѣе.

Въ важныхъ катастрофахъ жизни есть, по крайней мѣрѣ, то утѣшительное, что вмѣстѣ съ проявленіемъ двойственности проявляется и вдохновеніе, и молитва, текутъ слезы изъ глазъ, преклоняешь колѣна, чувствуешь вполнѣ свою ничтожность, и отъ души, съ порывомъ возносишься. А въ дюжинныхъ, вседневныхъ, глупыхъ происшествіяхъ, двойственность расшевелится, прерветъ занятія, а вдохновенія нѣтъ.

25 Марта. Утро.

Я принимаю 3 рода человѣческой подлости: мысленную, словесную и фактическую. 3 рода бездѣльничества. 3 рода глупости. 3 рода зла. 3 рода добра. Можно быть *фактически* во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ человѣкомъ, но мысленнымъ подлецомъ и бездѣльникомъ. И наоборотъ.—Можно быть фактически умнымъ человѣкомъ, но мысленнымъ дуракомъ. И наоборотъ.

Это можетъ казаться софизмомъ. Какъ можно мыслить худое, а на дѣлѣ быть добрымъ? Я говорю, что можно. Можно дѣлать хорошее, во-первыхъ, по приличію, по привычкѣ, по принятой разѣ рутинѣ, не мысля и не разсуждая, и, дѣлая хорошее, въ это время можно думать о чемъ угодно другомъ, и какъ угодно, слѣдовательно, въ это время можно думать и худое, можно считать добрые свои поступки мысленно худыми, глупыми и все-таки, по привычкѣ и приличію, продолжать дѣлать эти поступки.

Можно быть мысленно пошлымъ дуракомъ, а по наглядкѣ, по приличію, вести свои дѣла довольно умно. Кромѣ этого, вопросъ: хорошъ ли кто или худъ, глупъ или уменъ, рѣшается судя только или по большому числу фактовъ, или даже по нѣсколькимъ, немногимъ, но значительнымъ и яснымъ.

Итакъ, по большинству и по значительности дѣлъ, можно быть добрымъ; но это не мѣшаетъ быть подлецомъ и бездѣльникомъ въ остальное время и на дѣлѣ, и по мыслямъ. Можно еще мыслить худое, демонски худое и дѣлать ангельски хорошее, потому что не достаетъ довольно куража сдѣлать худое, бояся его слѣдствій, извѣстныхъ по опыту или, изъ суетности, желая прослыть хорошимъ въ людяхъ. Если бы наша религія повелѣ-

вала намъ судить о себѣ, только по однимъ нашимъ дѣламъ, то много благоразумныхъ людей, дѣлающихъ хорошее, по однимъ только правиламъ благоразумія и по приличію, оправдались бы на судѣ предъ совѣстію. И много бы злодѣевъ по дѣламъ, но не по мыслямъ, можетъ быть, спаслось отъ ея преслѣдованія, если бы наша религія повелѣвала намъ судить о себѣ и другихъ по однимъ только помышленіямъ.

Но и Откровеніе, и первые распространители христіанства учать, чтобы и добрыя дѣла и помышленія согласовались. Вѣра безъ дѣлъ, говоритъ Апостоль, мертва.—Не только не нужно дѣлатъ худого, но не имѣть и худыхъ, соблазнительныхъ помышленій, повелѣваетъ Спаситель.

Быть и казаться,* извѣстно, два разныя, иногда два совершенно противоположныя дѣла. Съ откровенностью характера, съ презрѣніемъ къ людямъ и къ мелочной суетности, не такъ трудно, наконецъ, довести себя до того, что ты сдѣлаешься для людей тѣмъ, кѣмъ ты думаешь быть и для самого себя. Но вотъ что трудно: быть для самого себя именно тѣмъ, кто ты есть дѣйствительно; нерѣдко ты кажешься самому себѣ совершенно другимъ, нежели каковъ ты есть на самомъ дѣлѣ. А кто же другой можетъ рѣшить это навѣрное, какъ не ты самъ?

Я знаю, что нѣкоторые берутся рѣшить за другаго этотъ вопросъ лучше, нежели какъ онъ можетъ рѣшить самъ; я и самъ также брался и теперь еще иногда берусь за это. Но это можно сдѣлать только съ людьми, про которыхъ знаешь, что они больны и немощны духомъ и потому не въ состояніи, и даже не въ правѣ сами судить о себѣ. Или нужно быть сердцеѣдцемъ и ясно-видящимъ. Есть, однако-же, души столь сродныя съ нашими, что онѣ читаютъ въ насъ также ясно и даже яснѣе, какъ мы сами.

Я понимаю, что въ супружеской жизни можно легче найти тому примѣры. Покойная моя жена, проживъ три года со мною, начала было яснѣе читать во мнѣ, когда смерть отняла ее у меня; я же самъ былъ эгоистомъ и не много прилагалъ труда узнать ее, полагая, что я ее и такъ хорошо знаю, что душа женщины гораздо проще, мотивы ее извѣстнѣе; на неизвѣстное же я держалъ себя въ дефензивномъ положеніи. Я дѣлалъ худо.

Извѣстно, что какъ бы долго и коротко мужчина и женщина до супружества ни были знакомы другъ съ другомъ, въ супружеской жизни они узнаютъ одинъ въ другомъ множество подробностей, которыя не могли быть имъ извѣстны прежде;—а изъ подробностей и составленъ весь нашъ практическій бытъ, онѣ обнажаютъ иногда предъ нами такія стороны души, ко-

* Въ началѣ 1858 г., будучи уже попечителемъ одесскаго учебнаго круга, Пироговъ помѣстилъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» статью подъ заглавіемъ «Быть и казаться» (Сочиненія Пирогова, т. I. изд. 1914 г.)

торыя скрывались отъ насъ подъ покрываломъ общихъ взглядовъ и дѣйствій.

Судя себя по этимъ то подробностямъ, и именно по подробностямъ мысли, противорѣчащимъ у меня часто подробностямъ поступковъ, я нахожу себя нерѣдко бездѣльникомъ и подлецомъ въ такой степени, что если бы я допустилъ (я говорю я; надобно бы было сказать Провидѣніе) этимъ проявленіямъ мысли осуществиться на дѣлѣ, то былъ бы злодѣемъ. Но никогда имъ не буду, сколько это зависитъ отъ меня, потому что въ моей натурѣ еще довольно добраго, чтобы остановить осуществленіе зла на дѣлѣ, но нѣтъ довольно христіанскаго духа, составленнаго изъ вѣры, упованія и, главное, любви, чтобы истребить самое помышленіе зла. Безъ этого, я никогда не буду имѣть столько дерзости, чтобы считать себя настоящимъ христіаниномъ.

Одно еще утѣшительное я замѣтилъ въ себѣ; это то, что всѣ напештыванія злаго начала во мнѣ продолжаются не слишкомъ долго; услышавъ о щастіи одного, даже расположеннаго ко мнѣ, я бываю часто такъ низокъ, что въ мысли завидую ему; но это чувство продолжается недолго, и еще замѣчательнѣе и, можетъ быть, нѣсколько утѣшительнѣе для меня есть то (если это не есть одинъ порывъ самолюбія и гордости), что даже и мгновенно не завидую удачѣ и щастью того, который пріобрѣлъ щастье и удачу съ нѣкоторою невыгодой для меня; я стыжусь въ этомъ случаѣ, хоть на минуту, ему позавидовать.

Но, несмотря на всѣ эти пороки, въ которыхъ я охотно сознаюсь не только тебѣ, но и всякому, кто беретъ во мнѣ участіе, я все-таки чувствую, что кажусь въ глазахъ моихъ несравненно лучше, нежели каковъ я есть. Самолюбіе препятствуетъ мнѣ слишкомъ унизиться мыслию предъ самимъ собой; но я, можетъ быть, имѣлъ бы еще достаточно воли, чтобы побѣдить даже и это самолюбіе, если бы я не видѣлъ, что оно для меня необходимо на поприщѣ жизни. Побѣдивъ его совершенно, мнѣ бы ничего болѣе не осталось, какъ уединиться, забыть свѣтъ и дѣйствовать только нравственно.

Но я долженъ дѣйствовать и практически; а это требуетъ довѣрія къ самому себѣ и самонадѣяности въ извѣстной степени.

Итакъ, работа, трудъ и занятіе, — вотъ единственное мое оружіе, послѣ молитвы, которая меня освѣжаетъ періодически, какъ теплый вешній дождь, вмѣстѣ съ вдохновеніемъ. Трудомъ и занятіемъ только я могу заглушить напештыванія души, мнѣ тяжко напоминающія о существованіи дѣлой пучины зла, кроющагося во мнѣ и готоваго безпрестанно проявиться, если не чрезъ дѣло, то чрезъ мысль. Благодарю Бога, что онъ до сихъ поръ одушевляетъ меня любовью къ моему предмету, къ моимъ трудамъ.

26 Марта. Утро.

Трудись и молись. Золотое правило противъ хандры, соблазновъ и пороковъ. Трудись съ цѣлю, чтобы твой трудъ былъ полезенъ твоимъ ближнимъ и тебѣ. Въ главной молитвѣ христіанина говорится о *насущномъ хлѣбѣ*. Самъ Искупитель изрекши мольбу, которою мы должны возноситься къ Творцу, велѣлъ просить Его и о нашемъ насущномъ хлѣбѣ. Не значить ли это, что онъ повелѣлъ просить Творца, чтобы Онъ намъ подаль трудъ, которымъ человѣкъ долженъ доставать свой хлѣбъ? Не тотъ ли же смыслъ открывается и въ изреченіи Спасителя, какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе, и въ отвѣтѣ, данномъ Имъ князю на вопросъ:

— «Учитель благій, что мнѣ дѣлать, чтобы *наслѣдовать жизньъ вѣчную?*»

— «Ты знаешь заповѣди: не убивай, не крадь, не прелюбодѣйствуй, не лжесвидѣтельствуй, почитай отца твоего и мать?»

— «Это все сохранилъ я отъ юности моею»,—сказалъ князь.

— «Еще одного не достаетъ тебѣ,—были слова Искупителя,—все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ и будешь имѣть сокровище на небеси, и приходи, слѣдуй за Мною».

Не значать ли эти слова Иисуса: «слѣдуй моему примѣру, молись, дѣлай добро и снискивай трудомъ себѣ пропитаніе?»

И всѣ ученики Его, Имъ избранные, были люди, достававшіе себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ. Итакъ, въ трудѣ и молитвѣ лежитъ средство къ достиженію идеала нашей земной жизни, состоящаго въ *безпрестанномъ стремленіи наслѣдовать жизньъ вѣчную*.

Но, *какъ должно трудиться и какъ должно молиться* чтобы оставаться не уклоняемо на этомъ пути истины?

По моему крайнему разумѣнію, вотъ какъ. Трудись не для того, чтобы сдѣлаться богатымъ;—богатство, *какъ средство къ наслажденіямъ земнымъ*, есть препятствіе наслѣдовать вѣчную жизнь,—но трудись, чтобы *имѣть наслажденіе въ употребленіи самого труда*. Чтобы имѣть это наслажденіе, во-первыхъ, трудись—по мѣрѣ силъ твоихъ и способностей. Никогда не бери на себя того, что превышаетъ твои силы и способности, но и не зарывай въ землю даннаго свыше. А для этого необходимо знать и чувствовать ясно: какую роль предназначено тебѣ играть въ жизни.

Часто нужно бываетъ побѣдить и самолюбіе, и противодѣйствовать направленію, данному намъ воспитаніемъ, и даже ошибаться нѣсколько разъ, пока, наконецъ, поймешь, къ чему ты назначенъ на свѣтѣ. Но, понявъ однажды, оставайся вѣренъ твоему призванію, не увлекайся въ другіе пути, терпи, борись

иди впередъ и дорожи твоимъ призваніемъ такъ же, какъ жизнію. Кто не совѣстливо, безъ рвенія, безъ любви исполнялъ обязанности своего назначенія, тотъ не достигаетъ цѣли земнаго своего бытія.

Но трудъ опредѣленъ не для того только, чтобы снискивать хлѣбъ: «все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ»,—сказалъ Искушитель; слѣдовательно, доставай дневной хлѣбъ трудомъ; но Онъ прибавилъ потомъ: «приходи, слѣдуй за Мной»; слѣдовательно, исполняй свое призваніе, какъ я исполнялъ мое на землѣ. Это значитъ, оно должно быть цѣлю, а не однимъ средствомъ для твоего бытія.

Правда, есть призванія въ общественной жизни, которыя трудно согласить съ требованіями трехъ христіанскихъ добродѣтелей. Но тѣмъ достойнѣе тотъ, кто принужденъ обстоятельствами, независящими отъ него, исполнять обязанности такого призванія, своими дѣлами тщится возвысить его и стать несравненно его выше. Нужно быть снисходительнымъ и отъ каждаго не требовать пожертвованій, которыя соединены съ совершеннымъ разстройствомъ его общественнаго быта.

Да и самъ Спаситель, послѣ того какъ онъ сказалъ: «удобнѣе верблюду сквозь игольныя уши пройти, нежели богатому войти въ царствіе Божіе»,—вопрошенный: «кто же можетъ спастися?»—отвѣчалъ: «невозможное человѣкамъ возможно Богу».

Тѣмъ щастливѣе, напротивъ, долженъ себя считать тотъ, кто чрезъ врожденныя способности или чрезъ воспитаніе призванъ исполнять такія обязанности, которыя, доставляя ему насущный хлѣбъ, вмѣстѣ съ этимъ доставляютъ ему еще и случай подвизаться въ христіанскихъ добродѣтеляхъ и осуществлять ихъ на дѣлѣ. Я благодарю, трикратно благодарю Всемогущаго, что Онъ призвалъ меня быть врачомъ и наставникомъ. Правда, изученіе медицины меня нѣсколько разъ вовлекало въ грубый материализмъ, охлаждало во мнѣ любовь къ людямъ, открывая черную и грязную сторону ихъ души во всей ея наготѣ, еще и до сихъ поръ оставило во мнѣ сомнѣніе, безъ котораго ни одна опытная наука не можетъ существовать, и дѣлается сборомъ всякихъ нелѣпостей и предразсудковъ.

Но теперь, когда я сталъ старше и опытнѣе, когда горе, неудачи, обманутая надежда, разрушенныя мечты измѣнили и, сколько я могу судить о себѣ, улучшили меня, когда я началъ искать прибѣжища и утѣшенія въ Недостижимомъ на землѣ, когда мысль о смерти и о безсмертіи чаще навѣщаетъ меня; теперь мои занятія наукою и приложеніе моего искусства мнѣ доставляютъ менѣе громкое, менѣе блестящее и мишурное, но глубокое и задушевное наслажденіе. На всякомъ шагу, въ приложеніи моего искусства, я могу исполнять и обязанности любви, и утѣшаться, и утѣшать вѣрою и упованіемъ.

26 Марта. Ночь. I часть.

Ничего другого, лучшаго на землѣ не желалъ бы я теперь и не промѣнялся бы своимъ положеніемъ ни съ кѣмъ на свѣтѣ, если бы мнѣ суждено было встрѣтить закатъ моей жизни въ мѣстѣ болѣе уединенномъ, въ кругу болѣе сосредоточенномъ, гдѣ бы я могъ раздѣлить и мое время, и то, чѣмъ полна моя душа, между болѣе ограниченнымъ, но и болѣе совѣстливымъ, болѣе внутреннимъ исполненіемъ обязанностей моего призванія и моего семейства. Быть гдѣ нибудь въ тепломъ климатѣ, возлѣ моря, врачомъ и заняться съ женою взаимнымъ образованіемъ и приготовленіемъ себя къ лучшей жизни, воспитаніемъ дѣтей, — вотъ мои мечты! — И старѣя, я еще не разучился мечтать! —

Итакъ, *трудъ и занятіе должны быть такъ направлены, чтобы они служили намъ и къ снискиванію пропитанія, и къ исполненію трехъ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Быть вѣрнымъ своему призванію, снискивать чрезъ него столько, чтобы жить самому, помогать другимъ и воспитать дѣтей* — вотъ образъ, по которому мы должны распорядиться съ нашимъ трудомъ и занятіями.

I. *Какъ трудиться?* А чтобы поступать по этому образцу нужно: *во-первыхъ, вести скромную, тихую и сколько можно уединенную жизнь.* Всякой признакъ блеска и роскоши противенъ осуществленію идеи предполагаемаго образа жизни. — Противенъ и отвратителенъ былъ для меня всегда этотъ блескъ, даже и тогда, когда я былъ чистымъ матеріалистомъ. Пестрота платья, изысканность одежды, даже излишній комфортъ, если онъ только мнѣ не необходимъ для поддержанія здоровья, — все это въ моихъ глазахъ вредная трата содержанія, которое могло бы съ большею пользою быть употреблено и для себя, и для другихъ. Покупай на эти деньги вещи, которыя могли бы служить къ твоему образованію, къ увеличенію твоихъ знаній о Творцѣ, о природѣ и о тебѣ самомъ, могли бы доставить истинное наслажденіе душѣ, могли бы улучшить твое здоровье, усовершенствовать воспитаніе дѣтей твоихъ и твое собственное; клади ихъ въ ростъ, если эти деньги не необходимы для твоего содержанія; а не расточай ихъ на мишуру и тряпки.

И для кого все это дѣлается? Для чего? Для того, чтобы казаться и для того, чтобы быть. Для приличій. Вотъ слово, которое губить насъ. Эти приличія проникли насквозь чрезъ весь нашъ нравственный бытъ. Все, самое чувство, любовь, добродѣтель, религія, — все сдѣлалось приличіемъ. Насмѣшка нѣкогда у французовъ управляла обществомъ и теперь еще управляетъ отчасти. Но въ насмѣшкѣ есть еще что-то, если и не высокое, то нравственно глубокое, хотя и демонское. А въ приличіи — мертвая, тяжелая, свинцовая форма, которая да-

вить и хоронить; она дѣлаетъ изъ людей то, что Спаситель ска- залъ о фарисеяхъ: — «скрытые гробы, по которымъ люди ходятъ и не знаютъ этого».

Черезъ нее, желая скрыть себя и казаться не тѣмъ, что мы есть, мы вмѣстѣ добиваемся и приличнаго формальнаго уваженія другихъ, котораго мы внутренно не достойны; черезъ него доби- ваемся мы стяжать большаго, желая въ людяхъ вселить къ намъ большую довѣренность, нежели которой мы достойны; черезъ него мы обманываемъ самихъ себя, желая прослыть лучшими въ собственныхъ глазахъ и наружностію прикрыть отъ очей собственной души внутреннюю пустоту и ничтожество.

27 Марта. Утро и вечеръ.

Во-вторыхъ, искоренять идею любостыжания и мелочнаго страха за будущее. Не стоять въ безпрестанномъ тревожномъ караулѣ для будущаго земной жизни. — Если трудно сбрасы- вать съ себя оковы, наложенныя формою и приличіемъ, то не- сравненно труднѣе еще исполнить это второе правило, и именно потому, что, исполняя, нужно избѣгать крайностей. Во всемъ есть хорошая и худая сторона. Въ приличіи и формѣ, несмотря на ихъ мертвящее удрученіе духа, есть то хорошее, что, употре- бленныя съ благоразуміемъ и добрымъ намѣреніемъ, онѣ могутъ иногда служить орудіемъ добродѣтели.

Ты слышишь глупыя и злыя рѣчи, произносимыя людьми, къ которымъ ты обязанъ имѣть уваженіе и враждуя съ которыми ты могъ бы вредно дѣйствовать на другихъ. Отвѣчая имъ на ихъ рѣчи, ты можешь или легко забыться и сказать имъ что нибудь обидное или даже возбудить ихъ вражду къ себѣ. Въ этомъ слу- чаѣ приличіе иногда можетъ удержать тебя отъ отвѣта и нало- жить замокъ на ротъ. И такъ, молчи сначала по приличію, при- выкнувъ черезъ него нѣсколько управлять собою, потомъ тебѣ сдѣлается легче молчать и по убѣжденію.

Такъ черезъ приличіе можно научиться и терпѣнію, мож- но сдѣлаться снисходительнѣе и мягче. Но также легко и сдѣ- латься холоднымъ ко всему, быть терпѣливымъ, снисходитель- нымъ, даже добрымъ, потерявъ всякое стремленіе открыть истину, потерявъ всякую охоту тревожить себя, когда нашелъ однажды успокоительное прибѣжище подъ панцыремъ формы и приличія. Такъ и съ заботою о будущемъ земной жизни. Евангелическая беззаботность, основанная на вѣрѣ и упованіи на безпредѣльной благодати Творца, не отвергаетъ любви къ своимъ близкимъ и заботливости о ихъ участи.

Христіанское ученіе требуетъ, чтобы мы предотвращали все, что можетъ ввести въ соблазнъ и искушеніе нашихъ близ- кихъ и дѣтей, чтобы имъ дали средства слѣдовать въ пути истины. Можемъ ли мы это иначе сдѣлать въ нашемъ обществѣ, какъ

предотвративъ нашихъ близкихъ отъ нищеты, давъ имъ такое воспитаніе, которымъ бы они могли доставать себѣ насущный хлѣбъ?

И такъ, мы должны заботиться о будущемъ нашихъ дѣтей и близкихъ. И такъ, опять мы должны избѣгнуть двухъ крайностей: не жить для нихъ безопасно, но и не обременять душу излишнимъ любостыжаніемъ, какъ тѣло излишнею одеждою и матеріальными наслажденіями.

— «Смотрите, берегитесь любостыжанія, — сказалъ Искушитель, — ибо жизнь человѣка при всемъ избыткѣ его не зависитъ отъ его имѣнія». И сказалъ притчу: «У одного богатаго хорошій былъ урожай въ полѣ. И онъ разсуждалъ самъ съ собою, говоря: что мнѣ дѣлать? Мнѣ некуда собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю пространство и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое. И скажу душѣ моей: Душа! много лежитъ у тебя добра на многіе годы, покойся, ѣшь, пей, веселися. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя: кому же достанется то, что ты заготовилъ? Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто *собираетъ сокровища для себя*, а не въ Бога богатѣетъ».

И такъ, Откровеніе запрещаетъ намъ *сбирать сокровища для себя*. — Кто съ умиленіемъ изъ насъ не читалъ Его благодатныя слова, которыми онъ поселялъ въ ученикахъ своихъ упованіе и вѣру въ милосердіе Отца. Чью душу, стенающую подъ тяжестью дневныхъ заботъ, не облегчали эти слова Учителя, въ которыхъ Онъ изобразилъ намъ умиленный Идеаль безпредѣльной Вѣры и безпредѣльнаго упованія. Кто, озабоченный мелочными притязаніями земнаго, не поднималъ очей, омоченныхъ слезою, на небо, читая:

«Я говорю вамъ: не заботьтесь душею, что вамъ ѣсть, и тѣломъ, во что одѣться. Душа больше пищи и тѣло одежды. Посмотрите на врановъ: они не сѣютъ, не жнутъ; нѣтъ у нихъ ни хранилищъ, ни житницъ; и Богъ питаетъ ихъ: сколько же вы лучше птицъ? и кто изъ васъ заботясь можетъ себѣ прибавить росту хоть на одинъ локоть? И такъ, если и малѣйшаго сдѣлать не можете, что о прочемъ заботитесь? Посмотрите на лилии, какъ онѣ растутъ; не трудятся, не прядутъ; но Я вамъ говорю, и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался, какъ каждая изъ нихъ. Есть ли же полевую траву, которая сегодня растетъ, а завтра брошена будетъ въ печь, Богъ такъ одѣваетъ. то колымпъ паче васъ маловѣрныхъ! И такъ, не ищите вы, что вамъ ѣсть или что пить, и не безпокойтесь. Потому *что всего того ищутъ люди мірскіе*; вашъ же Отецъ знаетъ, что вы имѣете нужду въ томъ. Ищите лучше царствія Божія и все сіе придастся вамъ. Не бойся, малое стадо! ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство. Продавайте имѣнія свои и дайте милостыню. Запа-

сайте себѣ влагалища, не ветшающія, сокровище, неистощимое на небесахъ, куда воръ не подходитъ и гдѣ моль не съѣдаетъ».—

Вотъ какъ я, принадлежащій къ *людямъ мірскимъ*, стараюсь избѣжать любостыжанія. О себѣ же я говорю потому, что тебѣ нужно знать все, что касается до меня, и потому также, что каждый изъ насъ долженъ всегда просматривать хоть время отъ времени, какъ и въ какой степени онъ слѣдуетъ по пути къ недостижимому въ мірѣ Идеалу Высокаго и Святаго. Я себѣ положилъ за правило, отъ моихъ больныхъ, какъ бы они богаты ни были, никогда и ничего не требовать. Кто мнѣ даетъ, я беру, и беру съ мыслию, что я получаю не вознагражденіе за мой трудъ, но за мое время. Мое призваніе и мое искусство я всегда ставилъ слишкомъ высоко, чтобы видѣть въ немъ одно только средство къ любостыжанію, и Богъ знаетъ, что я посвятилъ себя ему еще бывши ребенкомъ, когда мнѣ мысль о корысти и въ олову не приходила.

Я знаю, что я никогда не буду богатымъ. Одно время я жилъ только для одного идеала. Наживъ дѣтей, я началъ жить и для нихъ, и мысль любостыжанія тогда начала было чаще навѣщать меня. Но теперь я думаю: что же—я соберу плоды, сломаю житницы мои и построю пространнѣе и скажу себѣ и дѣтямъ: много лежитъ у васъ добра на многіе года,—а Богъ въ одну ночь возьметъ и мою душу, и душу дѣтей моихъ, и кому же достанется то, что я заготовилъ?

Нѣтъ, лучше соберу только для того, чтобы улучшить ихъ нравственный бытъ, дать имъ средство къ усовершенствованію и не заботиться о прочемъ. Ни дѣти мои, ни жена, если хорошо поймутъ меня и будутъ глубоко проникнуты упованіемъ и вѣрою.—вѣрно не упрекнутъ меня въ беззаботности. Опѣ скажутъ: «нашъ отецъ, мой мужъ стремился въ земной своей жизни къ заповѣдному идеалу; успѣлъ ли онъ въ своемъ стремленіи, судить не намъ; но онъ и намъ завѣщаль быть вѣрными этому призванію земнаго бытія, и въ этомъ завѣщаніи состоитъ все наше существо».—Такъ и я думалъ, провожая прахъ моей матери: «Ты, живая, стремилась, по крайнему твоему разумѣнію, исполнять заповѣданное ученіемъ Христа. Миръ праху твоему».

Утро. 28 марта.

Но не забывай. Спаситель изрекъ свои утѣшительныя слова, относя ихъ, очевидно, только къ своимъ ученикамъ; Онъ прибавилъ: потому что всего того ищутъ люди мірскіе. Не значить ли это, что безпредѣльное упованіе и презрѣніе любостыжанія могутъ имѣть только тѣ, которые, подобно Ученикамъ Его, одушевятся вдохновеніемъ и будутъ стремиться къ достиженію Идеала Высокаго и Святаго.

Каждый из нас испыталъ вѣрно нѣсколько разъ въ жизни на себѣ, что мы дѣлаемъ болѣе склонными и готовыми слѣдовать этимъ утѣшительнымъ словамъ Искупителя, менѣе думаемъ о любостыжаніи, живѣе и сильнѣе ощущаемъ благодать упованія, когда чрезъ какое-нибудь сильнодѣйствующее впечатлѣніе выходимъ изъ обыкновенной колеи вседневной жизни.

Но, къ сожалѣнію, эти минуты вдохновенія у насъ бываютъ только однѣ скоротечныя минуты. Есть, однако-жъ, и для насъ мірскихъ людей, средство поддержать это благотворное вдохновение въ теченіе цѣлой жизни. Оно состоитъ въ томъ, чтобы: *составить въ себѣ ясную идею о своемъ* (индивидуальномъ) *призваніи, стараться всѣми силами проявлять эту идею въ дѣлахъ жизни.*

Это составляетъ *третье* правило жизни, расположенной по образцу, который я изложилъ прежде.—Проявленіе въ дѣлахъ идеи о своемъ призваніи предполагаетъ всегда вдохновение. Съ прозаическимъ, чисто матеріальнымъ, близорукимъ взглядомъ на жизнь, нельзя составить для себя ясной идеи о своемъ призваніи, потому что съ этимъ взглядомъ нельзя проникнуть въ существенную главную сторону каждаго призванія, которая лежитъ глубоко скрыта, какъ бы поприще жизни, на которомъ каждому изъ насъ суждено дѣйствовать, ни казалось ограниченнымъ, мелочнымъ, низкимъ и прозаическимъ.

Мы видимъ это особливо въ жизни женщины. Большая часть и женщинъ, и мужчинъ рассматриваютъ призваніе женщины со стороны чисто прозаической и матеріальной. Ее рассматриваютъ, какъ одно какое-то украшеніе общества, какъ Гамсову мебель, или много, много, какъ оранжерейный цвѣтокъ. Но не видятъ въ ней главнаго и мощнаго рычага, которымъ двигается будущее поколѣніе. Сами женщины, по врожденной имъ суетности, желанію нравиться мужчинамъ и по врожденному недостатку глубокомыслія, которое у нихъ замѣнено сильно развитыми тактомъ и инстинктомъ, — съ охотою принимаютъ этотъ взглядъ и поступаютъ и ведутъ себя, дѣйствительно, не какъ *существа* мыслящія и способныя къ вдохновенію, а какъ *предметы* рокоши и забавы.

29 Марта. Утро.

Этотъ недостатокъ яснаго понятія о важности и о сущности своего призванія въ женщинѣ и дѣлаетъ ее вмѣстѣ неспособною къ высокому вдохновенію для исполненія ея призванія. Правда, много способствуетъ къ этому и ограниченность круга дѣйствій женщины, которая большею частію такого рода, что не могутъ возбудить сильныхъ ощущеній. Но это не главное. Главное остается все-таки недостатокъ, совершенный недостатокъ понятія о важности и сущности ея призванія.

Воспитаніе женщины у насъ худо до-нельзя. Какое она по-лучаетъ понятіе о мужѣ и дѣтяхъ, ея главною назначеніи: жить и дѣйствовать для мужчины и дѣтей. Говорятъ, что ея кругъ дѣйствій ограничивается только семействомъ и потому ей не нужно настоящаго реальнаго воспитанія. Близорукіе! они не знаютъ, что въ семейномъ кругу лежитъ будущность человѣчества и въ немъ же скрыта одна изъ главныхъ пружинъ общественной дѣятельности въ настоящемъ. Дѣйствовать въ семейномъ кругѣ значитъ дѣйствовать въ обществѣ, да еще и какъ? — Такъ, что эти дѣйствія отзовутся чрезъ 25 лѣтъ въ другомъ поколѣніи.

Призваніе женщины, разсматриваемое съ этой точки, заключаетъ въ себѣ идею даже болѣе высокую, нежели призваніе мужчинъ, принадлежащихъ къ нѣкоторымъ классамъ общества. Есть классы общества, въ которыхъ мужчины, ихъ составляющіе, назначены для одной эфемерной цѣли; какъ однодневныя бабочки они назначены прожить, продѣйствовать извѣстное время на сценѣ общества, а потомъ исчезнуть безъ всякой будущности на землѣ. Но нѣтъ ни одного класса въ обществѣ, въ которомъ бы женщина не имѣла ея будущаго; потому что она имѣетъ дѣтей, и въ ея рукахъ лежитъ первая основа ихъ воспитанія.

Какая женщина, какъ бы отъ природы она ни была обижена разсудкомъ и глубиною мысли и чувства, не одушевилась бы вдохновеніемъ и не принялась бы съ твердостью и съ самоотверженіемъ, совѣстливо и горячо, исполнять святое и высокое призваніе, если бы она проникнута была мыслию и имѣла бы ясное понятіе о сущности ея назначенія на землѣ? Какая женщина, какъ бы легкомыслена и суетлива она ни была, не принялась бы съ ревностію вникать въ дѣйствія ея мужа, основательно изучать нравственный и матеріальный его бытъ, стараясь своими попеченіями все приспособить въ семейномъ кругу такъ, чтобы успокоить, утѣшить, освѣжить его, если бы она знала, если бы она убѣждена была, что впечатлѣнія и ощущенія, получаемыя мужчиною въ семейномъ его кругу, отзываются сильно въ его общественныхъ дѣйствіяхъ?

Сколько разъ случалось въ жизни, что, разстроенный событиями семейнаго круга, мужчина на обществѣ, на собратахъ подвластныхъ хотѣлъ выместить свое неудовольствіе и свою горестъ, и тяжелымъ камнемъ ложились на грудь его печальныя слѣдствія поступковъ, сдѣланныхъ въ минуты семейнаго огорченія, — самаго горькаго изъ всѣхъ, — и долго, долго, если не на всю жизнь, преслѣдовали его угрызенія совѣсти.

Какая-бы женщина, наконецъ, не принялась съ рвеніемъ трудиться, воспитывать, перевоспитывать себя и учиться, если бы она проникнута была идеею, что ея призваніе: класть основу въ воспитаніе дѣтей, будущаго человѣчества, требуетъ съ ея стороны глубокихъ реальныхъ и даже отвлеченныхъ свѣдѣній,

опыта, знанія сердца, не говоря уже о религіи и нравственности—краеугольномъ камнѣ всякаго воспитанія.

Но все это у насъ, для нашихъ женщинъ, для нашихъ женъ и матерей, — не ясная идея, а такъ что-то вродѣ китайскихъ тѣней или фантасмагоріи.

Жалкая участь общества! Жалкая будущность будущаго поколѣнія! Иначе какъ объяснить это *пренебреженіе* къ воспитанію женщинъ въ нашемъ обществѣ? Я говорю *пренебреженіе*. Это покажется страннымъ. Потому что говорятъ, что у насъ женщины воспитываются лучше мужчинъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи это, можетъ быть, правда, потому что мужчинъ у насъ почти совсѣмъ не воспитываютъ; они воспитываются, какъ птицы небесныя, сами.

Но въ чемъ, скажи сама, состоитъ наше воспитаніе женщины?—Это была всегда и теперь есть причина, почему я все-таки имѣю больше довѣрія къ молодой женѣ, нежели къ пожилой, хотя имѣть женою молодую женщину для меня, въ другомъ отношеніи, невыгодно.

Молодую, если она только отъ природы не обижена, если она только способна глубоко чувствовать и одушевляться вдохновеніемъ, можно еще воспитать, ей можно, по крайней мѣрѣ, дать идею о ея назначеніи, показать важность и сущность идеи, заключающейся въ ея призваніи. Я согласенъ, это слишкомъ самонадѣянно желать воспитать и перевоспитать женщину выходящую замужъ, какъ бы она молода ни была; но все-же имѣть успѣхъ въ этомъ случаѣ вѣроятнѣе, нежели имѣть хорошій результатъ отъ супружества съ женщиною пожилою, которая уже успѣла усвоить всѣ предразсудки, всѣ несовершенства своего воспитанія и которая хочетъ сама учить и повелѣвать, а не учиться и слушать совѣты.

Женившись на молодой, если, наконецъ, и убѣдишься вполнѣ, что ошибся, то все-таки остается утѣшеніе,—если не будешь воплощеннымъ эгоистомъ и если сначала разсуждалъ, соображалъ и приготавлился къ неудачѣ,—что причина неудачи скрыта въ натурѣ вещей, которую предвидѣть и перемѣнить нельзя; а женившись неудачно на пожилой, нѣтъ и этого утѣшенія.

И такъ, съ ревностію, съ полнымъ сознаниемъ, вдохновеніемъ и нерѣдко съ самоотверженіемъ исполнять обязанности своего призванія, составивъ объ немъ ясную идею,—вотъ третье правило науки: какъ трудиться. Безъ этого правила я не захотѣлъ бы ни минуты жить на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, жить въ обществѣ, облекшись съ ногъ до головы его утомительною, убійственною для духа, прозою. Это правило, когда мы однажды постигли внутренно всю его важность и необходимость для *истиннаго счастья* въ земной жизни, потому что оно основано

на идеѣ о безсмертіи и будущей жизни,—вооружить насъ терпѣніемъ въ борьбѣ, подастъ силы къ исполненію иногда чрезвычайно трудныхъ обязанностей, утѣшить вдохновенною мыслію, что я тружусь и борюсь съ цѣлю не напрасно, иду впередъ и работаю для будущаго.—

Вотъ, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы мы съ тобою жили и трудились. Сказавъ *съ тобою*, я, можетъ быть, сказалъ мечту. Сколько я ни пишу, какъ я ни убѣжденъ въ томъ, что пишу,—Богъ знаетъ, могу ли я передать тебѣ все, что чувствую, и все такъ, какъ чувствую; Богъ знаетъ, въ какой мѣрѣ я сумѣю передать тебѣ мои совѣты, мои убѣжденія;—я чувствую, что мнѣ еще многого, очень многого не достааетъ, чтобы быть хорошимъ наставникомъ, я не всегда одинаковъ, не всегда терпѣливъ, не всегда хладнокровенъ и снисходителенъ, какъ долженъ быть настоящій наставникъ. Иногда внѣшнія, отъ меня независящія, обстоятельства, болѣзни, заботы, неудачи, выводятъ меня изъ моей настоящей колеи.

Я уже тебѣ, кажется, нѣсколько разъ писалъ и говорилъ, что есть минуты, въ которыя я думаю низко и худо, завидую, горжусь, не люблю, презираю, злюсь, сомнѣваюсь, и сомнѣваюсь страшно; за эти минуты я считаю себя послѣ бездѣльникомъ и даже подлецомъ; онѣ рѣдко вообще проявляются на дѣлѣ и остаются неосуществленными, въ одномъ только помышленіи; я въ эти минуты дѣйствую нерѣдко и даже обыкновенно не такъ, какъ я думаю; но иногда и мои дѣйствія, обнаруживающіяся безъ мысли, мгновенно, не соотвѣтствуютъ моему настоящему образу мыслей; такъ я, разгорячась за поступокъ кого либо другаго, который мнѣ кажется глупымъ или сквернымъ, готовъ ему наговорить тьму дерзостей и даже, если это мой слуга или нижній подчиненный, готовъ избить его, хотя я имѣю мысленно всегда уваженіе къ личности моего ближняго, сколько бы онъ ниже ни стоялъ меня, и не терплю деспотизма.

Если я убѣжденъ, что эта личность имѣетъ достоинства, или если она, понявъ меня, мою вспышку встрѣтитъ привѣтомъ и кротостію,—я обезоруженъ, я опять вхожу въ себя и стараюсь всѣми силами загладить мою несправедливость, готовъ у всякаго съ самаго низшаго просить извиненія, но только, когда не встрѣчу противодѣйствія или встрѣчу кроткое и справедливое.

Я сознаюсь въ моей слабой сторонѣ и готовъ сознаться не только предъ моею женою, но и предъ всякимъ.—Во мнѣ развитъ духъ противодѣйствія (*l'esprit d'opposition*); при многихъ невыгодахъ, онъ имѣетъ во мнѣ то хорошее, что сообщаетъ мнѣ независимость и даетъ мнѣ средство имѣть собственный взглядъ на вещи.

Все это ты должна знать.

Вечеръ 29 марта.

Я получилъ твое письмо отъ 20 Марта и вижу, что ты получила еще только одно мое письмо, вижу то, что я и прежде хорошо видѣлъ: твою добрую, милую душу, твой простой религиозно-теплый, утѣшительный взглядъ. Оставайся при немъ, моя душка, вѣрь, уповай и люби безъ сомнѣнія, безъ страха; самъ Богъ вселяетъ такія чувства, и щастливъ, кто сберегъ ихъ въ теплицѣ сердца, какъ ты, мое милое дитя.

Моего сплина не пугайся. Я уже привыкъ къ нему, хоть подчасъ и тяжелъ бываетъ. О, мнѣ нужно еще много, много Вѣры, Уповапія и Любви, чтобы очистить духъ мой и сдѣлать его достойнымъ безсмертія.

Я молю объ этомъ, сколько могу; услышана ли будетъ моя грѣшная молитва,—не знаю, чтобы знать это, надобно быть уже проникнутымъ совершенно и глубоко Вѣрою и Уповапіемъ. Богъ видитъ, по крайней мѣрѣ, что я борюсь по крайнему моему разумѣнію и не щаю себя, не остаюсь празднымъ.

Ты мнѣ такъ мила, что я желалъ бы въ тебѣ не видать ни одного несовершенства, даже и орфографическаго, и поэтому выписываю для тебя, изъ *grammaire des grammaires*, статью *de la ponctuation* (pag. 455)*.

Это было интермецо.

Сказавъ мое убѣжденіе, какъ должно трудиться, я долженъ былъ говорить съ тобою, какъ должно молиться. Это ты лучше меня знаешь, потому что ты лучше меня, вѣрно, молишься. Отчасти я уже и писалъ тебѣ во 2-мъ письмѣ, какъ я думаю о молитвѣ, о проповѣди и проч.

И такъ, молись, Ангелъ мой, молись и за твоего,—хотѣлъ было сказать—*друга*; но это что-то мало. Мы должны, по словамъ Апостола Павла, составлять одно существо, одну плоть; и такъ, молись за твоего *себя*.

Дѣти цѣлуютъ твою гипсовую ручку всякой день, кланяются твоему портрету и молятся за тебя въ своей утренней и вечерней молитвѣ. Сестра тебѣ кланяется и цѣлуетъ.

Не забудь, всякой разъ, обнять за меня твоего почтеннѣйшаго батюшку и матушку. Кланяйся всѣмъ. Меня не забывай и пиши, хоть и безъ запятыхъ.

Послано 30 марта въ субботу.

Я обѣщался тебѣ писать все, что на умъ и на мысль придетъ, потому что отъ тебя, то-есть отъ *моего себя*, я ничего не хочу, да и не могу скрыть. Вѣрно тебѣ не все понравится, потому что и мнѣ не все нравится, что я пишу или говорю; многое еще

* Въ письмѣ небольшая выписка (на французскомъ языкѣ) о знакахъ препинанія, опущенная здѣсь.

тебѣ будетъ не совсѣмъ яснымъ, потому что многое и мнѣ еще не ясно.

Прими это такъ, какъ я самъ принимаю: это мое я, безъ рубашки, какъ есть, нагое, слѣдовательно, такое, которое можетъ быть открыто только женѣ и врачу. Врачу, чтобы онъ помогъ, если нужно и если можно; а женѣ, чтобы замѣнила то, что мы не находимъ въ нашихъ духовникахъ, полного довѣрія и полной любви. Не знаю, все ли ты хорошо разбираешь; мое первое письмо, кажется, ты не совсѣмъ разобрала.

Считаться не будемъ, но я прилежнѣе тебя, не въ упрекъ тебѣ будь сказано.

Будь же здорова, моя душка.

Вотъ тебѣ мой поцѣлуй. ¹

Пиши же какъ можно больше, я читаю и перечитываю твои письма нѣсколько разъ. ²

* *

Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ, признаваясь, что, влюбившись въ А. А. Бистрамъ, онъ чувствуетъ себя слѣпымъ и мучительно сомнѣвается въ своемъ будущемъ счастьи, Н. И. Пироговъ возлагаетъ надежды на великую творческую силу любви. «Любовь,—подчеркиваетъ онъ,—какъ и всѣ высокія безотчетныя чувства, *дѣлаетъ чудеса* надъ тѣми, кто вѣруетъ въ ея могущество; она измѣняетъ, облагораживаетъ нашу природу, дѣлаетъ возможнымъ, что до того казалось несбыточнымъ... и неопытная 20-лѣтняя дѣвушка, руководимая истинною любовью, можетъ достигнуть всего, что она считаетъ необходимымъ для счастья того, кого она любитъ... *Я вѣрю въ это...*»

Могущественная сила любви подѣйствовала благотворно и на самого Пирогова—и, одушевленный ею, онъ вскорѣ выступилъ на путь общественнаго служенія, завѣщавъ потомству идеи, имѣющія живительное вліяніе на работу многихъ поколѣній русской интеллигенціи.

С. Штрайхъ.

¹ Въ подлинникѣ письма чистое мѣсто обведено пунктиромъ въ видѣ овала.

² Пироговъ почти никогда не подписывалъ своихъ писемъ именемъ или фамилей.

ВЛІЯНІЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХЪ СОЮЗОВЪ РАБОЧИХЪ НА РАЗВИТІЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХЪ СИЛЪ СТРАНЫ.

Профессиональные союзы рабочихъ обыкновенно рассматриваются какъ такого рода организаціи, которыя имѣютъ значеніе только для рабочихъ, обслуживаютъ только ихъ интересы, и могутъ способствовать улучшенію только ихъ положенія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, профессиональные союзы рабочихъ имѣютъ гораздо болѣе широкое значеніе и являются могучимъ средствомъ для поднятія производительности труда, для проведенія въ жизнь тѣхъ улучшеній, безъ которыхъ немислимо широкое и плодотворное развитіе производительныхъ силъ страны. Нельзя сказать, чтобы этого значенія за ними не признавалось совсѣмъ, но оно какъ то отмѣчается вскользь и какъ бы упускается изъ виду. И вотъ, въ настоящее время, когда передъ нами встаетъ во всей своей жизненной, настоятельной требовательности вопросъ о средствахъ для развитія нашей промышленности, необходимо отмѣтить то значеніе, какое имѣетъ развитіе и распространеніе профессиональныхъ организацій рабочихъ для промышленнаго развитія страны, что и составляетъ задачу настоящей статьи.

I.

Къ заключенію о положительномъ вліяніи профессиональныхъ союзовъ на развитіе промышленности и повышение уровня производительныхъ силъ страны можно безошибочно придти уже изъ того, что профессиональные союзы имѣютъ своей задачей содѣйствовать улучшенію положенія рабочихъ. Никто же вѣдь не можетъ серьезно возражать противъ того скромнаго положенія, что основной элементъ производительности страны представляютъ собою ея рабочія силы. Нельзя возражать и противъ того положенія всѣхъ учебниковъ политической экономіи, что социальное состояніе рабочаго (рабство, крѣпостное состояніе, такъ называемый вольнонаемный трудъ) имѣетъ большое значеніе для производительности его труда и что переходъ отъ одного изъ этихъ состояній къ другому тѣсно

связанъ съ развитіемъ производительности страны и потребности въ томъ. Далѣе, съ другой стороны—въ условіяхъ уже капиталистическаго производства и широкаго примѣненія машинъ и различныхъ техническихъ усовершенствованій, какъ это установлено цѣлымъ рядомъ фактовъ и многочисленными научными авторитетами,—величина рабочаго дня, высота заработной платы, уровень потребностей рабочаго и его положеніе какъ гражданина страны,—все это имѣетъ свое значеніе для производительности его труда. По отношенію ко всему этому съ безспорной убѣдительностью выяснено, что чѣмъ выше жизненный уровень рабочаго, чѣмъ—въ извѣстныхъ предѣлахъ короче рабочій день,—чѣмъ выше заработная плата рабочаго, тѣмъ относительно ниже издержки производства (на единицу произведеннаго продукта) и тѣмъ выше производительность труда рабочаго.

А если все это такъ, то отсюда логически неизбежно вытекаетъ то заключеніе, что профессиональные союзы рабочихъ, содѣйствуя улучшенію положенія послѣднихъ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ и приближая рабочаго къ уровню существованія другихъ классовъ общества, исторически поставленныхъ на болѣе высокую ступень матеріальнаго благосостоянія и гражданскаго положенія, тѣмъ самымъ уже оказываютъ незамѣнимое вліяніе на повышение производительности страны, незамѣнимое, такъ какъ воздѣйствуютъ непосредственно на положеніе тѣхъ лицъ, которыя составляютъ основную силу производства и безъ которыхъ оно совершенно невысказимо.

Не довольствуясь, однако, такимъ логическимъ умозаключеніемъ, посмотримъ насколько оно оправдывается дѣйствительностью, насколько въ самомъ дѣлѣ профессиональные союзы фактически проявляютъ свое вліяніе въ этомъ отношеніи и какими путями. Къ сожалѣнію, для выясненія этого приходится ограничиваться почти исключительно данными, касающимися Англии, такъ какъ дѣятельность профессиональныхъ союзовъ рабочихъ и по продолжительности времени ихъ существованія, и по числу участниковъ ихъ, даетъ для этого такой матеріалъ, котораго не найдется въ такой мѣрѣ въ другихъ странахъ. Но такъ какъ то, что здѣсь имѣется, не обусловливается какими либо специфическими особенностями Англии, то результаты и заключенія, даваемые практикою профессиональныхъ союзовъ въ ней, вполне могутъ быть обобщаемы и распространяемы и на другія страны.

Обращаясь къ этимъ даннымъ, прежде всего необходимо установить, что безъ профессиональныхъ союзовъ рабочихъ невысказимо проведеніе въ жизнь такъ называемыхъ коллективныхъ сдѣлокъ или тарифныхъ договоровъ. Какъ только образовались профессиональные союзы, такъ тотчасъ же они проявили попытки

устранить влияние особыхъ требованій отдѣльныхъ предпринимателей и отдѣльныхъ рабочихъ на условія найма. Союзы тотчасъ же стали добиваться установленія рабочихъ правилъ, «обязательныхъ для всѣхъ предпринимателей въ городѣ или округѣ», что и устанавливалось путемъ коллективныхъ соглашеній. Соглашенія эти между конференціями предпринимателей и представителями союзовъ рабочихъ устанавливаются, какъ извѣстно, на опредѣленный срокъ, время начала и окончанія работъ, минимумъ заработной платы, вознагражденіе за сверхурочныя работы, возрастъ и число учениковъ, условія поштучной работы, обязательные праздники, условія заявки объ отказѣ отъ договора со стороны хозяевъ или рабочихъ, правила объ обѣденномъ времени и храненіи инструментовъ, различныя вознагражденія или добавки къ платѣ за переѣзды, за квартиру, за прогулы по винѣ хозяина, за отточку инструментовъ и т. п. Эти правила ставятъ въ одинаковое положеніе по найму рабочихъ всѣхъ предпринимателей. «Всѣ фирмы въ одномъ округѣ, всѣ округа въ одной странѣ становятся—насколько это возможно—въ совершенно одинаковыя условія по высотѣ заработной платы.»

Къ чему же это приводитъ по отношенію къ усовершенствованію и повышенію уровня производительныхъ силъ? Не связывается ли предприниматель такимъ договоромъ по рукамъ и ногамъ? Не попадаетъ ли онъ въ менѣе благоприятное положеніе сравнительно съ тѣми, которые не вошли въ такое соглашеніе? Конечно, нѣтъ,—иначе онъ и не входилъ бы въ него. Съ другой стороны то, что устанавливается такимъ соглашеніемъ, становится обязательнымъ и для не вошедшихъ въ него, такъ какъ удерживаетъ остальныхъ рабочихъ отъ согласія на худшія условія труда. И, такимъ образомъ, то, что установлено коллективной сдѣлкой, уже становится мало по малу общимъ правиломъ, обычаемъ, вліяетъ и на положеніе рабочихъ въ другихъ профессіяхъ. Одинъ крупный промышленникъ С. А. Соед. Шт. и предсѣдатель одного изъ обществъ американскихъ предпринимателей, нѣкто Джэсти, говоритъ: «поистинѣ смѣшно было бы, если бы мы *какъ дѣловые люди* стали исключать элементъ труда изъ общихъ правилъ веденія нашихъ дѣлъ. Мы заключаемъ контрактъ по покупкѣ сырья послѣ дружескаго совѣщанія съ тѣмъ, кто имѣетъ сырье для продажи, и собственныя наши произведенія мы тоже распредѣляемъ только по соглашенію съ покупателемъ. На какомъ же основаніи мы не должны съ рабочими поступать такъ же, коль скоро вопросъ о заработной платѣ сводится къ вопросу о товарѣ? Почему мы не можемъ и съ ними вступать въ дружеское соглашеніе о цѣнѣ товара и его количествѣ, поскольку мы имѣемъ въ рабочихъ продавцевъ этого товара? Съ тѣхъ поръ какъ мы установили *коллективное соглашеніе съ союзомъ* горнора-

бочихъ Америки,—вотъ уже болѣе шести лѣтъ у насъ не было ни одного общаго, ни мѣстнаго конфликта».

Такъ говоритъ американскій предприниматель. Но вотъ и союзы работодателей въ Англии также усматриваютъ необходимость промышленнаго посредничества и тѣмъ признаютъ необходимость рабочихъ организацій. Многие предприниматели дѣлать рабоче союзы, какъ необходимое представительство, безъ котораго немислимы никакія сношенія со сколько нибудь значительнымъ числомъ рабочихъ, и многие изъ нихъ даютъ благоприятные и даже дружескіе отзывы о рабочихъ союзахъ. Нѣмецкіе предприниматели также все болѣе склоняются къ признанію факта необходимости рабочихъ союзовъ. Печатный органъ нѣмецкихъ предпринимателей (*Arbeitgeber - Zeitung*) высказываетъ мнѣніе, что непризнание рабочихъ организацій теперь *невыгодно*. Существованіе ихъ для самыхъ предпринимателей *покойнѣе*. По признанію другаго органа (*Zeitschrift des Mitteldeutschen Arbeitgeberverbandes*)—къ признанію рабочихъ союзовъ, открывающихъ путь къ мирнымъ соглашеніямъ, приводятъ «чрезмѣрные убытки отъ забастовокъ, огромныя потери національнаго достоянія и тяжелый ущербъ для всей хозяйственной жизни».

Это послѣднее указаніе, какъ и то, что высказано американскимъ предпринимателемъ объ устраненіи конфликтовъ, само по себѣ можетъ уже свидѣтельствовать о значеніи такихъ соглашеній, возможныхъ только съ союзами рабочихъ, для хода промышленныхъ дѣлъ, для развитія промышленности, которое, конечно, не можетъ быть успѣшнымъ, если грозитъ опасность конфликта или если онъ наступаетъ. Въ этомъ отношеніи и наша русская дѣйствительность, при всей скудости существующаго для освѣщенія этого матеріала, даетъ опредѣленные положительныя указанія на значеніе союзовъ рабочихъ для правильнаго хода промышленныхъ дѣлъ. Въ «Торгово-Промышленной газетѣ»—официальномъ органѣ—сообщалось, что въ Варшавѣ *сокращеніе числа стачекъ* произошло, *благодаря профессиональнымъ союзамъ*, которые стараются развить планомѣрную дѣятельность и *избѣгаютъ стихійныхъ* частыхъ выступленій. Затѣмъ не далѣе какъ 3 ноября 1915 г. въ засѣданіи Московскій Городской Думы товарищъ городского головы В. Д. Брянскій сообщилъ, что при трамвайныхъ забастовкахъ въ Москвѣ въ 1907, 1908, 1909 и 1911 годахъ Управа вела *переговоры съ представителями рабочихъ*, и забастовки эти *прекращались быстро*. Но, затѣмъ, *представительство рабочихъ было уничтожено*, и отсутствіе этого представительства въ трамвайную забастовку 1913 и 1915 годовъ сыграло *весьма тяжелую роль*. Забастовки эти были *длительныя, вслѣдствіе именно отсутствія организаціи рабочихъ* (цитирую по отчету о засѣданіи, помѣщенному

въ газ. «Русскія Вѣдомости») инистерств о промышленности и торговли по поводу пожеланія Государственной Думы объ «устраненіи препятствій для легальной дѣятельности профессиональныхъ рабочихъ организацій, преслѣдующихъ экономическія цѣли» (засѣданіе 7 марта 1916 г.), также находитъ, что при организованности рабочаго населенія «гораздо легче будетъ фабричной инспекціи улаживать всякія тренія, возникающія между промышленниками и рабочими. Рабочіе союзы и общества всегда смогутъ добиться подчиненія своихъ сочленовъ тѣмъ рѣшеніямъ, которыя будутъ приняты при совмѣстномъ разбирательствѣ представителей этихъ союзовъ, представителей промышленности и фабричной инспекціи».

Но скорѣйшее улаживаніе или устраненіе конфликтовъ не представляетъ собою по отношенію къ производству, его устойчивости и нормальному ходу единственнаго послѣдствія существованія профессиональныхъ организацій рабочихъ. Я указалъ уже, что устанавливаемые коллективными соглашеніями правила становятся «обычаями промысла» вообще, отъ которыхъ отступать отдѣльнымъпредпринимателямъ неудобно. Получается какъ будто такое положеніе, что разъ такія правила вошли въ «обычай», то уже дальнѣйшаго значенія здѣсь профессиональные союзы не имѣютъ. И, однако, конечно это не такъ. «Только союзы и могутъ обезпечить широкое и не случайное примѣненіе этихъ сдѣлокъ», ихъ прочность и постоянство, иначе могутъ начаться мало-по-малу сперва незначительныя, а затѣмъ и болѣе существенныя отступленія, что само собою понятно и безъ приведенія въ доказательство этого какихъ либо фактическихъ данныхъ. Точно также если нѣкоторыя условія, относящіяся къ величинѣ рабочаго дня, высотѣ заработной платы и т. п., и могутъ быть установлены закономъ и безъ существованія профессиональныхъ союзовъ, то надо имѣть въ виду, что: во-первыхъ, самъ законъ, регулирующий или улучшающий тутъ то или другое, вызывается нерѣдко, да и въ первомъ счетѣ, заявленіями самихъ рабочихъ, которыя, конечно, тѣмъ убѣдительнѣе, доказательнѣе и тѣмъ болѣе имѣютъ силы, когда они исходятъ не со стороны отдѣльныхъ лицъ, а отъ совокупности рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ объемъ и успѣшность фабричнаго законодательства, замѣчаютъ Веббы въ своемъ изслѣдованіи «Теорія и практика англійскихъ трэдъ-юніоновъ», зависятъ отъ того, сколько трэдъ-юніоны «израсходовали на услуги своихъ агентовъ и на привлеченіе къ консультаціи юристовъ»; во-вторыхъ, многое изъ того, что устанавливается коллективными соглашеніями, какъ это легко видѣть изъ приведеннаго выше примѣрнаго перечня предметовъ соглашенія, и не можетъ быть устанавливаемо какимъ либо общимъ закономъ, а можетъ и должно быть лишь пред-

метомъ соглашенія участниковъ данной профессіи, знакомыхъ со всѣми общими и мѣстными условіями ея.

Коллективная сдѣлка, какъ отмѣчено, ставитъ всѣхъ предпринимателей въ одинаковое положеніе по отношенію къ найму рабочей силы, а это ведетъ непосредственно къ весьма существеннымъ послѣдствіямъ для постановки всего производства и для повышенія производительности предпріятій. Одинаковость условій по отношенію къ найму рабочихъ не позволяетъ уже предпринимателю выиграть въ соперничествѣ съ другими на пониженіи заработной платы. Надо искать другого выхода, а онъ можетъ быть при этомъ услови только въ томъ, чтобы повысить производительность и улучшить качество издѣлій. При существованіи коллективныхъ сдѣлокъ, и охранѣ ихъ устойчивости профессиональными союзами рабочихъ, нельзя уже найти дешевыхъ рабочихъ и, стало быть, для сохраненія прежней прибыли или увеличенія ея надо *примѣнять усовершенствованія въ производствѣ*. Конкуренція между предпринимателями направляется при такихъ условіяхъ на улучшение машинъ, на прибрѣтеніе болѣе доброкачественныхъ и болѣе дешевыхъ сырыхъ матеріаловъ, на отысканіе болѣе выгоднаго рынка для товаровъ (Б. и С. Веббъ: «Теорія и практика англійскаго Трэдъ-юніонизма». Т. I.). Съ другой стороны и рабочій, зная, что не можетъ создать себѣ преимущества согласіемъ взять за свой трудъ дешевле, можетъ выдвинуться лишь большей технической ловкостью и вообще проявленіемъ тѣхъ или иныхъ положительныхъ качествъ. Вмѣстѣ съ этимъ поднимается чувство сознанія собственного достоинства и вырабатывается опредѣленный болѣе повышенный уровень жизненныхъ требованій, а это все не можетъ не отражаться благопріятно на большей производительности труда.

Совершенно справедливо отмѣчаютъ по этому поводу англійскіе изслѣдователи Веббы (тамъ же), что, гдѣ устанавливаются однообразныя нормы заработной платы, тамъ *«автоматически»* улучшается качество оказываемыхъ работниками услугъ». Въ самомъ дѣлѣ, служащимъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, — на примѣръ, земскому врачу, агроному и т. д. и т. д., устанавливается и прямо объявляется напередъ установленное опредѣленное въ твердой цифрѣ вознагражденіе за предлагаемый трудъ и соискатели подвергаются конкурсу уже не на почвѣ вознагражденія, а по ихъ качествамъ и подготовкѣ къ данному труду, что, конечно, служить только къ успѣху дѣла. Такъ вотъ, къ тому же самому ведутъ и профессиональные союзы рабочихъ, направляя вмѣстѣ съ тѣмъ ходъ дѣлъ къ устраненію той грани въ отношеніяхъ къ лицамъ, занятымъ физическимъ и инымъ трудомъ, которая существуетъ еще до сихъ поръ и,

конечно, не служить къ повышенію человѣческаго достоинства ни тѣхъ, ни другихъ.

II.

Если, однако, путемъ уравненія условий заработной платы, вызывается необходимость въ улучшеніи техническихъ приѣмовъ, то,—возражаютъ нерѣдко,—препятствіемъ къ этому служить или нерѣдко проявляемое отрицательное отношеніе рабочихъ къ введенію многихъ машинъ, причемъ оно выражается иногда въ практикованіи такихъ приѣмовъ работы при усовершенствованныхъ машинахъ, при которыхъ повышенія производительности не получается, происходитъ замедленіе въ ходѣ работъ (*go sappy*), и выгода введенія новой машины стирается или же получается и убытокъ, выражаемый цифрой расхода на нее, невозмѣщеннаго въ повышенной производительности труда.

Сказаннымъ выдвигается уже новый вопросъ о *прямомъ и непосредственномъ вліяніи профессиональныхъ союзовъ рабочихъ на примѣненіе машинъ* и вообще новыхъ усовершенствованій.

По этому поводу надо сказать, что до 1869 г. въ Англии нѣкоторые союзы пытались установить не только минимальную денежную заработную плату, но и максимумъ работы за эту плату и даже налагали штрафъ на превышавшихъ послѣднюю норму. Но, во-первыхъ, необходимо замѣтить по этому поводу, что это вызывается политикой самихъ предпринимателей, которые, за подкупъ пивомъ или за прибавку къ платѣ одному, двумъ, повышавшимъ чрезмѣрно напряженіе своихъ силъ (такъ называемымъ англичанами «поддужнымъ»), пользовались затѣмъ уже даромъ повышеніемъ напряженія со стороны всей массы рабочихъ. Дѣлалось это и еще проще. Вспомнимъ, какъ въ одномъ стихотвореніи Некрасова, подрядчикъ строительныхъ работъ заставляеть рабочихъ побольше таскать кирпичей тѣмъ способомъ, что, обращаясь къ одному изъ нихъ, отличающемуся силой и глядя на взятую имъ стопу кирпичей, восклицаетъ: «Не узнаю Трофима я!» И вотъ Трофимъ, поощряемый какъ бы хозяйской похвалой-упрекомъ, надрывается изо всѣхъ силъ, забирая чуть ли не вдвое большее количество кирпичей, чѣмъ заставляеть и другихъ рабочихъ повысить свое напряженіе. И, конечно, поскольку союзы рабочихъ борются съ такимъ отношеніемъ къ «человѣческому матеріалу», врядъ ли можно что либо сказать противъ сопротивленія ихъ въ сущности обманчивому и лишь кажущемуся повышенію производительности, не касаясь, однако, самой формы такого сопротивленія; во-вторыхъ, надо имѣть въ виду, что практика замедленія работъ (*go sappy* или *sa sappy*) примѣнялась и примѣняется рабочими помимо союзовъ и до существованія ихъ. Въ этомъ случаѣ при общности для всѣхъ причины, ведущей къ тому, то, что представляется ближайшимъ средствомъ для одно

го, легко приходитъ въ голову и другимъ. По отношенію же къ профессиональнымъ союзамъ нужно сказать, что они быстро обратили вниманіе на то, что «систематическое бездѣльничанье разрушаетъ характеръ наиболее энергичныхъ рабочихъ и разрушаетъ производительность труда». Пониманіе этого и побудило отвѣтственныхъ руководителей трэдъ-юніоновъ высказаться *противъ такой тактики* ливерпульскихъ доковыхъ рабочихъ. При этомъ оказалось, что тѣ лица, которыя ввели тактику *go sabbu*, не принадлежали къ рабочему классу и вскорѣ были формально, «какъ люди средняго класса», исключены изъ конгресса трэдъ-юніоновъ. Международная же федерація доковыхъ рабочихъ единодушно отвергла тактику замедленной работы.

Что касается прямого противодѣйствія введенію машинъ, то извѣстно, что когда-то оно практиковалось рабочими въ довольно широкихъ предѣлахъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ писатель, «противодѣйствіе машинамъ старше профессиональныхъ союзовъ» (A. Schadwell *Industrial efficiency*). И, если это измѣнилось, то именно благодаря профессиональнымъ союзамъ рабочихъ, которые, помимо воздѣйствія на примѣненіе машинъ указаннымъ уже путемъ, и непосредственно ведутъ къ тому. Союзы рабочихъ пришли къ тому, что самая лучшая политика—это *воспользоваться улучшениями и заставить ихъ служить интересамъ рабочихъ*. Спорятъ теперь не о томъ уже, вводить или нѣтъ машины, а на какихъ условіяхъ ихъ вводить. Въ настоящее время *трэдъ-юніоны оказываютъ давленіе на отсталыхъ предпринимателей и заставляютъ ихъ вводить и примѣнять новѣйшія усовершенствованія*. Введеніе, на примѣръ, наборной машины было всюду неприятно для рабочихъ, но трэдъ-юніоны съ самаго начала отвергли мысль о сопротивленіи примѣненію ихъ, и стремились добиться такихъ условій занятія, которыя обеспечивали бы нормальный уровень заработной платы. «Наши рабочіе, заявляли они предпринимателямъ, думаютъ, что Вы обладаете изобрѣтеніемъ, которое *чрезвычайно выгодно* для промышленности, сберегая значительное количество денегъ и труда, и рабочіе должны воспользоваться справедливой долей этихъ выгодъ». (Веббъ).

Всякое *пониженіе издержекъ производства*, происходящее отъ *улучшенія процессовъ производства* или отъ искуснаго управленія, признается, трэдъ-юніонами *выгоднымъ для рабочихъ*, ибо обеспечиваетъ продукту ихъ труда расширяющійся рынокъ. Въ хлопчато-бумажномъ производствѣ *трэдъ-юніоны даже поощряютъ предпринимателей, вводящихъ улучшения*, соглашаясь на такія нормы поштучной платы, которыя понижаются каждымъ повышеніемъ производительности машинъ. Изъ всякаго увеличенія числа веретенъ или ихъ быстроты, на примѣръ, рабочій автоматически извлекаетъ выгоду, и потому

трэдъ-юніоны нашли даже желательнымъ добровольно уступить предпринимателю часть проистекающей изъ этого выгоды, понижая норму заработной платы при увеличеніи числа веретенъ. Все дѣло въ томъ, чтобы выгоды предпринимателей не ухудшали условій работы и жизненныхъ условій рабочихъ, и потому со времени проведенія въ жизнь коллективныхъ соглашеній, *на примѣненіи всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій въ машинахъ наиболее энергично настаиваютъ не индивидуальные предприниматели, а трэдъ-юніоны.* Въ Ланкаширѣ въ хлопчатобумажномъ производствѣ, если техника въ какомъ нибудь округѣ или у отдѣльнаго предпринимателя спускается ниже общаго уровня, тотчасъ же раздаются на это жалобы со стороны трэдъ-юніоновъ. И это понятно.

Для отдѣльнаго предпринимателя даже выгодно, чтобы у другихъ предпринимателей дѣло было поставлено хуже, чѣмъ у него. Но трэдъ-юніонъ, который является представителемъ всѣхъ рабочихъ, понимаетъ, что отсталость нѣкоторыхъ предпринимателей угрожаетъ серьезной опасностью, и онъ настаиваетъ, чтобы предприниматель или вводилъ новыя машины, или платилъ болѣе высокую заработную плату, если не хочетъ обставить производство такъ, какъ на лучшихъ фабрикахъ. Иначе говоря, на нерадивыхъ или недостаточно предприимчивыхъ руководителей предприятия налагается штрафъ. Такъ, напримѣръ, въ стеклянномъ производствѣ трэдъ-юніоны требовали, чтобы уплачивалось 2 шил. за такія операціи, которыя при новой системѣ производства оплачивались 6-ю пенсами. Вслѣдствіе этого и получается такое положеніе, что въ Глазго, напр., *неорганизованныя* бумаго-ткацки *при низкой заработной платѣ* отказываются работать болѣе чѣмъ за однимъ станкомъ, а въ Ланкаширѣ при организованномъ соглашеніи работаютъ съ 2—4 и даже 6-ю станками (Шульце-Геверницъ: «Крупная промышленность»). Можно указать, что и у насъ въ Россіи *неорганизованныя* рабочіе, получающіе нищенскую плату, путемъ забастовки сопротивлялись принужденію работать на нѣсколькихъ станкахъ. Въ предпринимательскихъ кругахъ это считалось борьбою рабочихъ съ прогрессомъ; въ дѣйствительности же по существу дѣла тутъ происходила со стороны администраціи фабрикъ борьба съ прогрессомъ въ широкомъ и прямомъ содержаніи этого понятія, такъ какъ для истощеннаго голодной платой рабочаго немислимо проявленіе надлежащей работоспособности; прогрессъ техники требуетъ, для проведенія его въ жизнь, рабочаго, поставленнаго въ опредѣленныя условія, дающія возможность проявлять надлежащую жизнеспособность.

III.

Упомянутый выше Schadwell, изучавшій и сравнивавшій положеніе и условія промышленности въ С.-А. Соед. Штатахъ, Англии и Германіи, прямо объясняетъ введеніе въ Америкѣ болѣе усовершенствованныхъ машинъ сравнительно съ Англией—болѣе высокой заработной платой и лучшимъ положеніемъ рабочаго въ Америкѣ. Цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей, какъ Т. Брассей, Брентано, Шульце-Геверницъ, Гобсонъ, Шенгофъ, Ностицъ и др., устанавливаютъ тотъ фактъ, что въ странахъ съ высокой машинной техникой существуетъ сравнительно высокая заработная плата, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ находится и искусство, энергія и добросовѣстное отношеніе къ труду со стороны рабочихъ. Черезъ это повышенный расходъ на заработную плату болѣе чѣмъ покрывается, и *издержки производства* становятся ниже сравнительно со странами съ низшей техникой и низшей заработной платой. Въ Англии рабочий слѣдитъ за вдвое большимъ числомъ машинъ нежели въ Германіи, машины тамъ идутъ быстрѣе, потери противъ *теоретически* установленныхъ нормъ выработки меньше. Все это происходитъ отъ того, что, на примѣръ, вынѣзаніе и включеніе шпуль въ Англии производится быстрѣе чѣмъ въ Германіи, разрываніе нитокъ происходитъ рѣже, связываніе ихъ дѣлается быстрѣе, и въ результатѣ стоимость расходовъ на фунтъ пряжи много меньше, чѣмъ въ Германіи, а заработная плата вдвое выше, рабочий день короче: въ Англии 9 час. противъ 11 и 11 ½ въ Германіи (такъ было, когда Шульце-Геверницъ составлялъ свою книгу «Крупная промышленность»).

Изслѣдованія показываютъ, что та машинная техника, которая требуетъ отъ рабочихъ высокой жизненной силы, вызываетъ необходимость высокой заработной платы; издѣля же обходятся тѣмъ дешевле, чѣмъ выше жизненная сила рабочихъ. Достигается же въ большей мѣрѣ это тамъ, гдѣ рабочіе болѣе долговременно привыкли къ *лучшимъ условіямъ жизни и участию въ хозяйственныхъ и культурныхъ успѣхахъ страны* или по крайней мѣрѣ имѣютъ полную свободу *содѣйствовать по своему усмотрѣнію своему хозяйственному положенію и культурнымъ интересамъ*. При этихъ условіяхъ рабочіе стремятся къ укрѣпленію и развитію болѣе высокихъ, тѣлесныхъ и духовныхъ способностей, у рабочихъ развивается быстрота и осторожность въ дѣйствіяхъ рукъ и пальцевъ при машинной работѣ, создается чувство ответственности, вырабатывается интересъ къ качеству продукта и т. п. Но въ то же время растетъ и требованіе на сокращеніе рабочаго дня, на правильное установленіе дня отдыха, на установленіе ежегоднаго вакаціоннаго времени, словомъ, на болѣе нормальное человѣческое существованіе.

Подъ влияніемъ этихъ требованій рабочихъ работодатели стремятся вполне использовать качества рабочихъ путемъ примѣненія машинъ и уменьшенія стоимости товара при высокой заработной платѣ. Къ этому побуждаетъ работодателей и конкуренція съ другими странами, гдѣ производство стоитъ выше. «Никакихъ сомнѣній нѣтъ, говоритъ G. Steffen («Studien zur Geschichte der Englischen Lohnarbeiter mit besonderer Berucksichtigung der Veränderung ihrer Lebenshaltungen»), что качество «человѣческаго матеріала» является рѣшающимъ фактомъ въ *хозяйственномъ соперничествѣ* и что высшія качества рабочихъ настолько же имѣютъ значенія, какъ и качества предпринимателей» (Т. III, ч. 2-я). А эти высшія качества создаются и вырабатываются въ значительной степени подъ влияніемъ дѣятельности профессиональных союзовъ рабочихъ. «Профессиональные союзы рабочихъ, говоритъ J. Mitchell (предсѣдатель союза горныхъ рабочихъ въ Индианополисѣ въ С.-А. С. Штатахъ), поставили человѣка выше товара и выдвинули его въ хозяйственныхъ расчетахъ на центральное мѣсто взаменъ машины» («Organisierte Arbeit»). *Профессиональные союзы*, по словамъ другого изслѣдователя (Schadwell), являются въ настоящее время въ Англии *источникомъ промышленной силы* и даютъ ей преимущество передъ ея конкурентами. Цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей, въ согласіи со всѣмъ выше развитымъ здѣсь, категорически утверждаютъ, что высшая *техника производства* во многихъ случаяхъ получаетъ осуществленіе только подъ давленіемъ рабочихъ.

Несмотря на кратковременность существованія и неразвитость по внѣшнимъ причинамъ дѣятельности профессиональных союзовъ въ Россіи, все же и здѣсь повышение, напр., платы, на металлургическихъ заводахъ въ 1907 году, повело къ усовершенствованію орудій производства; также въ текстильномъ производствѣ, въ печатномъ дѣлѣ и др. (К. Дмитріевъ: «Профессиональное движеніе и союзы въ Россіи»). Но упомянутое «давленіе рабочихъ» и ихъ влияніе на повышение заработной платы имѣетъ силу и представляетъ собою не нѣчто случайное и временное, какъ можно видѣть также изъ приведеннаго выше, только при свободномъ развитіи дѣятельности профессиональных союзовъ рабочихъ.

Но дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи благотворно влияетъ не только на машинное производство, но и на издѣлія ручного труда. Въ сапожномъ, напримѣръ, промыслѣ подъ давленіемъ конкуренціи механическаго изготовленія обуви у предпринимателей, изготовляющихъ ручную обувь, явилось стремленіе понизить заработную плату, но тредъ-юніоны настояли на томъ, чтобы она не понижалась, и это заставило стремиться выдерживать соперничество при помощи *улучшенія качества*

ручной обуви, причемъ не произошло остановки и въ развитіи машиннаго приготовленія обуви. То же надо сказать о башмачномъ производствѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ потребители выгадали, такъ какъ сохранилась возможность имѣть выборъ между механической и ручной обувью и приспособить послѣднюю къ своей ногѣ, если это нужно, а не довольствоваться тѣмъ, что даетъ машина по шаблонной мѣркѣ. «Сохраненіе высокыхъ цѣнъ за ручной товаръ, свидѣтельствуя Веббы, не только не прекратило спроса, а напротивъ, придало ему постоянство и прочность. Въ концѣ концовъ ручной сапогъ, продолжаютъ они, несмотря на постоянныя улучшенія въ производительности сапожныхъ машинъ, остается и до сихъ поръ идеаломъ для изобрѣтателей и директоровъ фабрикъ, которые постоянно стремятся приблизить къ нему свой ходовой товаръ». Точно также въ писчебумажномъ производствѣ «твердое сохраненіе высокой платы за ручную работу дало сильнѣйшій толчокъ введенію машинъ для всѣхъ операцій, которыя только могли исполняться машинами». Но это не повредило торговлѣ высокосортной ручной бумагой. Было обращено все вниманіе на улучшеніе качества продукта. И это опять-таки было результатомъ дѣятельности профессиональныхъ союзовъ, настаивавшихъ не только на томъ, чтобы плата рабочимъ въ ручномъ производствѣ бумаги не понижалась, но добивавшихся ея повышенія. Въ бумаго-прядельномъ производствѣ, благодаря профессиональнымъ союзамъ, точно также бумагопрядильщики должны были отвѣтить на конкуренцію новыхъ процессовъ производства «повышеніемъ уровня искусства, а не пониженіемъ уровня жизни рабочихъ».

Въ виду всего этого совершенно понятно слѣдующее заявленіе одного изъ представителей англійской индустрии: «Мы, *предприниматели*, — гораздо болѣе, чѣмъ мы склонны какъ корпорація признавать это, — *обязаны усовершенствованіями* въ нашихъ способахъ производства *стойкости и независимости трэдъ-юнионовъ*» (Веббы Т. II).

IV.

Изъ послѣдняго заявленія, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, приведенныхъ выше, ясно видно, что многіе англійскіе, а въ особенности американскіе, предприниматели относятся къ профессиональнымъ союзамъ рабочихъ далеко не враждебно. Но это не такъ по отношенію ко всѣмъ предпринимателямъ. Прежде всего здѣсь наблюдается различіе въ отношеніи къ союзамъ крупныхъ и болѣе мелкихъ предпринимателей.

Я уже приводилъ отзывы нѣкоторыхъ крупныхъ предпринимателей о профессиональныхъ организаціяхъ рабочихъ, въ Англии и С.-А. С. Штатахъ. Но эти отзывы встрѣчаются именно

тамъ и именно со стороны крупныхъ предпринимателей, хотя и не всѣ они относятся къ союзамъ рабочихъ такъ не враждебно. Мелкіе же предприниматели высказываются противъ «тираніи рабочихъ правилъ», на которыя охотно идутъ крупныя. То же замѣчается и въ Россіи. Въ Петроградѣ, напримѣръ, въ 1906 г. согласіе крупныхъ «Московскихъ» булочныхъ на требованія рабочихъ заставило мелкія «Нѣмецкія» выйти изъ союза хозяевъ. (К. Дмитріевъ: «Профессиональное движеніе и союзы въ Россіи»). Общество же заводчиковъ и фабрикантовъ Московскаго промышленнаго района высказывается, что «чисто профессиональное движеніе, внося извѣстную планомѣрность и сознательность въ стихійную сейчасъ экономическую борьбу въ конечномъ счетѣ будетъ способствовать развитію производительныхъ силъ страны, содѣйствуя развитію крупныхъ промышленныхъ предпріятій, сильныхъ своими оборотными средствами и техническимъ процессомъ» («Отчетъ за 1911 г.» М. 1912).

Итакъ, крупные работодатели даже въ Россіи, признавая, какъ значителенъ въ томъ же отчетѣ, что «рабочее движеніе въ Россіи не отличается въ сущности никакими особенными чертами отъ движенія за рубежомъ» (стр. 24), считаютъ, что оно содѣйствуетъ развитію крупныхъ предпріятій. И дѣйствительно, если, какъ мы видѣли, профессиональные союзы вызываютъ и поощряютъ введеніе новыхъ машинъ и техническихъ усовершенствованій, то, конечно, они тѣмъ самымъ содѣйствуютъ развитію крупныхъ предпріятій, а это можетъ губительно отзываться на мелкихъ предпріятіяхъ, бѣдныхъ капиталами, не обладающихъ такой же кредитоспособностью, какъ крупныя, и не выдерживающихъ конкуренціи съ послѣдними. А если такъ, то совершенно справедливо, что въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя по техническимъ и экономическимъ условіямъ становятся крупными, расширеніе предпріятій до размѣра, допускаемаго и требуемаго этими условіями, означаетъ «развитіе производительныхъ силъ страны». Слѣдовательно, и съ этой стороны, поскольку дѣятельность профессиональныхъ союзовъ рабочихъ вытѣсняетъ предпріятія мелкія, слабо оборудованныя и не допускающія использованія всѣхъ выгодъ крупнаго, она вліяетъ благотворно на подъемъ промышленнаго развитія страны.

Но тутъ естественно возникаетъ вопросъ: если все это такъ, если благодаря дѣятельности профессиональныхъ союзовъ повышается производительность труда рабочихъ, понижаются (относительно) издержки производства, т. е. падаетъ стоимость выработки единицы продукта; если, съ другой стороны, какъ это доказываютъ многія наблюденія и изслѣдованія, сокращеніе величины рабочаго дня и повышеніе заработной платы, вызываютъ подъемъ производительности труда, что ведетъ къ повышенію прибыли; если все это такъ и дѣятельность рабочихъ

союзовъ вліяеть на повышение прибыли предпринимателей,¹ если, при всемъ этомъ, какъ только что упомянуто, многие крупные предприниматели относятся даже «дружественно» къ профессиональнымъ организаціямъ рабочихъ, то какъ объяснить въ общемъ все же не только отрицательное, но прямо враждебное, отношеніе предпринимательскихъ союзовъ къ профессиональнымъ союзамъ рабочихъ?

Извѣстно, что многіе англійскіе, германскіе, шведскіе предприниматели и ихъ союзы объявляли громадныя локауты, послѣдствіемъ которыхъ было сразу лишеніе десятковъ тысячъ (въ Ланкаширѣ даже 160 т.) рабочихъ занятій, и что эти локауты учинялись, какъ объ этомъ прямо заявлялось, съ цѣлью сломить силу профессиональныхъ союзовъ, которые должны были сразу затрачивать большія средства для поддержки существованія оставшихся безъ работы. Къ тому же стремились работодатели и у насъ и, какъ свидѣтельствовала нѣмецкая газета *Sociale Praxis*, русскіе предприниматели чаще другихъ обращались къ германскимъ за совѣтомъ и указаніемъ относительно приѣмовъ борьбы съ рабочими (это ли не нѣмецкое засилье!). Локаутъ со стороны владѣльцевъ щетинныхъ фабрикъ польскаго района прямо требовалъ непризнанія профессиональныхъ союзовъ рабочихъ; то же у кожевенныхъ фабрикантовъ, а затѣмъ та же практика перешла на югъ: въ Кіевъ, Екатеринославъ, Саратовъ, а затѣмъ Москву, Петроградъ. И многое, завоеванное у насъ профессиональными организаціями рабочихъ, было путемъ локаутовъ подорвано. Это отношеніе предпринимателей къ союзамъ рабочихъ можетъ быть станетъ совершенно яснымъ, если остановиться на слѣдующемъ.

До 1871 г., т. е. до изданія *Trade-Union Act*'а, въ Англій, на официальномъ языкѣ, понятіе рабочаго не отдѣлялось отъ понятія слуги, а положеніе работодателя—отъ хозяина, и тогда

¹ Чтобы не отклонять вниманія читателя въ сторону данныхъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ, число которыхъ можетъ быть очень велико, укажемъ здѣсь вкратцѣ, что, напримѣръ, по наблюденіямъ англійскаго крупнаго предпринимателя Т. Брассея средняя производительность на рабочаго при 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ составляетъ въ годъ 4 т. фр., а при 10-ти часовомъ 5.695 фр., 9-ти часовомъ 9.136 фр., а при 8½ час. 13.505 фр. Нѣмецкій фабрикантъ Абе приходитъ къ заключенію, что сокращеніе рабочаго дня въ Германіи съ 10 до 8 часовъ доставило бы ей ежегодно лишнихъ 15—20 милл. рублей. Что касается повышения прибыли при повышеніи заработной платы, то ограничусь здѣсь указаніемъ на сопоставленія американскаго статистика Кароля Райта, изъ которыхъ вытекаетъ, что производительность труда рабочаго возрастаетъ въ болѣе высокой степени, нежели уровень заработной платы, слѣдовательно, повышение заработной платы рабочаго ведетъ къ увеличенію прибыли работодателя.

возникали конфликты, по выражению одного писателя, «на почвѣ чувства», т. е. изъ различія соціального положенія обѣихъ сторонъ: господствующей и подчиненной. Поскольку въ словѣ «слуга» еще сохранилось скрытое чувство подчиненности, постольку изъ этого вытекало право хозяина на повиновение ему со стороны рабочаго. Но это феодальное подданство, по словамъ того же писателя (Кетль. Цитирую по Швиттау: «Промышленные конфликты»), противорѣчило тѣмъ принципамъ *личнаго равенства*, на которыхъ въ настоящее время *покоятся всякаго рода денежныя отношенія*. Форма, въ которой со стороны хозяевъ проявляется нарушеніе равенства отношенія, считается ими «вполнѣ достойнымъ веденіемъ дѣлъ»; у рабочихъ же она носитъ названіе «командованія». Это командованіе, по словамъ того же писателя, не исчезло совсѣмъ въ Англии еще и до сихъ поръ и *до-рого обходится англійскому обществу*.

О существованіи такого же «командованія» въ Германіи, свидѣтельствуетъ такой фактъ, что теперь во время войны, когда, казалось бы, простое практическое соображеніе заставляетъ господствующіе классы щадить и не раздражать самолюбія населенія, тамъ нашли возможнымъ на основаніи военнаго положенія, по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ наемнымъ рабочимъ и служащимъ, издать обязательное постановленіе о «принудительной бережливости». Изъ причитающейся имъ заработной платы, значительная часть ея не выдается имъ на руки, а должна вноситься хозяевами въ государственную сберегательную кассу. По отношенію къ несовершеннолѣтнимъ другихъ классовъ общества, никакихъ предписаній о томъ, куда они должны тратить свои деньги, нѣтъ. Подготовленъ проектъ и о введеніи «одежной карточки» для малоимущихъ. Пробовали даже ввести принудительное прикрѣпленіе къ мѣсту малолѣтнихъ рабочихъ и работницъ. Они могутъ передвигаться изъ одного мѣста въ другое, въ каждомъ данномъ случаѣ съ разрѣшенія администраціи, котораго не требуется для передвиженія несовершеннолѣтнихъ лицъ другихъ классовъ общества.

Обращаясь къ тому, что наблюдается относительно «командованія» у насъ, необходимо прежде всего отмѣтить, что въ этомъ отношеніи является уже весьма показательнымъ то, что даже со стороны лицъ признаваемыхъ интеллигентно-либеральными у насъ, обычно обращеніе на «ты» къ прислугѣ ихъ, лицамъ, занятымъ физическимъ трудомъ, тогда какъ по отношенію къ другимъ лицамъ такое обращеніе исключается; и этого мы даже какъ то и не замѣчаемъ. Мало того, въ бюрократическихъ сферахъ у насъ не признаютъ не только несовершеннолѣтнихъ, но и вообще рабочихъ «взрослыми» или считаютъ ихъ «менѣе взрослыми», нежели тотъ представитель бюро-

кратя, который, говоря съ представителемъ рабочихъ, считалъ допустимымъ высказаться такимъ образомъ. Рабочіе же, однако во время стачекъ не разъ предъявляли требованіе «о вѣжливомъ обращеніи». Не ясно ли въ такомъ случаѣ, какая рѣзкая противоположность существуетъ не только въ материальномъ отношеніи между предпринимателями и рабочими. Но степень этой противоположности различна въ различныхъ странахъ, смотря по тому, насколько далеко онѣ ушли отъ времени крѣпостного права и создававшейся имъ нравственной и бытовой атмосферы. Помимо общихъ историческихъ причинъ здѣсь вліяетъ, конечно, и степень промышленнаго развитія. «Союзы, говоритъ К. Марксъ, ни на минуту не переставали расти и развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ и ростомъ современной промышленности. Въ настоящее время можно даже сказать, что степень развитія союзовъ въ данной странѣ съ точностью указываетъ мѣсто, занимаемое этой страной въ іерархіи мірового рынка. Англія, гдѣ промышленность достигла наивысшей степени развитія, имѣетъ и самые обширные и наилучше организованные союзы («Ницета Философіи»). Сказанное здѣсь К. Марксомъ требуетъ для настоящаго времени нѣкоторыхъ поправокъ относительно фактическаго положенія дѣлъ. Но въ общемъ сказанное имъ справедливо, такъ какъ съ ростомъ промышленности происходитъ и ростъ союзовъ рабочихъ, что можно видѣть на примѣрѣ той же Германіи. Съ другой стороны, изъ сопоставленія отношенія къ союзамъ въ С.-А. Соед. Штатахъ, гдѣ, по словамъ Зомбарта, «ни одному промышленнику, ни одному городскому не придется въ голову обращаться съ рабочимъ иначе нежели съ губернаторомъ», съ отношеніями къ нимъ въ Европѣ, мы можемъ видѣть, что если развитіе промышленности вызываетъ развитіе союзовъ, то историческіе и бытовые навыки отзываются на ходѣ и успѣшности этого развитія. Въ подтвержденіе можно привести и Австралію, гдѣ съ 1890 г. дѣйствуютъ примирительныя камеры, являющіяся обязательными посредниками между предпринимателями и рабочими, причемъ основной единицей, съ которой имѣетъ дѣло *законъ*, являются профессиональныя союзы какъ предпринимателей, такъ и рабочихъ.

Но такое отношеніе къ профессиональнымъ союзамъ закона и бытовыхъ условій опредѣляется прежде всего степенью промышленнаго развитія страны. Тутъ дѣйствительность вполне подтверждаетъ приведенныя выше слова К. Маркса и вообще основныя положенія его теоріи экономическаго и социальнаго развитія. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ борьба между крупными и мелкими капиталистическими предприятиями еще не закончилась, для многихъ предприятий дѣятельность профессиональныхъ союзовъ даже выгодна, какъ это было отмѣчено выше. Она устраняетъ многихъ конкурентовъ изъ числа болѣе

мелкихъ предпріятіи, существованіе которыхъ задерживаетъ «укрѣпленіе» производства и созданіе миллиардеровъ. Но коль скоро крупная промышленность уже достигла полного расцвѣта, и мелкіе предприниматели совершенно безсильны и не опасны своей конкуренціей, начинается то отношеніе къ профессиональнымъ союзамъ, которое выражается въ стремленіи «слоमितъ ихъ силу».

Это какъ будто бы противорѣчитъ тому «доброжелательному» отношенію къ нимъ, о которомъ говорилось раньше и которое выразилось, между прочимъ, въ приведенныхъ выше словахъ американца Джости. Однако, въ этихъ словахъ лишь сказывается отношеніе культурнаго человѣка къ формамъ борьбы, но все-таки борьбы. Вѣдь тѣ «дружелюбные» переговоры съ продавцами сырья, покупателями товара, о которыхъ онъ говоритъ, нисколько не устраняютъ въ нихъ самого факта борьбы между покупателями и продавцами. Тѣмъ болѣе и образованіе профессиональныхъ союзовъ не отмѣняетъ классовой борьбы. Напротивъ, именно существованіе ея и сознательное отношеніе къ ней со стороны рабочихъ и вызываетъ необходимость образованія профессиональныхъ союзовъ. Цѣль ихъ—организовать свои силы въ этой борьбѣ, на мѣсто отдѣльныхъ стихійныхъ вспышекъ ея, нерѣдко обезсиливающихъ рабочихъ, придать ей характеръ равномерности, постоянства, цѣлесообразности. Предприниматели, конечно, не могутъ этого не видѣть. Они понимаютъ, что усиленіе рабочихъ организацій, ихъ сплоченность и развитіе ведутъ къ уничтоженію или ослабленію «хозяйскихъ привиллегій», ослабляютъ и даже совсѣмъ отмѣняютъ единоличное господство въ предпріятіи и руководство ими по соображенію только со своими личными интересами и съ совершеннымъ игнорированіемъ интересовъ рабочихъ и страны во всемъ ея цѣломъ, на которые такъ часто дѣлаются ссылки. Но уменьшенія своей власти и своего значенія предприниматели, конечно, не допускаютъ. И пока профессиональные союзы толкали крупныхъ предпринимателей къ введенію улучшеній, непосильныхъ мелкимъ, и тѣмъ устраняли послѣднихъ съ поля конкуренціи, профессиональные союзы были не только терпимы, но и желательны. Опасности въ ихъ существованіи тоже не усматривалось, такъ какъ «хозяева» привыкли къ тому, что въ послѣднемъ счетѣ всегда терпитъ рабочій. Но какъ только крупныя предпріятія достигли монопольнаго положенія, такъ сейчасъ же и измѣнилась тактика по отношенію къ профессиональнымъ организаціямъ. «Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan, der Mohr kann gehen». Профессиональные союзы рабочихъ предпринимателямъ болѣе ни на что не нужны. Теперь и безъ заботъ объ усовершенствованіи можно не опасаться умаленія своихъ доходовъ. Но не-

обходимо сохранить свою власть и свою силу въ обществѣ, а для этого надо «сломить силу профессиональныхъ союзовъ рабочихъ».

Этому не прстиворѣчить и то обстоятельство, что въ С.-А. Соед. Штатахъ пока такого стремленія «сломить силу союзовъ» не замѣчается. Объясненіе этому надо видѣть въ томъ, что тамъ грандіозныя группы предпринимателей настолько вліяютъ на всѣ хозяйственныя отправления страны, что не опасаются за свое господство. Это, однако, не исключаетъ того, что съ теченіемъ времени тамъ борьба капиталистовъ и рабочихъ можетъ вылиться въ какія-либо новыя формы, такъ какъ социальнаго мира тамъ нѣтъ, да и при данномъ соотношеніи силъ не можетъ быть. Все это подлежитъ, конечно, специальному выясненію и развитію, что не входитъ въ задачу настоящей статьи. Замѣчу лишь, что существующее переплетеніе экономическихъ интересовъ, складывающееся по своему въ каждой странѣ, опредѣляетъ въ каждой изъ нихъ и различное для даннаго момента отношеніе къ профессиональнымъ союзамъ со стороны правящихъ классовъ. Къ этому присоединяется еще и вліяніе опредѣленныхъ историческихъ пережитковъ социальнаго характера. Въ Америкѣ условія, при которыхъ состоялось развитіе промышленности, и составъ населенія, притекавшаго въ нее изъ Европы, не допускали того отношенія къ рабочимъ, которое въ Европѣ составляетъ пережитокъ крепостного права. И слѣдовательно, тамъ уже поэтому должно проявляться иное отношеніе къ рабочимъ, далекое отъ «командованія». Здѣсь имѣютъ свое немаловажное значеніе также общія политическія и социальныя условія, чѣмъ бы они ни создавались.

* * *

Во всемъ сказанномъ мною выше, я не говорю чего либо новаго, что не было бы такъ или иначе высказано въ различныхъ заявленіяхъ, изслѣдованіяхъ и т. д.; я имѣлъ въ виду лишь сгруппировать различныя данныя и результаты изслѣдованій, чтобы рѣзче выставить на видъ: 1) что основная сила, отъ положенія которой зависитъ въ *первомъ счетѣ* успѣшное промышленное развитіе страны и ея производительности, заключается въ ея рабочемъ населеніи и условіяхъ, въ которыя оно поставлено для проявленія своей жизнедѣятельности и работоспособности. Напомнить объ этомъ представлялось мнѣ необходимымъ въ виду того, что въ составляемыхъ теперь у насъ проектахъ и планахъ о мѣрахъ для развитія промышленности, подъема и развитія производительныхъ силъ страны говорится и о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ, и о кредитѣ, о банкахъ, объ элеваторахъ, не забыты и выставки, а объ условіяхъ труда

какъ будто при этомъ совершенно забываютъ, если не имѣть въ виду заявленій, исходящихъ со стороны самихъ рабочихъ.

Второе, что я считалъ нужнымъ выдвинуть на видъ—это то, что основнымъ средствомъ и условіемъ постановки рабочихъ въ положеніе, наиболѣе благопріятствующее развитію производительныхъ силъ страны, является дѣятельность профессиональныхъ рабочихъ союзовъ, поставленныхъ нормальнымъ образомъ и не терпящихъ затрудненій въ планомѣрномъ развитіи ея. Это необходимо было выдвинуть на первый планъ, такъ какъ о значеніи профессиональныхъ союзовъ для самихъ рабочихъ не существуетъ двухъ мнѣній. О значеніи же ихъ дѣятельности для производства по меньшей мѣрѣ забываютъ. А между тѣмъ, имѣя въ виду это вліяніе ихъ, въ ихъ развитіи является заинтересованнымъ не только рабочій классъ, но каждый потребитель, все общество въ цѣломъ. И надо думать, что при существующемъ еще у насъ соотношеніи общественныхъ силъ—на болѣе или менѣе быстрое и безпрепятственное развитіе профессиональныхъ союзовъ рабочихъ и ихъ дѣятельности должно имѣть не маловажное вліяніе и отношеніе къ этому со стороны общества въ его цѣломъ. Какъ никакъ, а сознание большинства не можетъ не отражаться на ходѣ общественныхъ дѣлъ. И если бы Государственная Дума имѣла въ виду это общее значеніе профессиональныхъ союзовъ рабочихъ, то, думается намъ, она, въ своемъ постановленіи 7 марта, не нашла бы возможнымъ ограничиться скромнымъ выраженіемъ *желательности* устраненія препятствій для легальной дѣятельности профессиональныхъ рабочихъ организацій, а поступила бы болѣе рѣшительно, признавъ это безусловно необходимымъ.

* * *

Когда все вышеизложенное было написано и статья была сдана въ наборъ, появилось сообщеніе о запискѣ центрального военно-промышленнаго комитета. Въ запискѣ этой между прочимъ говорится, что для скорѣйшаго уврачеванія причиненныхъ войною бѣдствій и для успѣшной мирной борьбы на экономической почвѣ намъ необходимо имѣть *организованный* рабочій классъ, при отсутствіи котораго мы будемъ безсильны разрѣшить тѣ сложныя экономическія проблемы, которыя станутъ передъ нами по окончаніи войны; мы будемъ безсильны *поднять производительность народнаго труда* до высокой степени напряженія и продуктивности, которыя необходимы для возстановленія нормальнаго хода экономической жизни и созданія колоссальныхъ ресурсовъ, необходимыхъ для покрытія многообразныхъ и настоятельныхъ нуждъ страны. Мысль о томъ, что будущее Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связано съ будущимъ рабочаго

класса, должна стать руководящимъ принципомъ русской государственности.

Какъ видимъ, когда представителямъ разныхъ слоевъ населенія пришлось въ центральномъ военно-промышленномъ комитетѣ войти въ непосредственное соприкосновеніе съ условиями промышленной дѣятельности, то имъ волей-неволей пришлось убѣдиться, на сколько для поднятія и развитія производительныхъ силъ страны существенное значеніе имѣетъ *организованный рабочий классъ*. Какъ и въ предыдущихъ примѣрахъ, тутъ сказалась сама жизнь съ ея неустранимыми требованіями. И все, что не отвѣчаетъ нарождающимся требованіямъ жизни, рано или поздно устраняется. Забывать этого не слѣдуетъ.

Н. Каблукъ.

ПРИНЦИПЪ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ И НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВРЕМЕНИ.

1.

Принципъ относительности современной физики тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ стариннымъ вопросомъ объ абсолютномъ движеніи и абсолютномъ покоѣ. Послѣдовательно отрицая абсолютный характеръ движенія—въ какомъ смыслѣ, это будетъ видно ниже — онъ приходитъ логически къ своимъ парадоксальнымъ выводамъ насчетъ необходимости измѣнить традиціонное понятіе времени, заново строить все зданіе теоретической механики, вводитъ существенныя перемѣны во всѣ отдѣлы физики, но въ своемъ исходномъ пунктѣ онъ есть лишь дальнѣйшее развитіе и обобщеніе столь обычнаго для насъ теперь представленія объ относительности движенія.

Обычность этого представленія есть продуктъ воспитанія, вызывается своего рода умственной дрессурой въ духѣ идей коперниканскаго мировоззрѣнія и галилей-ньютоновой механики. Въ вопросахъ движенія — какъ и въ аналогичныхъ вопросахъ о различіи между верхомъ и низомъ, а отчасти между правымъ и лѣвымъ — человекъ абсолютистъ, несмотря на наличность цѣлага ряда явленій, наводящихъ на мысль объ относительности движенія.

Слова Канта: «всякое движеніе, въ качествѣ предмета возможнаго опыта, можно по произволу разсматривать, какъ движеніе тѣла въ покоящемся пространствѣ или какъ покой тѣла и, напротивъ, движеніе пространства съ тою же скоростью въ противоположномъ направленіи»¹ отлично выражаютъ идею относительности движенія, какъ она была введена великими астрономическими и механическими открытіями новаго времени,—но извѣстно, какое сопротивленіе пришлось выдержать этимъ идеямъ, прежде чѣмъ онѣ легли въ основу современнаго естествознанія. И, дѣйствительно, развѣ нѣтъ фактовъ — особенно фактовъ, заимствованныхъ изъ показаній нашего сознанія—говорящихъ въ пользу абсолютности движенія? Въ полемикѣ съ Декартомъ, защищавшимъ тезисъ объ относительности всякаго

¹ «Metaphys. Anfangsgründe der Naturwissenschaft, изд. Гертенштейна 4, с. §377. Цитирую по Neisser'у: «Ptolomäus oder Kopernikus?» с. 5.»

движенія, Морусъ замѣтилъ: «Когда я сижу спокойно, а другой человѣкъ, удалившись на тысячу шаговъ, становится багровымъ отъ усталости, то вѣдь именно онъ движется, а я отдыхаю». Съ точки зрѣнія «здраваго смысла», съ точки зрѣнія того инстинктивнаго абсолютиста, какимъ является каждый изъ насъ, это разсужденіе можетъ показаться очень убѣдительнымъ, — и Бергсонъ сочувственно цитируетъ его въ подтвержденіе своей излюбленной мысли объ абсолютной сущности движенія¹. Между тѣмъ, достаточно вспомнить ученіе Коперника о движеніи земли и всего связаннаго съ ней вокругъ своей оси и вокругъ солнца, чтобы увидѣть всю шаткость этого аргумента. Я, «сидящій спокойно», по мнѣнію Моруса, въ дѣйствительности уношусь съ безумной скоростью въ 30 километровъ въ секунду. Останови въ силу какой-нибудь мировой катастрофы земля въ своемъ бѣгѣ вокругъ центральнаго свѣтила и мой кажущійся абсолютный покой предсталъ бы совсѣмъ въ иномъ видѣ: я былъ бы выброшенъ по касательной къ орбитѣ земли съ этой скоростью въ 30 километровъ въ секунду, подобно тому, какъ вылетаетъ всадникъ изъ сѣдла, когда лошадь его спотыкается о какое-нибудь препятствіе. Гдѣ же здѣсь истинный, настоящій, по ой и гдѣ истинное, настоящее, движеніе?

Впрочемъ, споры о различіи между покоемъ и движеніемъ имѣютъ своимъ корнемъ не одну только абсолютистскую складку нашей психики. Многое здѣсь зависитъ отъ различныхъ трудностей, которыя присущи самой идеѣ движенія и которыя еще въ древности вызвали гениальные парадоксы Зенона. Не касаясь теперь этихъ трудностей, я обращаю вниманіе лишь на одинъ пунктъ, имѣющій существенное значеніе для дальнѣйшаго. Я имѣю въ виду различіе между ускореннымъ и неускореннымъ движеніемъ.

Приведенная мной выше кантовская формулировка относительности движенія касается, по мысли ея автора, только равномернаго прямолинейнаго (переноснаго) движенія. Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ, применима ли она и къ ускоренному движенію? По этому вопросу мнѣнія изслѣдователей раздѣлились: одни — назовемъ ихъ «умѣренными релятивистами» — допускаютъ относительность движенія только для случая равномернаго переноснаго движенія, другіе же — на примѣръ, Махъ и послѣдователи его, вродѣ цитированнаго мной Нейссера — защищаютъ позицію «радикальнаго релятивизма», принимая относительный характеръ и у ускоренныхъ (въ частности вращательныхъ) движеній.

Я не буду здѣсь вдаваться въ разборъ того, кто правъ: Махъ ли и его приверженцы, или сторонники абсолютности вращатель-

Н. Bergson, «Matière et Mémoire», с. 215.

наго и вообще ускореннаго движенія. Для дальнѣйшаго, для пониманія современнаго принципа относительности, важно замѣтить лишь одно: принципъ относительности стоитъ на точкѣ зрѣнія умѣреннаго релятивизма. Согласно ему, наблюдателю, связанному съ движущейся равномернымъ переноснымъ движениемъ системой, никакими средствами нельзя обнаружить этого движенія. Состояніе движенія въ этомъ случаѣ ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ состоянія покоя. Если же наблюдатель находится въ движущейся ускоренно системѣ, то движенія ея онъ сумѣетъ обнаружить.

Я употребилъ выше выраженіе «никакими средствами». Въ этихъ двухъ словахъ заключается въ извѣстномъ смыслѣ то новое, то было внесено современными изслѣдователями въ традиціонное представленіе объ относительности движенія. Классическій принципъ относительности, принципъ относительности галилеи - ньютоновой механики, имѣлъ въ виду лишь средства, заимствованныя изъ области чисто механическихъ явленій. Огромное обобщеніе, сдѣланное Эйнштейномъ, состоитъ въ томъ, что онъ расширилъ область этихъ средствъ на весь кругъ охватываемыхъ физикой фактовъ. Не только съ помощью явленій механическаго порядка, носителемъ которыхъ является вѣсомая матерія, но и съ помощью такихъ, протекающихъ, согласно общепринятымъ воззрѣніямъ, въ эфирѣ явленій, какъ оптическія, магнитныя, электрическія, нельзя обнаружить равномернаго переноснаго движенія какой-нибудь системы. Сказать, что какаѣ-нибудь система движется равномернымъ прямолинейнымъ движениемъ или сказать, что она находится въ покоѣ — это, съ точки зрѣнія принципа относительности, равнозначущія выраженія: нѣтъ такого опыта — ни изъ физики матеріи, ни изъ физики эфира — который далъ бы возможность отличить другъ отъ друга оба эти случая.

II.

Указанный въ предыдущей главѣ постулатъ — это лишь первая изъ основъ принципа относительности. Постулатъ этотъ одни найдутъ приемлемымъ, другіе, можетъ быть, спорнымъ, но врядъ-ли кому онъ покажется страннымъ или парадоксальнымъ. Скорѣе даже онъ можетъ показаться чѣмъ-то довольно банальнымъ, какъ простое повторенія старой идеи объ относительности движенія, принявшей въ системѣ нашихъ знаній характеръ почти азбучной истины. Оттого, что къ подтвержденію этой идеи привлечены электромагнитныя и свѣтовые явленія, содержанія ея, повидимому, не стало богаче.

Но принципъ относительности имѣетъ еще и другую основу, именно постулатъ о постоянствѣ скорости свѣта для движущагося и покоящагося наблюдателя. Этотъ-то постулатъ и есть соб-

ственно источникъ всѣхъ парадоксовъ новаго ученія. Чтобы понять его, надо остановиться на разсмотрѣннн нѣкоторыхъ вопросовъ изъ области свѣтовыхъ явленій.

Въ учѣннн о свѣтѣ на протяженнн 19-го столѣтнн другъ друга преемственно смѣнили три великихъ теории: теорнн упругаго эфира Френеля, электромагнитная теорнн Максвелла, установившая тождество между оптическими и электромагнитными явленннми, и развившаяся изъ послѣдней электронная теорнн Лоренца, наиболѣе полно и удачно объяснявшая совокупность извѣстныхъ фактовъ. При всѣхъ существенныхъ различнняхъ между этими системами общей ихъ основой было допущеннне, что носителемъ свѣтовыхъ явленннй является эфиръ, особое невѣсомое вещество, заполняющее межпланетное и межзвѣздное пространство. Эфиръ находится также во всѣхъ тѣлахъ, занимая промежутки между частицами ихъ. Свѣтъ, съ физической стороны, представляетъ собой періодическннй, волнообразный процессъ въ эфирѣ, распространяющннйся въ пустомъ пространствѣ (т. е. пространствѣ, занятомъ однимъ лишь эфиромъ) со скоростью приблизительно въ 300.000 километровъ въ секунду.

Если принять гипотезу существованння эфира, то при болѣе глубокомъ изученнн свѣтовыхъ явленннй неизбѣжно возникаетъ вопросъ, какъ ведетъ себя эфиръ, заключенный въ *движущннйся* тѣлахъ: уносится ли онъ цѣликомъ вмѣстѣ съ ними, какъ—пользуясь грубымъ сравненннемъ — рыба, захваченная движущейся сѣтью, или же онъ остается неподвижнымъ, какъ вода моря, черезъ которую водятъ этой сѣтью, или какъ-нибудь иначе? По этому вопросу были противопоставлены другъ другу двѣ главныя гипотезы: одна, Г. Герца, о полной подвижности эфира, цѣликомъ увлекаемаго движущимся тѣломъ, другая, Лоренца, о полной неподвижности его (промежуточная гипотеза о частичномъ увлеченнн эфире не получила особеннаго развитння, такъ какъ результаты ея можно было вывести изъ гипотезы Лоренца). Но теорнн Герца не сумѣла объяснить цѣлаго ряда важнѣйшихъ оптическихъ и электрическихъ явленннй, оказавшихся въ рѣзкомъ противорѣчнн съ ней. Однимъ изъ такихъ, не поддающихся теорнн Герца, фактовъ является знаменитый опытъ Физо, основная идея котораго заключается въ слѣдующемъ.

Если эфиръ цѣликомъ уносится какимъ-нибудь движущимся тѣломъ — напрнмѣръ, водой, воздухомъ и пр. — то лучъ свѣта будетъ распространяться въ этомъ тѣлѣ, *съ точки зрѣнння сторонняго наблюдателя*, не со своей первоначальной скоростью, а со скоростью иной. Именно: если лучъ свѣта будетъ пропущенъ черезъ жидкость *по* направленнню движенння ея, то скорость свѣта въ этомъ случаѣ для сторонняго наблюдателя будетъ равна первоначальной скорости свѣта (т. е. скорости его въ покоящейся жидкости), сложенной со скоростью движенння самой жидкости;

если же онъ будетъ пущенъ *противъ* направленія движенія жидкости, то скорость свѣта въ ней будетъ представлена разностью двухъ этихъ величинъ. Тѣ скорости, которыя мы можемъ придать искусственнымъ образомъ тѣламъ, такъ ничтожно малы по сравненію съ колоссальной быстротой распространенія свѣта, что непосредственное осуществленіе опыта, предназначеннаго выяснитъ вліяніе движенія тѣла на скорость свѣта въ немъ, невозможно. Но Физо удалось, основываясь на явленіи интерференціи свѣта, необычайнъ остроумнымъ образомъ обойти эту трудность и сдѣлать доступнымъ нашимъ измѣрительнымъ приборамъ вліяніе скорости движущихся тѣлъ на скорость распросраненія свѣта въ нихъ. Результатъ опыта Физо оказался неблагоприятнымъ для гипотезы Герца: сторонній наблюдатель не замѣчаетъ никакой разницы въ скорости свѣта, которая одинакова и по направленію движенія тѣла и противъ этого направленія. Иначе говоря, надо признать, что эфиръ не увлекается движущимся тѣломъ, которое онъ проникаетъ собой: эфиръ остается въ покоѣ.

Но къ опыту Физо можно подойти еще съ другой стороны: если для *сторонняго, для покоящагося наблюдателя* скорость свѣта одинакова и по направленію движенія жидкости и противъ него, то, значить, для *наблюдателя, который уносился бы вмѣстѣ съ жидкостью*, скорость эта была бы различною для разныхъ направленій: по направленію движенія жидкости скорость свѣта должна быть для него меньше, ибо онъ удаляется отъ источника свѣта, и свѣтъ, такъ сказать, догоняетъ его; если же бы свѣтъ шелъ навстрѣчу движенію наблюдателя, то скорость его была бы больше; наконецъ, въ среднемъ направленіи, направленіи, перпендикулярномъ къ движенію наблюдателя, скорость свѣта не должна испытать никакихъ измѣненій. Осуществлять искусственно опытъ съ такимъ, плавающимъ въ жидкости или газѣ, наблюдателемъ намъ не приходится, ибо условія этого опыта даны намъ естественнымъ образомъ, благодаря движенію земли вокругъ солнца, движенію, въ которомъ принимаетъ участіе и земная атмосфера и мы сами. Земля движется вокругъ солнца по приблизительно круговой орбитѣ съ средней скоростью около 30 килом. въ секунду; какъ и всякое не прямолинейное равномерное движеніе, это движеніе — ускоренное. Но если ограничиваться небольшими промежутками времени, то движеніе это можно съ достаточной степенью точности принимать за равномерное переносное. Средняя скорость земли по сравненію со скоростью свѣта, конечно, невелика, составляя около $\frac{1}{10,000}$ ея, но она гораздо больше всѣхъ тѣхъ скоростей, которыми можно располагать лабораторнымъ путемъ, — благодаря чему и могли дать замѣтные результаты опыты, опирающіеся на нее.

Такимъ образомъ, рассматривая въ какой-нибудь данный моментъ нѣкоторый источникъ свѣта, наблюдателя и окружающій его воздухъ, мы имѣемъ передъ собой систему, осуществляющую en grand обстановку опыта Физо съ точки зрѣнія наблюдателя, уносимаго движущейся жидкостью. Если принять лоренцову гипотезу о неподвижномъ эфирѣ—гипотезу, превосходно объяснявшую всѣ извѣстныя наблюденія, въ томъ числѣ и опытъ Физо — то скорость свѣта должна въ условіяхъ этого новаго опыта быть различной, если ее измѣрять въ направленіи движенія земли (по касательной къ ея орбитѣ въ рассматриваемый моментъ) и въ направленіи, перпендикулярномъ къ этому движенію. Соответственный опытъ — опять таки интерференціоннаго характера — былъ произведенъ американскимъ физикомъ Майкельсономъ въ 1886 г. Описание этого знаменитаго опыта въ его подлинномъ видѣ потребовало бы ряда техническихъ деталей и сильно усложнило бы изложеніе, но руководящую идею его можно вскрыть съ помощью слѣдующаго гипотетическаго опыта¹.

Вообразимъ себѣ большой полый шаръ радіуса l . Пусть въ центрѣ шара находится наблюдатель, который въ состояніи послать одновременно въ разныя стороны свѣтовой сигналъ. Черезъ нѣкоторое время, когда свѣтъ, отразившись отъ периферіи, вернется къ наблюдателю, послѣдній увидитъ, какъ засвѣтится поверхность шара. Если шаръ находится въ покоѣ относительно эфира, то всѣ его части засвѣтятся, разумѣется, одновременно. Но допустимъ, что шаръ движется параллельно какому-нибудь своему діаметру AB , въ направленіи отъ A къ B , со скоростью g . Въ такомъ случаѣ, согласно гипотезѣ Лоренца, свѣтъ вернется изъ различныхъ направленій въ различныя времена. Нетрудно вычислить, что прежде всего (именно во время $\frac{2l}{\sqrt{c^2 - g^2}}$ послѣ отправления свѣтового сигнала) для наблюдателя долженъ засвѣтиться большой кругъ шара, перпендикулярный къ діаметру AB , а позже всего (во время $\frac{2lc}{c^2 - g^2}$) точки A и B . Опытъ Майкельсона показываетъ, однако, что подобной разницы во времени не существуетъ. Наоборотъ, наблюдатель замѣчаетъ, что при всѣхъ обстоятельствахъ начинаетъ одновременно свѣтиться вся поверхность шара, какъ если бы эфиръ цѣликомъ уносился движущимся шаромъ.

Въ опытѣ Майкельсона дѣло шло объ измѣреніи очень малыхъ величинъ; но обстановка опыта была такова, степень достигнутой при немъ точности такъ велика, что можно было бы измѣрить величины во много разъ меньшія, чѣмъ тѣ, которыя ожидались. И, однако, точнѣйшія измѣренія не обнаружили ни-

¹ «Новыя идеи въ математикѣ». № 5, статья М. Лауэ. «Принципъ относительности», с. 32.

какого различія въ скорости свѣта въ зависимости отъ направленія движенія. Опытъ Майкельсона повторился впоследствии неоднократно — самимъ знаменитымъ физикомъ и другими учеными — и неизмѣнно изслѣдователи приходили къ тому же отрицательному результату, что и авторъ его.

Передъ нами, такимъ образомъ, загадочное явленіе, какое-то внутреннее противорѣчіе въ данныхъ опыта: съ одной стороны, опытъ Физо — а также и явленія абераціи, явленіе Даплера и пр. — говорить безусловно въ пользу гипотезы о неподвижности эфира; съ другой стороны, опытъ Майкельсона, представляющій какъ бы другую сторону опыта Физо — а также и рядъ другихъ, установленныхъ впоследствии, фактовъ въ родѣ опыта Грутона и Нобля съ электрическимъ конденсаторомъ и пр. — такъ же убѣдительно говоритъ противъ предположенія о неподвижности эфира. Чтобы устранить это удивительное противорѣчіе, Лоренцъ (и, независимо отъ него, Фицъ-Джеральдъ) сдѣлалъ слѣдующую добавочную гипотезу: онъ предположилъ, что *всѣ движущіяся* тѣла испытываютъ извѣстное сокращеніе въ направленіи своего движенія, не измѣняясь въ направленіи поперечною. Достаточно ввести это «Лоренцово сокращеніе» въ формулы опыта Майкельсона, чтобъ объяснить результаты его, не поступаясь гипотезой неподвижности эфира. Лоренцъ развилъ даже, на основаніи своей электронной теоріи, физическіе доводы, говорящіе въ пользу допущенія сокращенія движущихся тѣлъ. Но мы сокращенія этого не замѣчаемъ, да и не можемъ замѣтить, ибо вмѣстѣ съ прочими тѣлами сокращаются въ томъ же отношеніи и всѣ наши измѣрительные приборы, такъ что въ конечномъ счетѣ результатъ измѣренія получается такой же, какъ если бы всѣ тѣла находились въ покоѣ.

Лоренцъ - Фицъ - Джеральдова гипотеза отлично справляется съ отрицательными результатами опытовъ Майкельсона, Грутана и пр. Но все же она не удовлетворила ученыхъ. Здѣсь дѣло не только въ нѣкоторой экстренности и парадоксальности самой гипотезы, какъ бы созданной ad hoc, а скорѣе въ соображеніяхъ болѣе общаго порядка. Не надо вѣдь забывать, что съ точки зрѣнія Лоренцова ученія о неподвижномъ эфирѣ существуетъ абсолютное движеніе — именно всякое движеніе, отношенное къ эфиру, мы можемъ считать абсолютнымъ (если не желать вдаваться въ безплодный словесный споръ: отдѣльные ли матеріальные предметы движутся относительно эфира, или эфиръ всей своей міровой массой движется относительно нихъ). И, однако, согласно добавочной гипотезѣ о сокращеніи движущихся тѣлъ, мы никакимъ образомъ не можемъ опредѣлить этого движенія: всякая попытка въ этомъ направленіи заранѣе обречена на неудачу, и при всемъ нашемъ убѣжденіи въ абсолютности движенія тѣлъ, фактически дѣло обстоитъ такъ, какъ

если бы мы имѣли дѣло только съ относительными движеніями. Не проще ли въ такомъ случаѣ отказаться отъ фикціи этого непознаваемого, абсолютнаго движенія, ставъ рѣшительно на точку зрѣнія относительности движенія, составлявшей краеугольный камень механики? Этотъ шагъ и былъ сдѣланъ въ 1905 году Эйнштейномъ въ его знаменитой работѣ объ электродинамикѣ движущихся системъ.

Теорія Эйнштейна, какъ я сказалъ выше, покоится на двухъ постулатахъ или принципахъ. Первый изъ нихъ, называемый имъ просто «принципомъ относительности», состоитъ въ признаніи невозможности для наблюдателя, связаннаго съ движущейся неускоренно системой, обнаружить ея движеніе. Тезисъ этотъ, если придать ему болѣе широкое и абстрактное выраженіе, означаетъ, что математическія формулы, съ помощью которыхъ мы выражаемъ разные законы природы, не измѣняютъ своего вида, остаются инвариантными, независимо отъ того, будемъ ли мы измѣрять входящія въ нихъ величины относительно неподвижной системы или относительно системы, обладающей равномѣрнымъ переноснымъ движеніемъ. Или, выражаясь словами самого Эйнштейна, «законы, управляющіе явлениями природы, не зависятъ отъ состоянія движенія той координатной системы, относительно которой эти явленія наблюдаются, если эта система не обладаетъ ускореннымъ движеніемъ»¹. Второй принципъ заключается въ постулатѣ о постоянствѣ скорости свѣта.

Если переложить оба эти постулата на языкъ математическихъ символовъ, то, послѣ сравнительно несложнаго ряда выкладокъ, получаются такъ называемыя Лоренцовы преобразования — группа формулъ, позволяющая переходить отъ покоящейся системы къ движущейся неускоренно системѣ и содержащей въ себѣ въ явномъ или скрытомъ видѣ парадоксальныя утвержденія теоріи относительности, — въ частности же ученіе о различіи мѣръ времени въ покоящейся и движущейся системахъ. Впрочемъ, и безъ математическихъ выкладокъ можно замѣтить, что наши обычные понятія о скорости, а, значитъ, и о тѣсно связанномъ съ ней времени, должны претерпѣть здѣсь сильныя измѣненія и что измѣненія эти находятся въ ближайшей связи съ вторымъ постулатомъ новаго ученія. Дѣйствительно, постулатъ этотъ утверждаетъ, что скорость свѣта одинакова и въ томъ случаѣ, когда источникъ свѣта остается въ покоѣ относительно наблюдателя, и въ томъ случаѣ, когда онъ движется по отношенію къ послѣднему (приближаясь къ нему или удаляясь отъ него). Скорость источника свѣта здѣсь — въ отличіе отъ обычнаго пониманія явленій движенія — не прибавляется (или отнимается) къ скорости свѣта, а остается безъ всякаго

¹ «Новыя идеи въ физикѣ», № 3, стр. 73.

влянія на послѣднюю. Здѣсь уже дана въ неразвитомъ видѣ та теорема новой теоріи, согласно которой скорость свѣта есть предѣльная, максимальная физическая скорость и что прибавленіе къ ней (или отниманіе отъ нея) другихъ скоростей не можетъ отразиться на ней (какъ не отражается на безконечной величинѣ прибавленіе къ ней или отниманіе отъ нея тѣхъ или иныхъ величинъ). Въ старой механикѣ, скорости, сообщаемыя тѣлу въ извѣстномъ направленіи, арифметически складывались, такъ что теоретически можно было придать тѣлу любую скорость. По Эйнштейновой же теоріи, если сообщить толчкомъ тѣлу скорость, скажемъ, въ 6000 километровъ въ секунду, то повтореніе этого толчка дастъ добавочную скорость не въ 1000 килом. въ секунду, а меньше. Еще меньшее вліяніе окажутъ слѣдующіе толчки— такъ что въ итогѣ, сколько бы добавочныхъ толчковъ мы ни сообщали тѣлу, его совокупная скорость будетъ всегда меньше 300000 килом. въ секунду.

Аналогичныя измѣненія испытываютъ въ теоріи Эйнштейна всѣ прочія теоремы классической механики, которая теперь оказывается лишь приближеніями новой механики. Правда, для обычныхъ скоростей приближенія эти настолько велики, что практически нѣтъ никакой разницы между старыми и новыми формулами. Но чѣмъ больше скорость какого-нибудь тѣла, тѣмъ значительнѣе становится расхожденіе между ними, а при скоростяхъ, мало отличающихся отъ скорости свѣта, онѣ приводятъ къ совершенно различнымъ результатамъ. Говоря въ общихъ чертахъ, можно сказать, что ньютонова механика есть частный, предѣльный случай механики Эйнштейна: въ формулы послѣдней входитъ нѣкоторый множитель, зависящій отъ отношенія $\frac{v}{c}$, гдѣ v скорость движущейся системы, а c — скорость свѣта. Если предположить, что $v = 0$, т. е. что система покоится, то формулы новой механики переходятъ въ формулы традиціонной механики. Но то же самое получилось бы, если бы c сравнялось безконечности, т. е. если бы свѣтовые сигналы распространялись съ безконечной скоростью. Это послѣднее замѣчаніе намъ вскорѣ пригодится.

Нетрудно видѣть, что постулаты новой теоріи разрѣшаютъ указанные выше парадоксальные результаты опытовъ Майкельсона и Физо. Отрицательный результатъ опыта Майкельсона есть здѣсь непосредственное слѣдствіе изъ перваго принципа теоріи. Вѣдь положительный результатъ опыта далъ бы возможность обнаружить абсолютное движеніе земли, а это, согласно принципу относительности, невозможно. Точно такимъ же образомъ сводится къ постулату о постоянствѣ скорости свѣта результатъ опыта Физо. И вообще новая теорія справляется со всѣми фактами оптики и электромагнетизма такъ же успѣшно, какъ

теорія Лоренца, не прибѣгая при этомъ къ такому исключительному и нарочитому допущенію, какъ гипотеза о недоступномъ никакому опыту сокращеніи движущихся тѣлъ. Но заслуга ея не только въ этомъ. До нея существовала рѣзкая дисгармонія между двумя одинаково величественными и важными областями физики: между ученіемъ о движеніи матеріальныхъ тѣлъ — механикой—и ученіемъ объ электромагнитныхъ (и оптическихъ) явленіяхъ, какъ оно было развито великими физиками второй половины 19 вѣка. Въ механикѣ царилъ принципъ относительности: формулы ея имѣли одинаковый видъ, независимо отъ того, относили ли входящія въ нихъ величины къ неподвижной системѣ координатъ или къ движущейся неускоренно системѣ. Въ электродинамикѣ, наоборотъ, въ ея наиболѣе совершенной формѣ, приданной ей Лоренцомъ, торжествовало начало абсолютности движенія. Теорія здѣсь требовала признанія абсолютнаго характера движенія. Но, страннымъ образомъ, всѣ предпринимавшіеся для обнаруженія этого абсолютнаго движенія опыты неизмѣнно приводили къ отрицательнымъ результатамъ, что и заставило Лоренца и Фицъ-Джеральда придумать ихъ парадоксальную гипотезу. Теорія Эйнштейна дѣлаетъ лишней эту гипотезу, устраняя въ то же время внутреннее противорѣчіе между механикой и электродинамикой: принципъ относительности господствуетъ отнынѣ не только въ области явленій видамаго движенія, но и въ области тѣхъ тонкихъ и сложныхъ процессовъ, какими представляются электромагнитныя и свѣтovyя явленія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Юшкевичъ.

МИРОВЫЕ КРИЗИСЫ, МИРНЫЕ И ВОЕННЫЕ.

(Окончаніе) *

Путь, которымъ при военномъ кризисѣ совершается переходъ отъ экономическаго упадка и застоя его начальнаго періода къ послѣдующему специфическому «процвѣтанію», очень простъ и понятенъ. Потребности самой войны заставляютъ государство дѣлать многочисленныя и огромныя заказы предпріятіямъ различныхъ отраслей производства, а также скупать массу товаровъ изъ ихъ прежнихъ запасовъ, платя за все деньгами, хотя бы и бумажными. Эти предпріятія расширяютъ производство, а за ними другія—ихъ поставщики, и т. д., по всей цѣпной связи механизма. Увеличенное обращеніе товаровъ и денегъ оживляетъ кредитъ. Ростъ заработковъ, вмѣстѣ съ замѣняющими, а частью дополняющими ихъ государственными пособиями семьямъ призванныхъ, расширяетъ потребленіе массъ, а ростъ прибылей—потребленіе капиталистовъ. Каждый шагъ по этому пути служитъ толчкомъ къ дальнѣйшимъ шагамъ, и оживленіе нарастаетъ быстро, вначалѣ даже «лавинообразно», т. е., со все большимъ ускореніемъ.

Въ странахъ не воюющихъ экономическій процессъ развертывается приблизительно такъ же. Оживляющую роль играютъ частью военныя и продовольственныя заказы, предлагаемыя правительствами воюющихъ странъ, частью—такіе же заказы собственныхъ правительствъ, организующихъ свои ресурсы въ виду возможныхъ опасностей, а то и прямо мобилизующихъ свои арміи, чтобы быть во всякій моментъ ко всему готовыми.

Государство требуетъ больше и платитъ лучше, чѣмъ прежній международный рынокъ, разорванныя связи котораго оно собираетъ въ своихъ рукахъ. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія капитала дѣло идетъ хорошо; и патриотическія чувства, вначалѣ имѣвшія судорожный характеръ, въ зависимости отъ элементовъ страха и неуверенности, теряютъ его, закрѣпляясь въ формахъ опредѣленной, твердой, чуждой колебаній агрессивности. Непримиримость возрастаетъ параллельно съ прогрессіей прибыли.

* См. «Лѣтопись» №№ 3, 4 и 5 за 1916 г.

И однако—не все благополучно въ этомъ своеобразномъ процвѣтаніи. Живя стихійно и ощущая только непосредственно-притекающую прибыль, капиталъ можетъ, конечно, не обращать вниманія на коренную противорѣчивость своего счастливаго состоянія: на то, что его источникъ—милитаристическій рынокъ—есть уже не столько рынокъ «потребительный», сколько *истребительный*, и что производимые для него продукты обрушиваются въ бездну, не оставляя слѣда въ производствѣ. Но долженъ настать моментъ—и онъ *уже* настаетъ,—когда и капиталъ почувствуетъ, что тѣ плюсы, которые онъ съ восторгомъ пишетъ въ свою счетную книгу, по мѣрѣ ихъ соединенія въ общій итогъ, какимъ-то таинственнымъ образомъ превращаются въ отрицательную величину. А эта перемѣна знака неминуемо должна произойти, и непрерывно происходитъ,—потому что *реального* накопленія не можетъ получиться изъ процесса разрушенія.

Всякій продуктъ, при всякомъ способѣ производства—отнюдь не при одномъ капиталистическомъ—имѣетъ свою *трудовую стоимость*, т. е., воплощаетъ въ себѣ опредѣленную сумму труда, «стоитъ» обществу опредѣленной затраты его трудовой энергіи; капитализму же свойственна только маскировка этой трудовой стоимости необходимою для обмѣна формою «рыночной цѣнности». Трудовую стоимость можно назвать душою продукта. И душа эта, подобно человѣческой, бываетъ иногда бессмертною, а иногда—смертною.

Трудовая стоимость средствъ производства не умираетъ съ ихъ изнашиваньемъ, а только перевоплощается, переходитъ въ трудовую стоимость новыхъ, произведенныхъ съ ихъ помощью продуктовъ. То же относится и къ предметамъ потребления работниковъ: заключенная въ нихъ трудовая энергія превращается въ рабочую силу, и перевоплощается, даже съ возрастаніемъ своей величины, въ продуктахъ, производимыхъ этой рабочею силою. Тутъ «душа» бессмертна. Что же касается предметовъ роскоши и средствъ истребленія, то ихъ душа не бессмертна, а умираетъ вмѣстѣ съ ихъ тѣломъ: кристаллизованная въ нихъ трудовая энергія, съ ихъ разрушеніемъ, просто разсѣивается въ стихійной природѣ, при чемъ сумма коллективной силы уменьшается на ту же величину, а въ случаѣ, когда дѣло идетъ о средствахъ истребленія—часто и на гораздо большую.

Слѣдовательно, во время войны души продуктовъ становятся по преимуществу смертными. Подавляющее большинство продуктовъ, которые беретъ милитаристическій рынокъ, по мѣрѣ ихъ потребления умираютъ и материально, и духовно, или, пожалуй, точнѣе—«экономически». Это и есть причина того, что многопроцентныя прибыли капитала, по мѣрѣ ихъ сложенія,

суммируются въ убытокъ: тысячи плюсовъ, вопреки всякой алгебрѣ, даютъ минусъ. Величина общественнаго капитала въ странахъ, наиболѣе захваченныхъ кризисомъ, прямо уменьшается; въ странахъ, захваченныхъ имъ слабѣе, она можетъ еще расти, но медленнѣе, чѣмъ въ обычныхъ условіяхъ; и это врядъ ли обстоитъ иначе даже для странъ, по видимости, эксплуатирующихъ кризисъ, какъ Соед. Штаты,—потому что происходящее въ нихъ перенесеніе капитала въ «милитаристическія» отрасли равносильно для будущаго нѣкоторому уменьшенію его общественной суммы.

Какимъ же образомъ экономически осуществляется на дѣлѣ гигантскій отрицательный итогъ войны для общественнаго капитала въ его цѣломъ?

Процессъ этотъ идетъ нѣсколькими путями.

* * *

Прежде всего бросается въ глаза и не вызываетъ никакихъ сомнѣній то истребленіе массы капиталовъ, которое производится механически опустошеніемъ районовъ военныхъ дѣйствій. Въ нынѣшнюю войну оно измѣряется многими миллиардами, особенно на восточномъ театрѣ въ первый годъ кампании; общую же цифру до сихъ поръ даютъ въ 15—20 миллиардовъ рублей. Это означаетъ сотни тысячъ разоренныхъ капиталистовъ, миллионы разоренныхъ мелкихъ производителей.

Часть этихъ убытковъ будетъ, безъ сомнѣнія, возмѣщена государствами: но какимъ путемъ? За счетъ налоговъ и займовъ,—т. е., путемъ вычетовъ изъ остающагося національнаго капитала и его прибавочной стоимости.

Работники страны также представляютъ матеріальную форму ея переменнаго капитала, ту форму, въ которой онъ принадлежитъ не отдѣльнымъ капиталистамъ, а классу капиталистовъ въ цѣломъ. Истребленіе этого капитала, считая убитыхъ и калѣкъ, приближается уже сейчасъ къ 10 миллионамъ единицъ лучшаго трудового возраста.

Выразить эту потерю въ рубляхъ не легко, хотя все же съ капиталистической точки зрѣнія возможно: надо вычислить сумму прибыли, которую эти работники, при нормальной продолжительности трудовой жизни, успѣли бы еще принести національному капиталу, и къ этой суммѣ прибавить вѣроятный расходъ на призрѣніе увѣчныхъ до конца ихъ жизни. Дѣло идетъ, во всякомъ случаѣ, о многихъ десяткахъ миллиардовъ.

Реализуются же эти потери для капитала, главнымъ образомъ, путемъ замедленія въ темпѣ его развитія на будущіе годы, благодаря недостатку рабочихъ рукъ, когда понадобится быстро расширять предпріятія, а также и благодаря суженію потребительнаго рынка, который дали бы заработки недостаю-

щихъ работниковъ. Первый недочетъ еще можетъ быть въ значительной степени восполненъ усиленнымъ примѣненіемъ усовершенствованныхъ машинъ, которое, такимъ образомъ, получаетъ новый толчекъ отъ военнаго кризиса; второй же не можетъ быть возмѣщенъ ничѣмъ.

* * *

Другой источникъ потерь національнаго капитала заключается въ растратѣ реальныхъ его элементовъ, какъ при мобилизаціи, такъ и при демобилизаціи производства.

Если при военномъ кризисѣ разорванныя связи міроваго рынка смыкаются на рынкѣ національно-милитаристическомъ, то это происходитъ путемъ значительнаго *перемѣщенія* производства. Потребности войны сильно отличаются отъ потребностей мирнаго времени. Массѣ предпріятій приходится производить не то, что раньше, или всецѣло сосредоточиться на приготовленіи одного-двухъ изъ нѣсколькихъ, иногда многихъ раньше производившихся ими продуктовъ. Сколько, напр., предпріятій поставляютъ теперь снаряды, тогда какъ раньше и не думали производить ничего подобнаго. За это брались вѣдь, даже очень многія предпріятія, не имѣвшія вообще отношенія къ обработкѣ металловъ. А сколько текстильныхъ перешло къ исключительному производству военнаго сукна или холста, или вообще какой-нибудь военной ткани, зачастую какъ разъ такой, какой въ предпріятіи совсѣмъ не выдѣлывалось. И, разумѣется, необходимы затраты капитала и труда, чтобы приспособить предпріятія къ новой постановкѣ производства: перестройка помѣщеній, новые станки и орудія,— иногда передѣлка прежнихъ, обученіе стараго и новаго состава работниковъ и т. д.

Всѣ такія затраты вещей, энергіи, времени, не ощущаются, большей частью, капиталомъ, какъ потери, потому что покрываются и выгодными цѣнами заказовъ, и значительными авансами заказчика — государства. Но съ точки зрѣнія общественной суммы капитала это, несомнѣнно, потери. Настанетъ время, когда и частный капиталъ почувствуетъ это: моментъ демобилизаціи промышленности, по окончаніи войны. Тогда понадобится вновь приспособлять производство къ его мирнымъ условіямъ и задачамъ. Потребуется обратныя перемѣщенія, перестройки и передѣлки; массу машинъ, орудій, даже матеріаловъ окажется невозможнымъ использовать въ тѣхъ же предпріятіяхъ, что поведетъ къ ихъ сбыванію за безцѣнокъ; а нѣкоторая часть пропадетъ и для производства вообще. А между тѣмъ, неиспользованные за годы войны элементы нормальнаго, мирнаго производства въ значительной мѣрѣ тоже придутъ въ упадокъ отъ дѣйствія времени и случайностей.

Даже для рабочего персонала частью нужно будет новое обучение. Но всѣхъ этихъ затратъ и потерь государство покрывать, по крайней мѣрѣ, въ большей ихъ части, уже не станетъ, а предоставить устраиваться самимъ капиталистамъ; оно не сможетъ значительно помочь имъ и кредитомъ, потому что собственный его кредитъ будетъ слишкомъ къ тому времени распатанъ и потрясень, а остатки его слишкомъ необходимы для другихъ цѣлей.

Что касается растраты капитала и труда, связанныхъ съ мобилизаціей производства, то ихъ покрытіе государствомъ тоже, въ конечномъ счетѣ, не проходитъ даромъ и для мобилизованныхъ предприятий. Но здѣсь потеря сказывается другимъ путемъ—черезъ посредство налоговъ и займовъ, за счетъ которыхъ государство ее покрываетъ. А такъ какъ роль налоговъ и займовъ въ механизмѣ военнаго кризиса и его ликвидаціи несравненно шире этого частнаго случая, то мы и будемъ разсматривать ее въ цѣломъ.

* * *

Налоги и займы представляютъ ту форму, въ которой государство получаетъ средства для своихъ издержекъ; слѣдовательно, это прямой источникъ всего милитаристическаго рынка.

При этомъ налоги должны быть признаны основной и первоначальной изъ двухъ формъ: они служатъ базисомъ займовъ, расплаты по которымъ дѣлаются за счетъ налоговъ, такъ что безъ налоговъ и займы не были бы возможны.¹

Государственные займы—это не что иное, какъ *налоговый кредитъ*. Когда нормальные доходы государства недостаточны для его потребностей, оно обращается къ капиталистамъ, своимъ или иностраннымъ, и они реализуютъ для него впередъ налоги иногда на цѣлые десятки лѣтъ, доставляя ему немедленно нужныя суммы; но, очевидно, они дѣлаютъ это не даромъ, и дѣйствительная величина налоговъ увеличивается затѣмъ не только на величину, необходимую для погашенія самаго займа, но и на проценты за него. Въ этомъ главная невыгода займовъ для тѣхъ, кто платитъ налоги.

Особую форму займа—безпроцентную—представляютъ бумажныя деньги, когда государство выпускаетъ ихъ, чтобы расплачиваться ими при недостаткѣ другихъ средствъ, и когда

¹ Доходъ съ государственныхъ имуществъ — прибыль государства-предпринимателя — составляетъ небольшую долю бюджета капиталистическихъ странъ, и къ тому же отчасти сводится къ особому налогу; такова именно рента съ лицъ, пользующихся государственными землями. Казенныя же монополіи — просто особый видъ косвенныхъ налоговъ съ потребителей.

но, слѣдовательно, не можетъ гарантировать разиѣна ихъ на золото. Несмотря на свою безпроцентность, такой заемъ чаще всего оказывается самымъ невыгоднымъ для страны, потому что при усиленныхъ выпускахъ бумажныхъ денегъ ихъ цѣнность или «курсъ» на рынкѣ падаетъ, и всѣ ихъ владѣльцы несутъ убытки.

Во время военнаго кризиса потребности государства возрастаютъ во много разъ. Увеличиваются налоги; широко развивается система займовъ, процентныхъ и безпроцентныхъ.

При этомъ характерно обнаруживаются различія въ экономическомъ уровнѣ странъ. Налоги—наиболѣе выгодный и совершенный способъ покрытiя издержекъ: они не вызываютъ, какъ процентные займы, новыхъ платежей на будущiя времена. Ни одно государство не оказалось способно покрывать этимъ нормальнымъ путемъ сколько-нибудь значительную долю военныхъ издержекъ; но все же Англия въ этомъ отношенiи стоитъ выше всѣхъ, Россiя—на послѣднемъ мѣстѣ изъ великихъ державъ. Изъ процентныхъ займовъ самые невыгодные иностранные: они ухудшаютъ будущее національнаго капитала, потому что на проценты по нимъ часть прибавочнаго продукта будетъ постоянно уходить изъ страны—служить чужому потребленiю и накопленiю. Здѣсь опять то же соотношенiе: наибольшая роль иностранныхъ займовъ въ финансированiи войны приходится на долю Россiи.

Еще ярче картина въ области самыхъ невыгодныхъ источниковъ—бумажно-денежныхъ. Въ Англии выпускъ лишнихъ банковыхъ билетовъ почти вовсе не примѣняется съ этой цѣлью. Германия къ началу 1916 года выпустила излишекъ въ 5 миллиардовъ марокъ, т. е., покрыла ими шестую часть расходовъ, составлявшихъ около 30 миллиардовъ марокъ. Францiя—5 миллиардовъ франковъ на 27—28 миллиардовъ общихъ расходовъ, т. е., немного меньше пятой доли. Россiя же—около 4 миллиардовъ рублей, при суммѣ расходовъ 10 миллиардовъ, т. е., двѣ пятыхъ. Притомъ, выпуски бумажекъ продолжаются и теперь. Естественно, что курсъ рубля за время войны упалъ болѣе, чѣмъ въ полтора раза.

Въ концѣ концовъ, десятки миллиардовъ, полученные займами, преобразуются въ ежегодные миллиарды налогового обложенiя. Напр., для Россiи расходный бюджетъ послѣ войны возрастетъ, въ лучшемъ случаѣ, на 2—3 миллиарда рублей. Существенный вопросъ заключается въ томъ, на какiя части національнаго дохода упадетъ эта тяжесть, и смогутъ ли преуспѣвающiе капиталы свалить съ себя серьезную расплату, въ этой специальной формѣ, за радости и наслажденiя «военной прибыли».

* * *

Въ идеальномъ капиталистическомъ обществѣ, которое состояло бы только изъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, съ одной стороны, рабочихъ—съ другой, для налоговъ не было бы, въ сущности, иного источника, кромѣ прибавочной стоимости. Форма налоговъ тутъ ничего не мѣняетъ. Рабочій получаетъ, въ видѣ заработной платы, дѣйствительную стоимость своей рабочей силы, которая есть не что иное, какъ стоимость предметовъ его нормальнаго потребления, взятыхъ въ нормальномъ для него (и его семьи) количествѣ. Урѣзать потребление нельзя, потому что тогда понижается, въ смыслѣ величины и качества, рабочая сила—что невыгодно для самого капитала, особенно на высшихъ ступеняхъ его развитія. Поэтому всякій налогъ, прямой или косвенный, падающій на заработную плату, тѣмъ неизбѣжнѣе и тѣмъ быстрѣе долженъ перекладываться на доходы съ капитала, чѣмъ выше уровень капиталистическаго развитія; а происходитъ это перекладываніе путемъ соотвѣтственнаго повышенія заработной платы.

Такъ просто обстояло бы дѣло въ идеальномъ капиталистическомъ обществѣ. Но въ дѣйствительности оно сложнѣе, даже для самыхъ передовыхъ странъ. Самостоятельные мелкіе производители, и группы промежуточнаго характера, связывающія этотъ социальный типъ съ чисто капиталистическими классами, не исчезли и въ наиболѣе передовыхъ странахъ, а въ отсталыхъ составляютъ большинство населенія; таково крестьянство на разныхъ стадіяхъ его дифференціаціи, кустари, ремесленники, самостоятельно живущіе представители «либеральныхъ» трудовыхъ профессій, и т. под. Въ этихъ условіяхъ система налоговъ пріобрѣтаетъ—или, вѣрнѣе, сохраняетъ отъ прошлаго—иной характеръ, въ большей или меньшей степени, сообразно уровню развитія капитализма и его классовъ.

Тутъ налоги реально урѣзываютъ не только прибыль и ренту, но также и трудовой заработокъ мелкихъ производителей, и даже заработную плату, поскольку рабочій классъ не вполне кристаллизованный и оформившійся, еще не способенъ твердо и устойчиво поддерживать свою экономическую позицію въ обществѣ. Такъ, у насъ, въ Россіи, основою доходнаго бюджета было до сихъ поръ крестьянство, на которое, главнымъ образомъ, и рассчитана наша система земельныхъ податей, косвенныхъ налоговъ, монополій. На низшіе классы городского населенія она падаетъ уже сравнительно нѣсколько меньшей тяжестью,—нѣтъ того поземельнаго обремененія, какъ тамъ; но косвенные налоги и монополіи здѣсь ощущаются, конечно, въ полной мѣрѣ. Впрочемъ, рабочіе, еще связанные семьями съ деревней,—а такихъ до сихъ поръ остается немало,—

участвуютъ обыкновенно и въ уплатѣ специально крестьянскихъ податей. Наконецъ, для высшихъ классовъ эта система, въ которой преобладаетъ обложеніе предметовъ массового потребления, является почти нечувствительной. Въ общемъ и цѣломъ, дѣйствіе механизма равносильно подоходному *регрессивному* обложенію, т. е., уменьшающемуся параллельно повышенію дохода, съ нѣкоторыми поправками сословнаго характера, перераспределеніями до-капиталистическаго строя.

Смыслъ этой системы заключается въ томъ, что она облегчаетъ накопленіе капитала и ускоряетъ его концентрацію. Съ мелкихъ производителей берется относительно больше, и это помогаетъ ихъ раззоренію въ конкуренціи съ крупнымъ производствомъ, превращенію въ необходимыхъ ему пролетаріевъ; а поскольку крупное производство еще не сложилось, достигается подчиненіе мелкихъ производителей низшимъ формамъ капитала—торговому и ростовщическому. Что касается крестьянства, то его пролетаризировать въ широкихъ размѣрахъ конкуренція нашего помѣщичьяго производства, хотя и крупнаго, но технически и экономически весьма невысокаго, вообще не могла бы; и эта задача была выполнена, главнымъ образомъ, при помощи податнаго механизма.

Съ перваго взгляда должно казаться, что такая «регрессивно-подоходная» система какъ разъ наиболѣе цѣлесообразна для капиталистическаго развитія. Она даетъ преимущества тѣмъ, кто и безъ того сильнѣе, такъ что они скорѣе побѣждаютъ въ анархической борьбѣ; а слабѣйшіе быстрѣе погибаютъ. Если накопленіе и централизація капитала, съ одной стороны, ростъ пролетаріата—съ другой составляютъ сущность экономическаго прогресса при капитализмѣ, то что можетъ быть прогрессивнѣе «регрессивности»? Однако, въ странахъ болѣе передовыхъ этотъ принципъ отступаетъ, по мѣрѣ развитія капитализма, передъ прямо ему противоположнымъ. Какъ общее правило, можно принять, что онъ удерживается тѣмъ въ меньшей степени, чѣмъ выше экономическій и культурный уровень страны. Одно за другимъ, передовыя государства приходятъ къ *прогрессивно-подоходному* налогу въ разныхъ его формахъ; и впереди всѣхъ идетъ Англія, затѣмъ Германія. Правда, старая система количественно еще преобладаетъ; но линія развитія намѣтилась вполне ясно. Даже Россія теперь, во время войны, дѣлаетъ крупный, хотя и нерѣшительный шагъ по новому пути. Какъ объяснить это?

Буржуазно-демократическіе политики—и, къ сожалѣнію, не только они—говорятъ о томъ, что прогрессивно-подоходный налогъ—«наиболѣе справедливая» форма обложенія. Дѣйствительно, съ богатаго можно взять болѣе значительную долю его дохода, чѣмъ съ бѣдняка, а матеріально онъ этого даже не по-

чувствуетъ, и останется попрежнему гораздо богаче другихъ, попрежнему сможетъ не отказывать себѣ даже въ привычной роскоши. Но какое дѣло капитализму и его финансовой политикѣ до «справедливости»? Эта дѣтская точка зрѣнія, удобная въ агитаціи, совершенно бесполезна въ изслѣдованіи. Если старый принципъ вытѣсняется новымъ, то очевидно, что первый въ какихъ-то отношеніяхъ оказывается *невыгоднымъ* для развивающагося капитала, а второй приноситъ какія-то *выгоды* для него. Ибо господствуетъ все-таки капиталъ и его интересы.

* * *

Налоговая система съ «регрессивно-подоходной» тенденціей безусловно выгодна для капитала только въ ту эпоху его молодости, когда вопросъ о рынкахъ не начиналъ еще беспокоить его, когда нѣтъ никакихъ затрудненій въ сбытѣ товаровъ, потому что окружающій миръ до-капиталистическихъ и полукapиталистическихъ формъ производства достаточно быстро поглощаетъ всякіе ихъ излишки. Положеніе дѣла мѣняется по мѣрѣ того, какъ ростъ самого капитала съ одной стороны, распадъ этихъ отсталыхъ формъ, съ другой, приводятъ все чаще и чаще къ недостаточности рынка для его потребностей, къ обостренію конкуренціи изъ-за сбыта, къ частнымъ, а потомъ и общимъ кризисамъ. Тогда ускорять ходъ гибели мелкихъ формъ производства, пауперизацію и пролетаризацію мелкихъ производителей для капитала въ его национальномъ цѣломъ становится все болѣе *невыгодно*.

Получается такое положеніе, что капиталъ теряетъ часть своего рынка, не успѣвая замѣнить ее. Когда разоряется ремесленникъ, крестьянинъ, мелкій капиталистъ, это означаетъ потерю капиталомъ опредѣленнаго элемента его потребительнаго рынка, и слѣдовательно, суженіе рынка въ цѣломъ, по цѣпной связи, во много разъ больше, чѣмъ эта непосредственная потеря. Даже если раззорившійся вступить, какъ наемный работникъ, въ систему крупнаго капиталистическаго производства—что на дѣлѣ обычно происходитъ весьма нескоро,—то и тогда потеря еще не уравнивается. Онъ, правда, вновь предъявляетъ потребительный спросъ, можетъ быть, не меньше, или нѣсколько больше прежняго,—но онъ, кромѣ того, производитель лишняго количества товаровъ, которое будетъ давить на рынокъ, чѣмъ уменьшается выгодность его потребительнаго спроса. А когда онъ былъ мелкимъ производителемъ, то либо производилъ не тѣ товары, которые уже выбрасываются на рынокъ настоящими капиталистическими предприятиями, либо и тѣ же, но при низшей производительности своего труда, т. е., въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ когда сталъ наемнымъ

работникомъ. А надо еще помнить, что не только переходъ мелкаго производителя въ трудового, зарабатывающаго пролетаря происходитъ черезъ стадію пауперизма, болѣе или менѣе продолжительную,—но нерѣдко пауперъ и погибаетъ на этой стадіи.

Капитализмъ сопровождается жестокими разрушительными процессами; но не въ нихъ его сущность. Онъ есть *организационный процессъ*, ведущій человѣчество отъ мелкихъ формъ производства ко все болѣе крупнымъ, а черезъ нихъ къ его полному объединенію. Гдѣ его организационная работа остается отъ разрушительной, тамъ онъ не можетъ развиваться, гдѣ первая въ слабой степени превосходитъ вторую, тамъ онъ развивается медленно.

Въ Россіи капитализмъ прогрессировалъ за послѣдніе полъ-вѣка медленно, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Между тѣмъ, налоговая система была, какъ нельзя болѣе благоприятна для капитала; и на пользу ему шла значительная доля гигантскаго для бѣдной страны бюджета. Задержка заключалась не только въ полу-феодалномъ политическомъ строѣ, который остается, конечно, главнымъ ея условіемъ,—но, несомнѣнно, и въ чрезмѣрномъ оскудѣніи крестьянства, главнаго рынка для русскаго капитала. Десять Персій и Монголій не вознаграждаютъ упадка этого «внѣшняго» рынка. Но тутъ—круговая связь враждебныхъ нашему отечеству силъ: экономическій упадокъ крестьянства поддерживаетъ низкій культурный и политическій его уровень, а черезъ это—полу-феодалную политическую и налоговую систему; она же, въ свою очередь, поддерживаетъ оскудѣніе крестьянства. Подобный кругъ не въ первый разъ встрѣчается въ исторіи человѣчества. Народамъ жизненно-сильнымъ удавалось вырваться изъ него; тѣ же, которымъ не удавалось, дѣлались законною добычею другихъ, выросшихъ въ болѣе счастливой обстановкѣ.

* * *

Если, такимъ образомъ, «регрессивно-подходная» тенденція въ обложеніи становится, при извѣстныхъ условіяхъ, невыгодна для капиталистическаго развитія, то отсюда, повидимому, еще не слѣдуетъ, что выгодна тогда прямо противоположная система, прогрессивно-подходная. Развѣ прогрессивный налогъ, дающій мелкимъ доходамъ преимущество передъ крупными, не окажется *во всякомъ случаѣ* вреденъ для накопленія капитала въ наибольшихъ размѣрахъ, для его наиболѣе полной концентрации? Можно ли защищать прогрессивно-подходный налогъ съ иной точки зрѣнія, кромѣ «простыхъ законовъ права и нравственности», явно не-научной, а значить,—противо-научной?

Смысл капиталистическаго накопленія заключается въ *расширеніи производства*: это накопленіе заключается въ томъ, что нѣкоторая часть прибыли вкладывается въ предприятия, въ видѣ средствъ производства и заработной платы, чтобы въ свою очередь приносить прибыль. *Цѣпная связь производства требуетъ, чтобы накопленіе въ разныхъ отрасляхъ совершалось въ одной и той же пропорціи.*

Въ самомъ дѣлѣ, однѣ отрасли даютъ орудія и матеріалы другимъ, сами получаютъ отъ третьихъ, и т. д. Предположимъ, что производство красокъ для тканей расширилось на 10%, а производство тканей, которыя ими окрашиваются, всего на 5%. Что тогда получится? Очевидно, это будетъ перепроизводствомъ красокъ, лишнее ихъ количество не найдетъ сбыта, накопленіе въ этой отрасли замедлится, пока не придетъ къ соответствію съ ходомъ дѣлъ въ производствѣ окрашиваемыхъ тканей. То же будетъ, если производство желѣза и стали будетъ перегонять ростъ производства издѣлій изъ нихъ, или машиностроеніе—ростъ суммы отраслей, примѣняющихъ машины, и т. под. Въ дѣйствительности, конечно, такая непропорціональность, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, всегда бываетъ, потому что капиталистическая организація не имѣетъ плановѣрнаго руководства. Но механизмъ рынка производитъ необходимое выравниванье своими стихійными методами—иоженіемъ цѣнъ на избыточно произведенный товаръ, остановкой накопленія въ однихъ предприятияхъ, часто и раззореніемъ другихъ, перемѣщеніемъ капиталовъ, и пр. Равновѣсіе достигается, но какъ всегда въ стихійныхъ процессахъ—цѣною расточительной траты силъ.

Итакъ, въ капиталистическомъ обществѣ накопленіе, т. е., расширеніе производства, совершается въ опредѣленной законмѣрности: для него существуетъ нѣкоторая *норма*, одна и та же въ разныхъ отрасляхъ производства. Конечно, эта норма меньше нормы прибыли, потому что часть прибыли съ національнаго капитала идетъ на потребленіе для класса капиталистовъ, часть—на потребности классовой организаціи господства, т. е., на милитаризмъ и пр.

Дѣйствительная величина нормы накопленія въ странахъ стараго капитализма сравнительно ниже, такъ какъ тамъ и норма прибыли меньше; въ странахъ молодого капитализма выше; для Германіи, напр., около 2½%: 7 миллиардовъ марокъ въ годъ при національномъ капиталѣ 270—300 миллиардовъ; для Англіи она ниже, не болѣе 2%; для Японіи, несомнѣнно, выше, какъ для страны, «догоняющей» передовыя въ развитіи капитализма; но даже приблизительную цифру здѣсь указать трудно. Вообще же расчеты, относящіяся къ нормѣ накопленія, очень затрудняются перемѣщеніемъ капиталовъ изъ страны

въ страну, ростомъ фиктивныхъ цѣнностей, бумажныхъ и иныхъ, и другими условіями; но теоретическая суть дѣла отъ этого не мѣняется.

Сравнимъ три предпріятія, разнаго масштаба. Въ одно вложенъ капиталъ 100 тысячъ, въ другое миллионъ, въ третье 10 миллионъ. Пусть обычная норма прибыли въ странѣ 5%, норма накопленія 2%. Прибыль въ 1-мъ 5 тысячъ, во 2-мъ 50 тыс., въ 3-мъ 500 тыс. Если всѣ они жизнеспособны и нормально расширяются, т. е., въ одно вкладывается за годъ изъ прибыли 2 тыс., въ другое—20 тыс., въ третье 200 тыс., то остатокъ прибыли сверхъ накопленія будетъ 3 тыс., 30 тыс. и 300 тыс. Изъ этого остатка, съ одной стороны, должны удовлетворяться личныя потребности капиталистовъ, съ другой—можетъ черпать свои ресурсы, въ видѣ налоговъ, государство. Каждый капиталистъ живетъ сообразно своему общественному положенію; но потребности не возрастаютъ настолько, насколько капиталы; самъ Рокфеллеръ не можетъ ѣсть 1.000 пудовъ мяса въ день и выпивать 1.000 бутылокъ вина. Если первый изъ нашихъ трехъ едва въ состояніи жить, какъ прилично для мелкаго капиталиста, на 2½ тыс. рублей, то второй не будетъ чувствовать себя стѣсненнымъ, напр., проживая 20 тысячъ; а третий врядъ ли уронитъ свое достоинство миллионера, тратя 100 тысячъ въ годъ. Остается тогда у перваго 500 р., или 10% его дохода, у втораго 10 тыс., или 20% его дохода, у третьяго 200 тысячъ, или 40% дохода. Изъ этихъ остатковъ можетъ требовать своей доли государство, національная организація хозяйства для всего класса капиталистовъ.

Очевидно, что для этого класса въ цѣломъ всего выгоднѣе, чтобы излишки государство взяло цѣликомъ. Иначе они или увеличатъ накопленіе сверхъ его нормы, что поведетъ къ безмядной ихъ растратѣ, или пойдутъ на совершенно уже безсмысленную роскошь, не полезную даже лично для капиталистовъ. Въ рукахъ же государства они пойдутъ на общія потребности капитала и капиталистовъ.

Но тогда получается какъ разъ формула *прогрессивно-подходнаго* обложенія: 10%, 20%, 40%. Оно оказывается, въ этихъ условіяхъ, *наиболѣе выгоднымъ* для капитала. Самъ собой намѣчается и верхній предѣлъ прогрессіи: если изъ 5 рублей прибыли на одно накопленіе идетъ 2 руб., то обложеніе, во всякомъ случаѣ, не можетъ достигнуть трехъ рублей на 5, т. е. 60%.

Но,—замѣтитъ читатель,—вѣдь норма накопленія имѣетъ силу для *цѣлыхъ отраслей* производства, а не для отдѣльныхъ предпріятій. Пусть въ каждой отрасли крупныя предпріятія накапливаютъ выше нормы, а мелкія—ниже ея; тогда для всей отрасли въ цѣломъ норма можетъ хорошо удержаться и безъ

прогрессивнаго налога; а концентрація капитала ускорится, что опять-таки полезно, а не вредно.

Но такой планъ былъ бы осуществимъ лишь тогда, когда *во всѣхъ отрасляхъ* крупныя и мелкія предприятия смѣшаны *въ одинаковыхъ*, хотя бы приблизительно, *пропорціяхъ*. На дѣлѣ же наблюдается совсѣмъ иное. Развитие капитализма анархично, а не планомѣрно: однѣ отрасли идутъ впередъ технически и экономически, и состоятъ почти изъ однихъ, или даже исключительно изъ однихъ крупныхъ предприятий. Другія отстаютъ, представляя сочетаніе крупныхъ, среднихъ и мелкихъ въ разныхъ соотношеніяхъ. Въ третьихъ, наиболѣе отсталыхъ, мелкія преобладаютъ. Металлургія и горное дѣло, напр., почти повсюду относятся къ первому типу; текстильное дѣло въ передовыхъ странахъ къ первому, у насъ же, скорѣе, ко второму; производство одежды, обуви—ко второму и третьему типу, и т. под.

Между тѣмъ, въ силу цѣпной связи отраслей, общая норма накопленія неизбежно должна соответствовать условіямъ той отрасли, гдѣ накопленіе наименьшее. Если хоть одна изъ необходимыхъ отраслей неспособна расширяться болѣе, чѣмъ на 2%, бесполезно отраслямъ съ наиболѣе крупнымъ капиталомъ расширяться на 4%. Поэтому практически задача цѣлесообразнаго обложенія выполнима только въ томъ видѣ, какъ если бы однѣ отрасли состояли изъ мелкихъ, другія изъ крупныхъ предприятий,—т. е. по схемѣ *прогрессивнаго* налога.

* * *

Итакъ, прогрессивно-подходящая система представляется, вообще, наиболѣе выгодной для національнаго капитала на той ступени его развитія, когда обостряется вопросъ о рынкахъ для него. Что измѣняетъ въ этомъ военный кризисъ?

Благодаря гигантскому милитаристическому спросу, первая стадія военнаго періода послѣ начальнаго потрясенія, оказываются благопріятны для мелкаго производства, какъ и для крупнаго. Въ рынкѣ недостатка нѣтъ, и вопросъ о налоговой системѣ съ этой точки зрѣнія не получаетъ особой опредѣленности. Обнаруживаются только на дѣлѣ важныя *техническія* преимущества подоходнаго налога. Поскольку требуется увеличить его общую сумму, онъ позволяетъ сдѣлать это быстро и легко, безъ всякаго усложненія податной организаціи, простымъ повышеніемъ процентныхъ нормъ; и эта простота техники представляетъ огромную цѣнность тогда, когда государственныя механизмы подавлены новыми, необычно-сложными задачами.

Но затѣмъ выступаютъ на сцену еще иные моменты, вытекающіе изъ военнаго раззоренія и истребленія человѣческихъ

силъ. Мелкое производство они поражаютъ, при нынѣшнихъ условіяхъ, сильнѣе, чѣмъ крупное. Даже въ полосѣ военныхъ дѣйствій крупныя предприятия свои—больше оберегаются, а неприятельскія, кромѣ имѣющихъ военное значеніе, больше шадятся; при общей эвакуаціи крупнымъ также даются преимущества. Далѣе, въ случаѣ разрушенія зданій и орудій, отъ крупныхъ предприятий остаются, по крайней мѣрѣ, значительные денежные капиталы; отъ мелкихъ—большой частью ничего. Но всего важнѣе разница въ тяжести потерь отъ убыли рабочей силы.

Для крупныхъ предприятий, съ десятками и сотнями наемныхъ организаторовъ труда, съ тысячами рабочихъ, потери въ нихъ при мобилизаціяхъ имѣютъ лишь количественный и частичный характеръ: нѣкоторая доля силъ предприятия исчезла; но нѣтъ невознаградимой «качественной» убыли; для каждой необходимой функціи тамъ было извѣстное, часто большое число исполнявшихъ ее лицъ; даже если большая часть ихъ взята на войну, остальные могутъ продолжать дѣло, хотя въ уменьшенномъ масштабѣ, и въ случаѣ крайности—подготовить замѣстителей ушедшимъ.—Въ мелкомъ капиталистическомъ предприятий бываютъ почти всегда необходимыя функціи, выполняемыя однимъ лицомъ, которое иногда даже совмѣщаетъ нѣсколько такихъ функцій; и уходъ этихъ лицъ разстраиваетъ все дѣло. А въ мелкомъ производствѣ, крестьянскомъ или ремесленномъ, потеря лучшихъ и главныхъ рабочихъ силъ, очень часто—единственныхъ работниковъ, совершенно невознаградима съ точки зрѣнія производства, хотя бы государственнымъ пособіемъ поддерживалась жизнь остальныхъ членовъ такой семейно-хозяйственной организаціи.

Что же должно получиться въ результатѣ этой неравномерности потерь, порождаемой условіями военнаго кризиса? Разумѣется, если и при обычныхъ условіяхъ существовала возможность болѣе быстрого накопленія для крупныхъ предприятий, чѣмъ для мелкихъ, то теперь, во время войны и послѣ нея, эта разница неминуемо еще усиливается. Отрасли съ преобладаніемъ мелкихъ предприятий тѣмъ значительнѣе должны отстать въ размѣрахъ отъ тѣхъ, гдѣ господствуютъ крупныя. Но, въ силу цѣпной связи отраслей, передовыя въ накопленіи выравниваются съ отставшими, что происходитъ путемъ большихъ потерь отъ недостатка въ сбытѣ. Результаты для національнаго капитала самые неблагоприятныя.

Особенно неблагоприятны должны они оказаться въ странахъ недоразвитаго капитализма, какъ Россія. Тутъ нѣтъ шансовъ исправить нарушенное равновѣсіе отраслей съ помощью внѣшнихъ рынковъ, которые поглотили бы излишки производства передовыхъ отраслей: при конкуренціи странъ вполнѣ

развитого капитализма, обостренной подобным же нарушением равновѣсія, слишкомъ плоха надежда захватить новыя области сбыта. Стоитъ только представить себѣ, на нынѣшнемъ уровнѣ нашей экономики и культуры, конкуренцію хотя бы нашей металлургіи съ германской, англійской или американской на международномъ рынкѣ.

Между тѣмъ, бесполезныя преимущества отраслей съ крупнымъ производствомъ еще усиливаются налоговой системой, въ которой господствуетъ регрессивно-подоходная тенденція. Вытекающія изъ непропорціональности накопленія растраты національнаго капитала должны оказаться тѣмъ значительнѣе. И это въ условіяхъ глубочайшаго экономического потрясенія, вызваннаго войною. Очевидно, что переходъ къ прогрессивно-подоходной системѣ, выравнивающей накопленіе безъ лишнѣхъ потерь, становится настоятельной необходимостью. Тогда тѣ самые излишки накопленія капитала, которые были бы обречены на бесплодную гибель въ конъюнктурахъ кризисовъ и застоя, находятъ себѣ примѣненіе, полезное для всей національной организаціи капитала; въ рукахъ государства они служатъ къ новому расширенію сбыта—главнымъ образомъ, конечно, того, въ основѣ котораго лежатъ потребности милитаризма.

Вотъ причины, которыя дѣлаютъ переходъ къ прогрессивно-подоходной системѣ въ нынѣшнихъ условіяхъ для такихъ странъ, какъ Россія, не просто дѣлесообразнымъ, но прямо необходимымъ съ точки зрѣнія капиталистическаго развитія. И, конечно, дѣло идетъ не о простомъ частичномъ вкрапленіи новаго налога среди старыхъ, какое достигнуто недавнимъ закономъ, а о коренной перестройкѣ бюджетнаго зданія. Въ томъ безпримѣрно тяжеломъ положеніи, какое создается для будущаго Россіи военнымъ раззореніемъ, осложняющимъ ея капиталистическую отсталость, лишнее неблагоприятное условіе такого масштаба, какъ негодная система государственныхъ финансовъ, могло бы оказаться роковымъ ¹...

Но если прогрессивно-подоходная система стала капита-

¹ У насъ, повидимому, предполагаютъ найти необходимые лишніе миллиарды бюджета въ системѣ монополии. Это выходъ очень плохой. Поскольку государство воспользуется нынѣшней прибылью оптовыхъ торговцевъ на монополизированные продукты, это дастъ сравнительно немного; прибыль розничныхъ будетъ въ достаточной мѣрѣ замѣнена жалованьемъ чиновниковъ и продавцовъ монополии. А въ общемъ — монополия на чай, сахаръ и др. предметы потребления сведется, очевидно, къ очень большому косвенному налогу, какимъ была и винная монополия. Къ тому же сведется монополия на уголь и желѣзо, на которую возлагаетъ надежды Н. Рожковъ («Совр. Миръ», 1916, 4, ст. «На порогъ грядущаго»). Ибо она будетъ означать удороженіе всѣхъ продуктовъ, поскольку въ ихъ производствѣ примѣняется уголь и желѣзо, удороженіе парового транспорта, и пр.

стической необходимостью, это отнюдь еще не означает, что классъ капиталистовъ охотно согласится на нее. Капиталистъ, взятый индивидуально, способенъ видѣть въ ней только сокращеніе своего дохода; таково и должно оказаться общее мнѣніе и практическое настроеніе классовъ, получающихъ большіе доходы. Демократическимъ классамъ, классамъ низкаго уровня доходовъ, придется осуществлять въ жестокой борьбѣ противъ нихъ эту реформу. Не въ первый разъ капиталисты будутъ выступать врагами того, что полезно и необходимо для развитія самого капитализма. Это—обычный и естественный результатъ господства экономической стихійности.

Такъ или иначе, но крупному капиталу и съ этой стороны предстоитъ еще расплата за его военное процвѣтаніе. Онъ вынужденъ будетъ взять на себя значительную долю налоговъ, въ которые выльется идущая теперь растрата реального капитала страны. А поскольку классъ капиталистовъ помѣшаетъ этому переложению, онъ поплатится убыткомъ отъ недостаточности рынка.

* * *

Вслѣдъ за «военнымъ процвѣтаніемъ» капитала идетъ и шагъ за шагомъ его перегоняетъ специфическая военная *дороговизна*.

Развитіе дороговизны во время нынѣшней войны многіе экономисты склонны разсматривать, какъ продолженіе и усиленіе тенденцій капитала, выразившихся въ до-военномъ ростѣ дороговизны жизни. Для насъ такая точка зрѣнія едва ли облегчила бы изслѣдованіе: военная дороговизна—явленіе болѣе рѣзкое и выступающее въ болѣе опредѣленныхъ условіяхъ; а чѣмъ рельефнѣе предметъ, тѣмъ легче его разсматривать.

Повышеніе цѣнъ товаровъ можетъ исходить или изъ области производства или изъ области рынка. Если понижается производительность труда, такъ что требуется увеличенное количество его на выработку товара, то цѣна, естественно, должна возрасти. Если денежный товаръ—въ настоящее время имъ служитъ золото—добывается, напротивъ того, при повышенной производительности труда, то цѣны всѣхъ другихъ товаровъ опять-таки должны возрасти: эти цѣны выражаются въ деньгахъ, и если деньги стали дешевле, то, по сравненію съ ними, товары, очевидно, оказываются дороже прежняго.

По отношенію къ военной дороговизнѣ эти моменты не играютъ сколько-нибудь постоянной и значительной роли. Безъ сомнѣнія, въ общей экономической дезорганизации иногда ухудшаются и самыя условія производства: поля могутъ остаться безъ удобренія, что понизитъ производительность земледѣльческаго труда; загроможденіе и порча желѣзно-дорожныхъ

путей могутъ повести къ возобновленію доставки хлѣба за сотни верстъ по проселкамъ на возахъ, что означаетъ паденіе производительности труда въ сферѣ транспорта, и т. под. Но это—частныя и случайныя комбинаціи; не въ нихъ рѣшеніе общаго вопроса.

Со стороны рынка, повышеніе цѣнъ вызывается монопольнымъ положеніемъ продавцовъ, понимая этотъ терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Монополія продавца заключается въ томъ, что *для покупателя уничтожена или ограничена возможность выбирать*: выбирать рынокъ или продавца съ одной стороны, выбирать время, т. е. выжидать, съ другой стороны. Военный кризисъ повсюду, лишь въ разной степени, осуществляетъ такія условія.

Какимъ путемъ это происходитъ? Самымъ простымъ и очевиднымъ: *война разрываетъ связи рынка и разрушаетъ продукты труда*.

Разрывъ связей рынка, полный или частичный, совершается въ самыхъ различныхъ пунктахъ и по самымъ различнымъ направленіямъ. Прекращаются сношенія между воюющими странами; преграждаются минами и пиратствомъ морскіе пути; разстраивается внутренній транспортъ, желѣзнодорожный, рѣчной и всякій иной,—военнымъ его загроможденіемъ, мобилизаціей его работниковъ, и т. д. Разрывомъ связей рынокъ ограничивается для покупателя, исчезаетъ возможность «выбора въ пространствѣ».

Но вѣдь эта возможность ограничивается также и для продавца? Конечно; однако, далеко не въ такой степени, какъ для покупателя. Продавецъ въ большинствѣ случаевъ является торговцемъ по профессіи; а у торговца, не только оптоваго, но и у мелкаго, сумма рыночныхъ связей несравненно больше, чѣмъ у средняго покупателя товаровъ, особенно поскольку дѣло идетъ объ обычныхъ предметахъ потребленія. Для торговца, приобретающаго, напр., нѣсколько тысячъ пудовъ сахара или мяса, возможность искать продукта въ другихъ мѣстахъ и при значительномъ нарушеніи транспортныхъ и мѣновыхъ связей остается гораздо больше, чѣмъ для потребителя, покупающаго нѣсколько фунтовъ; для нѣсколькихъ фунтовъ нельзя, а для нѣсколькихъ тысячъ пудовъ можно послать приказчика для развѣдокъ, переговоровъ, закупки, наблюденія за перевозкой, а въ отсталыхъ странахъ—для подкупа кого слѣдуетъ, и т. д. Нарушеніе связей рынка не только стѣсненіе для продавца, но вмѣстѣ съ тѣмъ и облегченіе, такъ какъ устраняетъ опасность конкуренціи со стороны другихъ продавцовъ; для потребителя же тутъ никакого облегченія нѣтъ, потому что необходимость покупать продукты нисколько не умень-

шается, и конкуренція другихъ потребителей не слабѣетъ. Напротивъ того, необходимость покупать обостряется.

Тутъ выступаетъ другое неравенство: продавецъ сохраняетъ гораздо болѣе широкую возможность *выбора во времени*, т. е., выжиданія. Покупателю продуктъ нуженъ обыкновенно для потребленія; а съ этимъ ждать нельзя, не только тогда, когда дѣло идетъ о личномъ потребленіи, но и когда оно касается производительнаго потребленія орудій и материаловъ, безъ котораго должно остановиться предпріятіе. Продавецъ же, очевидно, можетъ ждать, если у него нѣтъ непосредственной необходимости въ деньгахъ для какой-нибудь срочной расплаты; а это бываетъ не такъ ужъ часто, особенно при военныхъ «мораторіяхъ».

Возможность выжиданія увеличивается для продавца еще болѣе благодаря колоссальному росту милитаристическаго спроса. Огромное большинство продуктовъ прямо или косвенно относится къ сферѣ этого спроса: предметы потребленія и вооруженія армій, средства производства этихъ предметовъ и средства производства этихъ средствъ производства, и т. д. Имѣя ихъ въ рукахъ, продавецъ можетъ выжидать съ полной увѣренностью, что, когда захочетъ, сбудетъ, во всякомъ случаѣ, на достаточно выгодныхъ условіяхъ государству и его поставщикамъ.

Напротивъ, покупатель, въ виду происходящаго массоваго потребленія и истребленія продуктовъ, ослабленнаго производства и разрыва рыночныхъ связей, имѣетъ всѣ основанія опасаться, что если онъ не купитъ въ данный моментъ, то ему и вовсе не удастся купить въ дальнѣйшемъ, или придется покупать на гораздо болѣе тяжелыхъ условіяхъ.

Вообще въ мировой войнѣ, парализующей значительную долю міровыхъ отношеній обмѣна, понижается значеніе мѣновой стоимости, выражающей и воплощающей эти отношенія. Возрастаетъ значеніе потребительной стоимости. А это означаетъ постоянное преимущество продавца, у котораго въ рукахъ потребительная стоимость, передъ покупателемъ, который предлагаетъ за нее, въ видѣ денегъ, мѣновую*.

* У насъ, повидимому, до сихъ поръ мало кто понимаетъ, что современная война ведется потребительными стоимостями несравненно больше, чѣмъ «деньгами, деньгами и деньгами». Наши патріоты суворинскихъ «Временъ» своей погромной агитаціей противъ оставшихся въ Россіи, а также попадавшихъ въ нее черезъ нейтральныя страны нѣмецкихъ товаровъ оказали несомнѣнныя и большія услуги отечеству... нѣмцевъ; а нѣмецкое правительство въ полномъ согласіи съ ними употребляло всѣ усилія, чтобы не допустить контрабанднаго пропуска нѣмецкихъ продуктовъ въ Россію; оно съ удовольствіемъ скупило бы у насъ всѣ нѣмецкіе инструменты, машины, лекарства, химическія издѣлія, и пр., — хотя, конечно, ничего не имѣло и противъ бесплатнаго ихъ уничтоженія, а особенно съ огромной прибавкой русскаго и союзнаго имущества, какъ это нечаянно случилось въ

Цѣпная связь отраслей производства обладает свойством поддерживать возникающую дороговизну, распространять ее съ однѣхъ отраслей на другія и усиливать еще болѣе. Если, напр., поднимается цѣна машинъ, то уже отъ одного этого должно произойти нѣкоторое повышение цѣнъ во всѣхъ отрасляхъ, примѣняющихъ машины. А такъ какъ машины участвуютъ и въ производствѣ нѣкоторыхъ предметовъ потребленія рабочихъ, то возрастаетъ и стоимость поддержанія рабочей силы, т. е., должна повыситься заработная плата. А это увеличиваетъ издержки производства, и ведетъ къ новому повышенію цѣнъ во всѣхъ его областяхъ, и т. д. Если хлопокъ вздорожалъ вслѣдствіе громаднаго военнаго спроса на него для приготовления нынѣшняго пороха, то пряжа и хлопчато-бумажныя ткани тоже повысятся въ цѣнѣ; а поскольку эти ткани потребляются рабочимъ классомъ, постольку опять-таки должна стать дороже рабочая сила, и т. под.

Итакъ, причины военной дороговизны сводятся къ слѣдующимъ моментамъ: во-первыхъ, ослабленіе и частичныя разрывы связей міроваго рынка, уменьшающіе объективное значеніе мѣновой цѣнности, какъ выраженія этихъ связей, и денегъ, какъ воплощенія мѣновой цѣнности; во-вторыхъ, разрушеніе массы потребительныхъ цѣнностей (въ томъ числѣ, конечно, миллионныя рабочихъ силъ) и ослабленіе ихъ производства, приводящее къ возрастанію объективнаго значенія удѣлѣвшихъ потребительныхъ цѣнностей, и, въ-третьихъ, цѣпная связь, обобщающая и усиливающая всѣ тенденціи рынка.

Въ этомъ несложномъ анализѣ нѣтъ надобности специально говорить о спекуляціи, какъ причинѣ повышения цѣнъ, потому что она есть только использованіе капиталистами перечисленныхъ общихъ и основныхъ условій.

Въ зависимости отъ этихъ условій, разныя страны не въ одинаковой степени страдаютъ отъ дороговизны. Всего тяжелѣе приходится тѣмъ, для которыхъ связи рынковъ подорваны въ наибольшей степени, и тѣмъ, которые подверглись наиболѣе жестокимъ ударамъ военной грозы. Естественно, что изъ воюющихъ меньше всѣхъ страдаетъ Англія; но также и то, что блокированная со всѣхъ сторонъ Германія занимаетъ все-же, далеко, не первое мѣсто по дороговизнѣ. Дѣло въ томъ, что хотя связи междунагоднаго рынка для нея оборваны въ очень сильной степени, — за то связи внутренняго рынка сохранены въ полной

Москвѣ. Означенныя «Времена» аргументировали тѣмъ, что продажа нѣмецкихъ товаровъ въ Россіи улучшаетъ внѣшній расчетный балансъ Германіи. Странно, какъ это практичныя нѣмцы не догадались продавать намъ свои снаряды; это еще больше бы улучшило ихъ расчетный балансъ... Впрочемъ, суворинскіе экономисты не допустили бы, вѣроятно, покупки этихъ снарядовъ.

мѣрѣ; а военное разрушеніе, — правда, весьма полное, — постигло только одну изъ ея восточныхъ провинцій.

Страны отсталыя при этомъ страдаютъ вдвойнѣ. По технической отсталости онѣ терпятъ, въ нынѣшней войнѣ техническихъ силъ, наиболѣе разрушительныя воздѣйствія на обширныхъ территорияхъ, которыя принуждены, по крайней мѣрѣ, временно, уступать лучше вооруженнымъ врагамъ; а также несутъ болѣе значительныя потери живою человѣческою силой — драгоцѣннѣйшей изъ трудовыхъ цѣнностей. По своей экономической отсталости онѣ, кромѣ разрыва связей внѣшняго рынка, испытываютъ еще болѣе тяжелое нарушеніе связей внутренняго рынка, при чемъ бесполезные избытки товаровъ и рабочей силы накапливаются въ однѣхъ частяхъ страны, рядомъ съ острымъ недостаткомъ въ другихъ.

Если къ этому присоединяется—что, пожалуй, неизбежно,—отсталость финансовой организаціи, то развивается еще новое, дополнительное условіе дороговизны: огромные выпуски бумажныхъ денегъ и паденіе ихъ курса. Нѣкоторые наши экономисты пытались доказывать, что, благодаря разрыву связей съ заграничными рынками, паденіе курса рубля не должно вліять на внутреннія цѣны. Это, конечно, наивность. Паденіе курса есть оцѣнка нашего финансоваго положенія заграничными рынками; развѣ эта оцѣнка такъ грубо невѣрна? Паденіе курса есть результатъ, прежде всего, чрезмѣрнаго количества неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи; а гдѣ они обращаются?—на внутреннемъ рынкѣ: на него они давятъ, на немъ реально обезцѣниваются.

Отчасти, правда, паденіе внѣшняго курса вызывается «политическими» причинами: пораженіями, рѣзкими проявленіями недостатковъ государственнаго механизма и т. под. Но почему капиталъ внутренній будетъ учитывать эти причины иначе, чѣмъ внѣшній? Развѣ онѣ не колеблютъ довѣрія къ кредитнымъ документамъ государства настолько же здѣсь, какъ и тамъ? Да и связи съ международнымъ рынкомъ порваны все-же не вполнѣ; если онѣ очень слабы въ товарообмѣнѣ, то какъ разъ въ расцѣнкѣ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ онѣ сохраняютъ гораздо больше силы, благодаря массѣ иностранныхъ капиталовъ, оперирующихъ внутри страны. Развѣ, напр., бельгійскій или французскій капиталъ русскихъ фабрикъ и заводовъ можетъ не считаться съ паденіемъ курса въ своихъ закупкахъ и продажахъ?

Эта спеціальная форма дороговизны особенно опасна для національнаго хозяйства, именно потому, что она угрожаетъ остаться навсегда. Въ высшей степени вѣроятно, что курсъ такъ и не поднимется вновь до нормы; а государство, чтобы возстановить размѣнъ и прекратить колебанія курса, страшно стѣсняю-

щія капиталистическій обмѣнъ, прибѣгнетъ къ испытанному средству — девальвации: уменьшитъ величину золотыхъ монетъ до уровня, соответствующаго курсу. Тогда всѣ цѣны, измѣряемыя уменьшенной единицей, окажутся закрѣпленными въ своемъ повышеніи.

* * *

Дороговизна въ военномъ кризисѣ играетъ двойную роль: она является п однимъ изъ элементовъ военного процвѣтанія, и однимъ изъ моментовъ его суровой ликвидаціи.

Возможность сбывать товары безъ поисковъ рынка и за дорогую цѣну — это, собственно, какъ разъ то, что капиталъ называетъ процвѣтаніемъ. Но общая дороговизна, въ то же время, равносильна обезцѣненію самихъ денегъ. Поскольку капиталъ имѣетъ форму вещей, онъ отъ этого не увеличивается, хотя въ цифрахъ его расцѣнка и представляется больше, чѣмъ прежде. Поскольку же онъ имѣетъ форму денегъ и денежныхъ знаковъ — онъ *реально* уменьшается, потому что за прежней цифрой скрывается уменьшенная покупательная сила.

Въ наименьшей мѣрѣ это уменьшеніе затрагиваетъ капиталъ промышленный и земельный, потому что онъ въ наибольшей долѣ представленъ вещами, въ сравнительно малой — деньгами и денежными знаками. Сильнѣе подрывается, конечно, капиталъ кредитный. А наиболѣе ощутительна эта сторона «военнаго процвѣтанія» окажется, въ послѣднемъ результатѣ, для владѣльцевъ разныхъ государственныхъ бумагъ и вкладчиковъ сберегательныхъ кассъ.

Тотъ кризисъ, который наступитъ по заключеніи мира и ликвидируетъ военное процвѣтаніе вообще, не ликвидируетъ еще дороговизны, даже и тамъ, гдѣ будетъ восстановленъ нормальный курсъ денегъ. Дѣло въ томъ, что сумма денегъ и бумажныхъ цѣнностей въ обращеніи — государственныхъ процентныхъ бумагъ, и т. п. — не уменьшится, и окажется значительно больше, чѣмъ до войны; а сумма противостоящихъ имъ цѣнностей реальныхъ — полезныхъ вещей — не только не возросла въ такой же мѣрѣ, но для многихъ странъ уменьшилась. Слѣдовательно, неблагоприятное для покупателей соотношеніе не исчезнетъ, пока не произойдетъ дѣйствительнаго восстановленія того, что разрушено войною.

* * *

Тотъ своеобразный, но могучій и, несомнѣнно, искренній патріотизмъ, который порождается въ воюющихъ странахъ военнымъ процвѣтаніемъ капитала, и съ бурнопламенной ненавистью къ врагамъ соединяетъ любовно-нѣжное отношеніе къ соотечественникамъ («когда же и попользоваться, какъ не

теперь»), въ значительной мѣрѣ основанъ, какъ видимъ, на иллюзіяхъ. За военными прибылями послѣдуетъ расплата, которая существенно измѣнитъ ихъ оцѣнку. Главные моменты этой расплаты — потери промышленной демобилизации, увеличеніе налоговой тягости, падающей на капиталистическіе доходы, обезцѣненіе денежнаго капитала дороговизною, обезцѣненіе большинства государственно-кредитныхъ бумагъ ихъ перепроизводствомъ, и, затѣмъ, вообще явленія послѣ-военнаго кризиса, неизбѣжной заключительной фазы нынѣшней катастрофы.

Безъ сомнѣнія, несмотря на все это, часть капиталистовъ, особенно изъ наиболѣе крупныхъ, удержитъ за собою достаточно богатые плоды военного процвѣтанія; сохранятся и нѣкоторыя изъ вновь создавшихся за это время, сказочными или криминальными путями, состояній. Но въ общемъ и здѣсь найдетъ себѣ мѣсто суровая формула естественнаго подбора: много званыхъ, мало избранныхъ.

* * *

Въ чемъ же должна заключаться сущность послѣ-военной фазы переживаемаго кризиса? Въ гигантскихъ организаціонныхъ перемѣщеніяхъ, обратныхъ тѣмъ, какія происходили въ его началѣ. Тогда были разорваны массы связей междунаго рынка, и онѣ сомкнулись вновь на рынкѣ милитаристическомъ. Приспособляясь къ такому положенію, реорганизовалось, частью технически, частью экономически, производство: промышленная мобилизация. За счетъ производственнаго аппарата функционировалъ, развивался и разрастался до невиданныхъ размѣровъ потребительно-истребительный аппаратъ арміи. Государственно-финансовая организація превратилась въ механизмъ для посредничества между тѣмъ и другимъ аппаратомъ, для отчужденія реальныхъ цѣнностей, подлежащихъ потребленію и истребленію, путемъ обмѣна ихъ, не столько на деньги, сколько на различныя государственныя обязательства.

Теперь посмотримъ, какъ должны протекать обратные этимъ процессы.

Прекращеніе войны будетъ означать рѣзкое сокращеніе гигантскаго милитаристическаго рынка. Напр., для Россіи военный спросъ измѣряется сейчасъ приблизительно миллиардомъ рублей въ мѣсяцъ; уже немедленно по прекращеніи военныхъ дѣйствій онъ уменьшается на нѣсколько сотъ милліоновъ изъ этой величины; а по цѣпной связи спроса разныхъ отраслей это означаетъ суженіе рынка *на нѣсколько миллиардовъ* въ мѣсяцъ. Пусть это рынокъ ненормальнаго характера, раздутый и поддерживаемый разрушительной стихійностью; — потрясеніе, однако, не можетъ не оказаться огромнымъ. И силы, которыя будутъ

ему противодѣйствовать, въ первое время по сравненію съ нимъ явятся весьма недостаточными.

Могутъ ли разорванныя связи милитаристическаго рынка быстро сомкнуться вновь на рынкѣ международномъ, и спросъ мирнаго мірового обмѣна—замѣнить спросъ военный?

Во-первыхъ, связи международного рынка отнюдь не такъ легко могутъ возстановиться, какъ легко разрывались: это будетъ процессъ относительно медленный, какъ всегда и повсюду созидательные процессы медленны по сравненію съ имъ противоположными дезорганизаціонными. Какъ бы лихорадочно ни шла работа по организациіи парализованныхъ войною частей международного ввоза и вывоза, она, очевидно, не можетъ сколько-нибудь поспѣвать за сокращеніемъ милитаристическаго спроса по окончаніи войны.

Во-вторыхъ, самые размѣры возобновляемаго нормальнаго сбыта въ первое — и довольно продолжительное время — должны оставаться довольно ограниченными. Благодаря истощающему влиянію войны, материала для вывоза мало. Отрасли, работавшія раньше для экспорта, частью попадаютъ на время войны въ сферу милитаристическаго спроса, который своими чрезмѣрными требованіями беретъ у нихъ такъ много, что не даетъ образоваться запасамъ; — частью остаются внѣ этого спроса, и тогда слабѣютъ и замираютъ отъ недостатка работы, отъ поглощенія экономическихъ силъ другими отраслями.

И между тѣмъ какъ вывозить придется мало, ввозить надо будетъ очень много, потому что очень многого будетъ не хватать. Особенно остро обнаружится это благодаря промышленной демобилизаціи. Странамъ передовымъ потребуется для возстановленія мирнаго производства много сырыхъ матеріаловъ для него, странамъ отсталымъ — орудія, машины. Эти накопившіеся недочеты хорошо восполняли бы другъ друга — если бы въ тѣхъ и другихъ странахъ накопились запасы ихъ обычныхъ продуктовъ. Но такъ какъ накопленія запасовъ не произошло, то гармоніи не получается, а только создаются условия, осложняющія и усиливающія кризисъ.

Въ томъ же направленіи должна дѣйствовать и демобилизація арміи. Къ домашнему очагу возвратятся милліоны людей, жившихъ въ это время на всемъ готовомъ, въ гигантской потребительской коммунѣ. Свои хозяйства многіе изъ нихъ застанутъ въ разоренномъ состояніи, большинство — въ истощенномъ и ослабленномъ. Этимъ милліонамъ надо будетъ жить — при общей дороговизнѣ, которая, какъ мы видѣли, сохранится; а покупательныя силы ихъ хозяйствъ уменьшатся, и могутъ возстановиться не скоро. При общемъ застоѣ, немалая доля рабочихъ силъ окажется безъ примѣненія, — не только работниковъ промышленности, но и крестьянъ; ибо плохое выйдетъ примѣненіе труда

тамъ, гдѣ живой инвентарь подорванъ продажей, реквизиціей или просто гибелью скота, а мертвый — долгимъ отсутствіемъ ремонта. Безработица тамъ, и недостатокъ условій труда здѣсь, будутъ тяжело давить на общій рынокъ національнаго хозяйства, уменьшая потребительный спросъ — его основу.

А положеніе государственныхъ финансовъ, которые и въ мирное время были факторомъ огромнаго значенія въ системѣ національнаго хозяйства, теперь же приобрѣли совершенно исключительную важность... Степень напряженія и истощенія, которой они достигнутъ къ моменту конца войны, врядъ ли нуждается въ особой характеристикѣ. А требованія къ нимъ будутъ предъявлены громадныя.

Издержки демобилизации колоссальныхъ армій съ распределеніемъ миллионновъ солдатъ по ихъ мѣстамъ родины — самое маленькое изъ этихъ требованій. Но значительная доля — въ иныхъ странахъ, можетъ быть, большинство — этихъ защитниковъ отечества найдутъ подорванное, истощенное, а то и разоренное хозяйство; и отечество должно поддерживать ихъ, помочь имъ возстановить силу и жизненность ихъ хозяйствъ: это уже задача несравненно болѣе крупнаго масштаба, особенно въ странахъ отсталыхъ, крестьянскихъ, гдѣ на ея рѣшеніе понадобятся, вѣроятно, не сотни миллионновъ, а миллиарды. Но еще миллионы защитниковъ не вернутся вовсе, или вернутся безсильными калѣками: ихъ семьи и хозяйства будутъ нуждаться въ болѣе значительной и долгой поддержкѣ, съ полнымъ правомъ на нее. Между тѣмъ, есть и огромныя области, сплошь опустошенныя войною; возстановить ихъ экономическую жизнь необходимо въ интересахъ самого государства; здѣсь тоже дѣло идетъ о миллиардахъ. — Кроме того, мобилизованная и выбитая изъ колеи промышленность голосами вліятельныхъ общественныхъ группъ будетъ требовать пособія на свое возвращеніе къ нормальной жизни; и государству, вѣроятно, придется, по крайней мѣрѣ, отчасти исполнить требованіе.

Далѣе — роковой вопросъ о нормальномъ денежномъ обращеніи, необходимомъ для капиталистическаго оборота: о возстановленіи размѣна на золото, объ изыятіи массы бумажныхъ денегъ и краткосрочныхъ государственныхъ обязательствъ, затопившихъ рынокъ. — И не менѣе роковой вопросъ: какъ проценты по десяткамъ миллиардовъ военнаго долга, вмѣстѣ съ другими новыми расходами, кристаллизовать въ миллиарды налоговъ, съ кого и какъ эти налоги взять...

Таковы экономическія и финансовыя условія послѣ-военнаго кризиса. Для странъ воюющихъ они осуществляются въ полной мѣрѣ, для странъ нейтральныхъ — только частью; но цѣпная связь міроваго хозяйства усилить болѣзнь и въ нейтральныхъ

странахъ, путемъ отраженнаго дѣйствія, распространяющаго потрясеніе однѣхъ частей экономической системы на другія.

Два момента способны до крайности усилить и обострить ходъ послѣ-военнаго кризиса. Это, во-первыхъ, продолженіе экономической войны послѣ заключенія мира, экономическій бойкотъ вчерашнихъ враговъ. Легко представить себѣ, насколько онъ затруднилъ бы дѣло возрожденія, лишая однѣ страны государственной поддержки другихъ, мѣшая получать необходимое для нихъ оттуда, откуда всего легче, ближе, и выгоднѣе, прибавляя новыя бесполезныя жертвы ко всѣмъ старымъ.

Во-вторыхъ, утопизмъ господствующихъ классовъ. Эта опасность заключается въ томъ, что классы, у которыхъ потребуется больше всего взять — потому что они могутъ больше всѣхъ дать—въ слѣпой защитѣ своихъ интересовъ будутъ ожесточенно сопротивляться необходимому, — что они будутъ стараться, по привычкѣ мирнаго времени, переложить всѣ тягости положенія на тѣ самыя массы, которыя и безъ того глубоко обезсилены, которыя дали уже все, что могли дать, — и въ сущности, больше того. Конечно, и этотъ утопизмъ уступить, въ концѣ концовъ, передъ крайними, послѣдними аргументами; но можетъ случиться, что будетъ уже поздно...

Пересматривая условія послѣ-военнаго кризиса, легко замѣтить, что всѣ они, и экономическія, и финансовыя, ложатся тяжелѣе на страны отсталыя, чѣмъ на передовыя. И въ то же время странамъ отсталымъ угрожаетъ всего сильнѣе утопизмъ высшихъ классовъ, какъ вслѣдствіе невысокой культуры этихъ классовъ, такъ и вслѣдствіе слабой организованности остальныхъ.

Міровой капитализмъ показалъ на дѣлѣ свою огромную гибкость и богатство силъ въ переживаемомъ катаклизмѣ. Поэтому можно не сомнѣваться, что страны передовыя, обладающія этими силами и гибкостью въ полной мѣрѣ, сумѣютъ справиться со всѣми послѣдствіями кризиса и избѣгнуть жизненнаго упадка. О странахъ отсталыхъ этого съ увѣренностью сказать нельзя.

А. Богдановъ.

ПО РОССИИ.

ПИСЬМА ЗНАТНАГО ИНОСТРАНЦА.

(Продолжение) ¹

Дорогой Джекъ!

Вотъ уже недѣля, какъ я отдыхаю въ гостепріимномъ коттеджѣ доктора Г. Послѣ первобытныхъ лѣсовъ я опять въ Европѣ, среди комфорта и удобствъ цивилизаціи. Выраженія эти, впрочемъ, не слѣдуетъ понимать слишкомъ буквально. Цивилизація представлена здѣсь двумя олеографіями и нѣсколькими почернѣвшими отъ мухъ открытками, а комфортъ—тремя продавленными диванами, которые при каждомъ прикосновеніи издаютъ протяжный музыкальный стонъ. Если прибавить сюда кофейникъ съ обломанной ручкой, кучу книгъ въ углу и висящій на стѣнѣ приборъ шведской гимнастики,—то списокъ предметовъ, напоминающихъ посѣтителю о 20-мъ вѣкѣ, будетъ, пожалуй, исчерпанъ. Отношеніе доктора ко всѣмъ этимъ предметамъ довольно странное. Оно нѣсколько напоминаетъ отношеніе магометанина къ карамъ, ниспосылаемымъ провидѣніемъ. Что-то глубоко фаталистическое слышится мнѣ въ тонѣ моего хозяина, когда онъ, ложась спать, прибавляетъ кулакомъ выпирающія вверхъ мужины и, охая, стеная и кряхтя, произносить:

— О, чортъ! Всѣ бока продавило! Дѣйствительно, куль-ту-ра!

Та же грусть познанія и то же смиреніе воли звучить въ его голосѣ, когда онъ оглядываетъ сломанный кофейникъ и треснувшія чашки и задумчиво говоритъ:

— Давно бы все это надо—того... Къ чорту. Но развѣ стоитъ заводить что-нибудь новое въ этой дырѣ?■

Но всего безнадежнѣе смотритъ докторъ на сваленныя въ углу книги. Онъ знаетъ, что онѣ, не читаемыя и полузабытыя, будутъ вѣчно странствовать вслѣдъ за нимъ по всѣмъ городамъ и селамъ и что у него, университетскаго человѣка, никогда не хватитъ мужества оставить ихъ на память больничному сторожу. Это—Эвмениды его жизни. Когда по пыльной дорогѣ проѣзжаютъ навьюченныя навозомъ телѣги, онъ мрачно тыкаетъ пальцемъ сперва въ окно, потомъ по направленію къ запыленнымъ томамъ и бормочетъ:

— Вонъ, видите, тамъ навозъ возять. А завтра будутъ пахать. А здѣсь стоитъ Марксъ, Спенсеръ и Спиноза. Къ чему здѣсь Марксъ, Спенсеръ и Спиноза, скажите на милость?

Тысячи мучительныхъ сомнѣній вонзаются въ докторскій мозгъ. Докторъ останавливается посрединѣ комнаты, глубоко засовываетъ руки въ карманы, и каждый мускуль его какъ-то

¹ См. «Лѣтопись» № 6 за 1916 г.

сразу обмякшаго лица проникнуть одной все поглощающей мыслью: «да будетъ воля Его».

Чья-же именно воля? Ахъ, Джэкъ, имя этой воли—легионъ . Если докторъ сниметъ со стѣны выпѣтшія открытки, изображающія Бѣлинскаго на смертномъ одрѣ, Михайловскаго, Бебеля и другихъ знаменитостей, то наѣзжіе интеллигенты подумаютъ, что докторъ погрязъ въ житейской тинѣ. Если онъ обновитъ обстановку, то входящіе въ гости мужики толкнутъ другъ друга локтемъ въ бокъ и шепнутъ: «ишь, разжился на казенныхъ харчахъ!» Если онъ идеи Маркса предастъ публичности, — ему предстоитъ путешествіе въ Азіатскую Россію, съ которой онъ, кажется, уже успѣлъ однажды ознакомиться. А если онъ ихъ совсѣмъ выброситъ изъ головы, — исчезнетъ тема для разговоровъ съ добрыми знакомыми. Словомъ, если докторъ начнетъ окончательно жить такъ, какъ ему хочется, ему будетъ стыдно передъ другими, а если начнетъ жить такъ, какъ ему не хочется, ему будетъ стыдно передъ самимъ собой. Куда ни повернись, — все стыдно. Поэтому докторъ и живетъ не по своей волѣ, а по волѣ мужиковъ, сослуживцевъ-врачей и случайно попавшихъ къ нему предметовъ.

Чѣмъ больше я всматриваюсь въ доктора, тѣмъ больше мнѣ кажется, что его душа — это общественный магазинъ, принадлежащій всѣмъ классамъ и сословіямъ російской имперіи. Каждый беретъ оттуда свой любимый товаръ и уходитъ удовлетвореннымъ. А интеллигентская докторская совѣсть стоитъ за прилавкомъ и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не было отказа покупателямъ. Въ одинъ прекрасный день всѣ товары будутъ разобраны. Докторская совѣсть, въ сознаниі исполненнаго долга, радостно улыбнется, оглянется по сторонамъ и тутъ только замѣтитъ, что самого-то доктора нѣтъ въ магазинѣ, да никогда и не было. Просвѣтилъ докторъ самого себя...

Какъ-то я рассказалъ доктору о нашихъ англійскихъ чудачкахъ, берущихъ патенты на спасеніе человѣчества. Рассказалъ ему о старомъ Альфѣ, — помните, Джэкъ, о томъ самомъ Альфѣ, который носилъ въ классъ ручнаго крота и въ отвѣтъ на насмѣшки товарищей рычалъ, какъ звѣренышъ: «мой кротъ! не смѣй трогать! подожди только — фізіономію расшибу!» А потомъ Альфъ сталъ социалистомъ и за «своего Энгельса» расшибъ зубы члену Арміи Спасенія. Рассказалъ я и о томъ почтенномъ джентльменѣ, который ходилъ къ вамъ каждое воскресенье и убѣждалъ васъ, что для уравненія сословій государство должно откладывать 2 ф. стерл. на cadaго новорожденнаго младенца... «И не тратить до совершенно-лѣтія!»—заключалъ всякій разъ джентльменъ, помахивая въ воздухѣ указательнымъ пальцемъ. Вы, наконецъ, сломали этотъ палецъ, Джэкъ, спустили джентльмена съ лѣстницы, заплатили 200 ф. штрафа и навѣки возненавидѣли ново-

рожденныхъ бѣби. А джентльменъ на полученную сумму основалъ лигу для пропаганды своей идеи.

— Своей! Всюду и вездѣ — *свое!* *Моя* идея, *мой* принципъ, — это выходитъ индивидуализмъ! — отозвался докторъ, неодобрительно покачивая головой. — Впрочемъ, можетъ быть, развитие капиталистическихъ отношеній ведетъ человѣчество именно по этому пути. Вамъ, въ Европѣ, виднѣе. А тутъ, сами видите, дыра, захолустье и полное отсутствіе свѣжихъ идей.

Ахъ, мой милый докторъ! Интересно мнѣ было бы заглянуть въ тайники вашей совѣстливой души и увидѣть, что же она признаетъ своимъ, что ей воистину дорого, что она готова отстаивать перомъ, языкомъ, кулакомъ, зубами — отстаивать противъ всѣхъ — противъ мужика, противъ горожанина, противъ нищаго, противъ богача, противъ урядника и станового и даже противъ заѣзжаго иностранца!

Свою больницу докторъ называетъ культурнымъ уголкомъ. Этимъ онъ хочетъ сказать, что въ больницѣ и около нея живутъ фельдшеръ, фельдшерица, учитель и священникъ. Фельдшеръ — солидный человѣкъ, цѣнящій превыше всего точность и обстоятельность. Онъ ни за что не станетъ слушать разсказовъ о парламентѣ и вестминстерскомъ аббатствѣ, не узнавъ предварительно, сколько футовъ имѣютъ эти зданія въ ширину, въ длину и въ высоту. Онъ измѣрилъ шагами всѣ разстоянія въ околоткѣ, — для статистики, какъ онъ выражается. И для этой же статистики каждаго приносимаго въ больницу младенца онъ записываетъ не иначе, какъ:

«Иванъ Петровъ, 1 года 2 мѣсяцевъ 11 дней. Мужескаго пола, холостъ, бездѣтенъ, живетъ при родителяхъ, наследственность по *constatata* (не установлена), родъ занятій неопредѣленный».

Говорить онъ мало и свое мнѣніе выражаетъ по большей части однозвучнымъ и задумчивымъ:

— М-да!

Безсловесность эту фельдшерица объясняетъ тѣмъ, что въ прошломъ у Ивана Семеныча (такъ зовутъ фельдшера) было много тяжелыхъ событій.

Фельдшерица говоритъ басомъ, любитъ простонародныя выраженія, ненавидитъ искусственность и одѣвается такъ, что трудно догадаться, къ какому полу она принадлежитъ. Ее гнали, но не выгнали — съ курсовъ, исключали, но не исключили — со службы, выслали, но не выслали — изъ губернии. Она меня немножко презираетъ за то, что я каждый день бреюсь, и немножко уважаетъ за то, что мои предки завоевали конституцію.

Учитель занимается коопераціей и пламенно воздѣлываетъ огурцы и землянику «Нобль». За одно изъ этихъ увлеченій, а

можетъ быть и за оба, на него писали доносы и дважды перевозили въ различныя деревни уѣзда.

Клерджимэнъ — человѣкъ высокій, плечистый, съ голосомъ, напоминающимъ іерихонскую трубу. Онъ сообщилъ мнѣ съ перваго же дня знакомства, что для него — всѣ люди одинаковы, а особенно союзники, что онъ придерживается современныхъ взглядовъ и что его за это «шевтелили, но не шевельнули-съ». Каждый разъ, войдя въ комнату, онъ весь расплывается въ улыбку и спрашиваетъ меня:

— Ну, какъ тамъ у васъ Ллойдъ Джорджъ — дѣйствуетъ?

— Дѣйствуетъ,—отвѣчаю я.

— А Асквиль — тоже дѣйствуетъ?

— Также дѣйствуетъ,—говорю я.

— Молодцы англичане,—восхищается клерджимэнъ.

Послѣ этого мы садимся играть въ преферансъ.

Таково то общество, среди котораго я теперь вращаюсь. Это то, что въ Россіи называютъ сельской интеллигенціей. Вы замѣтили, вѣроятно, основную черту моихъ новыхъ знакомцевъ: это все люди, которые пострадали или чуть-чуть не пострадали. Жизнь сыграла имъ однажды одну изъ своихъ манящихъ мелодій и увлекла туда, куда имъ не совсѣмъ хотѣлось попасть. Мелодія въ свое время замолкла, но подъ глазомъ осталось то мѣсто, гдѣ когда-то красовался синякъ. И о мелодіи вы слышите мало, урывками, но зато вамъ очень ясно даютъ понять, что мѣсто подъ глазомъ дошло нѣкогда до очень плачевнаго состоянія.

Почему бы это такъ? Вы, Джэкъ, конечно, изумляетесь вмѣстѣ со мной. Намъ, англичанамъ, кажется нелѣпнымъ вспоминать о больномъ мѣстѣ, когда оно зажило. Мы радуемся, что получили только одинъ синякъ, а не два. Мы увѣряемъ и себя и другихъ, что это совсѣмъ не больно и что въ слѣдующій разъ синякъ-то наставимъ мы. Убѣдившись же, что тѣло наше вполне и окончательно здорово, мы опять распускаемъ паруса на старомъ суденышкѣ и отдаемъ команду: «ну, теперь полнымъ ходомъ впередъ!» И вспоминаемъ о томъ, что мы когда-то пострадали, только тогда, когда намъ скажетъ объ этомъ судья или сварливая тетка.

У русскихъ, и особенно у русскихъ интеллигентовъ — иное. Сварливая тетка сидитъ въ ихъ собственной головѣ. Она забываетъ о томъ, какъ билось сердце и радостно трепетала грудь во время прыжка, и твердитъ лишь одно: «отъ прыжка можно вывихнуть ногу, и тотъ, кто однажды испыталъ это несчастье, имѣетъ право навѣкъ отказаться отъ подобнаго эксперимента». Сварливая тетка называется на русскомъ языкѣ — сознаніе исполненнаго гражданскаго долга. Эта дама вдохновляетъ русскихъ поэтовъ, даетъ неисчерпаемый матеріалъ публицистамъ

и для 99/100 нестрадавшей интеллигенции написала массу трактатовъ о томъ, какъ страдала одна сотая, заранѣе искупивши и оправдавши этимъ бездѣйствіе остальныхъ — девяносто девяти. Она щедро раздаетъ индульгенціи, великолѣпно дѣйствующія на сонъ, пищевареніе и развитіе семейныхъ добродѣтелей. Всѣ обитатели «культурнаго уголка» получили по одной штукѣ — и потому у всѣхъ нихъ такой цвѣтуще-заспанный видъ.

Среди русской интеллигенции страданіе даетъ еще и другія преимущества. Въ естественномъ отборѣ оно играетъ такую же роль, какъ фосфорическій свѣтъ у свѣтящихся жуковъ. Пострадавшій мужчина пользуется всегда большимъ успѣхомъ и у идеалистически мыслящихъ барышень, и у реалистически настроенныхъ вдовъ. Идеалистически мыслящія барышни цѣнятъ въ немъ возвышенность стремленій. Реалистически же настроенныя вдовы разсуждаютъ, вѣроятно, по образцу одной изъ героинь Мроллона: «Подержанный зонтикъ», говорила эта дама, «я всегда предпочту новому, потому что его никто не украдетъ. А вамъ, молодой человѣкъ, я совѣтую приобрести для вашей фермы лошадь опоенную и чуточку хроую, потому что такая никуда не убѣжитъ». И интеллигентъ съ прошлымъ по большей части не разочаровываетъ ни первыхъ, ни вторыхъ. Идеаль вѣчно тянетъ его къ небу, а гражданская индульгенція вѣчно держитъ его на мѣстѣ. Это—привязной шаръ, и тотъ, кто путешествуетъ на немъ, никогда не разобьетъ себѣ лба.

— Что же такое русскій интеллигентъ?—спросите вы.

— Противоположность англійскаго. Англійскій интеллигентъ — это односторонній чудакъ, слѣпецъ, не замѣчающій ничего, кромѣ своей цѣли, спортсменъ, упрямо преодолевающій разстояніе между дѣйствительностью и утопией. Русскій интеллигентъ— это ветеранъ, инвалидъ, пенсионеръ общественнаго мнѣнія, умѣющій страдать, но не умѣющій добиваться. Но исключенія?—восклицаете вы.—Исключенія, конечно, есть, но живутъ они не въ провинціи и не въ столицахъ, а въ карательно-исправительныхъ учрежденіяхъ и особыхъ закономъ установленныхъ пунктахъ. Въ пункты же эти не только иностранецъ никогда не заѣзжаетъ, но и пастухъ Макарь опасается гонять телятъ. Естественно, что я врядъ ли познакомлюсь когда-либо по доброй волѣ съ исключеніями русской интеллигенціи.

Вотъ видите, Джэкъ, сколько отвлеченныхъ вещей наговорилъ я вамъ по поводу коттеджа доктора Г. Но въ этомъ виноватъ не я, а все та же русская интеллигенція, имѣющая свойство притягивать отвлеченность подобно тому, какъ громоотводъ притягиваетъ электричество.

* * *

Культурный уголокъ живетъ разнообразной жизнью. Первые два дня мы спорили о смыслѣ бытія. Третій день докторъ

разсказываль неприличные анекдоты. Четвертый день мы выясняли вопросъ о томъ, что такое идеальная женщина. Пятый день мы разсуждали о томъ, чѣмъ была бы Россія, если бы она не была такой, какая она есть. Шестой день мы разсказывали объ учрежденіяхъ, блюдущихъ внутренній порядокъ и безопасность имперіи,

. Намъ стало жутко какъ на спиритическомъ сеансѣ, и мы усѣлись за карты.

Споры, Джэкъ, — это одна изъ необходимѣйшихъ принадлежностей русскаго интеллигентскаго обихода. Я лично нахожу ихъ очень пріятными. Вотъ, на примѣръ, докторъ спорить съ «батюшкой» о томъ, что лучше — побѣдить и умереть, или умереть и не побѣдить, или не умирать и не побѣждать, а ползать на четверенькахъ. Мнѣ кажется, какъ будто я ѣду по гладкой санной дорогѣ, а кругомъ, — справа и слѣва, сверху и снизу, — кружатся въ бѣшеной вьюгѣ общія идеи, отвлеченныя предпосылки и философскія точки зрѣнія. Съ непринужденностью балетной танцовщицы онѣ выпархиваютъ съ самыхъ неожиданныхъ сторонъ, и сами собой сплетаются въ воздушный танецъ, сливаются въ пѣсню. Это — колыбельная пѣсня, и слова ея, кажется, можно передать извѣстной русскою поговоркой: «въ огородѣ садовое растение, а въ Киевѣ — дальній родственникъ». Ничто не можетъ вызвать у человѣка такой пріятный, такой безгрезный сонъ, какъ эта пѣсня. Я сладко дремлю цѣлыхъ полтора часа, и когда меня, наконецъ, спрашиваютъ о моемъ мнѣніи, я спросонья отвѣчаю:

— Мое мнѣніе — что въ Лондонѣ Гайдъ-Паркъ,

. Оказывается, что я попалъ въ цѣль. Докторъ трясетъ мнѣ руку и горячо говоритъ:

— Вы ухватили самую сущность проблемы, ея зерно, ея, такъ сказать, нуменальную природу.

Я глупо, но счастливо улыбаюсь и дѣлаю видъ, что понялъ свое собственное изреченіе.

На седьмой день мы предались лирикѣ. Лирическое настроеніе нашло на насъ сразу, безъ всякихъ тревожныхъ предвѣстниковъ. Сначала всѣ были очень счастливы. Докторъ какъ разъ только что получилъ прогонныя за цѣлый годъ. Фельдшеръ только что составилъ «сравнительную таблицу топографическихъ разстояній на территоріи Н-скаго уѣзда», которую онъ собирался отослать въ Академію Наукъ. Фельдшерица изобличила мѣстнаго лавочника въ обвѣсѣ и, по ея словамъ, «отбрила его по первое число». Учитель удачно опылил три дыни и сорвалъ первую ягоду земляники «Нобль». Батюшка отправилъ подробно мотивированную жалобу на дьякона и, какъ онъ выражался, «рикошетнымъ ударомъ привелъ къ повиновенію причетника». Каждый

какъ будто чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ и находилъ, что жизнь прекрасна, природа обольстительна, и курсъ рубля не палъ еще такъ низко, чтобы объ этомъ стоило серьезно беспокоиться. И вотъ въ эту-то блаженную минуту докторъ вдругъ подалъ несчастную мысль:

— Будемъ веселиться,—сказалъ онъ.—Давайте пѣть.

По прежнему опыту я зналъ, чѣмъ это пахнетъ, и печально поникъ головой. Когда русскіе интеллигенты хотятъ по настоящему веселиться, они поютъ романсы о разбитыхъ надеждахъ, сломанной березѣ, бабочкѣ съ испорченнымъ крыломъ, разочарованномъ молодомъ человѣкѣ, покинутой барышнѣ, одинокомъ дубѣ и прочихъ грустныхъ явленіяхъ одушевленнаго и неодушевленнаго міра. Такъ случилось и въ этотъ разъ. По всѣмъ лицамъ прошла темная тѣнь. Фельдшерница мрачнымъ жестомъ схватила гитару и низкой октавой предложила фельдшеру спѣть что-нибудь. Должно быть въ этотъ моментъ всѣ несчастья прошлаго, настоящаго и будущаго продефилировали передъ его умственнымъ взоромъ. Онъ сразу забылъ о томъ, что только-что кончилъ свою сравнительную таблицу, опустилъ книзу правый усъ, поднялъ вверхъ лѣвую бровь, выставилъ впередъ ногу и трагически запѣлъ:

— «От-цвѣ-ли ужъ давно хризантемы въ саду»...

Послѣ этого, какъ я и предвидѣлъ, наступила очередь плакучей ивы, догорѣвшихъ огней, безумныхъ ночей, отзвучавшихъ скрипокъ и разбившихся волнъ. Съ каждой минутой становилось очевиднѣе и очевиднѣе, что жизнь устроена на рѣдкость глупо и скучно. Фельдшерница время отъ времени многозначительно глядѣла на меня и тихо говорила:

— Да, вы еще не знаете Ивана Семеныча. Онъ ужасно, ужасно много страдалъ!

Потомъ стали пѣть хоромъ. Слово я не могъ разобрать. Но это было что-то грустное, тягучее, торжественное. Батюшка одушевился и проникновенно дирижировалъ. Важные и медленные звуки доносились какъ будто изъ-подъ сводовъ обширнаго церковнаго склепа. Мнѣ вспомнился органъ, игравшій на похоронахъ моей двоюродной бабушки, потомъ пришелъ на мысль кузень, убитый въ бурскую войну, потомъ представился я самъ, лежащій на погребальномъ ложѣ, осыпанный живыми цвѣтами, окруженный неутѣшно плачущими молодыми миссъ, изучавшими античную литературу по моимъ руководствамъ и—увы, незаконченнымъ! — трактатамъ. Онѣ смахиваютъ слезы и шепчутся: «Кто разъяснить теперь значеніе аориста въ первомъ стихѣ «Эринній»? И кто установитъ преемственную связь между употребленіемъ imperfectum'a у Гераклита Темнаго и употребленіемъ imperfectum'a у Платона?» Я чувствовалъ, какъ глаза

мои становятся влажными, а сердце поетъ скорбно-сладкимъ предчувствіемъ близкой смерти.

— Ну, какъ вамъ нравится?—спросилъ меня докторъ среди внезапно наступившей тишины.

— О, я очень, очень люблю церковную музыку и церковные мотивы—растроганно отвѣчалъ я.—Основная особенность православнаго богослуженія — благородная элегія...

— Эх-ма,—перебилъ меня батюшка, недоумѣнно взмахивая рукавами рясы.—Да вѣдь это—студенческія пѣсни. Понимаете,—самыя веселыя русскія пѣсни. А вы говорите — богослуженіе...

Я былъ сконфуженъ — и погрузился въ задумчивость. «Если такъ поютъ беззаботные юнцы», думалъ я, «то что же поютъ почтенные отцы семействъ? До какихъ нечеловѣческихъ предѣловъ меланхолии доводятъ ихъ лирическіе порывы вѣчно-скорбной души?» Потомъ, уже долго спустя, я узналъ въ столицѣ, что поютъ почтенные отцы семействъ. Они поютъ «Ахъ, Пупсикъ, мой милый Пупсикъ». Всякій интеллигентный человѣкъ, пострадавшій въ прошломъ и имѣющій право не страдать въ будущемъ, поетъ «Ахъ, Пупсикъ, мой милый Пупсикъ». До отсталого же культурнаго уголка эта благая вѣсть не успѣла еще докатиться.

* * *

Какъ-то разъ въ культурный уголокъ пріѣхали учительницы.

Это—чрезвычайно важный факторъ русской провинціальной жизни. Учительницамъ, какъ вы знаете, полагается «сѣять разумное, доброе, вѣчное». Всякій человѣкъ, читавшій газеты, скажетъ вамъ, что онѣ воспитываютъ будущихъ гражданъ, и въ качествѣ примѣра приведетъ знаменитаго прусскаго школьнаго учителя, выигравшаго битву при Седанѣ. Поэтому, когда пять юныхъ воспитательницъ гражданственности появились впервые въ докторскомъ коттеджѣ, я взиралъ на нихъ съ глубокимъ интересомъ и уваженіемъ. «О, юныя дочери Минервы!» мысленно обратился я къ нимъ. «Привѣтъ вамъ! Вы, которыя мужественно сѣете разумное, доброе, вѣчное, вы, которыя думаете о разумномъ, добромъ, вѣчномъ, вы, которыя стремитесь къ разумному, доброму, вѣчному»... Но тутъ я вспомнилъ, что это—плагіатъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей», мысленно умолкъ, и весь превратился въ слухъ и вниманіе.

Дочери Минервы ясно обнаруживали свое происхожденіе отъ общей прародительницы. Всѣ онѣ были очень похожи другъ на друга. Всѣ онѣ носили шляпки на-подобіе шлема. Всѣ онѣ одинаково смѣялись, одинаково здоровались и держались, такъ сказать, однимъ выводкомъ. Всѣ онѣ одинаково сочувствующими глазами смотрѣли на доктора и фельдшера и одинаково недружелюбнымъ взоромъ окидывали фельдшерницу.

Сперва разговоръ долго не налаживался. Присутствіе

иностранца, видимо, смущало ихъ. Про погоду, про состояніе дорогъ было уже рассказано все, что можно. Надвигалась пауза.

— Скажите, вамъ нравится Шекспиръ?—обратилась вдругъ одна изъ нихъ ко мнѣ съ такимъ сконфуженнымъ видомъ, точно она просила у меня займы денегъ.

Мы заговорили о Шекспирѣ. При этомъ выяснилось, что моя собесѣдница не читала Шекспира. Я перевелъ разговоръ на Толстого; выяснилось, что Толстого она не имѣла времени одолѣть. Я началъ расточать похвалы Достоевскому; выяснилось, что Достоевскаго въ ихъ гимназіи не проходили. Разговоръ нашъ все болѣе и болѣе начиналъ походить на каталогъ антикварной фирмы, гдѣ подъ каждымъ номеромъ значится: «не имѣется въ продажѣ».

— А Вербицкую вы не читали?—спросила, наконецъ, она меня.

— Н-нѣтъ,—сконфуженно протянулъ я.

— Неужели не читали Вербицкой?—послышались со всѣхъ сторонъ голоса.—А Нагродскую читали?

— Не успѣлъ,—слегка заикаясь, произнесъ я.

— Ахъ, господинъ Симпльтонъ, прочтите, непременно прочтите. Тамъ вся русская современность ужасно хорошо обрисована. Понимаете, и современность, и новая молодежь, и запросы, — словомъ, вся психіатрія подростяющаго поколѣнія представлена какъ на ладони. За-мѣ-ча-тельно!

— Пси-хо-ло-гія, а не психіатрія,—прорычалъ фельдшеръ, любитель точности.

Разговоръ сразу оживился—и скоро всѣ заспорили. Спорили о томъ, что лучше — мужчина или женщина, вѣрность или измѣна, кому благороднѣе измѣнять — мужу или любовнику, когда интереснѣе разочароваться въ возлюбленномъ — въ двадцать лѣтъ или въ пятьдесятъ лѣтъ и что дѣлать съ дѣтьми, когда они готовы появиться на свѣтъ. Пришедшій къ этому моменту учитель заявилъ, что всѣ эти вопросы разрѣшить кооперация, фельдшеръ настаивалъ на необходимости точной статистики сердечныхъ склонностей, фельдшерница утверждала, что прежде всего необходимо уничтожить искусственность, а докторъ цитировалъ Ницше и рассказывалъ о грядущей сверхъженщинѣ.

— Женщина, господа,—говорилъ онъ,—это стрѣла стремленія къ другому берегу. Женщина — это напѣвная порывность, какъ говорятъ современные поэты. Міръ безъ женщины—это низменность, бухгалтерія. Но зачѣмъ ревность? На кой чортъ ревность? Ревность должна быть уничтожена разъ навсегда.

Заспорили о ревности. Перебивая другъ друга, учительницы стали рассказывать, что бываетъ, когда два друга влюбятся въ одну дѣвушку или когда двѣ подруги влюбятся въ одного муж-

чину. Къ этимъ жизненнымъ эпизодамъ тотчасъ приростали широкія обобщенія, а изъ обобщеній докторъ дѣлалъ сокрушающій выводъ:

— Дружба... На кой чортъ дружба, спрашиваю я васъ? Въ жизни есть только одна истина: страсть. Потому что страсть — это свобода, это безумство воли. А все остальное—рабство.

Учительницы съ почтеніемъ глядѣли на говорившаго. Пухлыя, вялыя губы его вздрагивали и обвисали на сторону, рѣдкіе волосы на лысѣющей головѣ задорно топорщились, и весь онъ почему-то ужасно напоминалъ султана изъ сказокъ Шехеразеды.

Я сталъ понемногу погружаться въ дремотное состояніе. Лица учительницъ заволкли туманомъ и всѣ сливались въ какой-то общій обликъ. Этотъ обликъ, это многоликое «оно» соскальзывало съ сюжета на сюжетъ и, наконецъ, прочно застряло па привычной мнѣ темѣ — на страданіи. Всѣ страдали. Одна жаловалась на мигрени, другая — на бессонницы, третья—на нервность, четвертая—на галлюцинаціи, пятая—на одиночество. Причиной этого была неумолимая, принижаящая среда — мужики, ребятишки, предѣдатель управы, сварливые сторожа и сторожихи и дороговизна продуктовъ. Въ этой дырѣ порядочному человѣку не оставалось ничего иного, какъ усѣться, подобно Іову, на вретѣ и затѣять споръ съ Вседержителемъ. Вообще, все клонилось къ тому, что еще черезъ нѣсколько минутъ присутствующіе запоютъ веселыя пѣсни русскихъ студентовъ, и мнѣ опять пригрезятся погребальныя дроги.

«Милыя барышни», мысленно взмолился я. «Я охотно повѣрю вамъ, что благородный человѣкъ не можетъ быть здоровымъ и жизнерадостнымъ. Повѣрю и тому, что каждая изъ васъ — огнедышащая Этна, хотя ваши уравновѣшенныя лица какъ будто нѣсколько этому противорѣчатъ. Только нельзя ли безъ пѣнія? Вспомните что-нибудь отрадное: прусскаго школьнаго учителя, потребительскую лавку, благое просвѣщеніе. Раскажите мнѣ, какъ вы сѣете разумное, доброе, вѣчное изъ данной вамъ земствомъ и гимназіей кошолки»...

Мольба моя была услышана, если не учительницами, то Провидѣніемъ. Вдали послышался звукъ бубенчиковъ. Онъ раздавался все ближе и ближе. Разговоръ сразу замолкъ, и учительницы подошли къ окнамъ. Послѣдовали короткія загадочныя фразы въ стилѣ Метерлинка.

— Кто-то ѣдетъ...

— Кто-то ѣдетъ по казенному дѣлу...

— Кто-то въ бѣломъ кителѣ...

— И со стражникомъ позади.

И голосомъ упавшимъ и тихимъ моя давешняя собесѣдница высказала тревожную гипотезу:

— Становой приставъ.

— А у насъ собраніе, — въ тонъ ей проговорила другая.

— Собраніе въ—разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять человѣкъ,—считала третья.

— М-да... Не-раз-рѣ-шенное собраніе и при томъ профессиональнаго состава,—мрачно опредѣлили фельдшеръ.

Докторъ сѣменилъ по комнатѣ, странно дрыгая ногой и растерянно улыбаясь. Я чувствовалъ, что надвигается катастрофа, но никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло. Фельдшерница нижнимъ «до» пробасила:

— Ну, еще бы! Всѣ пять — сразу. Какъ изъ рѣшета высыпало.

У учительницъ появились въ рукахъ носовые платки. Двѣ изъ нихъ часто-часто замигали. У трехъ кривились губы, а глаза въ послѣдней надеждѣ шарили по шкапу, диванамъ и вообще удобнымъ для прикрытія мѣстамъ. А колокольчикъ звенѣлъ все ближе и ближе.

— Господи, да чердакъ-то у васъ гдѣ, чердакъ-то?—ринутась, наконецъ, одна изъ нихъ къ фельдшерницѣ.

— Заколоченъ по случаю ненадобности,—буркнулъ фельдшеръ.—Заколоченъ, и нечего тутъ-съ лѣзть... Сами виноваты,—закончилъ онъ раздраженно.

— Въ уборную, въ уборную, — зашептали въ группѣ учительницъ, и всѣ онѣ стадомъ ринулись къ двери.

— А если онъ туда зайдетъ?—остановилъ ихъ фельдшеръ роковымъ вопросомъ.

— М-да, можетъ, можетъ зайти,—согласился докторъ.—Ручаться нельзя. Ни за что поручиться нельзя,—добавилъ онъ тихо и вдумчиво, подпрыгивая ногой и смущенно потирая руки. Становой, знаете, того... Жретъ, какъ свинья. Нѣтъ, поручиться никакъ нельзя...

Вдругъ его осѣнила идея.

— А если вамъ того... изъ окна и садомъ... Знаете, по лужку... Тамъ будетъ болото, но не глубже, чѣмъ по колѣна. Потомъ рѣку вбродъ. Потомъ на кручу взобраться. Знаете, это, право, прекрасная прогулка. Я самъ собирался...

Но доктора уже не слушали. Наскоро схвативъ сумочки и шали, торопясь и толкаясь, учительницы вылѣзали и выпрыгивали въ окно. Слышались восклицанія и негромкіе, но рѣшительные протесты.

— Что вы на человѣка-то лѣзете, Марья Гавриловна?

— Ой, палецъ отдавили!

— Анна Семеновна, ради Бога умѣрьте вашъ голосъ.

И вотъ ужъ ихъ нѣтъ. Все тихо за окномъ. Только стрекочутъ кузнечики да слышенъ звонъ приближающихся бубенцовъ. У всѣхъ отлегло отъ сердца. Докторъ улыбается, потираетъ руки, подмигиваетъ мнѣ однимъ глазомъ и говоритъ:

— Какъ я его ловко, подлеца, поддѣлъ! Правда, ловко? Вотъ, батенька, какъ съ ними надо дѣйствовать. Да!

И онъ ласково, покровительственно треплетъ меня по плечу, какъ треплютъ учителя подающихъ надежды учениковъ. Въ головѣ у меня все спуталось, и я смотрю на доктора съ подозрѣніемъ. Вѣдь не можетъ же разговоръ о любви, ревности и страсти преслѣдоваться закономъ! Нѣтъ, тутъ что-то другое. Въ самомъ дѣлѣ, что это за ученіе проповѣдуетъ г-жа Вербицкая? Не было ли все то, что я видѣлъ и слышалъ, приготовленіемъ къ черной мессѣ? Тогда, конечно, все объясняется само собой...

Но нѣтъ, Джэкъ, все это были необоснованныя гипотезы. Докторъ ничего не зналъ о черной мессѣ. А становой приѣзжалъ справляться насчетъ эпидеміи сибирской язвы. Почему же учительницы выпрыгивали изъ окна? Фельдшеръ объясняетъ мнѣ, что по «соображеніямъ политическаго свойства», а моя неповоротливая англо-саксонская голова не понимаетъ ничего, ничего... Завидно, право, имѣть гибкій славянскій мозгъ и постигать связь между педагогикой, оргіастической страстью, уголовнымъ законодательствомъ, политикой, прыжками въ окно и лазаньемъ по болоту.

* * *

Сегодня у насъ два важныхъ событія. Во-первыхъ, весь околотокъ празднуетъ Ярилинъ день, во-вторыхъ—въ сосѣднемъ селѣ справляютъ (съ нѣкоторымъ опозданіемъ) трехсотлѣтній юбилей Шекспира.

Мнѣ рассказывали, что Ярила—одинъ изъ . . . обойденныхъ судьбою боговъ, . . .

. . .

. . . Ярила, богъ солнца, любви и радости . . .

. . . цѣлый годъ . . . лежить въ землѣ, никѣмъ не вспоминаемый и какъ будто мертвый.

Торжественные дни христіанскаго календаря проходятъ незамѣтно для стараго грѣшника: онъ дрыхнетъ подъ рождественскіе колокола, пропускаетъ мимо ушей великопостныя службы и не просыпается даже во время пасхальнаго благовѣста. Но вотъ гдѣ-то едва слышно проквакала первая лягушка: Ярила поворачивается. Закуковала кукушка: Ярила открываетъ глаза. И когда распустился послѣдній майскій цвѣтокъ, а соловей свилъ гнѣздо подъ черемухой,—Ярила снова ходитъ по землѣ, смѣющийся, сильный и юный. Послѣ Троицына дня . . .

. . . Ярила снова получаетъ во владѣніе

поля, лѣса, нивы и юныя, только-что начинающія жить чело-вѣческія души.

— Какой такой Ярила? — спрашиваютъ другъ друга кре-стьяне поселиднѣе. — Просто такъ, невѣдомаго званія чело-вѣкъ, а вотъ, поди-жъ ты, — празднуемъ.

Празднуютъ Ярилу два-три дня, а иногда и недѣлю. И гово-рятъ, что это — самый веселый праздникъ въ году.

Я ушелъ изъ докторскаго коттеджа и сталъ бродить тамъ, гдѣ только-что воцарился воскресшій богъ. По деревнѣ онъ ша-тался въ обличьи маленькаго проказника. Онъ шепталъ что-то смѣшное старикамъ и старухамъ, парнямъ и дѣвушкамъ, ре-бятишкамъ. Старухи, расправляя на лбу морщины, угощали стариковъ только-что свареннымъ пивомъ. Старики смѣялись и шамкающими губами лепетали любезности, а скрюченныя руки ихъ разгибались и пытались воспроизвести подобіе ласковаго жеста.

— Я тебя, Марья, завсегда обожалъ,—говорилъ какой-ни-будь сѣдовласый старецъ.—По пиву-то ты на деревнѣ первая.

— Отстань, грѣховодникъ,—отвѣчала польщенная старуха и протягивала старику новый стаканъ.

Ребятишки бѣгали по деревнѣ какъ угорѣлые и съ ведрами въ рукахъ подстерегали неосторожныхъ сосѣдей. Горе домови-тому хозяину, который, задумчиво почесывая поясицу, вый-детъ посмотреть на огородъ: его обольютъ съ ногъ до головы. Горе любезничающей парочкѣ, которая шепчется о чемъ-то на задворкахъ подъ ракитой! Ярилино крещеніе промочить до нитки ихъ праздничный нарядъ. Горе дьяконицѣ, показавшейся на улицѣ съ кринкой сметаны! Горе поповнѣ, которая, пышно взбивъ волосы, пошла пройтись съ пиономъ въ рукѣ передъ ок-нами пріѣзжаго семинариста! Маленькій проказникъ никого не падить и твердить всѣмъ и каждому, что сегодня — день смѣха, шалостей и игривыхъ дерзостей.

Молодежь расходится по полямъ и перелѣскамъ. Издали видно, какъ бѣлѣютъ въ зеленой травѣ оживленно двигающіяся фигуры. Вотъ онѣ сплелись въ хороводъ, вотъ снова бисеромъ разметались по полю. Бѣгутъ, гонятся, кого-то хватаютъ. Кто-то звонко хохочетъ. Кто-то глупо-счастливымъ, телячьимъ голо-сомъ кричитъ:

— Нѣтъ, Машка, погоди! Отъ меня, чу, не убеgehь!

А тамъ пиликаетъ гармоника, — взвизгнетъ и остановится, разсыплется гнусавыми аккордами и снова замолкнетъ съ тихимъ урчаньемъ, словно даваясь отъ смѣха. А тамъ парни козлиными прыжками подбѣгаютъ къ кустамъ надъ омутомъ и кричатъ оттуда купающимся дѣвкамъ:

— Ну-ка, Санька, покажи спину-то те! Она, чу, у тебя больно толстая.

Счастлива Санька, но не менѣе счастливы и Аринка, которую похвалили за мясистую грудь, и Паранька, которая комомъ грязи угодила прямо въ носъ одному изъ парней. И долго еще видны надъ омутомъ серебристыя брызги, долго слышны крики и визгъ.

Становится жарко. Земля разомлѣла и кажется на ощупь такой же мягкой, теплой и нѣжной, какъ человѣческое тѣло. Она манитъ къ себѣ, зоветъ прилечь, отдохнуть и слушать, какъ звенять комары и гудятъ шмели надъ головками клевера. Группы гуляющихъ разбиваются на пары, а пары уходятъ въ тѣнь — подъ березы, подъ прибрежные кусты, подъ нависшіе выступы рѣчного обрыва. Я не знаю, интересуется ли ихъ пѣніе комаровъ и хлопотня шмелей. Я думаю, что плутовка — земля рассказываетъ имъ другія, болѣе интересныя вещи, — совсѣмъ, совсѣмъ не тѣ, какія шепчетъ она изслѣдователю античной словесности!

Ярила — коварный богъ. Тысячью маленькихъ, но неотражимыхъ уловокъ онъ плѣнилъ и мое англо-саксонское сердце, и я искренне радуюсь, что его сегодня угостятъ шекспировскимъ спектаклемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь именно въ Ярилинъ день и нужно праздновать юбилей великаго язычника. Забытый богъ и превознесенный смертный встрѣтятся, какъ добрые знакомые. «Здравствуй, англичанинъ!» скажетъ Ярила, немного поглупѣвшій отъ жара и любовныхъ напитковъ. «Ну-ка, распотѣшь старика!» А Шекспиръ вѣжливо поклонится и скажетъ: «Радъ служить моему ожившему господину. Къ вашимъ услугамъ весь тотъ пряный и пахучій іюньскій вѣнокъ, которымъ я нѣкогда украсилъ чело моей безчувственной націи: тамъ нанизаны Отелло, Дездемона, Ромео, Джульетта, проказникъ Пэкъ, сумасбродная королева Оттилія и смѣшныя виндзорскія вдовы. Я надѣюсь, что ваши дѣти, русскіе интеллигенты, сумѣютъ выбрать то, что подходитъ къ вашему вкусу, и доставятъ вамъ нѣкоторое удовольствіе. Я, вѣдь, очень, очень обязанъ вамъ! Ибо если я что-нибудь и понималъ въ жизни, то только благодаря вашимъ внушеніямъ и вашему руководству».

И долго думалъ я о трогательной встрѣчѣ этихъ двухъ существъ, которыхъ такъ безжалостно разлучили просвѣщенная критика, протестантское благоправіе и жеманная, трусливо-похотливая княгиня Марья Алексѣевна. И на дорогу уже легли длинныя вечернія тѣни, когда я, наконецъ, вернулся въ коттеджъ доктора Г., чтобы ѣхать въ сосѣднее село.

Вотъ мы и пріѣхали. Помѣщеніе школы, гдѣ ставится спектакль, набито крестьянской публикой. На сценѣ происходитъ что-то веселое: откальваютъ шутки, убѣгаютъ со сцены, толкаютъ кого нужно и кого не нужно, и бабы, подпершись локоточкомъ, готовы, кажется, плакать отъ смѣха. Но это еще не Шекспиръ. Шекспиръ впереди. А вотъ, наконецъ, и его очередь. Вспол-

заетъ кверху, задѣвая за суфлера и лампы, самодѣльный занавѣсъ, обозначаются въ глубокой тѣмѣ какіе-то загадочные силуэты, и человѣкъ въ красной рубашкѣ, высываясь изъ могилы, начинаетъ пронзительнымъ голосомъ говорить о покойникахъ. Великій Скоттъ! Да это—четвертое дѣйствіе «Гамлета», то самое, гдѣ разочарованный принцъ встрѣчается на кладбищѣ съ гробомъ Офелии!

Зрители поражены не меньше меня. Среди бабъ—движеніе, шепотъ и явно написанный на лицахъ страхъ.

— Ишь ты, — вѣдь о покойникѣ говорятъ!—прозносить одна.

— Умеръ кто-то, царство ему небесное,—соглашается другая.

Появляется Гамлетъ и во всю силу легкихъ (у бѣднаго принца, оказывается, удивительныя легкія) начинаетъ философствовать о превратностяхъ человѣческой судьбы. Но его не слушаютъ. Вниманіе приковано къ могильщику въ красной рубашкѣ и къ огромной лопатѣ.

— Ишь ты, и впрямь могилу роетъ!—раздается взволнованный шопотъ.

Вносятъ гробъ. За нимъ идутъ король и королева. Неутѣшный принцъ скороговоркой, стараясь очевидно поскорѣе отдѣлаться отъ обуревающего его философскаго припадка, говоритъ о покойной Офелии. Но его придворная скорбь мало трогаетъ публику. Ангелъ смерти задѣлъ ее своимъ крыломъ и сѣтъ налѣво и направо самыя мрачныя предчувствія.

— Ишь, учительша пришла!—говоритъ одна баба, показывая на королеву.

— Чу, учительшу будутъ хоронить!—передаютъ другъ другу печальную новость.

— Да нѣтъ, Анна Семеновна померла,—поправляетъ другая баба. — Она-то въ гробу и лежитъ. Сама, сердешная, давеча и гробъ-то себѣ дѣлала. Ей Богу, сама видала.

— Завтра, чу, отпѣвать будутъ,—высказываетъ догадку третья.

Мнѣніе зрителей о томъ, кого завтра будутъ отпѣвать, раздѣляется, и возникаетъ споръ. Занавѣсъ падаетъ и тутъ, наконецъ, всѣ съ облегченіемъ узнаютъ, что никто не умеръ и даже не заболѣлъ. «Зря народъ растревожили»,—резюмируетъ спектакль публика, расходясь по домамъ.

Мной овладѣваетъ мрачное настроеніе. Игры въ фанты меня не захватываютъ, и даже видъ двухъ страдающихъ учительницъ, охромѣвшихъ послѣ приключенія со станковымъ, не вызываетъ должнаго сочувствія. И всю дорогу, пока мы ѣдемъ обратно, я думаю о разочарованіи Ярилы и о гнѣвѣ Шекспира. «Ты совсѣмъ оглуѣлъ, старикашка!» говоритъ разгнѣванный

богъ. «Въ разгаръ лѣта, когда все любить, цвѣтеть, зачинаетъ и рождается — говорить о черепахъ и плакать надъ трупами! Что же ты будешь дѣлать, когда наступитъ осень, начиутъ осыпаться листья, и люди будутъ мерзнуть отъ холода и стонать отъ невзгодъ?» «Вся моя вина, сэръ, въ томъ, что я затесался въ эти широты», — оправдывается Шекспиръ, чуть не плача. — «Образованные люди единодушно думаютъ здѣсь, что веселиться можно только во власяницѣ. Изъ всѣхъ моихъ героевъ они признаютъ только Гамлета, а въ Гамлетѣ больше всего цѣнятъ то, что онъ не зналъ, быть ему или не быть, и плакалъ надъ гробомъ Офелии». Но Ярила не слушаетъ оправданій поэта, и я знаю, что старые друзья разстались врагами.

Культурному уголку было весело. Тамъ долго не ложились спать, и я, засыпая на разсвѣтѣ, все еще слышалъ, какъ фельдшеръ Иванъ Семенычъ подъ аккомпаниментъ фельдшерицы пѣлъ замогильнымъ голосомъ:

— «Отцвѣли ужъ давно хризанте-мы въ саду...»

А черезъ два дня доктору пришла бумага слѣдующаго содержания:

«Отъ Исправника N-скаго уѣзда г. доктору Г.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Изъ донесенія урядника *** стана усмотрѣно мною, что на театральномъ представленіи въ селѣ X присутствовалъ на сценѣ не просмотрѣнный цензурой гробъ, каковой является предметомъ богослужебнаго обихода. Отчего воспослѣдовала паника среди публики и опасность въ противопожарномъ отношеніи. На семь основаніи, а также вслѣдствіе донесенія отца благочиннаго за № 999 предлагаю вамъ, какъ попечителю X-ской школы, представить мнѣ объясненія въ двухдневный срокъ на предметъ отправления ихъ въ законномъ установленныя дистанціи.

Исправникъ И. Сквозникъ-Дмухановскій».

Докторъ очень взволновался, заговорилъ о послѣдствіяхъ и намекнулъ, что мнѣ было бы лучше отправиться дальше.

И вотъ я снова въ лѣсахъ, среди елей, сосенъ и дорогъ со спящими въ телѣгахъ мужиками. Пахнетъ смолой, муравьиными кучами, звучно перекликаются дрозды и скворцы. И, чудится мнѣ, тамъ и здѣсь отпечатлѣлось на тепломъ пескѣ копыто хромоногаго Пана. Снова повеселѣлъ Шекспиръ и примирился съ Ярилой, и блуждаютъ они оба отъ зари до зари по полямъ и перелѣскамъ, дурманясь пахучими травами, подслушивая шопотъ листьевъ. И въ ихъ заповѣдномъ бору, въ ихъ храмѣ безъ распятій, такъ же свѣжо и привольно, какъ въ первый день

творенія. Ахъ, мой милый фельдшеръ! Научится ли онъ когда-нибудь ходить здѣсь безъ шагомѣра? Забудетъ ли когда-нибудь докторъ подъ этими зелеными сводами голосъ сварливой тетки? Поймутъ-ли когда-нибудь учительницы, прислонившись къ этимъ позолоченнымъ солнцемъ стволамъ, что о страданіи не стоитъ думать, пока сильны мускулы, и что лучше всего на свѣтѣ — молодья, бурлящія, какъ вѣтеръ непокорныя грезы? Хорошо объ этомъ сказано у Софокла... Но, впрочемъ, къ чему тутъ Софокль, когда бѣлки и зайцы говорятъ то же самое, но лучше?

Вашъ

В. Симпльтонъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОТКЛИКИ.

Кончилась «парламентская» сессия. Наступили каникулы, т. е.— в буквальномъ переводѣ—собачье время. Въ предстоящій лѣтній періодъ не будетъ ни парламентскихъ засѣданій, ни общественныхъ съездовъ. Последніе, впрочемъ, ликвидированы еще раньше. Такимъ образомъ, закончилось то общественное движеніе, различнымъ проявленіямъ котораго были посвящены предыдущіе «отклики». Теперь какъ разъ время подводить итоги. И не по тому внѣшнему поводу, что наступилъ перерывъ, а потому, что *завершилась цѣлая полоса* этого движенія, начавшагося съ годъ тому назадъ.

Быстро изжила себя эта полоса, очень быстро. Пройдя рядъ фазисовъ, она еще раньше истечения годичнаго періода зполнѣ исчерпала себя.

Россія вообще живетъ скорымъ темпомъ, какъ это ни звучитъ парадоксально. Мы—народъ, несомнѣнно, очень и очень отсталый, съ колоссальнымъ и все растущимъ несоотвѣтствіемъ между потребностями и возможностями. Но при этомъ или—вѣрнѣе—именно благодаря этому, мы обладаемъ слишкомъ малымъ коэффициентомъ устойчивости. Мы быстро переходимъ отъ одного фазиса развитія къ другому—въ сферѣ сознанія, если не бытія. Эта черта нашего развитія не новая, не со вчерашняго дня наблюдается она, а уже очень давно. Въ исторіи другихъ культурныхъ народовъ характеристика отдѣльныхъ періодовъ дѣлается обыкновенно по столѣтіямъ, у насъ же — по *десятилѣтіямъ*. Прежде всего это примѣнялось къ области одной только литературы; такъ и разсматривалась литература 20-хъ годовъ, 30-ыхъ, 40-ыхъ. Потомъ эта десятилѣтняя мѣрка стала прилагаться и къ сферѣ общественной жизни: 60-тые годы, 70-тые, 80-тые...

За послѣднія полтора десятилѣтія бактерія неустойчивости, общественно-политическаго броженія, стала работать еще интенсивнѣе. За короткий періодъ какихъ-нибудь шести лѣтъ у насъ, если не фазисы движенія, то его формы стали чередоваться даже черезъ годъ: формы движенія 1901 или 1902 года совсѣмъ не тѣ, что формы 1903 г., и т. д. Такъ страна наша вступила въ періодъ японской войны и послѣдовавшихъ за нею историческихъ событій,—крупныхъ и быстро слѣдующихъ другъ за другомъ переломовъ въ сферѣ и бытія, и сознанія.

Отъ этой полосы развитія российской общественности та же ба-

цилла безпокойства и броженія перенеслась и во внѣросійскую дѣйствительность: неподвижный азіатскій востокъ, а за нимъ и прочно, казалось, сложившійся европейскій западъ обнаружили явные признаки неустойчивости. И силы неустойчиваго равновѣсія запада, въ своемъ растущемъ антагонизмѣ, въ своемъ лихорадочномъ исканіи точекъ приложения въ зашевелившемся востокѣ,—онѣ-то и привели къ тому небывалому историческому кризису, который разразился въ формѣ нынѣшней мировой войны.

Лицомъ къ лицу съ этимъ кризисомъ наша російская отсталость выступила еще болѣе вышукло. Въ соотвѣтствіи съ этимъ еще быстрѣе пошло чередованіе смѣняющихъ другъ друга фазисовъ развитія нашего общественно-политическаго сознанія. Если въ Севастопольскую кампанію принято было въ извѣстномъ смыслѣ считать мѣсяць за годъ, то теперь, въ періодъ мировой войны, можно считать мѣсяць за десятилѣтіе. Въ отношеніи обогащенія и роста сознанія на это уже указывали не разъ многіе наблюдатели народной толщи, особенно—деревен-

Но результаты этого процесса, такъ сказать, интенсификаціи нашей общественно-интеллектуальной культуры могутъ сказаться лишь скорѣе.

впослѣдствіи. Теперь же мы имѣемъ предъ собою лишь быструю смѣну фазисовъ мобилизаціи верхнихъ слоевъ нашей общественности. И явный смыслъ этой смѣны—тогъ, что мобилизація въ общемъ выдыхается, сводится *на ноль*. Еще и года не прошло, какъ началась она на съѣздѣ промышленниковъ въ концѣ мая, а уже изжили себя чуть не всѣ ея формы, — вплоть до прогрессивнаго блока — «парламентской» разновидности той же мобилизаціи общественныхъ верховъ.

Причинъ этого процесса выдыханія, обезцвѣченія приходилось касаться уже раньше. Здѣсь для насъ важенъ самый фактъ: всѣ созданныя мобилизационнымъ процессомъ организаціи приходятъ въ положеніе все болѣе критическое, портативаемыя изнутри и извнѣ. И прогрессивный блокъ, и съѣзды общественныхъ организацій,—какъ это уже бросалось въ глаза на мартовскихъ съѣздахъ земскаго и городского союзовъ и столь же вышукло обнаружилось на апрѣльскихъ съѣздахъ пиროговскомъ и биржевомъ,—съ каждымъ разомъ становятся все болѣе безкровными, безцвѣтными, «безперспективными».

Могутъ сказать: обезсилѣваютъ ихъ удары *извнѣ*, замораживають ихъ окружающія непогоды. Но, во-первыхъ, не только извнѣ. Во-вторыхъ, въ томъ-то и сказывается внутренняя несостоятельность этихъ организацій, что наружная непогода можетъ отозваться на нихъ такими роковыми послѣдствіями. Развѣ же онѣ *могли* разсчитывать на ласкающее тепло благодатной весны, помимо результатовъ ихъ собственныхъ усилій? На то, вѣдь, онѣ и создавались, чтобы идти на встрѣчу ледянымъ морозамъ. И не слезами, какъ въ андерсеновской сказкѣ, должны были организаціи разсчитывать растопить и обезвредить «ледяной комокъ». Вѣдь, мечтали и говорили о томъ, что въ

процессъ неустанной работы надъ организаціей вѣшной удачи достигнута будутъ благодарное тепло и расцвѣтъ всего живого, что дружнымъ усиліемъ *взят* будетъ общественная весна, что такая чудодѣйственная сила кроется *внутри* самой этой работы.

Оказывается, чудесъ не бываетъ въ нашъ реалистическій вѣкъ. И самая возможность такого разрушительнаго дѣйствія наружной непогоды уже сама по себѣ — яркое доказательство внутренней несостоятельности всего мобилизаціоннаго движенія.

Что же это означаетъ: конецъ всякой общественной мобилизаціи? Нисколько: Это означаетъ только конецъ *данной* полосы мобилизаціи, за которымъ неизбежно послѣдуетъ начало другой полосы. Какъ жой, — объ этомъ не будемъ сейчасъ гадать. Но, что смѣна быстро пережившей себя полосы другою неизбежна, — порукой въ томъ служитъ та же нестерпимая, особенно при нынѣшнихъ условіяхъ, отсталость нашей страны, та же неустойчивость атмосферы и у насъ, и во всемъ культурномъ мірѣ. И, быть можетъ, не такъ ужъ долго придется ждать наступленія новаго фазиса — при той быстротѣ, которою отличается темпъ нашей жизни за послѣднее время...

Пока что я остановлюсь на дѣятельности «прогрессивнаго блока», — какъ иллюстрація быстро пережившей себя парламентской мобилизаціи.

* * *

Мы уже знаемъ, что созданіе блока вызвано внѣшними неудачами. Соответственно этому, главнѣйшая его задача была, какъ это заявлялось въ деклараціи блока, — «привести отечество къ побѣдѣ». И непремѣннѣйшимъ условіемъ рѣшенія этой задачи, выдвинутымъ декларацией блока на *первое* мѣсто, являлась смѣна власти — «созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно программы».¹

Предъявленное къ власти требованіе — *ôte toi, ou je m'y mette* было ею отвергнуто. Непремѣннѣйшее условіе рѣшенія задачи блока оказалось несущественнымъ — это означало, по существу, крахъ блока. Ибо требованіе министерства общественнаго довѣрія имѣло смыслъ, какъ немедленное, не могущее быть отложеннымъ ни на минуту. Ходъ войны, вѣдь, не ждетъ, «организацию побѣды» надо было начать немедленно. Разъ основное условіе этой организациі не реализовано, у блока не оказывается никакой почвы подъ ногами. Уже могла получиться не общественная организациа побѣды, а развѣ лишь безвластное, подчиненное содѣйствіе «организующей побѣду» бюрократіи. Но для этого не надо было никакого парламентскаго блока. Блокъ *уже* потерпѣлъ поражение.

Со своей точки зрѣнія, Скворцовскій «Колоколь» эту сдачу главнѣйшей позиціи блокомъ, конечно, назвалъ его побѣдой: «Прошли дни — и блокъ отъ этой позиціи отказался. Въ этомъ не поражение его, а побѣда, побѣда его патриотическаго духа надъ духомъ партійности». Но еще любопытнѣе, что и самъ блокъ умудрился усмотрѣть тутъ чуть не побѣду. Провозгласивъ въ августѣ лозунгъ борьбы за новую власть и очутившись черезъ полгода лицомъ къ лицу съ той же старой властью, блокъ въ своей февральской деклараціи не безъ граціи заявляетъ, что его «желаніе» было «злостно истолковано, какъ лозунгъ борьбы за власть».

Первѣйшее требованіе блока — смѣна старой власти — превратилось не то въ бессмысленное мечтаніе, не то въ злостную клевету. Осталось «выполненіе въ ближайшій срокъ определенной программы». И, опять-таки, именно *въ ближайшій срокъ*, ибо реформы по этой программѣ должны были дать результаты еще въ теченіе войны. Но тутъ обращала на себя вниманіе систематическая неторопливость законодательной работы блока. Ходъ этой работы опредѣлялся уже не отношеніемъ между блокомъ и властью, а внутренними отношеніями въ предѣлахъ самого блока. И, когда въ весеннюю сессию блокъ цѣликомъ ушелъ въ разсмотрѣніе и принятіе бюджета, а въ лѣтнюю сессию началъ устраивать по одному засѣданію въ недѣлю, двигаясь черепашинымъ шагомъ по пути спѣшнаго законодательства для «организациі побѣды», — стало ясно, что и тутъ «что-то гнило

¹ «Рѣчь», 26. VIII. 1915 г.

въ царствѣ датскомъ». Ясно стало, что здѣсь начали дѣйствовать силы отталкиванья разнородныхъ социальныхъ элементовъ, составляющихъ блокъ.

Если первый актъ драмы блока свелся къ сдачѣ всѣмъ блокомъ главнѣйшей своей позиціи противнику, то второй актъ наполненъ борьбой внутри блока, и главный ея результатъ — сдача его лѣвымъ крыломъ своихъ позицій въ борьбѣ съ правымъ крыломъ и съ центромъ.

Первѣйшую сдачу позиціи кадеты произвели въ еврейскомъ вопросѣ, который, при нашихъ условіяхъ, порой становится настоящей лакмусовой бумажкой для испытанія демократичности. Вопросъ о національномъ равноправіи вообще, о еврейскомъ равноправіи — въ частности и въ особенности — приобретаетъ, въ условіяхъ россійской дѣйствительности, исключительное принципиальное значеніе. Совершенно, вѣдь, очевидно, что обостреніе еврейскаго безправія — это вторая укрѣпленная позиція, которую себѣ готовятъ Марковы 2-ые, чтобъ отойти на эту позицію при надобности, въ зависимости отъ исхода войны и могущихъ послѣдовать событій.

И тутъ весьма яркіе результаты дала лакмусова бумажка въ примѣненіи къ политической устойчивости кадетовъ: сначала — въ тѣхъ случаяхъ, когда они отказывали въ своихъ подписяхъ крайней лѣвой, желавшей внести рядъ запросовъ правительству; затѣмъ — въ знаменитомъ эпизодѣ съ циркулярами бывшаго вице-директора департамента полиціи Кафафова, гдѣ поведение кадетовъ возмутило даже профессорски спокойныя «Русс. Вѣд.»; наконецъ, — въ циничномъ поведеніи кадета Маклакова по отношенію къ первому пункту законопроекта объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ сословныхъ ограниченій для крестьянства, гдѣ еврейское неравноправіе было Маклаковымъ спрятано такъ, какъ скрываютъ «секретныя» болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ даже «Биржевыя Вѣдомости» вынуждены были констатировать: «Четвертая Гос. Дума оказалась, такимъ образомъ, вѣрной преемницей третьей Гос. Думы. Прогрессивный блокъ не ушелъ дальше третьедумскаго національ-октябристскаго блока. За истекшіе годы въ Таврическомъ дворцѣ не произошло дѣйствительнаго сдвига въ сторону истинной гражданственности. Впрочемъ, случилось нѣчто новое. Прежде никакая часть кадетовъ не убѣгала отъ голосованія «принципиальныхъ» вопросовъ, — теперь убѣгаетъ...»¹.

Труденъ первый шагъ. Сдавши свои позиціи по вопросамъ еврейскаго и, вообще, національнаго равноправія, кадеты и дальше двигались по той же наклонной плоскости. Въ комиссіи о городскомъ самоуправленіи представитель кадетской фракціи, М. Новиковъ, отстаивалъ для городскихъ думъ систему выборовъ, принятую 3-ей Гос. Думой и Гос. Совѣтомъ для городского положенія въ Царствѣ Польскомъ. Это — система не только цензовая, но и цензъ въ ней устанавливается очень

¹ «Бирж. Вѣдом.», 10. VI. 1916 г.

высокій, дающій избирательное право даже не всѣмъ плательщикамъ квартирнаго налога. Что и здѣсь мы имѣемъ именно сдачу кадетской позиции болѣе правымъ участникамъ блока, — это засвидѣтельствовалъ самъ же М. Новиковъ, заявившій въ комиссiи, что преимущество предлагаемой имъ системы заключается въ «прецедентъ ея принятія третьей Думой».¹

Кадетское крыло блока, приспособляясь къ «прецедентамъ» национально-октябристской третьей Думы, пошло еще дальше: въ одномъ — и очень важномъ — отношенiи роль четвертой Думы, при господствѣ въ ней блока, опустилась *ниже* роли третьей Думы. Я имѣю въ виду роль Гос. Думы, какъ арены открытой политической борьбы, составляющей орудіе политическаго воспитанія широкихъ круговъ населенія. Этой роли нельзя было отнять даже у третьей Думы. И *эту роль блокъ отнялъ у четвертой* Гос. Думы. Господствующій въ ней блокъ стремился изъять широкое обсужденіе всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ изъ общихъ пленарныхъ засѣданій, регулировать все въ келейныхъ засѣданіяхъ бюро блока. Онъ стремился обломать всѣ углы у острыхъ вопросовъ современности и превратить общія засѣданія парламента въ машину для голосованія.

Пониженіе роли Думской трибуны особенно ярко отразилось въ сокращеніи количества запросовъ и размаха преній по нимъ. Справедливо жаловался депутатъ А. Чхенкели: «Никогда для лѣвой стороны Гос. Думы за всѣ 10 лѣтъ существованія народнаго представительства не создавалось такого исключительнаго положенія, какое создавалось благодаря блоку... Изъ-за блока мы лишились возможности внесенія запросовъ и вопросовъ». И, «когда на очередь вставали вопросы рабочій, національные или специально депутатскій вопросъ, они не ставились на обсужденіе, ибо лѣвая часть парламента блока... не давала намъ подписей».²

Вотъ какой цѣной куплено участие нашей отвѣтственной оппозиции въ парламентакомъ блокѣ. Какое же благо куплено этой цѣной?

* * *

Съ какимъ балансомъ разошлась руководимая блокомъ Дума въ июнѣ, распушенная до ноября? Каковъ активъ периода «ровнаго и спокойнаго шага впередъ»? Отвѣтъ совершенно ясенъ: *активъ равенъ нулю*. Ибо единственный реализованный за этотъ періодъ серьезный законъ — подоходной налогъ, — не только въ программѣ блока не значится, но проведенъ Гос. Думой *не противъ* старой власти, устраненіе которой блокъ поставилъ своей первѣйшей задачей, а при рѣшительной поддержкѣ со стороны этой власти и по ея инициативѣ. Какъ извѣстно, правительство, чтобы получить въ Гос. Совѣтѣ большинство въ пользу законопроекта о желательномъ для него подоходномъ налогѣ, мобилизо-

¹ «День», 23. V. 1916 г.

² «День», 7. VI. 1916 г.

вало всѣхъ министровъ, состоящихъ членами Гос. Совѣта, и только благодаря голосамъ министровъ законъ былъ принятъ. Чей же, спрашивается, это активъ: старой правительственной власти или блока въ борьбѣ съ нею?

Болѣе, чѣмъ комичное впечатлѣніе, поэтому, производить счетъ, который «Рѣчь» неоднократно представляла общественному мнѣнію. «Проведеніе прогрессивнаго налога есть первый зрѣлый плодъ тактики прогрессивнаго блока», — не моргнувъ глазомъ, заявила «Рѣчь» въ передовицѣ 4 апрѣля. Впрочемъ, убѣдительность этого утверждения построена тутъ, быть можетъ, на томъ, что и налогъ — *прогрессивный*, и блокъ именуется *прогрессивнымъ*, стало-быть... Въ такомъ случаѣ остается ожидать, что «Рѣчь» признаетъ также убѣдительнымъ и обличеніе «прогрессивнаго» блока съ прогрессивнымъ шарачемъ нашего парламентаризма?.. Но «Рѣчь» не шутитъ, не словами играетъ: на слѣдующій же день, 5 апрѣля, новая передовица возвращается къ тому же пункту и всерьезъ заявляетъ: «Первый свой экзаменъ блокъ сдалъ весьма удовлетворительно. Въ его активѣ къ концу сессіи оказался такой успѣхъ, какъ проведеніе подоходнаго налога»...

Невольно вспоминается фигурирующий гдѣ-то мальчикъ — большой любитель голубей, который каждый разъ, когда въ небѣ кружилась стая голубей, не въ шутку заявлялъ: это — *мои голуби!*.. Къ аналогичной категоріи относится, очевидно, и другое торжество оффиціознаго органа блока: по поводу отклоненія въ Гос. Совѣтѣ одной изъ поправокъ правыхъ (кажется, къ законопроекту о подоходномъ налогѣ) «Рѣчь» въ тонѣ именинника писала: «А главное — нужно отмѣтить совершенно новый тонъ. Помилуйте, г.г. Струковъ и Римскій-Корсаковъ говорятъ въ Гос. Совѣтѣ, что они не надѣются на успѣхъ предложенія правыхъ... Однако, вѣдь составъ Гос. Совѣта не измѣнился... Но существенное измѣненіе, несомнѣнно, есть и заключается въ образованіи блока, который внесъ организацію и дисциплину». ¹. Къ этому гордому заявленію прибавлять нечего, кромѣ развѣ вопроса: не та ли самая дисциплина имѣется тутъ въ виду, которая дала той же «Рѣчи» поводъ сѣтовать на недостатокъ у насъ развитія чувства «политической честности»?

Вернемся, однако, къ плодамъ тактики блока. Кромѣ «зрѣлаго», имѣются еще у блока и другіе плоды: законопроекты о «крестьянскомъ равноправіи», о «трезвости навсегда», объ отмѣнѣ административной гарантіи. Но все это, увы! — плоды еще не созрѣвшіе. Созрѣютъ ли они, при нашихъ, такъ сказать, климатическихъ условіяхъ? Вѣдь, кромѣ Гос. Думы, у насъ имѣется еще два фактора законодательной дѣятельности. Правда, изъ нихъ одинъ — верхняя палата — имѣетъ группу, соприкасающуюся съ Думскимъ блокомъ. Но, если даже

¹ «Рѣчь», 6. III. 1916 г.

всю ее считать «дисциплинированную» благодаря дѣятельности блока и ни капельки не страдающей недостаткомъ «политической честности», то все же остается фактъ, черезъ который пока что никакъ нельзя перескочить: перевѣсъ большинства въ Гос. Совѣтъ всегда можетъ быть созданъ голосами министровъ.

И вотъ въ отношеніи одного изъ несозрѣвшихъ плодовъ министерские круги уже заявили, что ему никогда не созрѣть: какъ извѣстно, совѣщаніе высшихъ чиновъ у товарища министра, гр. Бобринскаго, уже рѣшило, что принятый Думою законопроектъ о «крестьянскомъ равноправіи» для правительства неприемлемъ. Что касается другого незрѣлаго плода — отмены административныхъ гарантій для чиновниковъ, — то верхняя палата его уже успѣла основательно заморозить, и тому, что культивировала Дума, очевидно, тоже не созрѣть. Какъ извѣстно, Гос. Совѣтъ устранилъ изъ законопроекта примѣненіе суда присяжныхъ, замѣнивъ его короннымъ судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей, т. е. отменилъ отмену административной гарантіи. Таковы перспективы дальнѣйшаго созрѣванія плодовъ тактики блока...

Едва ли стоитъ говорить о самомъ содержаніи и значеніи этихъ плодовъ. И не потому только, что законы, даже хорошие, даже принятые всѣми инстанціями, не имѣютъ почти никакой цѣны, если не созданы тѣ общія политическія условія, которыя бы гарантировали реальную силу и прочность этихъ законовъ. Помимо этого общаго условія, — велика-ли цѣнность, напримѣръ, такъ называемаго законопроекта о «крестьянскомъ равноправіи»?

Какъ извѣстно, дѣйствительнаго уравнианія крестьянства въ правахъ съ болѣе привилегированнымъ населеніемъ этотъ законопроектъ не создаетъ. Да и то небольшое и весьма скромное, что содержитъ этотъ проектъ, — формальное право на государственную службу, отмена обязательнаго исключенія поступающихъ въ учебныя заведенія лицъ изъ податныхъ сословій, отмена нѣкоторыхъ наказаній по рѣшеніямъ волостного суда, право на получение безсрочныхъ паспортныхъ книжекъ, — все это уже вошло въ жизнь почти 10 лѣтъ тому назадъ, во закону 5 октября 1906 г.

При чемъ же тутъ блокъ? Ему приходилось только нѣсколько сформировать и упорядочить введенныя тогда еще мѣропріятія и наложить на нихъ свой штемпель. Если эта работа не даетъ почти ничего страннаго, въ частности крестьянству, то она, несомнѣнно, даетъ кое-что самому же блоку: онъ получилъ возможность «безъ драки попасть въ большіе забіяки» — и «прогрессивную» реформу провести (по крайней мѣрѣ, черезъ Думу), и украсить себя чужими перьями, а главное — въ самой Думѣ идти навѣрняка, опираясь на «прецедентъ» и не рискуя встрѣтить сопротивленіе даже со стороны праваго крыла.

блока. Да, вѣдь, это не законопроектъ, а находка, это дѣйствительно «ровный и спокойный шагъ»—хотя бы и не впередъ, а шагъ назадъ. Но, главное, именно *спокойный шагъ*, даже имѣющій въ виду *устранение* возможнаго безпокойства.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, скрывать отъ себя то, о чемъ сами же члены блока говорили не разъ въ Гос. Думѣ—ростъ сознанія и недовольства въ массахъ. «Подъ громъ германскихъ орудій совершается съ поразительной быстротой просвѣтленіе общественнаго сознанія»,—говорилъ 10 февраля И. Ефремовъ, — «и теперь даже въ глухихъ деревняхъ начинаютъ явно отдавать себѣ отчетъ, гдѣ причины нашей слабости,

.

Ближе подошелъ къ тому, что многихъ теперь безпокоитъ, депутатъ В. Пуришкевичъ, заявившій въ Думѣ: «Съ горечью скажу, что я не вѣрю, чтобы слѣдующій рядъ Гос. Думъ носилъ такой характеръ, какой она носитъ сейчасъ. Каковы бы ни были административныя воздействия на избирателей, мы останемся въ громадномъ меньшинствѣ... и будущая Гос. Дума получитъ характеръ *крайняго либерализма*». ¹
 Нѣсколько иначе, но къ тому же пункту подходилъ въ Гос. Совѣтѣ бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, Н. Маклаковъ, заявившій, что «мы близимся къ окончанію войны», и намъ нужно помнить о необходимости «встрѣтить всѣ неизбѣжно сопровождающія окончанія всякихъ войнъ внутреннія осложненія».

Вотъ это нарастающее чувство безпокойства, конечно, не мало смущающее кадетовъ въ ихъ мечтаніяхъ о «ровномъ и спокойномъ шагѣ», было не послѣднимъ факторомъ, побудившимъ ихъ послѣпить съ валеріановыми каплями крестьянскаго законопроекта. Рѣдко, вѣдь, представляется такая возможность, ничего не давая народу, получить поводъ претендовать на роль радѣтелей о народныхъ интересахъ. Чтѣ этотъ факторъ игралъ роль, — раскрылъ намъ въ Думѣ самый разговорчивый изъ кадетскихъ депутатовъ, Ф. Родичевъ: «Русскій крестьянинъ, который вернется назадъ, въ сознаніи принесенныхъ имъ жертвъ и пролитой крови, не согласится стать на полуправное положеніе, и если законодатель не встрѣтитъ его съ вѣнцомъ... права, оттуда поднимется голосъ съ требованіемъ его. Предупреждайте счетъ, который исторія и народъ предъявятъ къ власти, платите по немъ впередъ, онъ будетъ вамъ стоить дешевле и обойдется странѣ легче». ²

Но, даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о привходящихъ факторахъ, разсматривая балансъ блока только съ точки зрѣнія того, что добыто лѣвымъ его крыломъ цѣною сдачи своихъ позицій и прираще-

¹ «Рѣчь», 13. II. 1916 г.

² «Рѣчь», 4. VI. 1916 г.

ния роли Гос. Думы, приходится, повторяю, признать, что активъ его равенъ нулю, не только въ отношеніи главнѣйшей цѣли—смѣны власти, но и въ отношеніи практической программы.

Конечно, вѣчный именинникъ, г. Милоковъ, и его органъ никогда не сдаются. Одержавъ дѣйствительныя побѣды, торжествовать — это сумѣеть всякій. А вотъ, капитала не приобрѣтя и невинность утративши, сдѣлать мину побѣдителя,—сумѣеть не всякій. «Рѣчь» сумѣла, да еще—какъ! «Борьбу»¹ внутреннюю обычными оппозиционными средствами—говорить «Рѣчь»,—блокъ считалъ исключенной условіями военнаго времени и требованіями борьбы съ общенациональной опасностью. На этой своей позиціи онъ оказался неприступенъ для традиционныхъ ударовъ черносотенства, вообразившаго было, что имѣеть дѣло съ точнымъ повтореніемъ 1905 г. и пробовавшаго возродить къ жизни старые методы. Критика слѣва совершенно игнорируетъ эту первую побѣду блоковой тактики»². Сколько ихъ оказывается, этихъ «первыхъ побѣдъ» блока! Но, конечно, сейчасъ указанная «Рѣчью»—побѣда изъ побѣдъ. Не шуточная, въ самомъ дѣлѣ, вещь: сдѣлаться неприступнымъ для ударовъ черносотенства, свернувши свое оппозиционное знамя,—вѣдь это значитъ взять черносотенство въ плѣнь,—правда, на манеръ того солдатика, который заявилъ, что взять въ плѣнь двухъ французовъ, но тѣ его «не пуцають»...

Впрочемъ, тотъ-же неутомимый адвокатъ блока, органъ г. Милокова, найдется и тогда, когда вы его припрете къ стѣнѣ и докажете, что блокъ потерпѣлъ полный крахъ,—найдется и скажетъ вамъ, что *вы же* и виноваты: «Они (критики блока) «даютъ авансъ» прогрессивному блоку, украшая его всеми чертами симпатичнаго имъ течения, и вмѣстѣ возлагаютъ на него соответственныя ожиданія. Когда ожиданія не оправдываются, то... начинаются открытія Америкъ, давно извѣстныхъ: какъ будто вновь становятся извѣстны все эти националисты, центръ, правые октябристы,—словомъ, все вчерашняе знакомцы, уже получившіе опредѣленную общественную оцѣнку»...³.

Какъ это живо напоминаетъ анекдотъ про забѣзгаго ловкаго дѣльца, который въ провинциальномъ городишкѣ большими плакатами обѣщаль показать публикѣ двухлѣтняго младенца, читающаго газеты, и затѣмъ, когда валомъ привалившая наивная публика, видя, какъ младенецъ мнетъ въ рукахъ газетный листъ, стала возмущаться антрепренеромъ, послѣдній убѣжденнымъ тономъ возразилъ: «Чего же вы хотите отъ двухлѣтняго младенца?!»...

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не то же самое говорилъ, какъ мы видѣли, органъ Милокова о своихъ «двухлѣтнихъ младенцахъ»? И развѣ не то же онъ повторилъ и другой разъ, заявляя: «На блокъ нельзя возлагать тѣхъ надеждъ, которыхъ онъ не въ состояніи осуществить... Чтобы не

¹ Курсивъ «Рѣчи».

² «Рѣчь», 13. IV. 1916 г.

³ «Рѣчь», 10. IV. 1916 г.

разочаровываться въ блокѣ, нужно одно средство: не очаровываться имъ въ самомъ началѣ...»¹.

Впрочемъ, надо быть справедливымъ и признать, что, дѣйствительно, нашлись—правда, только въ литературѣ—представители даже марксистскаго лагеря (хотя-бы «основоположникъ» и группа, близко прилегающая къ нему въ острыхъ вопросахъ современности), которые взаправду «очаровались блокомъ въ самомъ началѣ». Они либо, вперивши зачарованный взоръ въ эпизоды давно минувшаго прошлаго, безапелляционно чертили «двѣ линіи» для ничего общаго съ этимъ прошлымъ не имѣющей современности, либо, съ похвальнымъ усердіемъ учениковъ твердя несомнѣнную истину о неоднородности буржуазнаго міра, сдѣлали изъ нея трафаретъ, который безъ дальнѣйшаго суютъ направо и налево. Поняли-ли они хоть теперь, что «очароваль» ихъ не кто иной, какъ «двухлѣтній младенецъ»? Поняли-ли они, что въ социальномъ мірѣ, въ отличіе отъ индивидуальнаго, бываютъ историческіе младенцы, которымъ не суждено изъ мальчиговъ въ рубашонкахъ стать мужчинами въ тогахъ, что эти младенцы въ состояніи вести себя, какъ взрослые, лишь въ извѣстные моменты, когда ихъ поднимаетъ на своемъ гребнѣ волна, и что тогда-то приходится слѣдить за ними зорко, чтобы невзначай не сказалась ихъ «младенческая» натура?...

* * *

Къ концу закрывшейся сессіи блокъ представлялъ картину полного разложенія. Верхняя палата, какъ ингредиентъ блока, совсѣмъ ступевалась. Да и въ нижней палатѣ силы отталкиванія внутри блока сказывались все чаще и рѣзче.

Еще на исходѣ прошлаго года, когда въ засѣданіи бюджетной комиссіи обсуждалось положеніе, созданное новой отсрочкой занятій Гос. Думы, блокъ оказался вдругъ въ меньшинствѣ,—прогрессисты голосовали противъ него. При второмъ чтеніи поправки А. Шингарева о примѣненіи права ревизіи къ частнымъ банкамъ, кадеты оказались опять въ меньшинствѣ: большинство блока, со включеніемъ и прогрессистовъ, провалило поправку, т. е. провалило одинъ изъ пунктовъ программы блока. Здѣсь блокъ въ цѣломъ занялъ ту позицію, которую въ этомъ вопросѣ раньше занялъ не весь военно-промышленный съѣздъ (второй), а его чисто *капиталистическая* часть. Соціальная природа силъ отталкиванія обнаружилась чрезвычайно рельефно.

Въ думской комиссіи о реформѣ городского положенія эти силы отталкиванія развились до того, что вопросъ объ избирательномъ правѣ для муниципалитетовъ пришлось совсѣмъ отложить. Мы уже видѣли, какъ представитель кадетовъ, М. Новиковъ, отстаивалъ, можно сказать, «тольпинское» рѣшеніе вопроса, опираясь на «прецедентъ» третьей Думы. Но и это рѣшеніе вопроса вызывало острый антагонизмъ. Въ комиссіи боролись другъ съ другомъ разные варианты, питавшіе крайній

¹ «Рѣчь», 9. IV. 1916 г.

пессимизмъ. «Въ заинтересованныхъ кругахъ доводилось уже слышать мнѣніе: лучше никакой реформы, чѣмъ та, которая зрѣетъ въ лонѣ думской комиссіи. Лучше остаться въ старыхъ условіяхъ, какъ ни мало они удовлетворяютъ. Надъ русскимъ городомъ нависаетъ серьезная угроза *регресса*, попятнаго движенія отъ идеала демократизаціи.»¹ И неудивительно, ибо одинъ вариантъ воскрешалъ не больше, не меньше, какъ пресловутую прусскую систему трехъ избирательныхъ курій. И даже совѣщаніе нынѣшнихъ цензовыхъ городскихъ головъ (въ Москвѣ) сочло нужнымъ отвергнуть регрессивныя тенденціи думской комиссіи.

Передъ самымъ роспускомъ Думы, когда правые крестьяне предложили ограниченіе рѣчей ораторовъ, чтобъ поддержать планъ правыхъ о постановкѣ на очередь вопроса о «нѣмецкомъ засильѣ», блокъ опять провалился, оказавшись въ меньшинствѣ. Опять противъ большинства блока голосовали прогрессисты, что вызвало крайнее недовольство въ его рядахъ. Борьба внутри блока обострялась, и В. Шульгинъ въ интервью съ сотрудниками газетъ счелъ нужнымъ увѣрить ихъ, что «въ блокѣ *растетъ* (!) сознаніе, что внутри его никто другъ друга не обманетъ»...² Какое краснорѣчивое утѣшеніе!

Дошло, наконецъ, до того, что на засѣданіяхъ фракціи прогрессистовъ доказывалось, что «блокъ не выполнилъ намѣченной имъ законодательной программы и не добивается осуществленія министерства общественнаго довѣрія и потому блокъ нужно взорвать». Въ результатѣ преній фракція «постановила *пока* изъ состава блока не выходить, отложивъ окончательное рѣшеніе вопроса о своемъ отношеніи къ блоку до осенней сессіи»...³

Неизвѣстно, до чего еще дошло-бы это состояніе маразма и конфуза, если-бы блоку не оказало *большой услуги* правительство, распустивъ Думу. Конфузъ чувствовался въ самомъ блокѣ настолько остро, что его члены въ совѣтѣ старѣйшинъ *первые* заговорили о необходимости роспуска Думы. Гр. Капнистъ признавалъ нужнымъ закончить сессію въ июнѣ, тѣмъ болѣе, что «провести въ эту сессію городскую реформу врядъ-ли осуществимо, такъ какъ разногласія по поводу нея до сихъ не устраниены». Такой видный представитель блока, какъ И. Годневъ, «находилъ безцѣльнымъ засѣдать послѣ іюня, такъ какъ, во-первыхъ, не будетъ кворума, а во-вторыхъ, Гос. Совѣтъ все равно не пропуститъ ничего изъ того, что проводится Гос. Думой».⁴

И если Б. В. Штюмеръ довольно быстро избавилъ блокъ отъ дальнѣйшаго демонстрированія безнадежности и безсилія «двухлѣтняго младенца», то конфузное состояніе блока ярко зафиксировалъ А. Керенскій, который въ томъ же засѣданіи старѣйшинъ на приведенныя

¹ «Рѣчь», 17, V. 1916 г.

² «День», 7. IV. 1916 г.

³ «Рѣчь», 21. VI. 1916 г.

⁴ «Рѣчь», 6, VI. 1916 г.

слова И. Годнева, замѣтилъ, что не понимаетъ, какъ могутъ члены прогрессивнаго блока серьезно говорить о скорѣйшемъ роспускѣ Гос. Думы, когда самъ прогрессивный блокъ неоднократно указывалъ, что скорѣйшее проведение намѣченной имъ программы необходимо для организаціи побѣды. Роспускъ Гос. Думы по ея собственному желанію только ее скомпрометируетъ. При И. Л. Горемыкинѣ все время указывалось на то, что правительство препятствуетъ работѣ Гос. Думы. Теперь правительство на словахъ какъ будто не мѣшаетъ засѣдать Гос. Думѣ. Между тѣмъ представители думскаго большинства предлагаютъ закончить сессию въ июнѣ».¹

Эти замѣчанія А. Керенскаго заключаютъ больше содержанія, чѣмъ онъ самъ, быть можетъ, въ нихъ вкладывалъ. Да, кадеты и другіе элементы создали блокъ для «организаціи побѣды», и не только ихъ коренное требованіе—реорганизація власти,—но и ихъ практическая программа выставлялись, какъ непремѣнное предварительное условіе, безъ котораго организація побѣды невозможна. Таковъ же былъ тезисъ и *всей* общественной мобилизаціи, начавшейся съ годъ тому назадъ.

Что такая мобилизація общественности зачалась, какъ слѣдствіе внѣшнихъ неудачъ, это неудивительно. Что она себя съ ними намѣренно связала, ими только себя обосновывала—въ этомъ корень всего ея фатальнаго безсилія. Поскольку блокъ и всѣ мобилизовавшіеся общественные элементы рассчитывали, не рѣшая коренной внутренней проблемы, обходя эту проблему, попутно овладѣть политическими позиціями,—они не могли имѣть успѣха. Поскольку они поспѣшили, хотя бы въ своихъ видахъ, на поддержку стараго,—они задумали, что называется, изгонять чорта при помощи Вельзевула. Весь крахъ пережитой мобилизаціонной полосы есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, крахъ *всей* военной мобилизаціи общественности. Ибо подлинная сила общественности не на такомъ фундаментѣ строится, не такими путями утверждается.

1 «Рѣчь», тамъ же.

* * *

Не блещетъ славой повѣсть о парламентскомъ блокѣ умѣренной оппозиціи съ умѣренной реакціей. Пивдары нашего либерализма не преминуть по поводу этой характеристики говорить о третьихъ радующихся. Мы къ ихъ числу не принадлежимъ. Радоваться органической драблости нашего либерализма не приходится. Но затушевывать этотъ фактъ приходится еще меньше.

Да еще вопросъ, гдѣ надо искать дѣйствительно радующагося— внѣ блока или внутри его. Мы, конечно, ничего утверждать не можемъ; но *если-бы* гг. Бобринскіе, Шульгины и Савенко построили планъ совсѣмъ приручить гг. Милюковыхъ и Шингаревыхъ, а при ихъ помощи заткнуть ротъ «неотвѣтственной» оппозиціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, парализовать у Гос. Думы ея функцию открытой арены всенародной борьбы политическихъ силъ и интересовъ, — развѣ они могли бы придумать лучший планъ, чѣмъ инсценировка такого «прогрессивнаго» блока? Остается сожалѣть, что сотрудникъ «Дня» не повѣдалъ намъ, какое выраженіе было на лицѣ В. Шульгина, когда онъ увѣрялъ этого сотрудника, что въ блокѣ «растетъ» сознание, «что внутри его никто друга друга не обманываетъ»...

Эти вопросы тѣмъ умѣстнѣе, что въ предѣлахъ партій, вошедшихъ въ блокъ, политическій реализмъ растетъ прямо пропорціонально разстоянію этихъ партій отъ кадетовъ. И еще большее чутье реального нерѣдко обнаруживаетъ подлинно реакціонная среда.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, съ какой реалистической откровенностью охарактеризовалъ положеніе г. Марковъ II еще передъ началомъ февральской сессіи. «Блокъ,—говорилъ онъ,—насчитываетъ около 300 депутатовъ, т. е. почти вдвое многочисленнѣе насъ, правыхъ и русскихъ националистовъ. Чего хочетъ блокъ? Онъ говоритъ о министерствѣ довѣрія; но вѣдь это только замаскированное отвѣтственное министерство. Значитъ, — улыбаясь, заключилъ Н. Е. Марковъ, — вопросъ идетъ о захватѣ власти. Но кто-же добровольно уступить ее? Вѣдь для этого нужна сила, а какая-же сила имѣется у парламентарскаго блока?...»¹ И далѣе, тотъ же Н. Марковъ: «Правыхъ не пугаетъ прогрессивный блокъ, потому что настоящая сила только у лѣвыхъ—трудовиковъ и социаль-демократовъ, являющихся представителями рабочаго класса, дѣйствительно обладающаго крупной силой». И, чтобы дать законченную реалистическую характеристику, Марковъ II добавилъ: «Лозунгъ министерства общественнаго довѣрія неосуществимъ потому, что осуществленія такого рода лозунговъ можно добиваться только дѣлами, а не словами».

Но, повторяю, это реалистическое чутье имѣется и у нѣкоторыхъ вошедшихъ въ блокъ партій—тѣхъ самыхъ, относительно которыхъ В. Шульгинъ увѣрялъ, что у нихъ «растетъ» сознание, что они не

¹ «Рѣчь», 9, II. 1916 г.

обмануть другихъ... Вотъ, на примѣръ, какъ высказывался тогда-же представитель центра, депутатъ В. Басаковъ: требуемое блокомъ правительство изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны—«вѣдь это есть все, что нужно и что является задачей борьбы. Самое-же требованіе безъ соответствующихъ реальныхъ шаговъ наивно. Программа блока имѣла-бы смыслъ, если-бъ она опиралась на какую-нибудь опредѣленную силу. Поскольку Дума будетъ опираться на элементы, вѣчно колеблющіеся, всѣ постановленія ея будутъ безплодны. При осуществленіи своихъ требованій Гос. Дума или парламентскій блокъ могутъ опираться на двѣ силы: или на правительство, или на демократію»...¹

Если перейти къ нашимъ утопистамъ безъ утопій, т. е. къ либеральной оппозиціи,—контрастъ не можетъ не быть разительнымъ. Этой оппозиціи не дано было до сихъ поръ постигнуть ту истину, что, съ ея же точки зрѣнія, задачей Гос. Думы должно бы быть всяческое содѣйствіе организациі народныхъ силъ. Тѣмъ болѣе къ этой задачѣ нагнуть сердца остальныхъ участниковъ блока.

И ужъ, конечно, не *современныя* событія составляютъ благоприятную обстановку для перевоспитанія нашей либеральной общественности. Въ ея нѣдрахъ слишкомъ много почвы для питанія империалистическихъ вождельнѣй. По этому одному уже неизбежно было нашей общественной мобилизациі уцѣлиться за тотъ исходный пунктъ, о которомъ рѣчь шла выше.

Отсюда та быстрота, съ которой пережила себя вся прошедшая передъ нами мобилизационная полоса.

А. Ермаковъ.

Н А Ш А В А Л Ю Т А .

I.

Эмиссионное право Гос. банка продолжаетъ эволюціонировать въ томъ направленіи, которое было намѣчено закономъ 23 іюля 1914 г., когда «временно впредъ до минованія чрезвычайныхъ обстоятельствъ» было приостановленъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, т. е. отмѣнена ст. 2 разд. 3 кредитнаго устава² и тогда же расширено эмиссионное право Гос. банка на 1.200 милл. руб. Тѣмъ же закономъ на Гос. банкъ была возложена и новая обязанность, не указанная въ ст. 1 устава Гос. банка, а именно, банку «предоставлено» учитывать краткосрочныя обязательства Гос. казначейства въ «размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени», т. е., иными словами, снабжать казну необходимыми для военныхъ расходовъ средствами, поскольку послѣднія не получались

¹ «День», 7. II. 1916 г.

² Сводъ Законовъ, т. XI, ч. II.

изъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала войны правительство вступило на старый, неоднократно уже испытанный путь покрытія военныхъ расходовъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Слѣдовательно, по закону 23 іюля 1914 г., Гос. банкъ помимо 600 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, покрытыхъ на 50%, имѣлъ право выпустить еще 1.200 милл. совершенно не покрытыхъ золотомъ, т. е. при наличности 300 милл. руб. покрытія выпускъ кредитныхъ билетовъ равнялся 1.800 милл. руб.

Затѣмъ, закономъ 17 марта 1915 г. эмиссионное право Гос. банка было вновь расширено на 1.000 милл. руб. слѣдовательно, при покрытіи золотомъ въ 300 милл. руб. банкъ могъ выпустить кредитныхъ билетовъ на 2.800 милл. руб. Далѣе, въ июльскую сессию 1915 г. Гос. Думы эмиссионное право было увеличено еще на 1.000 милл. руб. Такимъ образомъ, при 300 милл. покрытія могло быть выпущено 3.800 милл. руб., или, иными словами, при выпускѣ 3.800 милл. руб. покрытіе по закону должно было составлять 7,9%.

Наконецъ, въ послѣднее время сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи. Въ засѣданіи 17 іюня Гос. Думою былъ рассмотрѣнъ и принятъ законопроектъ объ увеличеніи эмиссионнаго права Гос. банка на 2.000 милл. руб. Такимъ образомъ, эмиссионное право за время войны возросло на огромную сумму въ 5.200 милл. руб. Впрочемъ, законопроектъ, принятый Гос. Думой, къ счастью для нашей валюты, не совсѣмъ соответствовалъ тому, чего хотѣлъ министръ финансовъ. Согласно внесенному имъ проекту, предполагалось увеличивать эмиссию по его усмотрѣнію, причемъ въ качествѣ обезпеченія должны были служить краткосрочныя обязательства Гос. казначейства, краткосрочность которыхъ, кстати сказать, довольно сомнительна, такъ какъ при истеченіи срока они просто замѣняются новыми, т. е. продѣлывается операція, весьма схожая съ переписываніемъ векселей. Слѣдовательно, предполагалось не что иное, какъ безграничное расширеніе выпуска бумажныхъ денегъ, обезпеченныхъ бумажнымъ же покрытіемъ. Принятіе такого законопроекта неминуемо должно было совершенно дискредитировать нашу валюту, положеніе которой, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, и въ настоящее время далеко не блестяще. Мотивировано было желаніе министра финансовъ получить право распоряжаться по усмотрѣнію выпускомъ бумажныхъ денегъ тѣмъ, что онъ считалъ неудобнымъ каждый разъ обращаться за разрѣшеніемъ увеличить эмиссию къ законодательнымъ учрежденіямъ, т. е., просто желаніемъ избавиться отъ контроля Г. Думы, хотя и весьма ограниченнаго, при существованіи 87 ст. осн. законовъ. Что освобожденіе отъ контроля Гос. Думы для министра финансовъ было бы весьма удобно—внѣ сомнѣнія, но внѣ сомнѣнія также и то, что если бы Гос. Дума исполнила его желаніе, то положеніе нашей валюты стало бы весьма опаснымъ, если не безнадежнымъ, и возможно, что мы пережили бы такое обезцѣненіе рубля, передъ которымъ пониженіе стоимости его

послѣ русско-турецкой войны до 61,72 метал. коп. (въ 1883 г.) показались бы сушимъ пустякомъ.

Но новый законопроектъ Государственной Думы не только просто расширяетъ эмиссионное право Гос. банка, но и значительно мѣняетъ всю структуру нашего эмиссионнаго закона. А именно, размѣнный золотой фондъ Гос. банка опредѣленъ въ размѣръ не менѣе 1.500 милл. руб. Фондъ этотъ является неприкосновеннымъ, не можетъ употребляться ни на какіе расходы и операціи и не долженъ вывозиться за границу. Это постановленіе Гос. Думы устанавливаетъ совершенно новый принципъ обезпеченія эмиссіи. До сихъ поръ существовали двѣ системы эмиссионнаго права. Либо величина эмиссіи опредѣлялась какой-либо максимальной суммой, и обезпеченіе ея золотымъ резервомъ предоставлялось на усмотрѣніе эмиссионнаго банка, либо же эмиссія ставилась въ зависимость отъ размѣннаго фонда, который долженъ былъ покрывать опредѣленный процентъ выпущенныхъ банкнотъ. Первая система принята французскимъ банкомъ, вторая, съ различными видоизмѣненіями, остающимися, однако, основной принципъ неприкосновеннымъ,—большинствомъ европейскихъ эмиссионныхъ банковъ. Установленіе же абсолютной высоты размѣннаго фонда или, вѣрнѣе,—такъ какъ размѣна въ настоящее время нѣтъ,—фонда обезпеченія, до сихъ поръ было совершенно неизвѣстно и является нововведеніемъ и притомъ врядъ ли особенно удачнымъ. Совершенно ясно, что возможность или невозможность открытія размѣна опредѣляется не абсолютной высотой размѣннаго фонда, а соотношеніемъ между размѣнными фондами и высотой эмиссіи. Впрочемъ, поскольку это постановленіе имѣетъ цѣлью оградить золотой резервъ Гос. банка отъ всякаго рода покушеній со стороны министерства финансовъ, постольку онъ является вполне цѣлесообразнымъ; но этимъ его значеніе и исчерпывается. Но какъ основа, на которой можетъ быть построенъ эмиссионный законъ, онъ, повторяемъ, является непригоднымъ.

Этимъ же законопроектомъ, какъ мы уже указывали, увеличивается эмиссионное право Гос. банка на 2.000 милл. руб.

Наконецъ, отклонено предположеніе министерства финансовъ объ обезпеченіи выпуска бумажныхъ денегъ краткосрочными свидѣтельствами Гос. казначейства. Данное постановленіе Гос. Думы является вполне рациональнымъ, такъ какъ по проекту министра финансовъ бумажныя деньги должны были быть обезпечены бумажнымъ же покрытіемъ, т. е. выпускаться совершенно безъ всякаго обезпеченія, а это, несомнѣнно, должно было бы способствовать укрѣпленію у насъ бумажной валюты на весьма продолжительное время. Таковы основныя положенія новаго эмиссионнаго закона. Но для оцѣнки положенія нашей валюты этого еще недостаточно, а необходимо также ознакомиться съ цифровыми данными балансовъ Гос. банка, касающимися высоты выпуска бумажныхъ денегъ и состоянія золотого фонда. Мы беремъ среднія арифметическія за мѣсяцъ, исчисленныя на основаніи ежедневныхъ балансовъ банка,

и процентное отношение металлическаго покрытия къ выпущеннымъ кредитнымъ билетамъ:

Движение счетовъ Гос. банка по выпуску бумажныхъ денегъ (въ милл. руб.).

МѢСЯЦЫ.	Золото.	Золото за границей.	Краткосрочныя обязательства Гос. Казначейства.	Кредитные билеты.	Процентное отношение золота къ кред. бил.
1915 г.					
Сентябрь	1.589,98	37,94	2.444,52	4.516,24	35,21
Октябрь	1.598,18	36,39	3.628,25	4.987,11	32,04
Ноябрь	1.606,19	180,13	3.329,23	5.134,59	31,28
Декабрь	1.609,56	306,87	3.263,69	5.314,57	30,28
1916 г.					
Январь	1.616,17	719,10	3.303,51	5.621,82	28,75
Февраль	1.620,54	780,67	3.676,76	5.790,38	27,98
Мартъ	1.624,62	970,11	3.856,52	5.946,83	27,32
Апрѣль	1.628,42	1.181,21	3.749,27	6.185,96	26,32
Май	1.585,45	1.339,30	3.593,81	6.275,05	25,26
Июнь	1.539,86	1.564,81	3.762,94	6.441,55	23,91

Ко всемъ сообщеннымъ фактамъ остается еще добавить, что согласно Высочайшему указу 1 июня разрѣшается произвести новые выпуски краткосрочныхъ обязательствъ Гос. казначейства на сумму до 3.000 милл. руб., съ тѣмъ чтобы общая сумма ихъ не превышала бы 9.000 милл. руб.

Переходимъ къ разсмотрѣнiю современнаго положенiя нашей валюты на основанiи изложенныхъ фактовъ.

II.

Обратимся прежде всего къ цифровымъ даннымъ. Золотой запасъ возрастаетъ, хотя и весьма медленно, до мая мѣсяца, въ май же замѣчается рѣзкое сокращенiе его, такъ что онъ стоитъ въ настоящее время ниже, чѣмъ въ сентябрѣ пр. г. Этимъ пониженiемъ и объясняется принятое Гос. Думою постановленiе относительно неприкосновеннаго фонда въ 1.500 милл. руб. Въ данномъ случаѣ министерство финансовъ поступило, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно, растрачивая золотой фондъ, размѣръ котораго по отношенiю къ выпущеннымъ кредитнымъ билетамъ и такъ весьма незначителенъ и, какъ мы видимъ изъ таблицы, непрерывно понижается. Золото за границей, возросшее до небывалой высоты, а именно до 1.339,30 милл. р., въ покрытие имъ въ какомъ случаѣ зачислено быть не можетъ, такъ какъ оно получено въ счетъ займа. За-

ключеннаго въ союзныхъ странахъ. Между тѣмъ, Гос. банкъ это, по видимому, дѣлаетъ, такъ какъ въ маѣ, т. е. до разсмотрѣнія новаго эмиссионнаго закона, имъ выпущено въ среднемъ кред. билетовъ на 6.275, милл. р., тогда какъ, согласно точному смыслу дѣйствовавшего въ то время эмиссионнаго закона, могло быть выпущено только 5.085,45 милл. р., а именно 3.800 милл. руб. при покрытїи въ 300 милл. руб. и 1.285,45 милл. руб., покрытыхъ полностью. Слѣдовательно, 189,60 милл. руб. имъ выпущено либо вопреки закону, либо подъ обезпеченіе золотомъ за границей, не принадлежащимъ Гос. банку, а полученнымъ въ счетъ займа, т. е. продѣлана операція совершенно недопустимая. Итакъ, мы видимъ, что политика министерства финансовъ по отношенію къ валютѣ является весьма странною. Съ одной стороны, растрачивается золотой запасъ, съ другой—выпускаются свыше установленной нормы кредитные билеты, словомъ, какъ будто нарочно окончательно подрывается и безъ того уже сильно пошатнувшееся довѣріе къ валютѣ, и это продѣлывается не смотря на то, что только недавно закончена реализація займа въ 2.000 м. руб. На что идутъ отчасти выпуски бумажныхъ денегъ, станетъ понятнымъ, если обратить вниманіе на пожеланіе комиссіи, разсматривавшей законопроектъ о расширеніи эмиссионнаго права. Гос. Банка, относительно болѣе осмотрительнаго расходованія денегъ военнаго фонда безъ обращенія средствъ изъ этого фонда на мѣропрїятія, *не имѣющія ничего общаго съ военными нуждами*. Здѣсь мы видимъ опять повтореніе старой исторїи. Вначалѣ бумажныя деньги выпускаются для покрытїя военныхъ расходовъ. Но такъ какъ покрытїе всякихъ расходовъ весьма удобно производить путемъ усиленія производительности печатныхъ станковъ экспедиціи заготовленія гос. бумагъ и такъ какъ въ бюджетѣ имѣются довольно крупныя прорѣхи, то министерство финансовъ и прибѣгаетъ къ этому старому способу исправленія бюджета. Вся бѣда въ томъ, что забывается только одно также весьма старое положеніе, а именно—что чрезмѣрные выпуски бумажныхъ денегъ неизбѣжно ведутъ къ ихъ обезцѣненію, и что это обезцѣненіе крайне тяжело отражается какъ на народномъ хозяйствѣ, такъ и на благосостояніи различныхъ классовъ населенія. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на доказательствахъ выставленнаго положенія, такъ какъ оно давно уже неопровержимо доказано опытомъ. Что наша валюта значительно обезцѣнена—также врядъ ли нужно доказывать. Въдѣ не даромъ министерствомъ финансовъ установлена премія на золото въ размѣрѣ 30%¹.

* «Т.-Пром. Г.» № 262. 1915 г.

Каково же влияние обезцѣнивающейся валюты на народное хозяйство?

Главная отрасль нашего народного хозяйства переживаетъ въ настоящее время чрезвычайно тяжелый, затяжной кризисъ и, несомнѣнно, понадобится много лѣтъ на то, чтобы возстановить нормальный порядокъ. Слѣдовательно, на избавленіе отъ обезцѣненной бумажной валюты путемъ развитія производительныхъ силъ рассчитывать не приходится. Остаются два другихъ пути, а именно: или 1) извлечение излишне выпущенныхъ бумажныхъ денегъ при помощи займа, т. е. консолидація текущаго долга, чѣмъ, въ сущности, является выпускъ бумажныхъ денегъ, или же 2) фиксація курса рубля на новомъ уровнѣ и сокращеніе этимъ путемъ количества бумажныхъ денегъ, т. е. девальвація. На первый изъ намѣченныхъ путей врядъ ли будетъ возможно вступить. Война создала уже огромную задолженность, которая по мѣрѣ ея продолженія еще будетъ возрастать. Внутренние и внѣшние займы составляютъ въ настоящее время около 20.000 милл. руб. Слѣдовательно, возможность провести по окончаніи войны заемъ для возстановленія курса валюты является очень сомнительной. Такимъ образомъ, остается только другой путь, а именно—девальвація. Когда и въ какихъ размѣрахъ она будетъ произведена—сказать сейчасъ невозможно, но что она неизбежна—это можно смѣло утверждать.

Таково въ данное время положеніе нашей валюты. Конечно, невозможно было избѣжать совершенно выпуска бумажныхъ денегъ, но слѣдовало проявлять величайшую осторожность и сдержанность при пользованіи этимъ ресурсомъ.

Но не только съ народно-хозяйственной точки зрѣнія обезцѣнивающаяся валюта является нежелательной, а также и съ точки зрѣнія отдѣльныхъ классовъ. Въ самомъ дѣлѣ, для промышленныхъ предпринимателей она является невыгодной, такъ какъ ведетъ къ сильному росту цѣнъ на сырье, а также и къ паденію прибыли, исчисляемой въ падающихъ въ цѣнѣ денежныхъ единицахъ. Далѣе обезцѣненіе валюты чрезъ

вычайно тяжело отражается на классах, получающих фиксированный доход, а так же и на рабочих. В последнем случае происходит повышение номинальной платы при падении реальной. Наконец, обезценіе валюты является одной из весьма важных причинъ дороговизны, которая приняла въ последнее время совершенно невѣроятные размѣры. Конечно, тутъ вліяютъ и другіе факторы, на разсмотрѣніи которыхъ мы сейчасъ не будемъ останавливаться.

Только одному классу обезценіе валюты выгодно, а именно—классу крупныхъ землевладѣльцевъ, являющемуся наиболее задолженнымъ классомъ современнаго общества. Въ видѣ примѣра можно указать на то, что борьба за биметаллизмъ велась въ свое время именно представителями аграріевъ, такъ какъ послѣдніе видѣли въ установлении двойной валюты средство обезценіа денегъ. Въ Германии въ 70-хъ и 80-хъ годахъ наиболее яркимъ сторонникомъ биметаллизма являлся известный Арендтъ, принадлежавшій къ аграрной партіи. Далѣе въ Америкѣ шумная агитація велась главнымъ образомъ представителями западныхъ штатовъ, гдѣ преобладало крупное землевладѣніе.

Итакъ, мы видимъ, что какъ для огромнаго большинства общественныхъ классовъ, такъ и для всего народнаго хозяйства колеблющаяся бумажная валюта является крупнымъ зломъ.

Единственная возможность избавиться отъ бумажной валюты—это возобновленіе размѣна. Къ сожалѣнію, въ настоящее время мечтать о своемъ возобновленіи размѣна не приходится.

Г. Зеземанъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИРЛАНДСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

1. «Король Эдуардъ VIII».

Мнѣ вспоминается одинъ изъ митинговъ въ Гайдъ-Паркъ весной 1914 года.

Зеленый лугъ парка залитъ народомъ. Толпа нарядна и празднична, у большинства въ петлицахъ трехцвѣтная кокарда национальныхъ цвѣтовъ, маленький флажокъ и бутоньерка живыхъ блѣдно-желтыхъ подсыбаниковъ, — эмблема консерваторовъ. Толпа собралась на митингъ, особенно около той, гдѣ говоритъ эксъ-премьеръ Бальфуръ и «король возможнаго ольстерскаго возстанія».

Вокругъ 14-ти серпомъ расположенныхъ платформъ — давка, особенно около той, гдѣ говоритъ эксъ-премьеръ Бальфуръ и «король Ольстера» — сэръ Эдуардъ Карсонъ.

Вотъ «король Эдуардъ VIII», какъ его называютъ газеты, всходитъ на платформу, и вдругомъ раздаются приветственные крики и оваціи. Тысячи рукъ махаютъ шляпами и маленькими национальными флажками, — bravo, bravo, сэръ Эдуардъ! Пить, пить, ура-а!

Когда, наконецъ, овація стихаетъ, Карсонъ подымаетъ худую руку, сжатую въ кулакъ, и начинаетъ, поглядывая на записку, читать свою рѣчь.

Сэру Карсону только что минуло 60 лѣтъ, но, какъ и большинство англичанъ этого возраста, онъ совершенно бодръ и жизнеспособенъ. И среди его черныхъ гладко пригладженныхъ волосъ почти не найдется сѣдины. На узкомъ длинномъ лошадиномъ лицѣ, съ большимъ откинутымъ назадъ лбомъ, острые глаза глядятъ умно, холодно и чуть-чуть лукаво. Вся жизнь сэра Карсона прошла въ судѣ — за попитромъ адвоката, на креслѣ генераль-солиситора Ирландіи. Онъ — искушенный опытомъ юристъ, хорошо изучившій всѣ лазейки закона и всѣ спасительныя траншеи судебныхъ прецедентовъ.

«Правительство задумало безумный планъ шопрать свободу лояльнаго и богобоязненнаго населенія Ольстера, — говоритъ Карсонъ. — Оно воображаетъ, что мы — рабы, которыхъ можно передавать изъ рукъ одного хозяина въ руки другого. Оно глубоко ошибается. Мы будемъ бороться до конца».

Этотъ вспомнившійся мнѣ митингъ былъ однимъ изъ эпизодовъ ольстерской кампаніи английскихъ консерваторовъ, желавшихъ похоронить гомруль и свергнуть либеральное министерство. Ольстерское движеніе и его вдохновитель, реакционнѣйшій, энергичнѣйшій членъ консер-

вативной партии, Карсонъ, явились косвенными вдохновителями и виновниками событий, повлекшихъ за собой кровавое возстаніе въ апрѣлѣ 1916 года.

Какъ только либеральное министерство внесло билль о гомрулѣ, консерваторы выступили съ энергичной оппозиціей. Застрѣльщикомъ былъ сэръ Карсонъ, главными опорными силами — жители сѣверо-ирландской провинціи — Ольстера. Что такое эта сѣверная провинція? Въ ней живетъ много выходцевъ изъ Англии, въ ней около половины населенія — протестанты и половина депутатовъ — антигомрулеры. Она самая богатая промышленная часть Ирландіи. Ея главный городъ Бельфасть — крупнѣйшій портъ острова. Это — страна въ странѣ, опорный пунктъ англійской политики, цитадель консерватизма.

Лозунгъ, выдвинутый Карсономъ, гласилъ: мы не хотимъ гомруля. Если вы все-таки введете его, то мы потребуемъ выдѣленія Ольстера изъ дѣйствія закона.

Борьба консерваторовъ противъ гомруля была бы съ перваго момента обречена на неудачу, если бы оставалась въ сферѣ конституціонныхъ методовъ. Либеральный кабинетъ имѣлъ большинство въ 110 голосовъ и не было никакихъ надеждъ на расколъ въ средѣ правительственнаго большинства вродѣ знаменитаго раскола 1886 года, похоронившаго первый билль о самоуправленіи Ирландіи. Не могла повториться и исторія второго билля 1893 года, проваленнаго лордами, такъ какъ новый парламентскій актъ лишилъ Верхнюю Палату ея былой власти.

И передъ лицомъ этихъ перспективъ англійскіе консерваторы избрали революціонный путь — они заявили устами своихъ ольстерскихъ приверженцевъ, что будутъ сопротивляться гомрулю съ оружіемъ въ рукахъ. Подготовка вооруженной борьбы началась въ театральной и напыщенной обстановкѣ. Ольстерскіе волонтеры парадировали съ тростями, вмѣсто ружей, и съ деревянными пушками.

Потомъ дѣло пошло серьезнѣе. Въ 1913 году только изъ одного Бирмингэма въ Ирландію было доставлено около 40.000 ружей. Весной 1914 года у сѣвернаго берега Ирландіи, пользуясь темной ночью, появилось судно съ нѣсколькими десятками тысячъ ружей, привезенныхъ изъ Германіи. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ оружіе было выгружено и развезено по странѣ на автомобиляхъ.

Въ это время численность ольстерскихъ волонтеровъ достигала 50—60 тысячъ. Совершенно открыто производилось военное обученіе, развѣдки, парады. Нѣсколько дней продолжались маневры, изображавшіе борьбу между ольстерскимъ временнымъ правительствомъ и ирландскимъ національнымъ правительствомъ, пославшимъ на Ольстеръ армию въ 20 тысячъ человекъ.

Ольстеръ заблаговременно выбралъ не только свое временное правительство, но и разработалъ подробный планъ военныхъ операций. Армія Карсона была не только обучена и вооружена, но и имѣла спе-

циальные транспортные и автомобильные отряды, перевозчиковъ де-
шесть, телеграфныя роты, санитарные отряды и т. д.

Что же дѣлало либеральное правительство, видя эту открытую под-
готовку къ вооруженному сопротивленію? Оно не принимало никакихъ
мѣръ. Больше того, когда офицеры англійскихъ войскъ, расположен-
ныхъ въ Ирландіи, открыто заявили, что они не пойдутъ противъ оль-
стерцевъ, и когда это заявленіе встрѣтило поддержку даже въ высо-
кихъ военныхъ кругахъ, правительство не нашло въ себѣ мужества рѣ-
шительно настоять на принципѣ верховенства парламента надъ арміей.

Въ то время, какъ чрезвычайно скромный проектъ о гомрулѣ мед-
ленно проходилъ парламентскія ступени три раза подъ рядъ, на сѣверѣ
Ирландіи создавалась вооруженная сила, опредѣленно заявлявшая о
томъ, что она не признаетъ парламентскаго закона и будетъ рѣшать
участь Ирландіи путемъ вооруженной борьбы. Было ясно, что консерва-
тивные элементы Ирландіи не встрѣтятъ никакого серьезнаго отпора со
стороны правительства. Конституционная борьба въ конституціоннѣй-
шей странѣ Европы еще передъ войной превращалась въ борьбу револю-
ционную.

Какъ же реагировала Ирландія на ту угрозу возстанія, которая
громкогласно раздавалась въ Ольстерѣ и разносилась по всему свѣту при
посредствѣ консервативной англійской печати?

2. Ирландскіе волонтеры.

Вызову, брошенному Ольстеромъ и подкрѣпленному отказомъ офи-
церства идти противъ отрядовъ сэра Карсона, Ирландія дала и могла
дать только одинъ логическій отвѣтъ — она стала сама вооружаться.
Что было дѣлать ей, разъ передъ ней стояло сплоченное и вооруженное
консервативное меньшинство, открыто проповѣдывавшее борьбу противъ
актовъ парламента, скрѣпленныхъ королевскою подписью, и при этомъ
встрѣтившее поддержку у защитницы конституціи — арміи.

Ольстерское движеніе и нерѣшительность кабинета Асквита по
отношенію къ нему — снова въ острой формѣ подняли въ Ирландіи
вопросъ о «физической и моральной силѣ». Парламентская партія Ред-
монта (часто ошибочно считающаяся представительницей большинства
ирландскаго населенія) много лѣтъ олдѣвала тактикѣ Парнелля въ ея
стригательныхъ формахъ. Путемъ соглашеній съ либералами она ду-
мала добиться гомруля и всѣми мѣрами боролась съ массовымъ, револю-
ціоннымъ движеніемъ. Но, о, иронія! — когда цѣль казалась уже близ-
кой, стало яснымъ, что только революціонныя мѣры смогутъ разрѣшить
затянувшійся процессъ.

Первый толчекъ движенію ирландскихъ волонтеровъ далъ профес-
соръ Макъ-Ниль, извѣстный знатокъ древне-ирландскаго языка. Въ
концѣ 1913 года появились первые отряды ирландскихъ волонтеровъ.
Вотъ какъ мотивировали организаторы притины и задачи самовооруже-
женія:

«Одна из главенствующих политических партий Англии в лице её лидеров выработала и одобрила проект вооруженной борьбы, и угрозу вооруженным насилем рѣшила сдѣлать факторомъ, опредѣляющимъ будущія отношенія между Ирландией и Великобританіей. Подчиниться этому готовящемуся насилію, значить не только отказаться отъ правъ, какъ нація, но и отъ элементарныхъ гражданскихъ правъ». «Новая тактика идетъ дальше, чѣмъ Актъ объ Уни и дальше даже, чѣмъ всё послѣдующія Положенія о чрезвычайной охранѣ. Она хочетъ оставить намъ политическія права лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительности отнять ихъ. Если мы не примемъ мѣръ противъ этой новой тактики, мы станемъ самымъ низкопавшимъ народомъ Европы и не будемъ заслуживать имени націи» (см. статью Mrs. Green, «Brittich Review» за июль 1914 года).

Волонтеры ставили себѣ лишь задачи личной самообороны и національной самозащиты.

Призывъ къ самовооруженію былъ сдѣланъ, конечно, не рэдмондистами, а тѣвыми элементами ирландскаго населенія. Первая организаторская ячейка изъ 12 человекъ заключала, однако, представителей разныхъ организацій, дѣйствовавшихъ въ Ирландіи. Одинъ изъ видныхъ руководителей волонтеровъ говоритъ:

«Мы хотѣли создать широкое национальное движеніе, не связанное съ какой-либо опредѣленной политической партіей, и поэтому нашей первой задачей было привлечь къ дѣлу видныхъ дѣятелей всѣхъ существующихъ организацій, какъ то: «Парламентскую фракцію», «Объединенную Ирландскую Лигу», «Старинный Орденъ Хибернианцевъ», «Гельскія Атлетическія Ассоціаціи» и др. (статья О'Рахилли въ «Irish World», 13 мая 1916 года).

Черезъ недѣлю послѣ перваго митинга, гдѣ раздалась агитація въ пользу самовооруженія, англійское правительство, больше года не препятствовавшее ольстерцамъ вооружаться, издало приказъ, воспрещающій ввозъ оружія въ Ирландію.

Это не остановило движенія, которое захватило далеко не одни тѣвыя элементы, но и самихъ сторонниковъ Рэдмонда. Рэдмонду, возразившему противъ самовооруженія, скоро пришлось примириться съ фактомъ. Онъ потребовалъ, однако, чтобы въ Центральный Комитетъ ирландскихъ волонтеровъ были включены его ставленники. Чтобы не раскалывать движенія, организаторы согласились на это.

Лѣтомъ 1914 года марширующія команды волонтеровъ, парады и воинскія упражненія обучающихся добровольцевъ — стали самыми обычными явленіями во всѣхъ ирландскихъ селахъ и городахъ.

Тайно ввозилось оружіе и уже начали происходить (июль 1914 года) кровавыя столкновенія съ войсками и полиціей.

Въ началѣ войны послѣ первой рѣчи Рэдмонда съ призывомъ записываться въ англійскую армию, ирландскіе волонтеры раскололись. Прежнее названіе сохранилось за противниками Рэдмонда, а волонтеры,

сторонники парламентской партіи, стали называться «національными волонтерами».

Мѣсяцы войны не ослабили, а усилили движение.

5. Составъ волонтеровъ.

Волонтерское движение объединило самые различные слои ирландскаго населенія. Большую популярность оно приобрѣло въ рабочихъ кругахъ. Но въ то же время оно широко захватило и интеллигенцію, и фермерство, и представителей городской буржуазіи.

Ирландское рабочее движение стало за послѣдніе годы замѣтной силой ирландской общественности. Новый этапъ въ ирландскомъ рабочемъ движеніи былъ созданъ неквалифицированными рабочими и тѣсно связанъ съ союзомъ транспортныхъ рабочихъ, возникшимъ семь лѣтъ тому назадъ и руководимымъ Ларкинымъ и Коннолли. Осенью 1913 года знаменитая дублинская стачка, продолжавшаяся пять мѣсяцевъ, прославила транспортный союз и его вождей на весь міръ. Союз добровольцевъ объединилъ до 30.000 человекъ и создалъ свою еженедѣльную газету.

Ларкинъ и его товарищи обратили на себя особенное вниманіе новой примѣненной ими тактикой, которая получила даже специальное названіе «ларкинизмъ». Ларкинъ поставилъ своей задачей объединить всѣхъ рабочихъ въ одинъ союз, независимо отъ ихъ профессіи. Союзъ транспортныхъ рабочихъ былъ связанъ съ организаціями сельскихъ батраковъ, съ женскими союзами и т. д.

Своимъ методомъ борьбы союз избралъ стачку, соединенную съ бойкотомъ. Стоило какой-нибудь фабрикѣ забастовать, и союз немедленно отказывался разгружать вагоны, привезшіе сырой матеріалъ забастовавшей фирмы, нагружать готовые продукты, подвозить уголь и т. д. Широко примѣняя стачки по симпатіи и держа весь транспортъ въ своей волѣ, союз могъ диктовать свои условія во всѣхъ отрасляхъ труда. Ларкинъ объявлялъ бойкотъ тремъ газетамъ, и железнодорожники отказались принимать ихъ къ отправкѣ, газетные киоски перестали брать ихъ, газетчики — продавать на улицахъ. Одна бисквитная фабрика пострадала за то, что брала муку отъ фирмы, уволившей своихъ рабочихъ. Даже городская электрическая станція чуть было не была остановлена за пользование «воспрещеннымъ углемъ». Ларкинъ оказался диктаторомъ Дублина, «королемъ Ларкинымъ».

Широко базировавъ на экономической борьбѣ рабочаго класса, ларкинизмъ, однако, не только не былъ чуждъ политикѣ, но напротивъ стоялъ за участіе въ политическомъ движеніи. Самъ Ларкинъ былъ инициаторомъ образованія «Ирландской рабочей партіи», которая ставила своей цѣлью провести рабочихъ представителей въ парламентъ. «Рабочимъ не нужны ни Рэдмонды, ни Карсоны, ни О'Брайены. — говорилъ Ларкинъ, — они пошлютъ въ парламентъ представителей своего класса».

Классовая обособленность рабочих и революционная боевая тактика — основные положения ларкинизма.

В движении, получившем название ларкинизма, сдержанному Коннолли принадлежала роль теоретика. Он редактировал газету докеров, он обосновывал требования союза, он развивал программу. А страстный, рвущий, яростный Ларкин олицетворял мощную рабочую стихию.

Ирландское рабочее движение встретило рвущие нападки рэдмондистов, критику всей английской печати, суровые мѣры со стороны английского правительства. Одинъ изъ митинговъ въ Дублинѣ былъ разогнанъ полицией, дѣйствовавшей съ такой яростью, что нѣсколько человекъ оказались убитыми и до 600 человекъ ранеными. Эти памятные дублинскія избиенія послужили для рабочихъ лишнимъ основаниемъ къ тому, чтобы вооружаться. Вокругъ Либерти Холла (штабъ-квартиры союза докеров) скоро образовалась своя «Гражданская Армія» («Citizen Army»). Эта пролетарская армія входила составной частью въ общее волонтерское движеніе, но естественно имѣла свои особые интересы и задачи.

Другой элементъ волонтерскаго движенія вербовался изъ организацій «Шинъ-Фейнъ» («Sinn Fein») — что значитъ «мы сами» (не слѣдуетъ смѣшивать съ фенями). Эта организація возникла около восьми лѣтъ тому назадъ по инициативѣ редактора «Объединеннаго Ирландца» («United Irishman») Артура Гриффита. (Griffith). По плану Гриффита, Ирландія должна добиться самостоятельности путемъ пассивнаго сопротивленія. Онъ полагалъ, что Ирландія не должна посылать представителей въ Вестминстерскій Дворецъ, а попытаться организовать собранія депутатовъ въ самой странѣ. Возрождая планъ, популярный въ 40-хъ годахъ 19 вѣка, Гриффитъ хотѣлъ создать ирландскій парламентъ, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ. Пусть представители разныхъ графствъ и городовъ Ирландіи соберутся въ Дублинѣ и начнутъ издавать законы и повелѣнія. Пусть население Ирландіи повинуется этимъ постановленіямъ, — такъ создастся самоуправляющаяся политическая ячейка новой государственной жизни. Такъ же надо создать и свои суды.

«Шинъ-Фейнъ» хотѣла сосредоточить всю энергію ирландскаго народа на работѣ въ самой Ирландіи. Она призывала къ бойкоту английскихъ товаровъ и къ всечеловѣческому поощренію ирландской индустріи. Сторонники «Шинъ-Фейнъ» естественно встали въ рвущую оппозицію къ ирландскимъ націоналистамъ, руководимымъ Рэдмондомъ. Последнее время прозваніе «Шинъ-Фейнъ» стали относить безъ разбора ко всѣмъ противникамъ рэдмондистовъ. Точно также совершенно ошибочно нѣкоторые связали все послѣднее движеніе съ именемъ «Шинъ-Фейнъ». Эта организація была только одной изъ частей гораздо болѣе всеохватывающаго цѣлаго.

Замѣтное влияние на волонтерство имѣла и чисто научная и внѣполитическая организація «Гэльская Лига». Она поставила себѣ зада-

чей возродить въ Ирланди старинный языкъ страны — гэльскій, ввести его въ жизненный обиходъ, пробудить интересъ къ ирландскому фольклору и ирландской исторіи, привить молодому поколѣнію духъ героической любви къ родинѣ, однимъ словомъ, возродить и возсоздать прежнюю ирландскую культуру. Въ теченіе очень короткаго времени Лига достигла замѣтныхъ успѣховъ. Гэльскій языкъ сталъ обязательнымъ предметомъ въ трехъ тысячахъ начальныхъ школъ Ирланди. Въ двухстахъ школахъ преподаваніе ведется на обоихъ языкахъ, ирландскомъ и англійскомъ. Лига создала свыше пятисотъ отдѣловъ въ разныхъ частяхъ Ирланди и стала издавать нѣсколько журналовъ. Большинство ирландскихъ газетъ подъ ея вліяніемъ начало печатать по нѣскольку столбцовъ въ каждомъ номерѣ по-гэльски.

Хотя Лига преслѣдовала чисто культурныя цѣли, но она, усиливая національныя чувства населенія, естественно толкала его и къ борьбѣ за политическую самостоятельность страны. Противъ гэльской печати англійское правительство прежде всего направило свою карающую руку, а гэльскія атлетическія организаціи молодежи приняли замѣтное участіе въ апрѣльскомъ возстаніи.

Наконецъ, въ волонтерство были вовлечены, какъ мы видѣли, и рэдмондисты, т. е. умѣренно либеральныя элементы ирландскаго населенія, мирившіеся даже на томъ половинчатомъ биллѣ о гомрулѣ, который провелъ англійскій парламентъ. Есть основаніе утверждать, что часть этихъ волонтеровъ конституціоналистовъ даже приняла участіе въ вооруженной борьбѣ на улицахъ Дублина. На это ихъ толкнуло то трагическое и безвыходное положеніе, въ какомъ Ирландія оказалась во время европейской войны.

5. Наканунъ возстанія.

О томъ, что дѣлалось въ Ирландіи въ теченіе истекшей зимы, можно судить, напримѣръ, по слѣдующимъ выдержкамъ изъ периодической печати.

Въ Дублинской консервативной газетѣ Daily Express писалось въ мартѣ 1916 года: «Всюду въ Дублинѣ вы найдете шреступные листки (газеты), призывающіе къ борьбѣ съ Англійей. Одни изъ этихъ изданій печатаются открыто, другіе въ подпольѣ, всё они дѣйствуютъ съ полнымъ единодушіемъ, вызывающимъ опасенія. Всё они обнаруживаютъ симпатіи къ Германіи и ненависть къ Англии.

«Добавьте къ этому членовъ «Шинъ-Фейтъ», вооруженныхъ до зубовъ. Недавно въ Белфастѣ они имѣли тайный съѣздъ, и всё дѣло зданія, гдѣ онъ происходило, охранялись часовыми съ ружьями и штыками.

«А тутъ еще этотъ гэльскій языкъ! Всё названія улицъ Дублина написаны по-гэльски. Миссъ О'Гуль шествуетъ по улицамъ въ костюмѣ «Guisman на тбан» (гэльское названіе женскаго отряда ирландскихъ волонтеровъ). Мистеръ О'Конноръ называетъ себя «Diaginnid». Въ магазинахъ всё товары переименованы по-гэльски — колбасы, дамскія платья, башмаки, галстуки, кажется, только для одного пива не нашлось подходящаго имени».

А вотъ выдержка изъ лондонской корреспонденціи въ «New York World» отъ 2 апрѣля: «Теперь здѣсь не скрываютъ серьезности ирландскаго движенія противъ рекрутской кампаніи. Лидеры «Шинъ-Фейтъ» ведутъ свою пропаганду безъ прежней конспираціи. Ихъ газеты продаются во всѣхъ лавчонкахъ Дублина. Ирландскіе волонтеры открыто маршируютъ по улицамъ. У нихъ вдоволь оружія. Число волонтеровъ растетъ съ каждымъ днемъ; много волонтеровъ записывается именно изъ тѣхъ графствъ (вродѣ Вексфорда, Корка, Керри), гдѣ рекрутскій наборъ оказался наименѣ удачнымъ. Въ ночь на 5 февраля ирландскіе волонтеры въ теченіе нѣсколькихъ часовъ производили маневры уличной борьбы на площади Блэкхолль въ Дублинѣ. Полиція была въ числѣ симпатизирующихъ зрителей. Недавно отрядъ волонтеровъ произвелъ примѣрную ночную атаку на Дублинскій Замокъ. Замѣтно увеличилось употребленіе гэльскаго языка, непонятнаго для англійскихъ солдатъ, расположенныхъ въ Ирландіи».

О тонѣ ирландской прессы можно судить, напримѣръ, по слѣдующей выдержкѣ изъ закрытой газеты «Гэль»: «Я думаю, что теперь пробилъ часъ для рѣшительнаго и сильнаго наступленія на вражескія твердыни въ нашей странѣ. Значеніе такого наступленія будетъ громадно. Оно покажетъ нашимъ врагамъ (т. е. англичанамъ), что мы не покорены, что мы все еще готовы бороться за свободу одной изъ «малыхъ національностей» — Ирландіи. Мы торжественно заявляемъ, что покуда Ирландія не будетъ восстановлена въ своихъ правахъ націи, мы будемъ воевать съ Англійей».

Резкій тонъ ирландскихъ газетъ вполне соответствовалъ бурно развивавшимся событіямъ. Полиція и судъ были завалены «работой». За произнесене анти-военныхъ рѣчей за короткий срокъ было подвергнуто наказанію 50 человекъ, изъ нихъ пять выслано, тридцать заключено въ тюрьму, остальные оштрафованы.

Участились наказанія за отказъ говорить въ официальномъ мѣстѣ на иномъ языкѣ, кромѣ ирландскаго. Обыски, аресты и высылки стали являть обыденными.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ирландіи произошли вооруженныя стычки волонтеровъ съ войсками (напр., въ Толламорѣ).

Извѣстія объ арестѣ оружія стали появляться чуть ли не ежедневно. Въ Дублинѣ были захвачены пулеметы, ружья, динамитъ и другія взрывчатые вещества. Въ Килкултѣ было выгружено 3 тысячи ружей. Начали пропадать ружья изъ казармъ. Въ началѣ апрѣля на одномъ автомобилѣ въ Дублинѣ было найдено нѣсколько ящиковъ оружія съ маркой Соединенныхъ Штатовъ.

Около этого времени Центральный Комитетъ ирландскихъ волонтеровъ выпустилъ манифестъ, призывающій населеніе къ сдержанности, но въ то же время угрожающій, что всѣмъ дальнѣйшимъ попыткамъ обезоружить волонтеровъ будетъ оказано энергичное сопротивление.

Английское правительство особенно преслѣдовало прессу. Еще въ самомъ началѣ войны было закрыто семь газетъ (въ самой Англии ничего подобнаго не могло бы имѣть мѣста). Преслѣдованіе печати снова усилилось къ веснѣ 1916 года. Въ концѣ марта были сразу приостановлены четыре органа издательства «Гэльской прессы». Отрядъ солдатъ и полиціи направился и въ Либерти Холль, чтобы приостановить печатаніе «Рабочей Республики» и конфисковать ея номера, но тамъ его встрѣтили вооруженные солдаты «Гражданской Арміи», готовые на все. Полиція отказалась отъ выполнения даннаго ей приказа и ушла.

Эти гоненія на революционную печать и высылки нѣкоторыхъ лидеровъ взволновали всю Ирландію. Въ Дублинѣ было создано нѣсколько митинговъ протеста, въ которыхъ приняли участіе Макъ Нилъ, Скеффингтонъ и др.

На одномъ изъ митинговъ профессоръ Макъ-Нилъ, встрѣченный бурной оваціей, сказалъ между прочимъ:

«Ирландскіе волонтеры неизмѣримо сильнѣе теперь, чѣмъ были двѣнадцать мѣсяцевъ назадъ, и съ каждымъ днемъ они дѣлаются все сильнѣе. Если правительство хочетъ подавить ихъ, то для этого есть только одно средство. Пусть оно двинетъ противъ нихъ свои военныя силы (громкіе, бурные и продолжительные аплодисменты). Пусть онъ двинетъ противъ насъ правительственныя войска, и мы сумѣемъ ихъ встрѣтить. Можетъ быть, мы будемъ въ равныхъ условіяхъ, можетъ быть противъ каждаго изъ насъ будетъ двое, пятеро, двадцать, сорокъ человекъ, мы не поколеблемся. А до того момента, когда Англія

двигать на насъ свои войска, мы будемъ, но прѣжнему готовиться» (аплодисменты). «Irish World» 29 апрѣля.

Въ своей статьѣ, напечатанной около того же времени, Макъ-Ниль писалъ по поводу слуховъ о готовящемся разоруженіи ирландскихъ волонтеровъ:

«Ирландскіе волонтеры безъ оружія и безъ горячаго стремленія достать оружіе и носить его — это явный абсурдъ. Разъ мы называемъ себя ирландскими волонтерами, наше право и нашъ долгъ вооружиться, возможно лучше и всѣми силами защищать наше оружіе. Если у насъ потребуютъ выдать оружіе, мы откажемся сдѣлать это, если къ намъ примѣняютъ насилие, чтобы насъ обезоружить, мы окажемъ всяческое сопротивление. Пусть на этотъ счетъ не будетъ ни малѣйшаго недоразумѣнія и недомолвки. Конечно насъ могутъ захватить врасплохъ, но мы все же будемъ защищать наше оружіе цѣной жизни».

Непосредственнымъ толчкомъ къ возстанію послужилъ шифрованный документъ, попавшій въ руки ирландскихъ волонтеровъ изъ Дублинскаго Замка и прочитанный на засѣданіи Дублинскаго Муниципалитета альдерменомъ Келли. Указанный документъ содержалъ перечисленіе тѣхъ мѣръ, которыя были выработаны для разгрома движенія. Въ числѣ нихъ проектировался поголовный арестъ всѣхъ членовъ комитетовъ, организацій «Шинъ-Фейнъ», ирландскихъ волонтеровъ, гальской Личи и т. д. («The Weekly Freeman», 22 апрѣля).

Было ясно, что англійское правительство рѣшило не на шутку прикончить съ грозно разросшимся волонтерскимъ движеніемъ.

Волонтеры рѣшили, что всякое дальнѣйшее промедленіе опасно и безцѣльно.

6. Апрельскіе дни.

Первое извѣстіе о начинающихся серьезныхъ событіяхъ на «Зеленомъ Островѣ» пришло въ видѣ сухого официального извѣщенія отъ англійскаго адмиралтейства:

«20 и 21 апрѣля нѣмецкое вспомогательное судно, конвоируемое германской сумбаринной, сдѣлало попытку выгрузить въ Ирландію оружіе и боевые припасы. Судно было потоплено. Въ числѣ лицъ, захваченныхъ въ плѣнъ, находится сэръ Роджеръ Кеэментъ».

Въ понедѣльникъ на Пасхѣ (24 апрѣля) въ Лондонѣ распространился слухъ о серьезныхъ волненіяхъ въ Дублинѣ. Подробностей никто не зналъ. На другой день въ Палатѣ Общинъ секретарь по ирландскимъ дѣламъ Биррель сообщилъ, что наканунѣ въ Дублинѣ произошли серьезные безпорядки, во время которыхъ 12 человекъ было убито.

Вотъ что въ дѣйствительности произошло въ этотъ день.

Понедѣльникъ на Пасхѣ — чтимый, праздничный день; поэтому пріѣздъ небольшихъ группъ ирландскихъ волонтеровъ изъ провинціи къ этому дню не обратилъ на себя особаго вниманія. Такимъ путемъ удалось собрать въ Дублинѣ довольно значительныя силы (въроятно.

около 3—5 тысячъ). Подъ видомъ парада отряды волонтеровъ двигались по городу; ровно въ полдень одинъ изъ отрядовъ быстро занялъ Главный Почтамтъ, находившійся въ самомъ центрѣ города на Секвилл-стритъ и выкинулъ надъ нимъ блѣдо-желто-зеленый флагъ. Въ телеграфномъ отношеніи Дублинъ оказался отрезаннымъ отъ остальной Ирландіи. Почтамтъ сдѣлался генеральнымъ штабомъ повстанцевъ. Одновременно волонтеры заняли и цѣлый рядъ другихъ важныхъ пунктовъ въ городѣ, угловые дома, господствующіе надъ перекрестками, высочья зданія и т. д.

Въ числѣ захваченныхъ повстанцами зданій были Главный Судъ, Дума, два вокзала, Хирургическій Колледжъ (занятый отрядомъ подъ предводительствомъ графини Маркевичъ) и пр.

Кромѣ того инсургенты укрѣпились въ паркѣ Стефенсъ-Гринъ, гдѣ быстро были вырыты траншеи. Въ разныхъ частяхъ города были выстроены баррикады изъ камней, трамвайныхъ вагоновъ, ломовыхъ дорогъ, телефонныхъ столбовъ.

Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ всѣ центральныя части города оказались въ рукахъ возставшихъ. Полиція и войска не смогли оказать никакого серьезнаго сопротивленія и были вызваны добавочные полки изъ провинціи. По однимъ свѣдѣніямъ, волонтерамъ удалось даже завладѣть дублинскимъ замкомъ,—но не надолго.

Въ первый же день у подножія Нельсоновской Колонны (стоящей противъ Почтамта), Пирсъ прочелъ прекламацію временнаго правительства:

«Ирландцы и ирландки! Именемъ Бога и отошедшихъ поколѣній, передавшихъ вамъ національные завѣты, Ирландія черезъ наше посредство созываетъ своихъ дѣтей подъ свой флагъ для борьбы за свободу, ради которой она соорганизовала и воински обучила мужчинъ при помощи тайной революціонной организаціи «Ирландскаго Республиканскаго Братства» и открытой вооруженной организаціи «Ирландскихъ Волонтеровъ» и «Ирландской Гражданской Арміи».

«Ирландія настойчиво усовершенствовала дисциплину своихъ солдатъ и терпѣливо ждала подходящаго момента, чтобы обнаружить свои намѣренія. Теперь моментъ выбранъ. При поддержкѣ своихъ сыновъ, изгнанниковъ въ Америкѣ и своихъ доблестныхъ союзниковъ въ Европѣ, полагааясь на свои собственныя силы, она нападаетъ въ полной увѣренности въ побѣдѣ.

«Мы провозглашаемъ право ирландскаго народа владѣть Ирландіей и суверенно контролировать ея судьбу. Долгая узурпація этого права чужеземнымъ народомъ и правительствомъ не уничтожила самого права. Его можно стереть съ лица земли лишь вмѣстѣ съ ирландскимъ народомъ.

«Каждое поволѣніе ирландскаго народа доказывало свое стремленіе къ національной свободѣ и независимости. Шестъ разъ въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ ирландцы доказали это съ оружіемъ въ рукахъ.

Мы опираемся на это же основное право и добиваемся его съ оружиемъ передъ лицомъ всего мира. Мы провозглашаемъ ирландскую республику, какъ суверенное самостоятельное государство, и мы общаемъ пожертвовать своей жизнью и жизнью нашихъ товарищей по оружию во имя ея свободы, благосостоянія и возведенія въ званіе націи».

Прокламація говорила дальше о томъ, что республика гарантируетъ всѣмъ «религіозную и гражданскую свободу и равноправіе».

Прокламація заканчивалась словами:

«Мы передаемъ дѣло Ирландской Республики подъ покровительство Всемогущаго Бога и призываемъ Его благословене на наше оружие. Мы просимъ, чтобы никто, служащій дѣлу Ирландіи, не ошорилъ его трусостью, безчеловѣчностью или грабежомъ. Въ этотъ важный часъ ирландскій народъ долженъ своей доблестью, дисциплиной и самопожертвованіемъ показать себя достойнымъ славнаго будущаго, къ которому его призываютъ».

Подъ прокламаціей стояли семь подписей: Томасъ Кларкъ, Макъ-Дармодъ, Кингтъ, Джемсъ Коннолли, Джозефъ Планкеттъ, Томасъ Макъ-Доннахъ и Ширсъ. Всѣ они заплатили головой за свои подписи.

Въ первый же день возстанія прокламація была передана повстанцами по телеграфу въ разныя части Ирландіи. Говорятъ, что она была послана въ Европу по беспроволочному телеграфу, который имѣлся въ Поттэмтѣ. Въ теченіе послѣдующихъ дней повстанцы издавали небольшую газету съ сообщеніями о ходѣ возстанія.

Во вторникъ прибыли свѣжія войска. Борьба на улицахъ возобновилась съ прежнимъ ожесточеніемъ.

Въ четвергъ вся Ирландія была объявлена на военномъ положеніи. Верховная власть была передана генералу Максвеллу.

Главнымъ оружиемъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ повстанцевъ, были пушки и пулеметы. Солдаты не останавливались передъ полвѣйшимъ разрушеніемъ артиллерійскимъ огнемъ всякаго зданія, гдѣ находились повстанцы.

Каждую улицу, каждый домъ войскамъ пришлось брать съ бою. Штабъ-квартира докеровъ, Либерти Холль, была занята только послѣ того, какъ канонерка съ рѣки полуразрушила зданіе огнемъ пушекъ. Большая часть защитниковъ заблаговременно отступила изъ Либерти Холль по заранѣе заготовленному выходу. Позиція въ Стефенсъ Гринѣ была взята лишь при помощи ручныхъ гранатъ, нанесшихъ повстанцамъ большія потери.

Цѣлую недѣлю продолжалась упорная борьба нѣсколькихъ тысячъ повстанцевъ противъ въ нѣсколько разъ болѣе сильнаго непріятеля. Начавшійся пожаръ и отсутствіе боевыхъ и пищевыхъ припасовъ сдѣлало положеніе повстанцевъ очень тяжелымъ.

Въ воскресенье, 30 апрѣля, временный президентъ Ирландскій республикы Ширсъ издалъ прокламацію, призывая повстанцевъ сложить оружие «во избѣжаніе дальнѣйшаго изоменія безоружнаго населенія».

Дублинскіе повстанцы сдались, потерявъ около 500 человекъ убитыми и ранеными. Войска потеряли приблизительно столько же.

Послѣ возстанія вся центральная часть города и всѣ главнѣйшія его зданія представляли изъ себя груды развалинъ.

Главная и красивѣйшая улица Дублина Сэквилъ-стритъ пострадала и отъ артиллеріи и отъ пожара. Снаряды разрушили, между прочимъ, и Нельсоновскую Колонну, стоявшую посреди улицы. Убытки, нанесенныя городу, оцѣниваются въ 20 милліоновъ рублей.

Хотя главное возстаніе, невиданное въ ирландской исторіи двухъ вѣковъ, имѣло мѣсто въ Дублинѣ, но вооруженныя столкновенія произошли также и въ большинствѣ графствъ Ирландіи и были замирены значительно позднѣе, чѣмъ въ столицѣ. Несмотря на всю скудость свѣдѣній въ Ирландіи, мы знаемъ о серьезномъ вооруженномъ столкновении въ округахъ Голвей, Килларкей, Еннискоттъ, Клонмелъ, Митсъ и т. д. въ десяткахъ двухъ другихъ мѣстностей, не исключая даже оплота консерваторовъ Ольстера.

Въ Голвей на помощь солдатамъ были высажены матросы съ военного судна.

Немедленно послѣ сдачи Дублина повстанцами, начались суровые приговоры военно-полевыхъ судовъ, засѣдавшихъ при закрытыхъ дверяхъ. Несмотря на протесты англійскаго общественнаго мнѣнія, въ Тауэрѣ было безжалостно разстрѣляно 15 человекъ, цвѣтъ ирландской интеллигенціи. Нѣсколькимъ десяткамъ другихъ смертная казнь была замѣнена пожизненной каторгой. Судъ не стѣснялся суровостью приговоровъ. Администрація не остановилась передъ арестами нѣсколькихъ тысячъ человекъ, причѣмъ около 2—3 тысячъ были немедленно перевезены въ Англию.

Выяснилось, что нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ извѣстный ирландскій журналистъ — Скеффингтонъ — были разстрѣлены безъ суда.

О другихъ ужасныхъ деталяхъ трагедіи мы узнаемъ только черезъ нѣсколько лѣтъ.

7. Вожди движенія.

«Свобода — это такая чудесная вещь, что ее трудно опредѣлить словами. Ее надо изображать въ какомъ-либо пламенномъ символѣ, или воспѣвать въ мятежныхъ напѣвахъ, сопровождаемыхъ громомъ небеснымъ», — такъ писалъ въ своей послѣдней статьѣ (написанной до возстанія) Пирсъ — «Президентъ Ирландской Республики», одинъ изъ самыхъ видныхъ и вдохновенныхъ лидеровъ ирландскаго движенія.

Патрикъ Пирсъ (Pearse), уже 17-лѣтнимъ юношей (онъ умеръ 36 лѣтъ), основатель Новое Ирландское Общество въ Дублинѣ, прославившееся своими работами по ирландской исторіи, литературѣ, искусству. Пирсъ былъ виднымъ членомъ Гэльской Лиги и редакторомъ ея органа. Онъ выпустилъ книгу поэмъ на гэльскомъ языкѣ и написалъ

нѣсколько рассказовъ и пьесъ. Его мистерія «Страсти Господни» съ успѣхомъ исполнялась въ Дублинѣ. Всѣ его рассказы касаются святыхъ Ирландіи. Пирсъ былъ вѣрующимъ христіаниномъ, чуждымъ, однако, всякихъ теорій о долготерпѣннн и пассивности. Онъ любилъ повторять, что его поколѣніе было первымъ въ ирландской исторіи, которое не принесло жертвъ дѣлу освобожденія Ирландіи.

Пирсъ былъ извѣстенъ и какъ педагогъ. Онъ завѣдывалъ популярной средней школой для мальчиковъ (она называлась Колледжъ Св. Энды — въ честь прославленной ирландской святой). Школа Пирса нѣсколько приближалась по типу къ калькутцеской школѣ Рабиндраната Тагора. Здѣсь царилъ гѣльскій языкъ. Преподаваніе исторіи Ирландіи, изученіе ея литературы и фольклора стояли на первомъ мѣстѣ. Пирсъ пользовался исключительнымъ вліяніемъ и авторитетомъ среди ирландскихъ революціонеровъ.

Другой вождь возстанія, Джемсъ Коннолли, былъ самымъ виднымъ и выдержаннымъ социалистомъ Ирландіи и давно признаннымъ лидеромъ ирландскаго пролетаріата. Онъ долго жилъ въ Америкѣ и приобрѣлъ тамъ большую извѣстность. Послѣднія пять-шесть лѣтъ ирландскаго рабочаго движенія тѣсно связаны съ именемъ Коннолли, спокойнаго, методичнаго, упорнаго и очень одареннаго человѣка. Коннолли былъ не только хорошимъ ораторомъ (мнѣ довелось его слышать), но и искуснымъ журналистомъ и редакторомъ. Его книга «Трудъ въ ирландской исторіи» (Labour in Irish History), написанная съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, извѣстна всякому, занимающемуся Ирландіей, какъ очень интересная и оригинальная работа.

Съ отъѣздомъ Ларкина въ Америку (передъ войной) къ Коннолли перешли всѣ функціи лидера рабочаго движенія. Подъ его руководствомъ создавалась «Гражданская армія». Во время возстанія онъ былъ главнокомандующимъ повстанцевъ. Онъ былъ разстрѣлянъ позже другихъ вождей, такъ какъ судъ ждалъ, пока онъ оправится отъ полученной раны настолько, что... его можно будетъ казнить.

Представителемъ старыхъ традицій ирландскихъ революціонеровъ являлся Томасъ Кларкъ, извѣстный феній, двадцать лѣтъ проведенный въ англійскихъ тюрьмахъ. Кларкъ принималъ замѣтное участіе въ движеніи послѣднихъ лѣтъ, и его табачная лавочка на улицѣ О'Коннелла была обычнымъ мѣстомъ конспиративныхъ собраній. Кларкъ работалъ въ ирландской прессѣ.

Поэтомъ революціи былъ молодой Томасъ Макъ Донахъ, преподаватель Ирландскаго Национальнаго университета. Онъ выпустилъ нѣсколько книгъ стиховъ и написалъ пьесу, изображающую трагедію революціонера въ будущей Ирландіи.

Всѣ эти лидеры были казнены. Въ числѣ другихъ казненныхъ находятся имена талантливыхъ представителей новаго поколѣнія ирландской интеллигенціи. Таковы: двадцатипятилѣтній Джозефъ План-

кеттъ, поэтъ и редакторъ «Ирландскаго Обзорѣнія», представитель стариннаго ирландскаго рода, не разъ пострадавшаго за дѣло Ирландіи, скульпторъ Вильямъ Пирсъ, Майкель О'Ханроханъ, членъ Гэльской Лиги, журналистъ Макъ-Брайдъ, боровшійся на сторонѣ буровъ противъ Англи и другіе.

Видный журналистъ и пацифистъ Шихи Скеффингтонъ (Sheehy Skeffington) былъ разстрѣлянъ безъ суда, хотя былъ взятъ безъ оружія и до объявленія военнаго положенія. Онъ не согласился на то, чтобы ему завязали глаза, и передъ залпомъ закрылъ лицо руками. Пули пронзили ихъ. Скеффингтонъ былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ ирландскихъ публицистовъ послѣднихъ десятилѣтій. Изъ его книгъ надо особенно выдѣлать ярко написанную биографію лидера Земельной лиги Майкеля Дэвита. Скеффингтонъ былъ извѣстенъ и какъ горячій сторонникъ женскаго равноправія.

Инициаторъ волонтерскаго движенія, профессоръ Макъ-Ниль,—вѣроятно, самый образованный профессоръ Новой Ирландіи. Его работы по древне-ирландской исторіи, фольклору и литературѣ могутъ быть названы настоящими научными открытіями. Никто не сдѣлалъ больше него для пропаганды гэльскаго языка и изученія древне-ирландской культуры.

Сэръ Роджерсъ Кэзментъ приобрѣлъ мировую извѣстность своими разоблаченіями варварской эксплуатаціи туземцевъ, практиковавшейся англо-испанскими фермерами въ Южной Америкѣ. Въ теченіе долгаго времени онъ находился на службѣ англійскаго правительства въ качествѣ его иностраннаго консула. Онъ много путешествовалъ и исключительно хорошо освѣдомленъ въ иностранной политикѣ европейскихъ державъ. Его статьи, появившіяся за годъ-два до войны, съ большой точностью намѣтили причины и ходъ событій настоящей войны. Уже въ нихъ онъ предсказывалъ грядущій конфликтъ между Германіей и Англійей и указывалъ, что всякая, воюющая съ Англійей, держава должна будетъ добиваться самостоятельности Ирландіи. Независимая Ирландія будетъ держать въ своихъ рукахъ ключи Атлантическаго Океана и ослабитъ исключительное первенство Англи на моряхъ (см. сборникъ статей Кэзмента подъ заглавіемъ «The Crime against Europe». Филадельфія. 1915 г.). Кэзментъ принималъ близкое участіе въ организациі волонтеровъ. Въ началѣ войны онъ поѣхалъ въ Германію, чтобы искать тамъ поддержки ирландской борьбы противъ Англи. Дѣйствуя такъ, онъ руководился, можетъ быть, и не вполне рациональными, но вполне искренними побужденіями. Онъ шелъ по слѣдамъ героя ирландской исторіи Ульфа Тона, который пріѣхалъ къ берегамъ Ирландіи на военномъ кораблѣ французской эскадры, прибывшей для поддержки ирландской революціи.

Какъ видимъ, во главѣ ирландскаго возстанія стояли руководители ирландской интеллигенціи; казни вырвали «мозгъ» ирландскаго народа.

Востане било дълго въ то ва покаяние, което воспитало въ духъ «Ирландскаго возрождения» послѣднихъ 15—20 лѣтъ. Оно видѣло расцвѣтъ ирландской литературы и театра, выдвинувшихъ Лейса, Синга, Муръ, Грегори и другихъ. Подъ влияниемъ «Гальской Лиги» оно увлеклось изученіемъ древняго ирландскаго языка и ирландской старины. Пропаганда «Шинъ-Фейна» учила его активному патриотизму и героическому самоотреченію.

..... что деньги на движене обильно притекали отъ ирландцевъ изъ Америки. Въ номеръ « Gaelic American » дается отчетъ о 46,000 долларяхъ, собранныхъ «на оружіе». На многихъ ружьяхъ, захваченныхъ у повстанцевъ, были клейма «Соединенные Штаты». Комитетъ, образованный послѣ мартовскаго сѣзда ирландцевъ въ Нью-Йоркѣ, специально занимался сборомъ денегъ для «пасущаго дѣла Ирландіи».

8.

Май, 1916 года.

В. Керженцевъ.

БЫТОВЫЕ ШТРИХИ.

(Письмо изъ Рима).

Въ жизни иностранныхъ государствъ и народовъ насъ всегда, — а особенно въ исключительное время, подобное переживаемому, — интересуетъ, главнымъ образомъ, ея, такъ сказать, крупный шрифтъ, все то, что объемлется понятіемъ «политики». Мелкое же, будничное, «петить» этой жизни, если и привлекаетъ порой наше вниманіе, то опять-таки не безъ задней цѣли обслуживания все той же

Нѣмцы пропагандируютъ самую мелочную экономію, совѣтуютъ не снимать шелухи съ сырого картофеля, а предварительно сварить его: ага, шлохо приходится тевтонамъ!..

Наши союзники вводятъ на лѣтнее время передвиженіе часовой стрѣлки на часъ впередъ, чтобы, такимъ образомъ, вечеромъ съэкономить на освѣщеніи: какая мудрая предусмотрительность, свѣдѣтельствующая о «непоколебимой волѣ» и прочихъ душевныхъ качествахъ.

А, между тѣмъ, всѣ эти мелочи быта, право, вполне заслуживаютъ болѣе безкорыстнаго къ себѣ интереса, и онъ во многомъ поучительнѣе «громкопящихъ» рѣчей Бетмана-Гольвега, Грея, Саландры и прочихъ «творцовъ исторіи».

Разумѣется, судить о жизни и настроеніяхъ страны по словамъ министровъ и интервью «ответственныхъ» политиковъ дѣло неизмѣримо болѣе легкое и удобное, чѣмъ дѣлать непосредственныя наблюденія. Особенно, когда рѣчь идетъ о чужой странѣ, гдѣ живешь гостемъ, и гдѣ, въ силу понятныхъ причинъ общественно-психологическаго порядка, проникновеніе въ бытъ представляется дѣломъ исключительной трудности. Такому стороннему наблюдателю охватить глазомъ всю повседневную жизнь до дна совершенно невозможно: для него просто недоступны многія ея стороны. Приходится брать то, что видишь со своей обособленной позиціи и, въ послѣднемъ счетѣ, апеллировать болѣе къ задокументированнымъ печатью свидѣтельствамъ о жизни, чѣмъ къ непосредственнымъ ея наблюденіямъ.

Въ нашей отечественной прессѣ появилось нѣсколько впечатлѣній русскихъ пишущихъ людей о бытовыхъ измѣненіяхъ, привнесенныхъ войной въ итальянскую жизнь, и въ нихъ чуть ли не центральное мѣсто отводится появленію... женщинъ-кондукторовъ въ трамваяхъ. Этого одного факта оказалось достаточно, чтобы построить цѣлую величественную освободительную теорію о «новой эрѣ», о женщинахъ,

смѣло и свободно выходящей на свѣтлые пути само-эмансипаціи и прочая и прочая.

Спору нѣтъ: война сильно выдвинула женщину, сдѣлала ее социальнымъ элементомъ, чью цѣнность приходится теперь признавать самымъ консервативнымъ общественнымъ слоямъ, — но качественно ли новое это явленіе, и не обслуживается ли уже десятилѣтіями современный капиталистическій міръ многомиллионной арміей женскаго наемнаго труда? Война лишь совершила здѣсь «генеральную мобилизацію», укомплектовавъ эту армію резервными силами, но отнюдь не создала явленія прежде не бывалаго. Только въ средне-буржуазномъ, мѣшанскомъ быту можно въ данномъ случаѣ говорить о нѣкоторомъ подобіи «переворота» и то съ большими натяжками: тамъ, дѣйствительно, женщинѣ приходится покидать обычную домашне-хозяйственную среду, чтобы замѣнить призваннаго поть оружіе мужа въ его конторѣ за кассой или прилавкомъ. Но и здѣсь не надо забывать, что изъ этой именно среды всегда вербовалось главное ядро женщинъ «свободной профессіи». Что же касается сельскаго хозяйства, то итальянская *крестьянка*, правда, обычно вѣдала только домъ (и то не всюду), и война, такимъ образомъ, открыла передъ ней «новую эру», — ту же обязанность замѣнить ушедшаго мужа, брата или отца (недавно совѣтъ министровъ постановилъ внести въ бюджетъ министерства агри-культуры нѣкоторую сумму на выдачу пособій и премій поощренія женщинамъ, занятымъ въ сельскомъ хозяйствѣ). Но это относится только къ крестьянскѣ-собственницѣ, наемныя же работницы давно уже играютъ видную роль въ итальянскихъ замедѣльческихъ работахъ. По отчету секретаря Всеобщей Конфедераціи Труда—Ринальдо Ригола, женщинъ-пролетарокъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ трехлѣтіе 1911—13 гг. имѣлось въ Италіи 1.541.350 человекъ (въ индустриіи же, торговлѣ, личномъ услуженіи и т. п. около 2-хъ миллионъ, женщинъ свободныхъ профессій—138.451). Словомъ, для экзальтаціи по поводу «новой эры» не было надобности ожидать появленія въ трамваяхъ нѣсколькихъ итальянскихъ городовъ женщинъ-кондукторовъ. Да и насколько уместны въ данномъ случаѣ экзальтація и умиленіе, еще можно весьма поспорить. Такъ, въ наиболѣе передовой и благожелательно относящейся къ женщинѣ средѣ — социалистической, это новое «завоеваніе» вызвало нѣкоторыя опасенія и сомнѣнія. Въ «Аванти» кое-кто изъ работниковъ профессиональной организациіи трамвайщиковъ забилъ тревогу: какъ бы массовый приходъ элементовъ, не варившихся еще въ пролетарскомъ соку, оторвавшихся отъ узкихъ интересовъ кухни и дома, не повредилъ рабочему дѣлу, предоставивъ въ распоряженіе хозяевъ послушный пролетарскій контингентъ, неспособный къ классовой сопротивляемости. Другой—тамъ же нашель, что работа въ трамваяхъ должна считаться крайне вредной для женскаго здоровья, такъ какъ она необычайно нервнруетъ: все время на ногахъ, зимой — въ холодное ненастье, лѣтомъ — въ нестерпимую духоту, безпрерывныя выдачи сдачи, столкновенія съ публи-

кой, наконецъ, тяжелая отвѣтственность за всякое происшествіе. Въ газетной хроникѣ то и дѣло попадаются сообщенія подъ заглавіемъ: «Будьте вѣжливы съ кондукторшами!» Лишь на дняхъ въ «Messenger» письмомъ въ редакцію двѣ изъ нихъ горько жаловались на оскорбительныя неприятели, которыя имъ приходится переносить отъ всевозможныхъ мышиныхъ жеребчиковъ, умудряющихся приставать и въ трамваѣ; тутъ же ихъ коллега-вагоновожатый протестуетъ противъ того, что по адресу женщинъ-трамвайщицъ распѣвается специально по ихъ адресу сочиненная непристойная пѣсня, и въ этомъ пѣніи принимаютъ участіе не только «уличные каналы», но и «приличные молодые люди».

Тутъ мы подошли къ другому женскому «бытовому явленію», порожденному войной: «соломенному вдовству». На эту тему не такъ давно писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Жаботинскій. Его талантливый фельетонъ «Сольвейгъ» освѣтилъ вопросъ только съ психологической стороны: надъ Лондономъ летаютъ цеппелины, приносящіе съ собой чувство неувѣренности въ собственномъ существованіи — «сегодня здѣсь, а завтра тамъ»; это чувство естественно заражаетъ и «Сольвейгъ», томящуюся въ ожиданіи далекаго друга... Остальное понятно...¹ Но «проблема» эта имѣетъ и другія стороны — физиологическую, экономическую и прочія. «Милый» уѣхалъ и долгие мѣсяцы отсиживаетъ въ далекихъ траншеяхъ, оставивъ дома за прялкой свою Сольвейгъ. Но надъ ней властны не только психологически революционизирующіе «цеппелины» войны, но и южная итальянская кровь, буйный темпераментъ молодой страстной натуры... И вотъ, благочестивые, но анонимные доброжелатели отправляютъ «милому» соотвѣтственную цидулку на фронтъ (о, конечно, изъ глубоко-патриотическихъ соображеній!). «Милый» добивается отгулка и пріѣзжаетъ для кровавой расправы. Это не геометрія, не теоретическое предположеніе: годъ войны далъ уже богатую хронику происшествій этого рода. Въ маѣ этого года напумѣла на всю Италію ужасная драма, разразившаяся въ аристократической семьѣ: капитанъ Беттоло, племянникъ недавно скончавшагося адмирала и бывшаго морского министра, получилъ на фронтѣ «сообщеніе» о томъ, что жена его, мать нѣсколькихъ дѣтей, избѣняетъ ему съ молодымъ приходскимъ священникомъ. Капитанъ помчался домой, убилъ жену, убилъ, по ошибкѣ, вмѣсто предполагаемаго соперника, 70-лѣтняго старика-аббата и затѣмъ застрѣлился самъ. Повторяемъ: это одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ. Правда, не всѣ

¹ Какъ оказалось, цеппелины способны вносить соблазнъ не только въ женственныя души Сольвейгъ, но и въ столь твердыя и мужественныя, каковой, безъ сомнѣнія, является душа г. Милюкова. Такъ, въ интервью, данномъ имъ сотруднику парижской «L'Œuvre», г. Милюковъ, восхищаясь настойчивостью и энергіей англичанъ, заявилъ: „Эта спокойная флегматическая рѣшимость не является ли показателемъ счастливаго вліянія цеппелиновъ на англійскую душу?“ („l'influence heureuse des zeppelins sur l'ame anglaise“).

заканчиваются столь трагически, и въ прошломъ, напр., году нѣкій Отелло, врачъ и республиканецъ по убѣжденіямъ, ограничился тѣмъ, что пригласилъ... комиссара для составленія протокола объ адюльтерѣ и ареста виновныхъ...

Не надо забывать также, что у оставленной Сольвейгъ отнюдь не всегда имѣется въ ея распоряженіи пылающій каминъ и готовая прялка. Былъ «милый», былъ и каминъ: «милый» ушелъ и, послѣ этого, часто остается вмѣсто камина лишь тлетворная привычка къ нему.

Не для всѣхъ переходъ въ «новую эру» оказался возможнымъ; многія, наконецъ, не хотѣли этой «эры», самостоятельности — не такъ-то легко себя переломить, пересоздать наново... Что же мудренаго въ томъ, что инныя въ борьбѣ за привычки стараго комфорта идутъ по линіи наименьшаго женскаго сопротивленія? А *такихъ* возможностей война ихъ отнюдь не лишила: несмотря на грандиозность всеевропейской военной мобилизаци, «спросъ» достаточно великъ. Мышиные жеребчики, пристроившіеся къ подрядамъ и поставкамъ, процвѣтаютъ, бѣшенныя деньги льются рѣкой. Типъ созданнаго войною «Донъ-Жуана» сталъ уже весьма замѣтнымъ явленіемъ, получившимъ даже литературное воплощеніе въ стихотвореніи нѣмецкаго поэта Рудольфа Леонарда:

.

Это, разумеется, весьма опозитивированный образъ: современный «Донъ-Жуанъ» отнюдь не одержимъ стремленіемъ собственноручно вонзать копыя во вражескія тѣла, не мечтаетъ онъ и о завоеванныхъ у врага женщинахъ, какъ мечталъ купринскій капитанъ Осадчій о «сладкой добычѣ побѣдителей». Къ чему эти рискованныя предпріятія, когда дѣло можетъ обойтись сразу безопаснѣе и.. вѣрнѣе? И у себя на родинѣ можно найти достаточное количество Сольвейгъ, оставленныхъ И вотъ, нашъ «Донъ-Жуанъ» отправляется въ контору патристической и солидной газеты (непремѣнно патристической и непремѣнно солидной!) и сдаетъ — по 30 сантимовъ за слово — такое, напр., объявленіе: «Высокопоставленный сорокалѣтній мужчина согласенъ безкорыстно покровительствовать («*proteggereble disinteressamente*») молодой вдовѣ героическаго офицера. Предъявлено билета въ 100 лиръ № 9074» («*Giornale d'Italia*» отъ 8 января с. г.).

Выше мы упоминали уже о томъ, что современные Сольвейгъ нерѣдко оставляются своими «милыми» безъ каминовъ. Кое-гдѣ, какъ,

напр., во Франци, государственная власть энергичными мѣропріятіями, вродѣ объявленія мораторія на квартирную плату неимущихъ семей призванныхъ подъ оружіе, обезпечиваетъ за Сольвейгъ ея каминь. Не то, увы, въ Итали, гдѣ квартирный вопросъ успѣлъ стать однимъ изъ самыхъ большихъ. Здѣсь всѣ обычныя юридическія нормы остались въ силѣ, и суды, по жалобамъ домохозяевъ, выносятъ приговоры о выселеніи женъ и дѣтей лицъ, отбывающихъ военную страду. Такихъ приговоровъ состоялось уже немало... Чтобы не ссылаться на «заподозрѣнную» печать «неблагонадежнаго» направленія, отошлю читателя къ оффиціозному и сверхъ-патриотическому «Giornale d'Italia». Въ № отъ 10 мая сего года онъ найдетъ тамъ такое, напр., сообщеніе: «Также и сегодня въ наше помѣщеніе явились двѣ жены призванныхъ, матери многочисленнаго семейства, которымъ субсидіи едва хватаетъ для самаго необходимаго пропитанія. Теперь противъ этихъ двухъ матерей собственникъ дома на улицѣ Марси предъявилъ судебнымъ путемъ требованіе очистки квартиры за неуплату. Вполнѣ понятно, когда домовладѣльцы стремятся, какъ бы то ни было, защищать свои интересы, но что непонятно и что не должно допускаться въ эти моменты, когда каждый обязанъ жертвовать во имя національной солидарности, — это жадность нѣкоторыхъ владѣльцевъ, которые накидываются на семейство, чье тяжелое бѣдствіе проистекаетъ исключительно отъ призыва главы семьи, сражающагося за отечество, т. е. также и за тѣхъ, которые спокойно остаются въ своихъ домахъ и поэтому, казалось бы, должны были помогать и облегчать работу помощи семьямъ призванныхъ. Теперь эта непримиримость въ отстаиваніи собственныхъ интересовъ со стороны части владѣльцевъ... заключаетъ въ себѣ нѣчто невыносимое, и мы убѣждены, что правительство, *которое не хотѣло ударить по домовладѣльцамъ мораторіемъ*, имѣетъ полное право преподать урокъ гуманности части владѣльцевъ, чьи интересы защищены, и что оно не останется индифферентнымъ къ нраву иныхъ изъ нихъ, которымъ помимо всяческой гуманности слѣдовало бы предписать кое-какія заслуженныя мѣропріятія».

Не будемъ, однако, несправедливы: не всѣхъ квартиронанимателей правительство предоставило на произволъ домовладѣльцевъ: по отношенію къ кое-какимъ категоріямъ оно проявило трогательную заботливость. Такъ, еще 20 июня 1915 года, т. е. едва черезъ 4 недѣли по объявленіи войны Австріи, былъ изданъ декретъ, которымъ владѣльцы гостиницъ получали право на отсрочку половины платежей за снимаемыя ими помѣщенія... Этотъ актъ былъ, разумѣется, подсказанъ высоко-государственными соображеніями: необходимо спасти столь важную отрасль національной промышленности, какой является въ Итали «форестьерская индустрія», чего, конечно, нельзя было бы сказать, еслибъ правительство вздумало сдѣлать квартирную поблажку для семействъ своихъ солдатъ...

Въ квартирной бѣдѣ этимъ семействамъ помогаютъ различныя об-

щественныя организаци, какъ прежде существовавшія, такъ и специально созданныя для лѣченія ранъ войны. Такихъ организаций здѣсь имѣется, можно сказать, тѣма темъ, и, признаюсь, съ чувствомъ необычайнаго изумленія прочиталъ я въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 78 с. г.) слѣдующее сообщеніе ихъ римскаго корреспондента, г. М. Осоргина: «...Для войны даннаго размѣра въ Итали оказались достаточными мѣропріятія бюрократическія; и общественная помощь до сей поры играетъ лишь второстепенную роль. Здѣсь нѣтъ нашихъ «земствъ и городовъ», здѣсь нѣтъ нашихъ котоссальныхъ общественныхъ организаций, оперирующихъ громадными суммами пожертвованій и ассигновокъ, нѣтъ нашей сѣти военно-промышленныхъ комитетовъ, комиссій борьбы съ дороговизной, специальныхъ Обществъ, изучающихъ хозяйственные вопросы момента, авторитетныхъ изданій, эти вопросы освѣщающихъ *».

Россійскія «общественныя организаци», въ качествѣ образца и чуть ли не недосягаемаго идеала для «бюрократической» Итали — это, разумѣется, журналистское «черезчуръ». Если бы авторъ хотѣлъ указать на недостаточность общественной помощи, на бѣдность средствами, — онъ былъ бы правъ, но сводить ее на нѣтъ, заявляя о «достаточности» мѣропріятія бюрократическихъ, значитъ впадать въ ничѣмъ не оправдываемое преувеличеніе. Мы уже познакомились съ этой «достаточностью» въ столь важномъ вопросѣ, какъ плата за наемъ квартиры. Тѣ 70 сантимовъ суточнаго пособия женѣ и 35 каждому ребенку до опредѣленнаго возраста, которые выдаетъ правительство, сами по себѣ для городской семьи могутъ хватить только на то, чтобы не умереть съ голоду. Къ этому надо прибавить еще царящій въ итальянскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ бюрократизмъ, связанную съ этимъ волокиту, юридическую двусмысленность многихъ декретовъ, допускающихъ различныя толкованія, сильную безграмотность населенія, — и станетъ понятно, что путь къ достиженію этого мизернаго пособия довольно тернистъ. Въ нѣкоторыхъ, напр., случаяхъ, просьбу о назначеніи помощи приходится подавать на гербовой бумагѣ стоимостью въ 1 лиру 35 сантимовъ! У меня есть знакомая женщина, мужъ которой, слесарь, тяжело раненъ и уже 5 мѣсяцевъ лежитъ гдѣ-то въ госпиталѣ. У синьоры Дзены 9-лѣтняя дочь отъ перваго мужа. И вотъ, своихъ 70 сантимовъ она добила, а 35-ти на ребенка не выдаютъ: падчерица, а не родная дочь! Напрасны слезы, обиванія пороговъ, указаніе, что вѣдь отчимъ кормилъ всю семью—и

* Еще болѣе невѣроятно другое его сообщеніе: «Въ первые дни войны мы ѣли здѣсь «военный хлѣбъ» съ большой дозой отрубей; сейчасъ, на десятомъ мѣсяцѣ войны, мы ѣдимъ хлѣбъ бѣлый, о недостаткѣ котораго рѣчи не поднимается». Приходится думать, что статья эта написана внѣ Итали, гдѣ «рапе ипосо» «мы ѣдимъ», увы, по сей день, а правомъ на бѣлый хлѣбъ обладаютъ лишь больные по рецепту врача и при томъ въ дозѣ, не превышающей 200 граммъ въ день!..

мать, и дочь... Такъ и живутъ впроголодь: мать ходитъ на поденщину, получая меньше 20 сантимовъ за часъ, а за комнату приходится платить 30 франковъ въ мѣсяць...

Общественныя организаціи и пытаются помогать такимъ бѣднякамъ, но достаточна ли эта помощь? Крупныя муниципалитеты, коммуны, профессиональные союзы, кассы взаимопомощи и т. п. старыя и прочныя институты, порой располагающіе большими суммами, еще могутъ оказать болѣе или менѣе значительную поддержку. Такъ, социалистическій муниципалитетъ Милана на одно квартирное пособіе уже израсходовалъ 100 тысячъ лиръ, но и тамъ это не спасло отъ судебныхъ приговоровъ о выселеніи. Что же говорить о болѣе мелкихъ городахъ или созданныхъ войной учрежденіяхъ, всевозможныхъ гражданскихъ комитетахъ, существующихъ, главнымъ образомъ, на пожертвованія? Итальянцы, надо признать, народъ не очень тароватый, и лиру изъ кармана у нихъ извлечь дѣло довольно трудное. Возьмемъ, напримеръ, подписку на заемъ, — этотъ пробный камень современнаго патриотизма. Пропаганда займа была обставлена блестяще: не говоря уже о печати, прекрасныхъ художественныхъ плакатахъ, безчисленныхъ афишахъ, циркулярахъ, объявленіяхъ съ провоцирующими заглавіями: «Англія собрала въ послѣдній разъ 25 миллиардовъ, Франція — 14, сколько соберетъ Италия?» «Пора разсчитаться со старымъ палачомъ» (Францемъ-Иосифомъ); не говоря объ оригинальной агитаціи путемъ кинематографа, мѣсячной отсрочкѣ, — по всей Италиі были организованы большіе патриотическіе митинги, на которыхъ выступали виднѣйшіе общественные дѣятели — министры, депутаты, писатели. Наконецъ, не надо забывать, что займы представляютъ собой счастливое сочетаніе патриотизма съ нелишеннымъ выгоды помѣщеніемъ капиталовъ или, какъ писалъ по этому поводу въ Россіи Дядя Михѣй: «Да причемъ тутъ патриотъ, коль прямой тутъ есть расчетъ?» И, тѣмъ не менѣе, «когда считать мы стали», то оказалось, что Италия принесла на алтарь отечества неполныхъ 3 миллиарда. Ясно, что чисто благотворительныя учрежденія крупными капиталами похвастать не могутъ. Но, тѣмъ не менѣе, они работаютъ очень усердно, не стѣсняются «приставать» къ публикѣ со всевозможными марками, значками, просьбами: о старомъ платьѣ бѣльѣ и даже бумагѣ, и уже въ чемъ угодно, а въ томъ, что здѣсь якобы не изучаются «хозяйственные вопросы момента», по выраженію г. Осоргина, — Италию упрекнуть нельзя.

Вотъ, напр., сейчасъ очень важнымъ «вопросомъ момента» является вопросъ о рабочихъ рукахъ въ земледѣліи: г. г. аграріи, разлакомившіеся возможностью примѣненія труда военноплѣнныхъ, вопіютъ о недостаткѣ рабочихъ рукъ, о томъ, что мобилизація лишила сельское хозяйство необходимыхъ силъ и дѣлаютъ соответствующіе выводы; съ противоположной стороны безпощадно вскрываютъ подоплеку этой волчьей кампаніи, доказываютъ, что рабочихъ рукъ достаточно, что во многихъ мѣстахъ — безработица, что если и есть кое-гдѣ недохватка, то ее

цѣликомъ можно покрыть изъ резервной армии, для чего нужно только создать соответствующую организацию найма и распределения труда. Такъ или иначе, вопросъ всячески изучается, производятся изслѣдованія, газеты и журналы посвящаютъ этому много мѣста, а 28 и 29 мая въ Миланѣ состоялся Конгрессъ Национальной Федерациі Земледѣльческихъ Рабочихъ, посвятившій свои работы этому и парѣ другихъ, тѣсно связанныхъ съ «хозяйственнымъ моментомъ» вопросовъ.

Очень внимательно изучается также вопросъ о военныхъ пенсіяхъ, и на июнь въ Римѣ назначенъ съѣздъ представителей городовъ и комитетовъ по этому поводу. Можно бы увеличить количество подобныхъ примѣровъ, которые показываютъ намъ, что итальянцамъ завидовать русскимъ въ дѣлѣ организациі общественныхъ силъ, право, не стоитъ... Но центр тяжести дѣятельности итальянской общественной организациі лежитъ не столько въ непосредственной помощи, сколько въ давлении на государственную власть. Непосредственная помощь часто не по плечу: какая организациа можетъ вынести на себѣ, скажемъ, уплату квартирныхъ денегъ домохозяйкамъ? Или вотъ передо мной лежитъ газетный листъ съ корреспонденціей изъ какого-то городка, въ которой сообщается, что коммуна, изъ-за недостатка средствъ, постановила уменьшить выдаваемую семьямъ призванныхъ субсидію въ виду новыхъ призывовъ подъ оружіе. Нѣтъ средствъ: что подѣлаешь? Для лѣченія болѣзней войны необходимы героическія средства, посильныя лишь для государственной власти. Къ ней то и обращаются со своими указаціями, совѣтами и требованіями общественныя организациа, и шорой удается вырвать кое-какія уступки, заставить немного раскошелиться, разъяснить въ нужномъ смыслѣ декретъ и т. п. Но въ общемъ надо признать, что на социальной политикѣ Италиі періода войны лежитъ все та же печать мѣщанства, «*Sacro egoismo*», — знакомая намъ по ея внѣшней политикѣ, и дѣлающая ее безконечно далекой не только отъ англійскаго размаха, но и отъ умѣреннаго реформаторства Франціи. (Въ такой передовой и демократической странѣ, какъ Италия, въ эпоху мировой войны, министръ земледѣлія, оправдываясь въ парламентѣ отъ упрековъ въ запоздалой реквизиціи зерна, характеризуетъ это мѣропріятіе, какъ «тираннію!»). Они мечтаютъ о великой Италиі, но безъ «великихъ потрясеній»...

Къ «незначительности субсидій» надо прибавить значительность

вздорожанія жизни». Не станемъ вдаваться въ статистическія подробности и разсматривать всё продукты въ отдѣльности. Ограничимся приведеніемъ суммарныхъ данныхъ, сообщенныхъ печати официальныхъ агентствомъ Стефани о вздорожаніи продуктовъ первой необходимости (хлѣбъ, мука, «паста», макарона, молоко, масло, воловье мясо и т. п.) въ 17 крупнѣйшихъ городахъ Итали. Для сравненія взяты цѣны за мартъ этого года и первую половину 1914 г. Въ среднемъ процентъ вздорожанія равняется 35-ти, колеблясь между минимумомъ для Рима (23,41%) и максимумомъ для Болоньи (61,46%), находящейся въ военной зонѣ. Но тутъ взяты, повторяемъ, лишь продукты первой необходимости для личнаго потребленія, а вздорожало всё буквально все. Не забудемъ огромнаго увеличенія косвенныхъ налоговъ: на табакъ, соль, почтовые марки, желѣзнодорожные билеты, кинематографы, спички, сахаръ, керосинъ, велосипеды, игральныя карты, пиво и прочая и прочая и прочая. Даже религиозныя службы — и тѣ вздорожали: духовенство дѣлаетъ прекрасныя дѣла, молебны и панихиды заказываются огромными партиями, и во многихъ мѣстахъ, по сообщеніямъ газетъ, священники берутъ за мессу вмѣсто одной лиры полторы, причемъ, изъ экономіи, дѣлается общая месса для 15 — 20 человекъ, приносящая священнику 30 лиръ въ одинъ, что называется, присѣсть.

А роковая проблема угля, ставящая итальянскую промышленность въ невозможное положеніе? Въ уголь теперь обходится въ Итали вмѣсто прежнихъ 40 — 50 лиръ за тонну — 160 — 170!! Наконецъ, разрывъ торговыхъ отношеній съ Германіей лишилъ страну массы дешевыхъ и, во многихъ случаяхъ, незамѣнимыхъ фабрикатовъ. Очень туго приходится, напримѣръ, съ медикаментами, всевозможными приборами, машинами и т. п., вздорожавшими самымъ бѣшенымъ образомъ. И потребитель еще счастливъ, если ему удастся купить термометръ за 12 лиръ, въ то время, какъ прежде за него платили 1½, или разъ въ 30 переплатить за бутылъ корбодки — лишь бы были «настоящія»: а то шреподнесутъ такой «національный» суррогатъ, что хоть возьми да разбей, или вылей... Можно при этомъ, конечно, утѣшаться мыслью, что освобождаешься отъ «нѣмецкаго засилія», но для потребителя это весьма кислое утѣшеніе. Да и съ высокагосударственной и патриотической точки зрѣнія утѣшительнаго мало: въдъ сразу не создашь на пустомъ мѣстѣ національную индустрію — при всемъ желаніи и всяческомъ шоощреніи. А шоощренія дѣлаются изрядныя: такъ, напр., специальнымъ декретомъ освобождены на 5 лѣтъ отъ таможенныхъ пошлинъ ввозимыя машины, предназначенныя для новыхъ промышленныхъ предпріятій, и на тотъ же срокъ ихъ доходы освобождаются отъ налога на движимую собственность. Нѣмецкое засиліе какъ будто бы, волей-неволей, исчезло: изъ отчета о торговлѣ Итали въ 1915-мъ году узнаемъ, что противъ 503,2 миллионв лиръ германскаго ввоза въ 1914-мъ году, 1915 г. показалъ только 155,7 (за первые 5 мѣсяцевъ этого года, когда Итали еще была нейтральной); то же,

конечно, и съ австрійскимъ ввозомъ: вмѣсто 233,8 милл. только 34,1. Чѣмъ же пополнились эти пробѣлы, увеличенные еще огромными потребностями войны? Быть можетъ, союзники замѣнили тевтоновъ? Увы, ввозъ изъ Англїи и Франціи нѣсколько уменьшился: съ 504,9 милл. до 487,8 для первой, и съ 205,5 до 177,9—для второй. Зато появился новый и далекій поставщикъ, заткнувшій за поясъ на итальянскомъ рынкѣ Германію, Англїю, Австрію и Францію, вмѣстѣ взятыхъ: это — Америка; за 1915-й годъ изъ Соед. Штатовъ ввезено въ Италію товаровъ на сумму 1.238 милл. лиръ (противъ 442,8—въ 1914 г.) и изъ Аргентины—на 323 мил. противъ 39,8).

Несмотря на дороговизну жизни, приходится все же отмѣтить, что не всѣмъ приходится тяжело во время войны. Годичные отчеты банковъ, акціонерныхъ обществъ, предприятий, работающихъ на армию и т. п. свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкоторому слою населенія удалось недурно справиться съ дѣлами въ годину бѣдствій. Кое-кто даже публично вздохнулъ съ облегченіемъ: «Слава Богу, управились!» Такъ, въ докладѣ мануфактурно-акціонернаго общества «Lanificio - Rossi» сказано, что «1915 годъ закончился съ удовлетворительнымъ результатомъ, несмотря на большія трудности, которыя промышленность должна была преодолѣть въ этотъ исключительный періодъ». При ближайшемъ разсмотрѣніи результаты, дѣйствительно, оказываются «удовлетворительными», по скромному опредѣленію отчета: оказывается, что годъ войны далъ обществу возможность «заработать» 2.947 т. лиръ противъ 1.934 т. 1914 года, т. е. на 1.013 т. лиръ или на 50% больше. Административный совѣтъ собирался на каждую акцію въ 900 лиръ выдать 100 лиръ или 11% дивиденда, но такъ какъ декретъ отъ 7 февраля ограничилъ цифру дивиденда 8%, — акціонерамъ было выдано «только» по 80 лиръ на акцію, а около полумиллона снесено въ резервъ. Совсѣмъ «удовлетворительными» оказались дѣла металлургическаго треста «Ilva», получившаго за 1915 годъ чистой прибыли 24.182.000 лиръ, на 12½ миллоновъ больше, чѣмъ въ 1914-мъ и на 11 больше, чѣмъ въ 1913-мъ. Любопытна табличка стоимости акцій различныхъ заводовъ: заводъ «Ферриере» — передъ войной: 76 лиръ, 31 дек. 1915 г. — 153, весной 1916-го — 188; заводъ «Савона» — соответствующія цифры: 125,211,238; «Эльба»—184,253,295 и т. д. Въ докладѣ официального инспектора министерства промышленности о состояніи шерстяной индустрии въ Итали находимъ, между прочимъ, слѣдующія любопытныя данныя о чистой прибыли: въ 1915 году она равнялась 8,92%, въ 1910—9,60%, къ началу мировой войны—9,99%. Въ 1915 же году, послѣ 6 мѣсяцевъ итало-австрійской войны, въ двухъ крупнѣйшихъ предприятияхъ Биеллы эта прибыль уже составляла 22,67% и 25,48%.

Газеты то и дѣло шестрятъ такими объявленіями: «Важное предприятие по поставкамъ на военное министерство ищетъ члена-капиталиста. Освобожденіе отъ воинской повинности». «Ищемъ капиталистовъ въ 40—50 т. т. лиръ для вклада въ дѣло военныхъ поставокъ, исчисляя

20% годовыхъ. Гарантіи достаточны». «Военные поставщики ищутъ немедленно 30 тысячъ для лучшаго развитія предприятия, гарантируемъ доходнѣйшую (lucrosissima) операцію» и т. д. Если 20% годовыхъ гарантируются за простой заемъ капитала, сколько же собираются на него получить сами т.т. операторы? Очевидно, предприятия этого рода воистину «lucrosissim»ы. Есть, правда, въ нихъ одна неприятная сторона: возможность тюремнаго заключенія при излишнемъ рвеніи—суды жестоко расправляются съ неосторожными операторами, но «кто не рискуетъ, тотъ въ тюрьмѣ не сидитъ». Большой неприятностью для всей военной индустріи явился декретъ отъ 21 ноября 1915 года о налогахъ съ доходовъ, приносимыхъ войной—единственное крупное мѣропріятіе, которымъ итальянское правительство ударило по буржуазіи:* по этому декрету взимается 10% съ доходовъ, приносящихъ отъ 8 до 10% на затраченный капиталъ, 15% съ доходовъ въ 10—15%, 20%—съ 15-

* Имѣется, правда, одинъ декретъ (3 июня), посвященный квартирному вопросу призванныхъ подъ оружіе, но о томъ, какъ разрѣшается этотъ вопросъ, пусть судятъ сами читатели:

§ 3 милостиво предоставляетъ главамъ семейства, призванному подъ оружіе, отказаться отъ контракта и получить внесенный залогъ, но онъ обязанъ уплатить сполна за весь текущій мѣсяць. Кромѣ того, дѣйствіе этого § не распространяется на лицъ, платящихъ свыше 2000 лиръ въ годъ.

§ 4 предоставляетъ также въ этихъ случаяхъ право платить половину квартирной платы домохозяйевамъ, но лишь въ тѣхъ случаяхъ если эта плата не превышала 50 лиръ въ мѣсяць въ коммунахъ съ населеніемъ свыше 200 тысячъ человекъ, 30 лиръ—въ коммунахъ съ 50—200 т.т. населеніемъ, 20 лиръ—25—50 т.т. и 15 л.—для другихъ коммунъ.

(При назначеніи субсидій правительство, однако, не считалось съ населенностью центровъ, а «установило» свои 70 сантимовъ по всему королевству...)

Но чтобы г.г. домохозяева не почувствовали себя угнетенными, декретъ содержитъ въ себѣ слѣдующее замѣчательное мѣсто:

«Неуплаченные доли должны быть погашаемы равными мѣсячными взносами въ течение одного года по окончаніи военной службы и во всякомъ случаѣ до прекращенія найма, который, по требованію домохозяина, долженъ быть продолженъ на время, необходимое для уплаты указанныхъ мѣсячныхъ взносовъ».

Но даже оставляя въ сторонѣ эти предусмотрительно установленныя закономъ для будущаго кабальныя отношенія,—что положительнаго даетъ онъ для тяжелаго настоящаго момента?

Разумѣется, 25 лиръ вдвое меньше 50-ти лиръ, но семь, обреченной на иждивеніе субсидіями не все ли равно быть выселенной за неуплату большей или меньшей, для нея одинаково недоступной теперь платы? Затѣмъ, при существующей въ Италіи—особенно въ крупныхъ центрахъ—дороговизнѣ декретную норму надо признать необычайно низкой. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что по причинѣ той же дороговизны, бѣднѣйше классы населенія не имѣютъ дѣла непосредственно съ домохозяевами, а снимаютъ отдѣльныя комнаты въ квартирахъ и, такимъ образомъ, на нихъ декретъ не распространяется.

О томъ, что на семьи, гдѣ не призваны «главы» подъ оружіе, но, страдаютъ отъ тяготъ войны не въ меньшей мѣрѣ,—даже это «благодѣяніе» не распространилось, уже говорить не приходится.

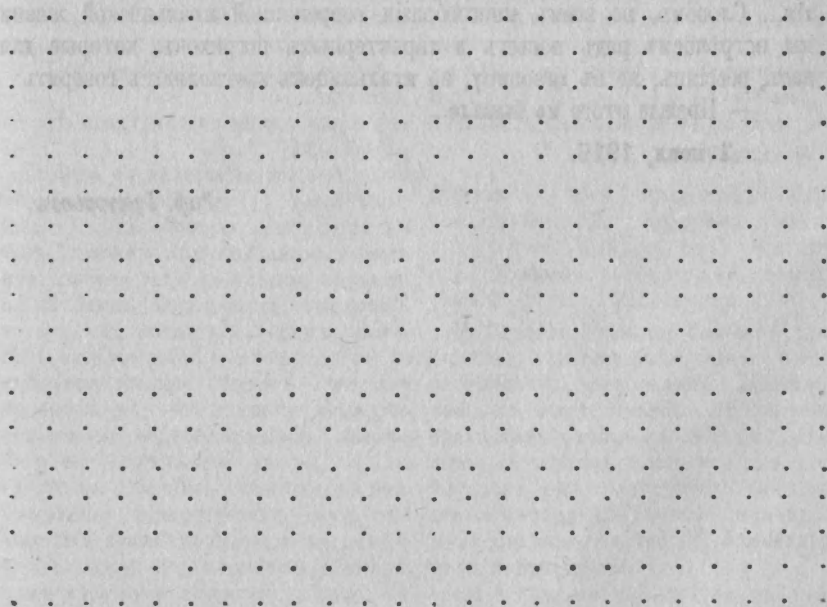
20% и 30%—съ доходовъ, превышающихъ 20%. Разумѣется, опытная публика и здѣсь не теряетя, доходы разносятся такимъ образомъ, что оказываются вовсе не доходами, и т. п. Тѣмъ не менѣе, капиталисты весьма недовольны этимъ налогомъ, и въ печати поучаютъ правительство, что усурдствовать, молъ, нечего, такъ какъ путемъ обложенія ренты «даже если она будетъ серьезно удостовѣрена и уплачена» можно собрать лишь десятки миллионъ, въ то время, какъ ихъ нужно достать сотни... Такъ или иначе, мы убѣдились, что дѣла промышленнаго класса въ Италіи обстоятъ въ достаточной мѣрѣ «удовлетворительно». Что же касается пролетариата, то и здѣсь повторяется картина, знакомая по опыту другихъ европейскихъ странъ: рабочему классу удалось—путемъ ли стачекъ, измененіемъ ли тарифныхъ договоровъ мирнымъ путемъ,—добиться повышенія заработной платы, но это повышеніе, за немногими исключеніями, сильно отстаетъ отъ «повышенія» дороговизны жизни, и, такимъ образомъ, экономическое положеніе пролетариата приходится считать ухудшившимся за время войны. Объ этомъ мы имѣемъ такіа авторитетныя свидѣтельства, какъ резолюціи рабочихъ профессиональныхъ организацій. Такъ, національный совѣтъ генеральной федераціи труда, констатируя сильное вздорожаніе жизни, которое еще будетъ вследствие войны и ея экономическихъ послѣдствій сильно возрастать, противопоставляетъ его ничтожному увеличенію заработной платы, «не только не соответствующему этой дороговизнѣ, но распространившемуся лишь на небольшую категорію организованныхъ рабочихъ». Конгрессъ земледѣльческихъ рабочихъ, о которомъ мы выше упоминали, въ своей резолюціи о дороговизнѣ жизни отмѣчаетъ, что въ то время, какъ заработная плата поднялась всего на 18—20%, продукты потребленія увеличились въ цѣнѣ на 60% и, такимъ образомъ, матеріальный вредъ, принесенный войной наемному труду, нельзя исчислить меньше, чѣмъ въ 30%.

Все это утвержденія отнюдь не голословныя, выводы дѣлаются на основаніи скрупулезнаго изученія фактовъ, и для ихъ провѣрки стоить взять пучокъ рабочихъ газетъ и заглянуть въ хронику. Тамъ найдемъ: въ Луго рабочіе и хозяева согласились на повышеніе заработной платы съ 3,25 до 4 лиръ въ день на все время войны; въ Равеннѣ переплетчикамъ удалось поднять ее на 12—15%, въ Пизѣ работницы-спичечницы, получающія 2,10 лиры за 10 часовой день, требуютъ прибавки въ 40 сантимовъ, хозяева соглашаются на 20, угрожаетъ стачка; въ Туринѣ текстильщицы добились путемъ тарифныхъ договоровъ прибавки въ 10—25 сантимовъ, въ общемъ не выше 12%, тамъ же закончилась побѣдоносно стачка металлистовъ, плата повышена на 10—15%, для нѣкоторыхъ категорій на 25 и т. д., и т. д. Экономически нѣсколько лучше поставлены рабочіе милитаризованныхъ предпріятій, но это преимущество вполне «компенсируется» юридическимъ безправіемъ этой категоріи: § 2 декрета о мобилизаціи персонала высшихъ предпріятій (4 октября) 1915 г.) такъ прямо и говоритъ, что рабочіе «non hanno diritto ad alcuna compensazione». Они подлежатъ военной юрисдикціи и

невка на работу безъ законныхъ причинъ квалифицируется, какъ дезертирство. Были уже неоднократно процессы, въ одномъ случаѣ военный судъ призналъ группу рабочихъ «невмѣняемой», дѣйствовавшей, вѣрнѣе, бездѣйствовавшей, не отдавая себѣ отчета въ преступленіи, и ихъ оправдалъ; но другіе приговоры заканчивались не такъ идиллически:— тюремнымъ заключеніемъ до 2-хъ лѣтъ включительно. (Какъ курьезъ стоитъ отмѣтить, что на скамьѣ подсудимыхъ за дезертирство очутилась однажды—15-лѣтняя дѣвушка-работница милитаризованнаго предприятия. Ее оправдали).

Не надо еще забывать, что несмотря на мобилизацію, проведенную въ огромныхъ размѣрахъ, и на потребность въ рабочихъ рукахъ, созданную нуждами войны,—безработица все же продолжаетъ занимать видное мѣсто: вѣдь изъ Италіи ежегодно эмигрировало около полумилліона людей, теперь не имѣющихъ къ этому возможности. Если къ этому прибавить обычную крупную въ Италіи «резервную армію» (для одного Неаполя постоянное количество безработныхъ исчислялось въ 100 тысячъ), да выброшенныхъ за бортъ работниковъ пришедшихъ въ упадокъ индустрій, вродѣ форестьерской, да раззорившуюся мелкоту,—то явленіе становится понятнымъ.

Въ общемъ, присматриваясь къ вліянію, производимому войной на личное благосостояніе гражданъ, приходишь къ выводу, сдѣланному въ «Avanti» воздѣмъ кон феревціи труда Р. Риголой: «Съ точки зрѣнія чисто-экономической и социальной подтверждается никогда не опровергнутый законъ: война дѣлаетъ богатыхъ болѣе богатыми и бѣдняковъ болѣе бѣдными, т. е. аннулируетъ сдѣланные за долгій періодъ времени успѣхи».

На дняхъ въ Римѣ состоялся торжественный парадъ молодыхъ бойцовъ въ присутствіи наследнаго принца, высшихъ военныхъ и гражданскихъ властей, знати. Министръ народнаго просвѣщенія Гриппо въ рѣчи, обращенной къ молодежи, говорилъ о томъ, что «наши храбрыя войска водрузятъ трехцвѣтное знамя въ тѣхъ земляхъ, которыя Богъ, исторія и національная воля предназначили для Итали». Можно быть увѣреннымъ, что еслибъ это напоминаніе было сдѣлано министромъ до войны, онъ не долго остался бы на своемъ посту. Или другой примѣръ: въ Ливорно, въ годовщину войны, была организована месса подъ открытымъ небомъ, и на эту мессу командиръ мѣстной дивизіи . . . подчиненныя ему войска, а учебныя власти—учащіеся всевозможныхъ заведеній, и военный оркестръ исполняли релігиозные гимны... Депутатъ Иодильяни немедленно послалъ запросъ соответствующимъ министрамъ, и тутъ произошло наиболѣе характерное: рядъ либеральныхъ газетъ, воспроизводя эти запросы, озаглавилъ ихъ ядовито—«Еврей противъ мессы». Такъ, шѣтушкомъ просакиваетъ и антисемитизмъ; тутъ онъ, разумѣется, не имѣетъ почвы подъ ногами—достаточно указать, что Лудцати, Соннино, Барццала, —евреи, и никто этого здѣсь не замѣчаетъ. Но если въ эпоху освободительной войны социалистическій депутатъ бьетъ тревогу противъ клерикальной опасности—либералы мигаютъ на его еврейское происхожденіе. Въ *Giornale d'Italia*, органѣ, стоящемъ близко къ Соннино, петроградскій корреспондентъ газеты в. А. Дзанетти, критикуя книгу г. П. Рысса объ Итали, дважды упоминаетъ, что авторъ ея не русскій и выражаетъ надежду, что появится истинно-русскій человекъ, который напишетъ хорошую книгу объ Итали... Словомъ, во всемъ многообразіи современной итальянской жизни мы встрѣчаемъ рядъ новыхъ и характерныхъ штриховъ, которые для насъ, россиянъ, не въ диковину, но итальянцамъ заставляютъ говорить:

— Прежде этого не бывало...

3 июля, 1916.

Раф. Григорьевъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Е. Кузьмина-Караваева. «Руѣ». Петроградъ. 1916. Стр. 139 + III. Ц. 1 р. 75 к.

Со страницъ этой содержательной, но нѣсколько однообразной книги глядитъ строгое и безыскусственное лицо автора, лицо, въ которомъ никого не узнаешь, которое принимаешь, какъ новое. Въ этомъ не только главное достоинство книги г-жи Кузьминой-Караваевой, но и источникъ другихъ достоинствъ. Эта самостоятельность сообщаетъ ей твердую вѣру въ себя и рождаетъ ту увѣренность, ту неизбывную бодрость, съ которой ступаетъ «по жнивью чужою босая» Руѣ.

Съ платкомъ, низко опущеннымъ на лобъ, и съ неизмѣнной покорностью и вѣрой въ Бога, выступаетъ она, тихая монашенка, безропотно несетъ бремя тяжелого труда, собираетъ колосья съ чужихъ полей, потому что ей открыто то, что —

Пока не будетъ каждый колосья
скошенъ,
Не спустится на землю тихій рай.
(стр. 106).

Пауось ея религия не въ молитвенномъ созерцаніи, а въ животворящемъ трудѣ. Она не возносится къ Богу, а зоветъ Его на землю, хочетъ приготовить ему достойное обиталище на землѣ. Она вѣритъ, что «изойдетъ скала, когда мы будемъ погибать отъ жажды», она знаетъ, что за «обреченностью» будетъ великое «спрозрѣніе», что придетъ «Искупитель» и на «преображенной землѣ» (это все отдѣлы ея книги), а не гдѣ-то въ далекомъ небѣ будетъ рай. Смирная псалмопѣвица Бога, она «сынамъ земли родная», и къ землѣ, не къ одной изъ мировыхъ планетъ, а къ «земному единому миру», къ землѣ, изборожденной плугами, жмущей зерна, ея слова:

О, мать, ты солнца чудотворнѣй
И звѣздъ пылающихъ мудрѣй.
(стр. 121).

И, «слабая жена», безсильная одна совершить чудо преображенія земли, и увѣренная въ томъ, что «каждый мудръ и чудотворецъ каждый», она зоветъ всѣхъ «поднять тяжелый крестъ», будить каждого къ «богоданной работѣ».

Эта общая цѣлостность и религиозная сосредоточенность, вызывающая довѣріе читателя своей искренностью, дѣлаетъ книгу г-жи Кузьминой-Караваевой незаурядной и заставляетъ прислушаться къ ея одинокому голосу.

Съ внѣшней стороны не лишена книга г-жи К.К. нѣкоторыхъ мелкихъ промаховъ, встрѣчаются и нехорошія рѣшмы: «летѣтъ—вѣтъ» (стр. 120), и неудачныя выражения: съ скрипучими возами, и заимствованныя слова: безмужняя левѣста (Игорь Сѣверянинъ), править ремесло (А. Блокъ), и невѣрныя ударенія: жѣзла (стр. 14).

Д. Выгодскій.

Метель — 25-й Альманахъ «Шиповника». Л. Андреевъ. «Иго войны», повѣсть въ 2 частяхъ; Г. Чулковъ. «Метель», романъ въ 2 частяхъ. Петроградъ.

У Георгія Чулкова большое пристрастіе къ острымъ темамъ,—это, разумѣется, превосходно. Плачевно лишь то, что г. Чулковъ не соразмѣряетъ силъ своихъ съ своими замыслами. Несоразмѣрность эта для него фатальна, она сопутствуетъ каждому его произведенію и для творчества Чулкова является чертой, болѣе другихъ характерной.

«Метель»—не исключеніе въ ряду прочихъ твореній г. Чулкова. Столь же претенциозна, какъ и прочія,

столь же нарочито недоговоренная, она раздражает, не волнуя, вызывает в памяти чьи-то великия тѣни, умаляя тѣнь самого автора. Переживая, вѣроятно, тщету нововоплощающихся замысловъ, авторъ забѣгаетъ впередъ и чаще, чѣмъ этого требуетъ скромность, предупреждаетъ читателя объ особенностяхъ своего повѣствованія. Выражаясь словами нашего автора, «Метель» — повѣсть необыкновенная и даже, можно сказать, загадочная. Идетъ въ ней рѣчь о «грѣхахъ Петербурга», о «канунахъ» нѣкихъ «великихъ событий», о «противорѣчяхъ», терзающихъ сердце, и питающихъ душу какими-то «предчувствіями». И господа, дѣйствующіе въ повѣсти — люди также незаурядные. О, г. Чулковъ не любить простыхъ смертныхъ. Главный герой «Метели» — князь Нерадовъ — человѣкъ, — какъ его аттестуетъ авторъ — «не совсѣмъ обыкновенный и даже загадочный». Не отстаютъ отъ князя Нерадова и прочіе герои г. Чулкова. «Не совсѣмъ обыкновененъ» — четырнадцатилѣтній сынъ князя Нерадова — князь Игорь — который, еще будучи ребенкомъ «вдругъ сталъ выражаться неясно и даже загадочно»; и взгляды у молодой дѣвушки (въ ней было, конечно, что то «иконописное») тоже «загадочный»; а бесѣдая, однажды, на островахъ съ княземъ Игоремъ, «она объяснила ему нѣчто не совсѣмъ ясное и даже загадочное», и если на страницахъ повѣсти появится на короткое мгновение какой-нибудь (разумѣется, «небезызвѣстный») авторъ сонетовъ — то и сонеты этого автора также оказываются «загадочными». Пристрастїе къ загадочному поистинѣ необыкновенное!

Ясное дѣло: загадочные господа и небезызвѣстные писатели не занимаются простыми дѣлами. Про стараго князя Нерадова передавали, будто «князь замѣшанъ былъ въ дѣлѣ весьма развратномъ и даже противоестественномъ». Вокругъ всяческихъ противоестественностей гарцуютъ и прочіе персонажи романа:

самая же ось повѣствованія заключается въ любви брата и сестры — дѣтей загадочнаго князя, не вѣдающихъ о своемъ родствѣ. Вокругъ этой оси и плетется авторомъ затѣливая словесная вязь, съ весьма откровенными намеками на значительность описываемыхъ событий и нѣкую тайную связь съ другими событиями огромной, можно сказать, всечеловѣческой важности. «Хотя сюжетъ нашего повѣствованія ограниченъ дѣлами личными, частными и семейными — подсказываетъ г. Чулковъ — тѣмъ не менѣе, — будетъ, пожалуй, не лишнимъ сообщить читателю, что события, о которыхъ рассказываетъ авторъ, относятся къ тѣмъ смутнымъ годамъ нашей исторіи, когда мы, послѣ 1905 года...» и такъ далѣе, въ томъ же многозначительномъ родѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что съ меньшимъ (а б. м. даже съ большимъ) успѣхомъ повѣствованіе г. Чулкова можно было бы связать, ну, хотя бы, съ боксерскимъ движеніемъ въ Китаѣ, со сборомъ винограда въ Туркестанѣ и вообще съ чѣмъ угодно.

Нужно, впрочемъ, воздать должное г. Чулкову: онъ умѣетъ заинтриговать читателя. Къ сожалѣнію — дальше своеобразнаго кокетства дѣло не идетъ, и авторъ бессильно топчется на мѣстѣ, постоянно что-то читателю обѣщая и столь же постоянно обѣщаній своихъ не сдерживая. «...Прошло 3 мѣсяца — повѣствуетъ онъ передъ концомъ своего романа, — а взаимныя отношенія героевъ этой несовсѣмъ обыкновенной исторіи не только не выяснились, но еще болѣе запутались и осложнились. Иные изъ ея участниковъ даже вовсе не видѣли другъ друга въ теченіе всѣхъ 3 мѣсяцевъ, а между тѣмъ, какъ будто тайныя силы плели неустанно свою интригу, и всѣ чувствовали, что отъ судьбы не уйдешь...» И въ тотъ мигъ, когда читателю начинаетъ казаться, будто исполняются сроки и вотъ-вотъ показывается долгожданный перстъ судьбы — занавѣсъ падаетъ, и читатель зрѣть финальную строку: «ко-

нецъ». Авторъ не сумѣлъ распутать своихъ замысловатыхъ хитросплетеній.

Причина этого заключена не столько въ размахѣ дарованія г. Чулкова, сколько въ его несамостоятельности, въ рабской его зависимости отъ чужихъ словъ, чужихъ мыслей, чужихъ образовъ. Зависимость эта (Соловьевъ, Достоевскій, Бѣлый) столь велика, что временами переживаешь Чулкова не какъ художника, а лишь какъ подражателя, хуже того—имитатора. Чулковъ можетъ прикинуться поэтомъ—и иные повѣрятъ ему; прикинется критикомъ, философомъ, публицистомъ, художникомъ,—но все это будетъ лишь имитацией, искусной (нерѣдко) поддѣлкой,—но не подлиннымъ искусствомъ, творчествомъ новыхъ цѣнностей. Чулковъ кажется многостороннимъ,—но многосторонность эта отъ бѣдности, а не отъ богатства; онъ безличенъ, несмотря на старанія (а б. м. благодаря имъ) усвоить единственное, неповторимое лицо. Въ своихъ произведенияхъ онъ настойчиво кого-то въ чемъ-то убѣждаетъ, и потому оказывается неуубѣдительнымъ; философствуя, онъ не возбуждаетъ желанія спорить; всѣхъ насъ тѣшитъ увѣрить, будто въ писаніяхъ его сокрыта нѣкая глубь,—но глубина эта—увы!—лишь глубина хорошо отполированной плоскости. И при всемъ этомъ—однообразенъ онъ утомительно. Дѣвушки съ иконописными лицами, загадочные господа, противорѣчя, терзающія сердце, всяческія предзнаменованія—и многое другое, встрѣчающееся чуть ли не въ каждой его вещи—ослабляютъ влечение къ этому писателю, усвоившему себѣ хорошо развитую писательскую технику.

У романа Чулкова есть, все-же, одно немалое достоинство: онъ заинтересовываетъ. Этого нельзя сказать про повѣсть Леонида Андреева—произведение слабости исключительной, даже при нынѣшней нашей неприязнительности. Въ одной лишь смѣлости нельзя отказать автору: въ

разгарѣ войны, когда еще дышать кровью и слезами газетныя холодныя страницы, онъ пытается на страницахъ повѣсти художественно преобразить все, что продолжаетъ еще волновать насъ каждодневно. Но его произведение не выдерживаетъ опаснаго сосѣдства: оно тускнѣетъ, уступаетъ въ яркости и силѣ обыкновенному газетному листу. «Взять Оссовецъ». «Взять Антверпенъ». «Взятая крѣпость Брестъ»—какой сѣрой скукой дышать эти строки въ повѣсти Андреева по сравнению съ той насыщенной тревогой, какую возбуждали онѣ, вычитываемыя со столбцовъ экстреннаго газетнаго выпуска.

Неудача повѣсти коренится не столько въ поспѣшной приуроченности ея, сколько въ самомъ подходе къ темѣ. Война въ ней воспринимается упрощенно: *a la guerre, comme a la guerre*. Воевать, такъ всевать! Герой повѣсти, существо ничтожное и сѣрое, по ничтожеству своему не можетъ охватить смысла войны и не заражается настроеніемъ людей, его окружающихъ; но, въ концѣ концовъ, подъ ударами просвѣтляющихъ и закаляющихъ событий, онъ перерождается духовно и даже кричитъ ура! Картина умиленная; въ обыденной жизни встрѣчается, можно сказать, на каждомъ шагу,—но какъ безнадежно поверхностно все это на страницахъ альманаха!

Когда-то, тоже въ дни войны, Андреевъ сказалъ о войнѣ другія слова: «безуміе и ужасъ». Сказано это было напыщенно,—но сильно. Сильно потому, что ближе къ правдѣ. А теперь? «Ура! Нашими войсками взята крѣпость Перемышль, и весь Петроградъ полонъ ликования. Какой счастливый, какой прекрасный день!» Это въ теперешнемъ его произведении. Слова эти блѣдны, мож. быть, сравнительно съ тою радостью, которую дышали петроградскія улицы послѣ взятія австрійской крѣпости.—но причѣмъ здѣсь, все-таки, искусство? Увы!—пути русскаго искусства и русской жизни упрямо иногда расходятся въ разныя стороны. По

грандиозному размаху событий, по возможным их слѣдствіямъ, переживаемые дни, по справедливости, называются великими днями нашей исторіи. Къ несчастью, — великіе дни нашей исторіи оказались позорными днями нашей литературы. Иныя слова не подбираются для опредѣленія той литературной полосы, свидѣтелями которой мы были, да и продолжаемъ быть. Съ точки зрѣнія «патриотической» — беллетристика послѣднихъ двухъ лѣтъ заслуживаетъ, разумѣется, всяческой похвалы. Съ этой точки зрѣнія, новое произведение Андреева въ высшей степени почтенно и достойно сочувствія, подобно произведеніямъ многихъ другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ нашихъ писателей, плывущихъ по теченію, весьма широкому и полноводному. Но лишь только мы попытаемся примѣнить къ этимъ произведеніямъ критерій эстетическаго свойства—выводы получаются угнетающе.

Выводовъ этихъ не колеблетъ послѣдняя повѣсть крупнаго писателя, оказавшагося, подобно многимъ не крупнымъ своимъ современникамъ, безсиленнымъ дать такое художественное преображеніе переживаемыхъ событій, какого они заслуживали.

Вяч. Полонскій.

Надежда Санжарь. Записки Анны. Изд. 2. М. 1916 г. Стр. 149. Ц. 1 р. 20 к.

Надежда Санжарь. Заколдованная. Изд. 2. М. 1916 г. Стр. 71. Ц. 75 к.

Надежда Санжарь. По своему. Драма. М. 1916 г. Стр. 93. Ц. 75 к.

«Кажется, скоро закончу сраженіе хозяйкамъ здѣшняго дома... Не нравится мнѣ, какъ живутъ люди, не правится. Ахъ, еслибъ у меня была воля, силы, показала бы я всѣмъ, какъ человѣку жить надо» («З. А.». Стр. 22—25). Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ — квинтъ-эссенція всѣхъ трехъ книгъ г-жи Санжарь и со стороны стilia, и со стороны содержания.

Каждая страница каждой изъ книгъ г-жи Санжарь говоритъ объ отсутствіи настоящаго человѣка, моего человѣка и о необходимости его создать. Въ первой книгѣ героиня пытается создавать новыхъ людей, такъ сказать, въ розницу, по одиночкѣ, выступая въ роли воспитательницы въ различныхъ домахъ. Въ драмѣ «По своему» она (подъ другимъ именемъ) уже устраиваетъ фабрику новыхъ людей, готовитъ ихъ оптомъ, собирая отовсюду сиротъ въ свою «Школу людей». Самымъ оригинальнымъ, однако, называется способъ изысканія средствъ на это грандиозное благотворительное предпріятіе. Организаторша его увѣрена, что «никакой талантъ, никакой геній, ничто не можетъ дать у насъ такихъ доходовъ, какъ развратъ («По своему», 32) и—начинать заниматься проституціей. Конечно, она не ошиблась въ расчетахъ. На нее «установили безумную таксу», и ея доходы превышаютъ потребность «школы». На остатки она организуетъ борьбу... съ проституткой.

Подобныя «гениальныя» идеи составляютъ паюсъ всѣхъ героинь г-жи Санжарь, ничѣмъ рѣшительно другъ отъ друга не отличающихся. «Я вся во власти физиологии»,—завяляетъ одна изъ нихъ за всѣхъ другихъ. Исключительная мысль о полѣ, вѣчная борьба съ собой и съ окружающими на почвѣ сексуальности—другихъ переживаній онѣ не знаютъ. Каждый встрѣчный мужчина обязательно «раздѣваетъ ихъ глазами», а болѣе смѣлые и не только глазами. Спротивляться этому имъ не приходится въ голову. И только тогда, когда «онъ раздѣлъ меня всю до гола, и, восхищаясь моимъ тѣломъ, грубо, жадно цѣловалъ меня» — героиня догадывается, чего хотятъ отъ нея и оказываетъ противодѣйствіе. А въ другой разъ она съ голубиной кротостью и съ дѣтской наивностью по собственной инициативѣ «усѣлась къ нему на колѣни» и—«ради Бога, забудьте мое тѣло женщины». Развѣ можно найти болѣе удобную позу для подобныхъ

просьбъ и для длинныхъ теоретическихъ разсуждений о половомъ вѣпросѣ?

И эта женщина есть именно тотъ человекъ, «мой» человекъ, новая порода людей, о которой мечтаетъ на своихъ страницахъ г-жа Санжарь. «Мнѣ чудится, что всѣ страданія Христа, всѣ муки, всю Голгоѳу должна снести и міру показать теперь женщина» («З. А.», стр. 78), и именно эта женщина.

Если прибавить къ этому, что книжки г-жи Санжарь лишены какого-бы то ни было интереса въ смыслѣ фабулы, что двѣ первыя являются точнѣйшимъ пересказомъ одна другой, что въ нихъ нѣтъ ни намека на какую-либо художественность, что онѣ написаны крайне неряшливымъ, порою прямо ужасающимъ языкомъ—представление о нихъ получится почти полное.

Нечего говорить, конечно, о томъ, что Надежда Санжарь стоитъ внѣ литературы, однако, своего читателя она, вѣроятно, найдетъ, какъ нашла его во многомъ сходная съ ней г-жа Нагродская.

Д. В.

Пушкинисть. Историко-литературный сборникъ подъ редакціей профессора С. А. Венгерова. П. Петроградъ. 1916 г. Стр. XVI + 292. Ц. 1 р. 75 к.

Пушкинъ — единственный поэтъ, котораго мы изучаемъ достойнымъ образомъ. Наша «Puschkiniana» растетъ не по днямъ, а по часамъ. Не проходитъ мѣсяца, чтобъ не появилось книги или статьи относящейся къ Пушкину: то новое издание его, то новый комментарий къ его произведениямъ, то новые матеріалы для изучения его эпохи, то, наконецъ, ново-найденныя строки поэта. И если все-же еще есть пробѣлы въ изученіи Пушкина (такъ, напр., нѣтъ ни одного серьезнаго изслѣдованія его стихотворной техники), то они быстро заполняются цѣлой арміей усердныхъ пушкинистовъ. Среди нихъ едва ли не первое мѣсто по неудо-

мости и преданности дѣлу принадлежитъ С. А. Венгеру.

Не довольствуясь, однако, собственными трудами, С. А. Венгеръ задумалъ внѣдрить любовь и интересъ къ изученію Пушкина въ среду учащейся молодежи. Съ этой цѣлью онъ ведетъ въ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ непрерывно уже въ течение нѣсколькихъ лѣтъ, такъ называемые «Пушкинскія семинаріи». Работы ихъ вскорѣ достигли такой степени серьезности и научности, что уже въ прошломъ году явилась потребность дѣлать ихъ, по крайней мѣрѣ, лучшія изъ нихъ, достояніемъ болѣе широкихъ круговъ. Этой цѣли и служитъ «Пушкинисть», вторая книга котораго находится теперь передъ нами.

Большую часть книги занимаетъ обширная работа Бориса Энгельгардта «Историзмъ Пушкина». Въ ней авторъ подробно останавливается на всѣхъ этапахъ эволюціи Пушкинскаго мировоззрѣнія и приходитъ къ выводу, что главную роль въ его приемлющемъ мирѣ объективизмъ сыграла историческая точка зрѣнія. «Не помня зла, за благо воздадимъ» — ея формула. Пушкинъ, испуганный было безжалостностью рока, отчаявшийся, потому что «отъ судьбы защиты нѣтъ», преодолѣлъ потомъ свой страхъ, пересилилъ отчаяніе: «Слѣпой и бессмысленный рокъ, съ которымъ нельзя помириться, замѣнился для него не Богомъ, таинственно царящимъ надъ міромъ или въ мирѣ, не внутренней разумностью космическаго цѣлага, но цѣлесообразной необходимостью историческаго процесса. Принятіе міра было дано ему не въ религиозномъ или натурфилософскомъ созерцаніи вселенной, но въ историческомъ воззрѣніи на жизнь человѣчества». (Стр. 156). Стройная и совершенно самостоятельная статья г. Энгельгардта много бы выиграла, если бы не была такъ чрезмѣрно уснащена массой иностранныхъ словъ, производящихъ порошъ впечатлѣніе нарочитаго серьезничанія.

Едва ли менѣе первой интересна

статья А. А. Тамашева «Опыт анализа осенних мотивов в творчестве Пушкина». Выяснив благотворное влияние осени на интенсивность творчества Пушкина, автор переходит к эстетическому разбору осенних мотивов его и некоторых из его современников. Обильный материал, собранный из прозы и стихов поэта, делает возможным целый ряд наблюдений и выводов. Из них наибольшую ценность представляет, справедливо отмеченная С. А. Венгеровым в предисловии, глава об одном стилистическом методе, часто употребляемом Пушкиным в описаниях. Этот метод, называемый г-ном Тамашевым «кольцом», «выражается в расчленении общего положения в более узкие и определенные» (курс автора) в строго постепенном переходе от общего к все более и более частному, и конечном возвращении к исходному положению. К сожалению, автор, по видимому, не придавал этому наблюдению должного значения и не постарался развить его в достаточной мере.

Статья Александра Попова о влиянии французской юмористической поэзии на Пушкина, содержит в себе характеристики французских поэтов XVIII века, совершенно неизвестных у нас, и представляет поэтому интерес не только для пушкинистов. Для последних же она ценна тем, что отмечает влияние на Пушкина ряда поэтов, обыкновенно не упоминаемых в числе его образцов: Жана Батиста Руссо, Грессе, Понс-де-Вердена.

Более специальная статья Юлиана Оксмана, в которой автор делает первую попытку комментировать программу драмы Пушкина о записке Иоанн и одновременно вскрыть психологическую основу интереса Пушкина к этому сюжету.

В общем, сборник заслуживает самого серьезного внимания даже независимо от того, что он со-

ставлен начинающими исследователями.

Небезынтересны и последние несколько страниц, заключающая в себе «Летопись Пушкинских Семинариев». Разнообразие и серьезность проблем, затрагиваемых перечисленными там рефератами, заставляют возлагать самые радужные надежды на последующие выпуски «Пушкиниста».

Д. Выгодский.

М. Павлович. Смерть Жореса. Из дневника эмигранта. Книгоиздательство бывш. М. В. Попова. 1916 г. Стр. 53. Цена 60 к.

Одной из самых туманных и неясных страниц начала великой войны является та страница, где говорится об убийстве великого народного трибуна — Жана Жореса. Вокруг этого факта нагромождено столько различных версий и толкований, что добраться до самой сущности вопроса, ответить, кто действительно является виновником этого преступления, в настоящее время еще невозможно. Брошюра Павловича и не пытается этого сделать. В ней изложены лишь факты, доступные наблюдению постороннего зрителя, касающиеся последних дней жизни Жореса и его кипучей деятельности в то время, когда он еще надеялся, что пожару войны можно будет противопоставить реальную силу народа. До последней минуты ум его работал в этом направлении, мыслью об этом билось его сердце. Он переходил из редакции «L'Humanité» в министерство, отсюда в парламент, и всюду проводил одну и ту же мысль о невозможности допустить войну. Он требовал от правительства и от министерства давления на Россию, в целях недопущения ее вмешательства в конфликт между Австрией и Сербией. Он отлично понимал, что такой шаг со стороны России может, в виду надвигающихся событий, явиться роковым и изо-всех сил ста-

раля не допустить его. Въ брошю-рѣ приведены его рѣчи и статьи по этому вопросу, гдѣ блестяще развита аргументація въ пользу этого взгляда.

Можетъ быть, никогда еще за все время многолѣтней дѣятельности народнаго трибуна яркая звѣзда Жореса не блестяла такъ, какъ въ эти дни. Это была его лебединая пѣсня. Но, къ сожалѣнню, ни его друзья, ни близкіе, ни даже дѣйствительно идейные враги его не подозревали этого.

И для друзей мира и для враговъ его Жоресь былъ вполне определенной фигурой. Недаромъ «Paris Midi» за подписью своего главнаго редактора Мориса-де-Валеффа писало: «Да, да, вотъ какъ будутъ развертываться событія, благодаря вмѣшательству краснаго трибуна. Но неужели вы думаете, что генераль, который наканунѣ войны, имѣя подъ своей командой четырехъ солдатъ и одного капрала, прикажетъ поставить Жореса къ стѣнѣ и разстрѣлять его, не исполнить своего элементарнаго долга. Конечно, и я первый помогу ему».

«Если во Франціи, — писалъ Урбэнъ Гойе, — найдется въ этотъ моментъ хоть одинъ мужественный вождь, Жоресь будетъ приставленъ къ стѣнѣ и разстрѣлянъ одновременно съ расклейкой на стѣнахъ афишъ о мобилизаціи» (стр. 28).

Вотъ наиболѣе громкіе голоса французскихъ империалистовъ, стремившихся къ войнѣ съ такимъ же жаромъ, какъ и ихъ нѣмецкіе собратья.

И такой смѣлый вождь, такой генераль нашелся... Правда, онъ не былъ одѣтъ въ военную форму, онъ не поставилъ Жореса къ стѣнѣ, онъ лишь приподнялъ занавѣску въ окнѣ ресторана, гдѣ сидѣлъ Жоресь, и выстрѣломъ изъ револьвера положилъ предѣлъ его кипучей дѣятельности...

Онъ не былъ одинъ, у него были сообщники: «Вдругъ въ 9½ часовъ въ ресторанъ вошло трое молодыхъ людей. Они повернулись къ группѣ

социалистовъ и пристально посмотрѣли на Жореса. Затѣмъ вышли, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ» (стр. 29). Убійца стрѣлалъ одинъ, но у него были сообщники. Правосудіе официально сдѣлало изъ него сумасшедшаго, объ остальныхъ не говорили... Правительство республики выразило соболѣзнование по поводу «преждевременной кончины самой яркой личности во Франціи... и расклеило объявленія о всеобщей мобилизаціи...»

На похоронахъ Жореса говорились яркія рѣчи; и друзья и противники его проливали слезы, и только народъ безмолвствовалъ. Слишкомъ много было причинъ для этого. Похороны другихъ международныхъ борцовъ за лучшее будущее были демонстраціей силы, вѣры и надежды на будущее. Похороны Жореса происходили въ ту минуту, когда надъ Европой нависли грозовыя тучи, и когда прозвучали уже первые раскаты грома. Ни для кого изъ сопровождавшихъ останки Жореса не было тайной, что уже совершается непоправимое, и что возвратъ уже невозможенъ. Это сознание свинцовой тяжестью легло на мысль, чувство и психику массъ... Тогда впервые на похоронахъ вождя социалистическаго движенія не раздалось пѣнія интернационала. Оно и понятно. «Развѣ Жоресь присутствуетъ на этихъ похоронахъ, гдѣ льется столько горькихъ слезъ, гдѣ произносится столько трогательныхъ рѣчей о немъ, развѣ его мощный духъ витаетъ надъ всей этой убитой скорбью массой, надъ всѣми нами, рыдающими о немъ, развѣ онъ здѣсь, какъ были на своихъ похоронахъ Луиза Мишель, Прессансе, Бель, Зингеръ и многие другіе. На сегодняшнихъ похоронахъ нѣтъ покойнаго товарища и вождя — вѣдь Жоресь былъ не только французскимъ патриотомъ, французскимъ социалистомъ, онъ былъ прежде всего самымъ мощнымъ, самымъ благороднымъ представителемъ интернационала. Великій человекъ, онъ былъ одной изъ тѣхъ исключительныхъ

личностей, значение и роль которых въ необычайной мѣрѣ возрастаетъ въ моменты грандіозныхъ историческихъ событіи и передъ лицомъ разрушительнаго урагана, надвигающагося на весь міръ. Этотъ титанъ, можетъ быть, нашель бы какія-нибудь слова и сдѣлалъ бы какой-нибудь жестъ, на который оказались неспособны Комперъ-Морели, Геды, Браки, Самба, Гриффэли, Жуо, Адлеры, Гаазе, Гюисманы, Шейдеманы, слова и жестъ, которые не предотвратили бы, конечно, катастрофы, но спасли бы честь интернационала... (стр. 51—52).

Такую характеристику даетъ Жоресу авторъ, и эта характеристика безусловно вѣрна. Въ брошюрѣ говорится о Жоресѣ, какъ объ одной изъ центральныхъ фигуръ интернационала, неутомимомъ дѣятелѣ и энергичномъ противникѣ войны. Дается въ ней и краткая схема его кипучей жизни трибуна, публициста и общественнаго дѣятеля. Кусокъ свѣнца положилъ конецъ его горѣнию какъ разъ въ ту минуту, когда жизнь его была особенно нужна для Франціи, Европы и интернационала...

Въ книгѣ Павловича нѣтъ, однако, самаго главнаго. Нѣтъ отвѣта на вопросъ о томъ, кто же виновники убійства Жореса. Тѣ-ли, кто проповѣдывалъ необходимость этого убійства, кто искалъ «смѣлаго генерала»... или тѣ, кто проливалъ лицемерныя слезы у гроба Жореса... Этотъ вопросъ неустанно стоитъ передъ читателемъ, и потому яркая и интересная книга не удовлетворяетъ. Самый больной, волнующій и острый вопросъ остается невыясненнымъ, и признание убійцы сумасшедшимъ, чему, очевидно, не вѣрить и самъ авторъ, не является разрѣшенемъ этого жгучаго вопроса.

Р. Арскій.

А. Н. Пыпинъ. Русское масонство о. XVIII и первая четверть XIX вѣка. Редакция и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. Изд. «Огни». Прг. 1916 г. Цѣна 4 р. 75 к.

Вслѣдъ за собраніемъ статей А. Н.

Пыпина по эпохѣ Александра I (о нихъ см. въ июньской книгѣ «Лѣтописи») появился новый сборникъ его статей, содержание которыхъ объединено приведеннымъ выше заголовкомъ. Статьи, вошедшія въ этотъ огромный томъ, были первоначально напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы», въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и, конечно, давно уже были потеряны для широкихъ круговъ читателей. А. Н. Пыпинъ предполагалъ самъ переиздать ихъ отдѣльной книгой и даже успѣлъ переработать значительную часть ихъ для этой цѣли, но потомъ, будучи отвлеченъ другими вопросами, не успѣлъ осуществить своего намѣренія, и его очерки такъ и пролежали подъ спудомъ вплоть до нашихъ дней, когда заботливая рука Г. В. Вернадскаго извлекла ихъ, наконецъ, изъ праха забвенія.

За это можно быть только благодарнымъ редактору сборника, такъ какъ статьи Пыпина о русскомъ масонствѣ смѣло выдержатъ конкуренцію даже и съ современными работами по этому вопросу. Правда, въ настоящее время мы уже по иному подходимъ и къ масонству, и къ другимъ общественнымъ явлениямъ нашего прошлаго; мы разсматриваемъ ихъ въ самой тѣсной связи съ социальными отношеніями эпохи и отвѣтственно съ этимъ иначе определяемъ и значение такихъ явленій, какъ масонство, въ ходѣ общественнаго развитія Россіи.

Пыпинъ считаетъ масонство XVIII вѣка одной изъ главъ въ исторіи русской общественности или, какъ еще недавно любили говорить, въ «исторіи русской интеллигенціи». Оно, по мнѣнію Пыпина, было только «общей формулой, въ которую могло вкладываться весьма различное содержание», а «характеръ этого новаго содержания зависѣлъ отъ условій и свойствъ того общества, куда масонство находило доступъ». Поэтому, говорить дальше Пыпинъ, «разсматривая исторически масонское движеніе въ извѣстной средѣ и въ извѣстное время, мы прежде всего должны при-

помянуть себя эту относительность его значения. Вносимое в известную общественную среду, оно сохраняло или теряло свой основной характер в той мере, насколько это допускалось или требовалось данными условиями общества, так что в истории, напр., наших лож мы из-за чуждо-собственно явления, перенесенного вликомъ изъ иностранных источниковъ, имѣемъ, однако, возможность слѣдить за историческимъ ходомъ русскаго общества. Въ этомъ и состоитъ исторический интерес этого изучения» (стр. 87—88).

По своему содержанию рассматриваемый сборникъ распадается на двѣ части. Въ первую включены всѣ статьи Пыпина о масонствѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ самъ приготовилъ ихъ для переиздания, а во второй, въ качествѣ «Приложения», помѣшены его «Материалы для истории масонскихъ ложъ» и «Хронологический указатель русскихъ ложъ», оставшіяся въ переработанномъ видѣ, и, кромѣ того, позднѣйшая статья «Notunculus». Въ общемъ, составилась цѣльная работа, дающая, по крайней мерѣ, для XVIII вѣка связную историю русскаго масонства. Въ этой истории особенно важны тѣ главы, гдѣ Пыпинъ выясняетъ значение и роль Новикова въ истории русской общественности. Онъ не разграничиваетъ рѣзко масонскаго періода дѣятельности Новикова отъ предыдущей его дѣятельности, полагая, что «развитіе понятій у него было очень послѣдовательное, безъ всякихъ внезапныхъ перерывовъ и безъ всякихъ перемѣнъ направленія». Съ этой точки зрѣнія и «мистицизмъ» Новикова не былъ «случайнымъ заблужденіемъ», а коренился въ особенностяхъ его психики, которая, въ свою очередь, отражала въ себѣ психику окружающаго общества. Въ силу этого у Пыпина «вопросъ о Новиковѣ, какъ замѣчательнѣйшемъ представителѣ масонскаго движенія въ его время, сводится къ цѣлому вопросу о состояніи русскаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка», характеристикъ котораго въ статьяхъ авто-

ра посвящено немало интересныхъ и поучительныхъ страницъ.

Редакторъ изданія сдѣлалъ все возможное для того, чтобы облегчить пользование этимъ сборникомъ, и снабдилъ его обширными примѣчаниями, въ которыхъ читатель найдетъ и всѣ необходимыя поправки къ тексту Пыпина, и обширную позднѣйшую литературу по масонству. Къ книгѣ приложенъ также и указатель личныхъ именъ.

А. К.—въ.

Я. М. Букшпанъ. Проблема чайной монополии и мировой чайный рынокъ. Петроградъ. 1915. (53+133 стр.). Цѣна не обозначена.

Названная книга представляетъ изъ себя отдѣльный оттискъ изъ «Материаловъ по чайной торговлѣ въ связи съ проектомъ введенія въ Россію чайной монополии»,—материаловъ, издаваемыхъ петроградской чайной и фруктовой биржей. Издатель—лицо заинтересованное.

Первая часть книги посвящена слѣдующимъ 11 очеркамъ: 1) общая оцѣнка монополий, 2) чай и его питьевыя свойства, 3) мировое производство чая, 4) культура чая въ Россіи, 5) кирпичный чай, 6) закупка чая за границей, 7) развѣска байховыхъ чаевъ, 8) себѣстоимость чая, 9) обороты чайной торговли, 10) финансовые расчеты къ проекту чайной монополии и 11) заключение автора, дающее отрицательный отвѣтъ на вопросъ, «можетъ ли казенное хозяйство внести улучшения въ постановку чайнаго дѣла въ Россіи и, давая доброкачественный дешевый продуктъ, получать финансовые результаты, превосходяще нынѣшній таможенный доходъ».

Вторую и большую часть книги составляютъ цѣнныя статистическія таблицы, касающіяся: 1) культуры чая и экспорта изъ странъ производства, 2) привоза чая въ важнѣйшія страны потребления, 3) привоза чая въ Россію, 4) желѣзнодорожныхъ перевозокъ чая въ Россіи, 5) потребления чая и другихъ напитковъ въ Рос-

си и б) цѣнъ чая на разныхъ рынкахъ.

Обращаясь къ содержанию работы г. Букшпана, слѣдуетъ отмѣтить, что она направлена противъ двухъ проектовъ чайной монополии проф. П. Мигулина и третьяго—М. Е. Синюкова.

Проекты (или точнѣе расчеты) проф. Мигулина—это этюды на тему о тѣхъ баснословныхъ барышахъ казны, которые получаются, если принудить потребителей дешевыхъ чаевъ пить дорогіе чай. Проектъ же г. Синюкова, предполагающій въ общемъ удешевленіе чаевъ, возбуждаетъ сомнѣнія лишь съ казначейской точки зрѣнія, а именно, выгодность его для казны по сравненію съ увеличеніемъ выручки отъ таможеннаго обложения чаевъ при ростѣ потребления ихъ.

Слабость проекта г. Синюкова заключается въ томъ, что при пониженіи средней продажной цѣны всякаго чая на 3%, онъ ожидаетъ роста потребления всѣхъ чаевъ на 31%. Такой результатъ мало вѣроятенъ и въ томъ случаѣ, если учитывать запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ.

Что касается частностей аргументаціи г. Букшпана, то первую главу его работы съ общей оцѣнкой монополій надо признать довольно слабой; совершенно неосновательно авторъ высказываетъ сужденіе, что «приводить тѣ или иные случаи неудачныхъ монополій, нѣсколькихъ, многихъ,—еще не значитъ огульно осу-

ждать казенное хозяйство: не въ этомъ центрѣ его тяжести». Но сейчасъ не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса.

Изъ доводовъ г. Синюкова въ пользу монополии г. Букшпаномъ напрасно оставленъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о засоренности чаевъ и весьма мало убѣдительно доказывается трудность скупки ихъ. Далѣе, появленіе на мировомъ рынкѣ такого крупнаго покупателя, какимъ была бы наша казна, должно будетъ подѣйствовать на цѣны чаевъ понижательно, а не повышательно, какъ думается г. Букшпану, если даже учитывать спекуляцію и тотъ толчекъ къ объединенію, который получили бы отъ этого появленія продавцы. Врядъ ли наше утвержденіе нуждается въ доказательствахъ. На рынкѣ побѣждаетъ, вѣдь, сильнѣйшая сторона, которой и будетъ въ этомъ случаѣ наша казна.

Можно было возразить автору кое что и по поводу проскальзывающей у него апологии «качествъ, присущихъ живой коммерческой дѣятельности». Но, т. к. мы все время вращаемся между Сциллой этихъ чудныхъ качествъ и Харибдой не менѣе чуднаго чиновничьяго веденія дѣлъ, то приходится естественно воздержаться отъ спора на тему о томъ, которое изъ этихъ двухъ золъ меньше. Изложеніе у г. Букшпана совершенно ясно, и книга доступна кому угодно.

А. Никитскій

КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕ- ДАКЦЮ.

- Авляновъ, Б.** *«Настоящее и будущее народного хозяйства России»*. Изд. «Жизнь и Знание» П. 1916 г. Стр. 86. Ц. 65 коп.
- Австей, Ф.** *Мѣдный кувшинъ*. Романъ. Пер. съ англ. В. Кошевичъ. Изд. «Сѣверные дни» М. 1916 г. Стр. 202. Ц. 1 р. 75 к.
- Бобровъ, Сергѣй.** *«Записки стихотворца»*. Изд. «Мусагетъ» М. 1916 г. Стр. 92. Ц. 1 руб.
- Боголюбовъ, В. Н. И.** *Новиковъ и его время*. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. 485. Ц. 3 р. 50 к.
- Божидаръ.** *Распивоочное единство*. Редакция и комментарии Сергѣя Боброва. «Центрофуга». М. MDCXXXVI Стр. 84. Ц. 1 р. 25 к.
- Большаковъ, Константинычъ.** *«Солнце на излетъ»*. 2-ая книга стиховъ 1913 — 1916. Книгоиздат. «Центрофуга». М. 1916. Стр. 63. Ц. 1 р. 25 к.
- Брюсовъ, В.** *«Семь цвѣтовъ радуги»*. Стихи 1912—1915 года М. 1916 г. Изд. К. Ф. Некрасова. Стр. 233. Цѣна 2 руб.
- Василевскій, И.** (Не Буква). *«Героиня нашего времени»* Памфлетъ. Новая Библ.-ка «Журналъ-Журналовъ». Изд. Т-ва «Печать» №2. П. 1916. Стр. 143. Ц. 40 коп.
- Васильевъ, В. В.** (Ясавъ). *«Русскіе самородки»* со вступительнымъ очеркомъ А. А. Коринфскаго I ч. Стр. 220, ц. 75 коп.
- Вечеръ «Триремъ»**. Лазарету дѣятели искусства. П., 1916. Стр. 31. Цѣна 60 к.
- Годъ трезвости въ Казанской губерніи**. Изд. Казанскаго Губернскаго Земства. Казань. 1916. Стр. 171. Ц. 1 р.
- Гребенщикова, Г.** *«Змѣи Горынычъ»* Изд. «Огни»—2-ая книга П., 1916 г. Стр. 154. цѣна 1 р. 25 к.
- Гинзоургъ-Гальперина, Е.** *«Мировая война и судьбы международнаго права»*. П. 1916. Стр. 64. Ц. 50 коп.
- Гишусъ, З.** *«Зеленое кольцо»*. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. «Огни». П. 1916 г. Стр. 147. Ц. 1 р. 25 к.
- Дарекли, Д.** *«Радость земли»*. Исследование лирики Фета. Изд. К. Ф. Некрасова М. 1916 г. Стр. 206. Ц. 2 р.
- Загряцковъ, М. Д.** *Земская служба и социальное страхование*. (Къ во-просу о земскихъ пенсіонныхъ кассахъ). Скл. изд. Магазины «Высшая Школа». М., Б. Полянка 60. М. 1916. Стр. 34.
- Ивановъ, Г. И.** *Картины России по географическимъ областямъ*. Учебникъ географіи России для младшаго возраста. Изд. Г. И. Ивановъ. П. Стр. 80. Цѣна 60 к.
- Иркутскіе вечера**, (стихи). Альманахъ 1-ый. Изд. группы поэтовъ. Иркутскъ. Стр. 79. Ц. 1 руб.
- Канапова, Зоя.** *«Я и Миръ»*. Изд. «Жизнь и Знание» П. 1916. стр. 148. Цѣна 1 р.
- Ковалевскій, М. Н.** *Путешествіе Екатерины II въ Крымъ*. Изд. Н. Ф. Некрасова. М. 1916. стр. 140. Цѣна 50 коп.
- Ковальскій, К. и О.** *«Двуликій Богъ»*. Романъ. Т. I. Ч. I и II. Изд. «Жизнь и Знание» П. 1916 г. Стр. 290. Ц. 1 руб. 50 к.
- Ковальскіе, К. и О.** *«Двуликій Богъ»*. Романъ Т. II, Ч. III и IV. Изд. «Жизнь и Знание» П. 1916 г. Стр. 282. Ц. 1 руб. 50 к.
- Кондурушкинъ, С.** *«Въ солнечную ночь»*. Изд. «Огни». 1-ая книга П. 1916 г. Стр. 145. Цѣна 1 р. 25 к.
- Копкаровъ, С. Н.** *«Говоръ зорь»* 19. М. Стр. 38. Ц. 20 коп.
- Либровичъ, С. Ф.** *«Исторія мѣднаго всадника»*. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ вып. IV.
- Ляндау, Константинычъ.** *«У темной двери»* Стихи. Изд. В. В. Пашуканиса. М. 1916 г. Стр. 33. Ц. 50 коп.
- Мижневъ, П. Г.** *Национальный минимумъ. Заработная плата*. Изд. Высшихъ Ком. Кур. М. П. Побѣдинскаго. П. 1916 г. Стр. 27 стр. Ц. 70 к.
- Морозовъ, Иванъ.** *«Красный звонъ»*. Стихотворения. М. 1916 г. Стр. 69. Ц. 40 к.
- Новиковъ, Иванъ.** *Золотые кресты* Романъ. Изд. 2-е. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1916. Стр. 223. цѣна 1 р. 80 к.
- Новиковъ, Иванъ.** *Изъ жизни духа*. Романъ, изд. 2-ое, Изд. К. Ф. Некрасова, М. 1916 г. Стр. 269. Ц. 1 р.
- Ордынцевъ-Кострички, М. Д.** *«Опальный князь»*. Историческая повѣсть.

- съ рис. К. Фридберга и кн. укр. П. Чеснокова. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. П. 1916 г. Стр. 271. Цѣна 3 р. 50 к.
- Отчетъ по устройству Всероссийской гигиенической выставки въ П-дѣ 1913 года.** П., тип. Минист. Пут. Сообщенія 1915 г.
- Плоховъ, Павелъ.** *Человѣкъ здраваго смысла* и др. рассказы. Скл. изд.: Москва. Б. Дмитровка, 26. М. 1916. Стр. 221. Ц. 1 р.
- Роландъ, Эшеръ.** *«Лангерманнизмъ».* Сокр. переводъ Фанъ-деръ-Флита. Изд. «Огни», П. 1916 г. стр., 114. Цѣна 1 руб.
- Рубинштейнъ, Борисъ.** *«Букетъ мгно-веній»* Стихи съ предисл. Д. Бланкъ. М. 1916 г. стр. 93, цѣна 1 р. 75 к.
- Скворцовъ, Л. М.** *Русское Искусство.* Д. Г. Левицкий 1735—1822. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1916. Цѣна 75 к.
- Суриковъ, И. З.** *Пѣсни - стихи.* подъ ред. Г. Д. Дѣва - Хомяковскаго, изд. журн. «Доброе Утро» М. Стр. 34. Цѣна 15 к.
- Тахтаревъ, К.** *Соціологія, какъ наука.* Изд. «Жизнь и Знаніе» П. 1916. стр. 81. Ц. 1 руб.
- Труды съезда по улучшенію отече-ственныхъ лечебныхъ мѣстностей.** Изд. Бюро Съезда подъ редакціей Д-ра мед. П. Н. Булатова. П. Тип. Мин. Пут. Сообщенія Т. I, Вып. I, 2 и 3; Т II, Вып. 4 5 и 6.
- Уильямъ Дя. Локкъ.** *Другъ человѣчества.* Романъ. Пер. съ англ. З. Журавской. Изд. «Сѣверные дни». М. 1916 г. Стр. 238. Цѣна 2 р.
- Флаишговсъ, В. Янъ Гусъ.** Пер. Е. Петровской подъ ред. Н. Петровскаго. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. 661. Ц. 2 р. 75 к.
- Хижняковъ, В. М.** *«Воспоминанія земскаго дѣятеля».* Библ.-ка мемуаровъ «Огни». П. 1916. Стр. 251. Ц. 2 р. 25 коп.
- Шапиръ, Ольга.** *«Въ бурные годы».* Романъ С. П. 1907 г. Стр. 589. Ц. 2 р.
- Шапиръ, Ольга.** *«Роза Сафона».* По-вѣсть. П. 1910 г. Стр. 282. Ц. 1 р.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. О. Радзшевскій.

РУССКО-АЗІАТСКІЙ БАНКЪ

ПРАВЛЕНІЕ въ Петроградѣ, Невскій, 62.

Складочный капиталъ	Руб. 55.000.000
Командита Кит. Прав.	Куп. Таалей 3.500.000
Запасные капиталы	Руб. 27.200.000

ГОРОДСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ БАНКА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ
на Садовой ул., домъ № 48 (близъ Овняной площади).

ОТДѢЛЕНІЯ И АГЕНТСТВА

Въ Европейской и Азіатской Россіи и заграничѣй

Андижанъ	Ейскъ	Минскъ	Ростовъ-на-Дону
Армавиръ	Екатеринбургъ	Минусинскъ	Рыбинскъ
Астрахань	Екатеринодаръ	Москва	Самара
Асхабадъ	Елецъ	Наманганъ	Самаркандъ
Ачинскъ	Ефремовъ	Нижній-Новгородъ	Саратовъ
Баку	Иркутскъ	(во время ярем.)	Семипалатинскъ
Валашовъ	Йоногама	Николаевскъ на	Соча
Барнаулъ	Казань	Амуръ	Срѣтенскъ
Батумъ	Карачи	Николаевскъ Сам.	Старый Осколь
Бійскъ	Кашгаръ	Новозыбковъ	Ташкентъ
Благовѣщенскъ	Керки	Ново-Николаевскъ	Тверь
Бомбей	Кизилювъ	Новороссійскъ	Троицкосавскъ
Борисоглѣбскъ	Клинцы	Ново-Ургенчъ	Туапсе
Бутурлиновка	Козловъ	Новочеркасскъ	Тяньцзинь
Бухара	Кокандъ	Ньючвангъ	Усть-Чарышская
Бѣжецкъ	Коломбо	Одесса	Примт.
Верхнеудинскъ	Константиноградъ	Омскъ	Хабаровскъ
Вильна	Краснофимскъ	Орель	Хайларъ
Витебскъ	Красноярскъ	Парижъ	Ханькоу
Владивостокъ	Кронштадтъ	Пекинъ	Харбинъ
Владикавказъ	Куанчендзы	Пенза	Харьковъ
Воронежъ	Кузнецкъ	Петровскъ (Дат.)	Херсонъ
Вѣрный	Кульдна	Покровская Сло- бода	Череповецъ
Гомель	Лябава	Прилуки	Чита
Гонгконгъ	Лондонъ	Разсказово	Чифу
Грозный	Маргеланъ	Рига	Чугучанъ
Дальній(Дайренъ)	Маріуполь	Рославль	Шанхай
Дербентъ	Мервъ		Якутскъ

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ «СИНОРУСЪ».

Банкъ имѣеть корреспондентовъ во всехъ мѣстностяхъ Россіи и заграничѣй.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ Сибирскаго Торговаго Банка

на 1-ое іюня 1916 года.

Правленіе Банка—въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Анкерманѣ, Акмолинскѣ, Андиганѣ, Архангельскѣ, Барнаулѣ, Бирскѣ, Бійскѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (Старой), Верхнеудинскѣ, Верхнеуральскѣ, Виндавѣ, Владивостокѣ, Вѣрномѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитской Ярмаркѣ (съ 25 января по 24 февраля), Иркутскѣ, Кавинскѣ (Томской губ.), Кампѣ (Томской губ.), Конандѣ, Красноярскѣ, Купгургѣ, Курганѣ, Кустанавѣ, Минусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 іюля по 31 августа), Никольскѣ-Уссурийскомѣ, Ново-Николаевскѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Перми, Петропавловскѣ (Акмолинск. обл.), Проскуровѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Сарапулѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбург. губ.), Тюмени, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія Отдѣленія: въ Петроградѣ—на Калашниковской Биржѣ и при Ското-промышленной и Мясной биржѣ и въ Москвѣ—близъ Мясной Биржи, въ Гавриковомъ переулкѣ, въ Замосворѣчѣ, на Кузнецкомъ мосту, на Преображенской пл., на Серпуховской пл., у Сухаревой Башни, на Таганской пл. и въ Марьяной Рощѣ.

Коммисіонеры: На Зѣль-пристаніи, въ Канскѣ (Енисейск. губ.), Котельничѣ, Котласѣ, Николаевскѣ и Амурѣ, и Городеки: въ Петроградѣ—на Знаменской площади и въ Москвѣ—на Смоленскомъ рынкѣ.

	Правленіе.		Отдѣленія.		В СЕГ О.	
	Руб.	К.	Руб.	К.		Руб.
А К Т И В Ъ.						
Касса: наличность и текуще счета въ Госуд. и частныхъ Банкахъ	4.182.145	12	9.103.375	47	13.285.520	59
Учетъ векселей, торг. обязат. тиражныхъ цѣн. бум. и текущ. купон.	31.291.286	80	28.421.276	22	59.712.563	02
Сеуды подѣ обеспеченіе.	85.927.941	27	71.295.040	90	157.222.982	17
Покупка золота и драг. метал.; при надл. Банку, тратты на загр. мѣста и иностр. ден. знаки	192.377	06	418.167	08	610.544	14
Цѣнные бумаги, принадл. Банку.	11.484.360	79	8.907.891	24	20.392.252	03
Счетъ Банка съ Отдѣленіями.	—	—	75.510.161	23	79.510.161	23
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (logo)	267.631.959	94	10.827.642	41	218.459.802	05
2. По сч. Банка (ostro): свободн. суммы въ распор. Банка	5.698.784	74	640.356	49	6.339.640	93
Протестов. векс. и торг. обязат.	13.439	82	253.359	63	266.799	45
Протерченныя сеуды	53.087	46	284.695	82	337.783	28
Текущіе расходы	617.317	13	1.403.001	10	2.220.318	23
Расходы, подлежаще возврату.	—	—	19.845	80	19.845	80
Недвижимое имущество	3.779.213	63	2.294.939	93	6.074.153	61
Движимое имущество, обзав. и устр.	154.995	64	508.334	23	663.329	92
Переходящія суммы	3.521.390	21	3.281.299	43	6.802.689	64
И Т О Г О	354.748.299	61	217.170.086	48	571.918.386	09

П А С С И В Ъ.						
Складочный капиталъ	20.000.000	—	—	—	20.000.000	—
Запасный капиталъ	10.000.000	—	—	—	10.000.000	—
Запасныя прибыли	1.000.000	—	—	—	1.000.000	—
Запасной дивидендъ	4.000.000	—	—	—	4.000.000	—
Вклады: на текущ. сч., безср. и срочн.	121.325.442	88	197.821.880	96	319.147.323	84
Капиталъ погаш. австр. по нед. им. Б.	294.562	02	379.014	33	673.576	35
Долгъ Г. Б. 1) по сп. сч. подѣ векс. и % Б.	—	—	603.600	—	603.600	—
2) по переучету векс.	—	—	3.381	—	3.381	—
Счетъ Банка съ Отдѣленіями.	73.509.172	73	—	—	73.509.172	73
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (logo): своб. сум. въ распоряжен. корresp.	62.927.362	69	2.961.503	21	65.888.865	90
2. По счетамъ Банка (ostro): сум. мы, остающ. за Банк.	52.652.090	36	1.200.573	84	53.852.664	20
Акцептованныя тратты	252.524	91	2.197.386	11	2.449.911	02
Невыплаченный по акт. Банка дивид.	795.557	50	—	—	795.557	50
Проценты, подлежаще упл. по текущимъ счетамъ и вклад.	1.666.302	58	3.099.197	87	4.765.500	45
Полученныя % и комиссія за исключеніемъ %, исчислен. по вкладамъ и текущимъ счетамъ	2.641.150	69	1.451.053	04	4.092.203	73
Переходящія суммы	3.684.133	25	7.452.496	12	11.136.629	37
И Т О Г О	354.748.299	61	217.170.086	48	571.918.386	09

Цѣнности на храненіи	148.692.113	19	121.495.468	14	270.187.581	33
Векселя на комиссію	5.510.380	61	20.813.745	75	26.384.126	36
Номинальная стоимость акцій Р. 250.						

Уплата дивиденда произв. въ Правленіи Банка въ Петроградѣ и во всѣхъ его Отдѣл.

15641.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. В. ПОПОВА, ВЛАДЪЛЕЦЪ **М. А. ЯСНЫЙ.**

Петроградъ, Невскій пр., 66.

— НОВЫЯ ИЗДАНИЯ: —

М. Павловичъ. <i>Смерть Жореса. Изъ дневника эмигранта</i>	Цѣна — р. 60 к.
Ллойдъ-Джорджъ. <i>Рѣчи во время войны</i> . 2-ое изд.	» 1 » 50 »
Вл. Войтинскій. <i>Внѣ жизни. Очерки тюрьмы и каторги</i>	» 1 » 25 »
Р. Григорьевъ. <i>Недавнее</i> . Романъ ч. I и II	» 2 » 25 »
» » <i>На ущербѣ</i> . Романъ	» 1 » 50 »
Вл. Беренштамъ. <i>Изъ пережитаго</i>	» 1 » 25 »
Г. Магнитскій. <i>Докторъ Орловъ</i> . Романъ въ 3-хъ ч.	» 2 » — »
Г. Доброправовъ. <i>Горькій цвѣтъ</i> . Разказы	» 1 » 50 »
Бор. Садовской. <i>Лебединые клики</i> . Повѣсти	» 1 » 25 »
» » <i>Адмиралтейская игла</i> . Разказы	» 1 » 25 »
П. Покхерстъ. <i>Моя жизнь</i> . Записки суффражистки	» 2 » — »
Г. В. Плехановъ. <i>О войнѣ</i> . Изд. 3-ье	» — 75 »
» » <i>Дневникъ соц.-демократа</i> , № 1	» — 40 »
Н. Сухановъ. <i>Наши львыя группы и война</i> . 4-е изд.	» — 50 »
» » <i>Къ кризису социализма</i> . Изд. 2-е. По поводу «военныхъ» выступленій Г. В. Плеханова	» — 30 »
Н. Сухановъ. <i>Наши направленія. Марксизмъ и «народничество»</i> . Изд. 2-ое	» 1 » — »
«Отечество». <i>Сборникъ национальныхъ литературъ Россіи</i>	» 3 » 75 »
Левъ Игдановъ. <i>Подъ властью фаворита</i> . Романъ	» 2 » 50 »
С. А. Золотаревъ. <i>Диаграмма по истории русской литературы</i>	» — 80 »
Б. Верхоустиаскій. <i>Маленькая буря</i> . Романъ	» 1 » 50 »
Готье, Теофиль. <i>Эмали и Камей</i> . Перев. Гумилева	» 1 » 50 »
М. М—скій. <i>Отъ бурсы до снятія сана</i> . Дневникъ священника	» 1 » 25 »
Савватій. <i>Тетрадь въ сафьянѣ</i> . Повѣсть. 5-ое изд.	» 1 » 25 »
А. Сваревій. <i>Въ чертъ</i> . Разказы	» 1 » — »
Ю. Слезкинъ. <i>Ольга Орвъ</i> . Романъ	» 1 » 25 »
» » <i>Глупое сердце</i> . Разказы	» 1 » 50 »
Ю. Дюркгеймъ и Е. Д—ни. <i>Кто хотѣлъ войны «Въ тылу»</i> . Литературно-художественный альманахъ	» 2 » — »
Евг. Замятинъ. <i>Уѣздное</i> . Повѣсти	» 1 » — »
И. Кантъ. <i>Критика чистаго разума</i>	» 3 » 50 »
» » <i>Критика способности сужденія</i>	» 1 » 50 »
Ланге. <i>Исторія материализма</i>	» 1 » 50 »
О. Ранкъ. <i>Значеніе психоанализа въ наукахъ о духѣ</i>	» 1 » 50 »

Каталоги съ отзывами высылаются по требованію.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

ЛѢТОПИСЬ

ПРИНИМАЕТСЯ

только со 2-ой четверти года

(съ апрѣля мѣсяца), такъ какъ первыя три книги (январь, февраль и мартъ) разошлись цѣликомъ.

Новые подписчики, внесшіе подписную плату за журналъ съ 1-го апрѣля **ДО КОНЦА 1916 года**, получаютъ первыя главы (I—IV) «Въ людяхъ» М. ГОРЬКАГО бесплатно.

Журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

Литература и искусство. Литературно-критическіе очерки. Театръ. Музыка. Живопись.

Иностранная жизнь. Ежемѣсячный обзоръ международной жизни и политики. Корреспонденціи: изъ Франціи, Англии, Швейцаріи, Германіи, Даши, Голландіи, Швеции, Соед. Штатовъ.

Внутреннее обзрѣніе. Политическая жизнь. Экономика, финансы. Самоуправленіе. Украины. Рабочій вопросъ. Школа. Церковь.

Наука и философія.

По Россіи. Бытъ провинціи. Факты, обзоры и наблюденія провинціальной жизни.

Библиографія. Систематическіе обзоры литературы. Критическія замѣтки и рецензіи.

Подписная цѣна: — на — **1** — на — **3** — на — **6** — на — **9**
съ 1 апрѣля: 1 мѣс. 1 р. 3 мѣс. 3 р. 6 мѣс. 6 р. 9 мѣс. 9 р.

Предполагаемое содержаніе августовской книги:

Беллетристика: М. Горькій. «Въ людяхъ». — В. Шишковъ. «Тайга». — М. Черноновъ. «Бурый». П. Милль. «Монархъ». Г. Дж. Уэллсъ. «Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна».

Статьи: П. Юшневича. К. Залевского. Я. Давидзона. И. Манухина. В. Войтинскаго. М. Смитъ. А. Лозовскаго. Р. Григорьева. В. Вольснаго. А. Диноэль и др.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 р. 75 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы и редакціи:

Петроградъ, Б. Монетная, 18. — Телеф. 108-91.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ѳ. Радзишевскій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

ПЕТРОГРАДЪ, БОЛ. МОНЕТНАЯ, 18, кв. 4.

Поступилъ въ продажу:

Сборникъ **АРМЯНСКОЙ** литературы подь ред. **М. Горькаго**. Цѣна 2 руб.

Печатаются:

Сборникъ **ЛАТЫШСКОЙ** литературы. Подь редакцией **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительной статьей **И. Янсона**.

Сборникъ **ФИНЛЯНДСКОЙ** литературы. Подь редакцией **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительными статьями д-ра **Таркйайнена** и д-ра **Э. Невалинна**.

М. ГОРЬКІЙ. Статьи 1905—1915 г.г. Сборникъ.

М. ГОЛЬДШМИДТЪ. **Еврей**, романъ. Переводъ **М. П. Благовѣщенской**.

В. МАЯКОВСКІЙ. **Простое, какъ мычаніе**. Сборникъ стихотвореній.

•••••

Готовятся къ печати:

Сборникъ **ЕВРЕЙСКОЙ** литературы. Подь редакцией **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ЛИТОВСКОЙ** литературы. Подь редакцией **Ю. К. Балтрушайтиса**.

Сборникъ **УКРАИНСКОЙ** литературы. Подь редакцией **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ТАТАРСКОЙ** литературы.

АВГУСТЪ ❧❧❧❧❧ 1916.❧❧❧❧❧ ПТРГ.

ЪТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ. ❧ ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга. ❧ М. ЧЕРНОКОВЪ. Бурый. ❧ ИВ. БУНИНЪ. Стихотворенія. ❧ ПЪЕРЪ МИЛЛЬ. Монархъ. ❧ Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. ❧ К. З. Современная Польша. ❧ П. ЮШКЕВИЧЪ. Принципъ относительности и новое учение о времени. ❧ К. ТИМИРЯЗЕВЪ. Памяти друга. ❧ И. ДАВИДЗОНЪ. О спекуляци. ❧ П. СУРОЖСКІЙ. По Маринскому водному пути. ❧ В. ВОЛГИНЪ. Изъ иностранной хроники. ❧ М. СМИТЪ. Факты английской общественности. ❧ Н. ЕГОРОВЪ. Письмо изъ Франци. ❧ АД. БЪЛЬСКІЙ. Жизнь „Ивана“. ❧ В. ВОДОВОЗОВЪ. Къ отставкѣ Сазонова. ❧ М. ПЕТРОВЪ. По поводу предстоящей реформы земства. ❧ А. НИКИТСКІЙ. Война и биржа. ❧ Н. ОСИНСКІЙ. Твердыя цѣны и аграрныя вождельнія. ❧ БИБЛЮГРАФІЯ.

Цѣна 1 руб. 75 коп.